PK-2
K-107
1861: N2
16159

1551

K107
16159

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимірѣ Мономахѣ.

1861

ФЕВРАЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

59
a

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 7-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

26 февраля, утромъ, въ 5½ ч., скончался Тарасъ Григорьевичъ *Шевченко*, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни.

Мину́лися мої слёзи,
Не рве́тця, не пла́че
Пото́чене старе́ се́рце
И о́чи не бачять....

Кто зналъ его какъ поэта и человѣка, пойметъ всю великость нашей утраты. Украина отвѣтитъ стономъ на страшную вѣсть о смерти *на́шого ба́тька:* такъ всѣ привыкли называть *Тараса*. Она потеряла въ немъ свое, самое горячее сердце, свою славу, свою печаль и отраду, свою *болѣзнь и здоровье*. Теперь Украина дѣйствительно *вдова́ – сироти́на, сирота́–небо́га*, какъ онъ называлъ ее въ своихъ вѣчно–юныхъ, полныхъ безграничной любви и тоски, истинно–народныхъ созданіяхъ.

Тарасъ Григорьевичъ умеръ не дождавшись нѣсколькихъ дней до обнародованія Манифеста 19 февраля, который принесъ давно–ожидаемое облегченіе его роднымъ и десятку милліоновъ соотечественниковъ: это была самая горькая насмѣшка судьбы надъ Шевченкомъ... но оттого еще какъ будто чище и возвышеннѣе становится его любовь къ народу, стоившая ему обильныхъ слёзъ.

Заги́нула ёго́ голо́вонька
Бе́зъ ро́ду–роди́ни,
Безъ ві́рної дружи́ни...

но гробъ его окружала огромная семья людей, сочувствующихъ истинному достоинству, безъ различія вѣрованій и народностей. Могила Шевченка, гдѣ бы она ни была, будетъ вовѣки священна: теперь она посѣщается знакомыми и незнакомыми ему при жизни, и вся укрыта свѣжими вѣнками.

Сла́ва ёго́ не вмре́, не поля́же!

«Основа» употребитъ всевозможныя старанія записать на своихъ страницахъ все, что̀ можетъ увѣковѣчить память поэта.

Вслѣдъ за 2-ой книжкой «Основы» подписчики получатъ «Воспоминаніе о Шевченкѣ и его погребеніи», при которомъ— столь памятнымъ для всѣхъ образомъ — высказалось глубокое сочувствіе къ усопшему.

Въ нашихъ рукахъ теперь находится драгоцѣнное собраніе неизданныхъ его стихотвореній, лично намъ переданныхъ поэтомъ при первой вѣсти объ осуществленіи южнорусскаго вѣстника, и подлинный дневникъ Шевченка, съ 1857 по 1858 г., сообщенный намъ близкимъ его другомъ. Радуемся вмѣстѣ съ нашими читателями, что не все сокрылось для насъ въ этой безвременной могилѣ.

Усердно просимъ многочисленныхъ друзей и почитателей Тараса Григорьевича и вообще всѣхъ, кому дорога̀ память объ немъ, сообщать намъ его стихотворенія, письма и вообще біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, а также и о родныхъ его. Редакція съ благоговѣніемъ сохранитъ подлинныя письма и другія бумаги Шевченка и, по требованію, будетъ въ цѣлости возвращать подлинники тѣмъ, кто ихъ доставитъ. Всякая замѣтка, всякій случай, касающійся такого человѣка какъ Шевченко, имѣетъ великую важность. Многое позабудется и исчезнетъ навсегда, если не будетъ записано тотчасъ, когда вѣсть о смерти поэта–художника вызоветъ разнообразныя воспоминанія въ каждомъ, кто что–нибудь объ немъ знаетъ. На насъ, Украинцахъ, лежитъ непремѣнный долгъ соорудить надъ свѣжей могилой народнаго пѣвца памятникъ, достойный его и народа: къ такому чистому и справедливому дѣлу каждый, навѣрно, приложитъ дѣятельное участіе.

КОБЗАРЬ.

VI.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦЯ.

ПОЭМА.

Я. Г. КУХАРЕНКОВІ.

(на пам'ять 7 мая 1857 року.)

Не на Вкраіні, а далéко —
Ажъ за Урáломъ, за Элéкомъ,
Старúй недóбитокъ — *варнáкъ* (1)
Мині роскáзувавъ оттáкъ
Про сю Кринúцю Москалéву;
А я, сумýючи, списáвъ,
Та рúтому нúщечкомъ додáвъ, —
Та невелúчку и дешéву
(Звичáйно, крáдене!) зобгáвъ
Тобі поэму на помúни,
Мій дрýже щúрий, мій едúний!

I.

Після́ *велúкої зімú*,
За Катерúни за Царúці,
Москáль ту вúкопавъ кринúцю,
А якъ вінъ вúкопавъ — то ми
Оцé й роскáжемо въ пригóді,

(1) Клейменый каторжникъ.

А-ви запи́суйте: не шко́дить
Таку́ю річъ и записа́ть —
Бо се́ не ка́зка, а били́ця,
Або́ бува́льщина, сказа́ть.
Отта́къ пишіть: була́ крини́ця...
Ні, не крини́ця, а село́ —
Пишіть — давно́ колись було́
Між и́ сада́ми, при доли́ні,
Таки́ у насъ, на Украіні,
Було́ те Бо́жее село́.
Въ селі тому́ вдова́ жила́,
А у вдови́ дочка́ росла́
И синъ малолітокъ.
До́бре ма́ти дітокъ
Бага́тому: хвали́ть Бо́га
Въ роско́шахъ; а вбо́гій
Вдові не до то́го:
(Бо залили́ за шку́ру са́ла —
Тро́хи не пропа́ла) —
Ду́мала ити́ въ черни́ці,
Або́ утопи́тись,
Такъ жа́ль мале́нькихъ дітокъ ста́ло
(Звича́йне, ма́ти! — що́ й каза́ть!)
Та, мо́же, жда́вся-таки́ й зять,
Бо вже Катру́ся підроста́ла, —
(Катру́сею вдовівна зва́лась), —
Чи вікъ же ій продівува́ть,
Зноси́ти брівоньки ні за́ що?
Хиба́ за те́, що сирота́?
А красота́-то, красота́!..
Мій Бо́же ми́лий! А труля́ще,
А чепурне́, та роботя́ще,
Та ти́хе... бачъ, и сирота́,
А всімъ була́ на-вдивови́жу;
Бува́ло, ви́гляне изъ хи́жі,
Якъ та́я квіточка зъ роси́,
Якъ те́е со́нечко зъ-за хма́ри:
Весь похоло́ну, не живи́й

Стою́, бува́ло...
Ані ка́ра,
Ні му́ки, кайда́ни,
Ніже літа́, си́ну,
Тії си́ли не втоми́ли...
Отта́къ и заги́ну, —
Такъ и заги́ну, — бо дивúся:
Сме́рті сподіва́юсь,
А рида́ю, мовъ дити́на,
Тільки-що згада́ю
Катери́ну... Слу́хай, си́ну,
Мій дру́же еди́ний!
Слу́хай до́бре, та запи́суй, —
Та на Украíні,
Якъ Бо́гъ тебе́ допрова́дить,
То роскажи́, си́ну,
Що ти ба́чивъ дия́вола
Своíми очи́ма!..

II.

Такъ, ба́чишъ, дівонька отта́
Росла́ собі; и роботя́щий
(Бо всю́ди си́роти — леда́що)
У на́ймахъ ви́рісъ сирота́,
Нена́че ба́тькова дити́на.
Ото́жъ, той са́мий сирота́
У на́ймахъ, сякъ собі, то та́къ,
Придба́въ сіро́ма грошенятъ,
Оде́жу спра́вивъ, жупани́ну,
Та не відсíль и не відтíль
Купи́въ садо́чокъ и хати́ну,
Подя́кувавъ за хлíбъ, за сіль
И за нау́ку до́бримъ лю́дямъ,
Та до вдовівни навпросте́ць
Шеле́сть за рушника́ми!..
Не торгува́лись зъ старости́ами,
Якъ те бува́ зъ багатирями,

Не торгува́всь и паноте́ць
(На ди́во лю́дямъ та на чу́до!) —
За три́ копи́ звінча́въ у бу́день,
Безъ пи́хи, та́къ, якъ довело́сь...
Отту́тъ-то, го́лубе мій си́зий,
Отту́тъ-то й ли́хо почало́сь.

III

Уже́, либо́нь, після́ Покро́ва
Верта́вся зъ До́ну я, та зно́ву —
(Бо я́ вже дві́чі посила́въ
До ді́вчини за рушника́ми) —
Посла́ть и въ тре́йте міркува́въ, —
Та съ чумака́ми, та зъ вола́ми,
Якъ разъ въ неділю на весілля
До удовівни причвала́въ.
Пропа́ло, все добро́ пропа́ло,
Ані щіти́нки не оста́лось!..
Пропа́въ и я, — та не въ шинку́,
А на *коби́лі*... На віку́
Всі лю́де ба́чять ли́хо, си́ну;
Але́ тако́го, мій еди́ний,
Тако́го лю́того — ніхто́,
Ніхто́ и зда́лека не ба́чивъ,
Якъ я, лука́вий! А тимъ ча́сомъ
Просо́хли о́чи у вдови́:
Нена́че въ Бо́га за двери́ма,
У зя́тя та въ си́на
Стара́ собі спочива́е,
А на Катери́ну,
На дитя́ свое́ еди́не,
Тільки поглида́е.
А я въ шинку́ съ пьяни́цями
Ду́шу пропива́ю, —
Та й пропи́въ! Запро́давъ ду́шу, —
И ду́шу и тіло:
Тіло ка́тові, а ду́шу..,—

О, Бо́же мій ми́лий!
Хотілося бъ жить на сві́ті,
Та-ба! тре́ба вчи́тись —
Ще зма́лечку тре́ба вчи́тись —
Якъ на сві́ті жи́ти,
А то би́тимуть, та й ду́же!..
Не зна́ю, мій дру́же,
Чи сатана́ ли́хо ко́івъ,
Чи я занеду́жавъ,
Чи то́ мене́ зла́я до́ля
Привела́ до то́го!..
Таки́ й до́сі ще не зна́ю —
Не зна́ю нічо́го...
Зна́ю тільки, що тверезий,
(Бо вже́ ані ви́на,
Ні меди́, ні окови́та
Не пили́ся, си́ну)!..
Оттаке́-то сподіялось!
Вмеръ ба́тько и ма́ти,
Чужі лю́де похова́ли,
А я, мовъ прокля́тий,
Мовъ Іу́да одри́нутий
И людьми́ и Бо́гомъ,
Тиня́юся, хова́юся —
И дійшло́ до то́го,
Що я въ ночі підкра́вшися,
Макси́мову ха́ту
(Бо ёго́ Макси́момъ зва́ли —
Вдовино́го зя́тя)
Запали́въ! Згоріла ха́та...
А душа́ прокля́та
Не згоріла... моя́ душа́,
Мій дру́же, мій бра́те,
Не згоріла, а оста́лась —
Тліе, й до́сі тліе...
И коли́ вона́ зотліе,
Коли́ одпочи́не, —
Святи́й зна́е...

IV.

Съ переля́ку
Вме́рла Катери́на;
А Макси́мъ на пожари́ще
Та на попіли́ще
Подиви́вся... нема́ ра́ди!..
Тільки вітеръ сви́ще
У димарі та въ ко́мині...
Що́ тутъ въ світі діять,
И що́ тепе́ръ ёму́ поча́ти?
Поду́мавши, перехрести́всь
Та й зновъ пішо́въ у наймити́
Голо́дні зли́дні годува́ти;
Вдова́ оста́лась не сама́,
А зъ си́номъ па́рубкомъ; жени́ти
Ёго́ збіра́лась въ осени́,
Ажъ гу́лькъ!.. одъ ма́тушки-цари́ці,
Таки́ изъ са́моі столи́ці,
Прийшо́въ ука́зъ — лоби́ голи́ть;
Се въ пе́рший разъ таки́й ука́зъ
Прийшо́въ зъ Моско́вщини до насъ,
Бо на Вкраіні въ насъ бува́ло
У козаки́ охо́чі йшли,
А въ пікине́ри вербува́ли —
Та тежъ охо́чихъ... На селі
Зібра́лася грома́да ра́дить —
Кого́ голи́ть у москалі.
Пора́дили грома́дою —
И вдовиче́нка-ледащи́цю
Заби́ли въ скрепи́цю,
Та й повезли́ до приёму!
Онъ-яке́ твори́тця
На сімъ світі, — яка́ пра́вда
У люде́й, мій си́ну!..

V.

»Ні вже«, ка́же, »до́брі лю́де,
Не такъ воно́ бу́де,
Отта́къ хиба́!« Макси́мъ ка́же:
»Які́ зъ ме́не лю́де
У наймита́хъ! Иду́ служи́ть;
Неха́й«, ка́же, »вдови́нъ синъ
Та не ста́не підъ аршы́нъ,
А я ста́ну «
Изъ пріёму
Верну́вся до-до́му,
До ма́тери вдови́ченко;
А Максы́мъ съ пріёму
Пішо́въ собі у Москалі,
Помоли́вшись Бо́гу.
Мині поле́гшало, — а съ чо́го,
Съ чого́ поле́гшало мині?
Съ того́, що во́рога не ста́ло...
Яко́го жъ во́рога, мій Бо́же!
Моя́ пеке́льная душа́
Кого́ боя́лася? Максы́ма!
Ні, не Максы́ма, а кого́сь,
Кого́сь боя́лася прокля́та:
Луциперові служи́ла
Та ёго́ й страши́лась!...

VI.

Черезъ годъ, ото́, й вели́ка
Зима́ наступи́ла;
До зеле́ної неді́лі
Въ байра́кахъ бі́ліли
Сніги́ бі́лі, — тоді́ жъ ото́
И Оча́ковъ бра́ли
Москалі; а Запоро́жже

Пе́рше зруйнува́ли.
Розбрила́ся товари́ство...
(А що то́ за лю́де
Були́ тіі Запоро́зці —
Не було́ й не бу́де
Таки́хъ люде́й!..)
Підъ Оча́ковъ
Погна́ли й Макси́ма:
Тамъ-то ёго́ скалічено,
Та на Украіну
Пове́рнено зъ одста́вкою, —
Ба́чишъ, пра́ву но́гу,
Чи то ліву, підстре́лено...
Мині не до то́го
Було́ тоді: зно́ву лю́та
Га́дина впила́ся
Въ са́ме се́рце; круго́мъ ёго
Три́чі обвила́ся,
Якъ той *и́родъ*... Що́ тутъ роби́ть?
Не да́мъ собі ра́ди;
А Макси́мові крово́му
Нічо́го не ва́дить:
Шкандиба́е на ми́лиці
И га́дки не ма́е;
А въ неділеньку святу́ю
Мунди́рь надіва́е,
И меда́ль и хре́стъ причепи́ть,
И заплете́ ко́су
Та ще й бо́рошномъ посипле...
(Я не знаю й до́сі,
На що́ воно́ Москалі ті
Ко́си запліта́ли,
Мовъ дівча́та, та святе́е
Бо́рошно псува́ли?...
На и́грашку, я ду́маю—
Та́къ-собі, аби́-то!)
Ото́ жъ було́, мовъ генера́лъ,
Макси́мъ сановито

Прибере́тця у неді́лю
Та й пошкандиба́е
У хра́мъ Бо́жий; на кри́ласі
Ста́не та й співа́е
Зъ дяко́мъ-таки́, ато́ во́зьме
Та ще й прочита́е
Апо́стола середъ це́ркви
(Ви́вчився чита́ти
У москаля́хъ). Непе́вний бувъ
Максимъ ото́й, бра́те, —
Та трудя́щий, роботя́щий,
Та ти́хий до то́го,
Та ласка́вий... було́ тобі
Ніже́ анiко́го
Не заче́пить ніже діломъ,
Ніже́ яки́мъ сло́вомъ.
»И тала́нъ и безтала́нне
Все́«, ка́же, »відъ Бо́га
Вседержи́теля свято́го,
А більшъ ні відъ ко́го...«
Преблаги́й бувъ мужъ на свiті
Максимъ ото́й, си́ну;
А я́! а я́!.. не ви́мовлю,
Моя́ ти дити́но!..
Я — вби́въ его́!.. Постріва́й-лишъ,
Тро́хи одпочи́ну,
Та тоді вже...

VII

Такъ ти ка́жешь,
Що ба́чивъ Кринiцю
Москале́ву, що ще й до́сі
Беру́ть зъ не́і во́ду?
И хре́стъ, ка́жешъ, коло́ шляху
И до́сі Госпо́дній
Стоіть собі на роздо́ллі;

А не росказа́ли
Тобі лю́де тамъ нічо́го?...
Вже повимира́ли
Ті́ лю́де, мої свідки,
Пра́ведніі лю́де;
А я й до́сі кара́юся
И кара́тись бу́ду
Й на тімъ сві́ті...
Ось послу́хай,
Дово́дить до чо́го
Сатана́ той ду́шу на́шу; —
Якъ не схамене́тця
Та до Бо́га не ве́рнетця —
То такъ и ввіпье́тця
Пазура́ми въ са́ме се́рце...
Ось слу́хай же, си́ну,
Про Макси́ма пра́ведного:
Було́ не спочи́не
Нікóли вінъ, а въ неділю,
Або́ въ яке́ свя́то,
Бере́ святи́й псалти́рь въ ру́ки
Та й иде́ чита́ти
У садо́чокъ: (у садо́чку
Тамъ, у холодо́чку —
Катери́ну похова́ли...)
Ото́жъ, у садо́чку,
За упоко́й душі ії
Псалти́рь прочита́е,
По́тімъ собі тихе́сенько —
Ти́хо заспіва́е
»Со святи́ми«, та й запла́че,
А по́тімъ помья́не
»О здра́виі« те́щу зъ си́номъ, —
И весе́лий ста́не:
»Все́ одъ Бо́га«, — ска́же собі:
»Тре́ба вікъ дожи́ти!«
Оттаки́й-то му́жъ пра́ведний
Бувъ вінъ на сімъ сві́ті;

А у бу́день, — то вінъ тобі
Не поси́дить въ ха́ті —
Все ни́шпорить по надвірью:
»Тре́ба робота́ти«,
Було́ ска́же по-моско́вськи:
»Ато́, ле́жа въ ха́ті,
Ще опу́хнешъ.« Та взявъ яко́сь
За́ступъ и лопа́ту,
Та й пішо́въ собі у по́ле
Крини́цю копа́ти.
»Неха́й«, ка́же, »коли́сь лю́де
Бу́дуть во́ду пи́ти,
Та за мою́ грішну ду́шу
Го́спода моли́ти.«
Ви́йшовъ въ по́ле, геть одъ шля́ху
У ба́лку спусти́вся,
Та й ви́копавъ при доли́ні
Глибо́ку крини́цю.
(Не самъ оди́нъ: толо́кою
Ёму́ помага́ти
Й до́брі лю́де прихо́дили
Крини́цю копа́ти).
И ви́ложивъ ця́мриною
И, надъ шля́хомъ въ по́лі,
Височе́нний хре́стъ поста́вивъ:
Зо всёго роздо́лля
Широ́кого було́ ви́дно;
Се, ба́чишъ, для то́го,
Щобъ знать було́, що крини́ця
Есть коло́ доро́ги,
Щобъ захо́дили зъ крини́ці
Лю́де во́ду пи́ти,
Та за то́го, що ви́копавъ,
Бо́гу помоли́тись.

VIII.

А тепе́ръ уже́, — онъ ба́чишъ,
Дохо́дить до чо́го!—
Що я стра́тить намі́ряюсь
Максима свято́го...
Оттаке́-то!.. А за віщо?
За те́, за що́ Ка́інъ
Уби́въ бра́та пра́ведного.
— — — —
Чи то бу́ло у неділю,
Чи въ яке́е сва́то,
Слу́хай, си́ну, я́къ навча́е
Сатана́ прокля́тий:
»Ходімъ«, кажу́, »Ула́совичъ,
На твою́ крини́цю
Подиви́тись.« — »До́бре«, ка́же —
»Ходімо напи́тись
Води́ зъ не́і пого́жоі.«
Та й пішли́ обо́е,
И відерце и віжечки́
Понесли́ зъ собо́ю.
Отъ, прихо́димъ до крини́ці;
Я першъ подиви́вся —
Чи гли́боко. »Вла́совичу«, —
Кажу́, — »потруди́ся
Води́ доста́ть: я не вмію.«
Вінъ и нахили́вся,
Опуска́ючи відерце;
А я́... я за но́ги
Вхопи́въ ёго́, та й уки́нувъ
Максима свято́го
У крини́цю....
Отаке́-то
Сотвори́въ я, си́ну!..
Тако́го ще не твори́лось
Въ насъ на Украіні!

Та й нікóли не твóритця
На всімъ свíті, брáте!..
Всю́ди лю́де, а я *оди́нъ* —
Дия́волъ прокля́тий!...

IX.

Черезъ ти́ждень вже ви́тягли
Максúма зъ криниці
Та у ба́льці й поховáли;
Чимáлу капли́цю
Постáвили громáдою,
А ёго́ криниці
Москалéвою назвáли...

А я... пішóвъ у гайдамáки
Та на Сібíрі й опини́всь,
(Бо тутъ Сібíръ була́ колúсь)...
И пропадáю, мовъ собáка,
Мовъ той Іу́да... Помоли́сь
За мéне Бóгу, мій ти сúну,
На тій преслáвній Украíні,
На тій весéлій сторóні...
Чи не полéгшае мині?..

Т. Шевченко.

1857.
Новопетровское
укрѣпленіе.

ЗАКОХАНИЙ ЧОРТЪ.

I.

Тільки й бачивъ я рідний край поки рісъ, а тамъ, якъ отдали у службу, такъ и пішовъ, не по своїй волі, мотаться по світу, якъ те перекотиполе, що вітеръ носить по степахъ: котится, котится, поки не зупинить тебе доля, або не притопче лихо.

Хочъ и лучалось мині, де-коли, навідуватьця у рідну Україну, такъ чи довго жъ то спочинешъ підъ теплимъ ії крилômъ?... И зновъ, на край світа, мандруешъ до чорта зъ рогами! За тежъ, літъ у шість, а може й більше, якъ изъ Курської губернії уідешъ у Харьківську, то такъ тобі стане легенько, мовъ на крилахъ тебе підняло... Та зъ сего боку Харькова ще не такъ; зъ Липець наша Україна теперечки якось Московщиною дивитця: намісць шинківъ — проклята кабащина, постоялі двори, на московський ладъ; скрізь по дорозі тягнутця московські однокінні телеги, одна до другої попричеплювані, якъ фиги на личку; куди не глянь, усе пилипони зъ рижими бородами, у лаптяхъ, ажъ занудить на нихъ дивлячись. Такъ, бачите, зъ сего боку, кажу, ще не такъ, а отъ якъ перехопиться черезъ річку Харьківъ, то хто бъ не сказавъ, що се Божа сторона!..

Тутъ зразъ починаетця оттой великий боръ, що високі сосни ажъ хмару підпірають. Оце жъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квітка збивъ собі, зъ своіхъ повістей, такий місний човенъ, що до-віку-вічнего буде плавать по плюгавій річці Леті. Оттутъ же и вольна; сюди жъ-то Харьківські міщане и чернь, ударивши лихомъ объ землю, сходятця одвести душу и зада-

ви́ть го́ре свого́ бездо́лля. Отту́тъ, поба́чили бъ ви́, у неді́лю и по праздника́хъ, скі́льки збира́ється наро́ду! Верстовъ на пья́ть, а мо́же й бі́льшъ, уподо́вжъ доро́ги, гуля́ міща́нство: дівча́та у стрічка́хъ, у стёнжка́хъ, молоди́ці у парче́вихъ очіпкахъ, у кармази́нахъ, у глазе́ті, а коза́цтво у брилья́хъ, у чуйка́хъ фабри́чнёго сукна́, шовко́вими пояса́ми попідпере́зовані, а скі́льки ще того́ лаке́йства у фра́кахъ та у сертука́хъ, мовъ та Німо́та. Инші збили́сь бі́ля́ музи́ки, са́дють гоцака́, вибива́ють тропака́, ажъ ли́хо сміе́тця; дру́гі посіда́ли ку́пками, снідають, кругля́ють горі́лку, терева́ні гнуть, співа́ють, рего́чутця, ажъ луна́ округи́ йде. Ідешъ було́, ди́вися, ди́вися та й не втерпишъ: ви́лізешъ зъ тарантасу и підійдешъ до яко́го-не́будь товари́ства: »хлібъ та сіль, лю́де до́брі!« ска́жешъ. — Спаси́бі, — одкажуть, и про́сять: — сідайте, не погре́байте хлібомъ Бо́жимъ! — За́разъ и часту́ють, и на кали́новій тарі́лочці підно́сять са́ло, кільце́ ковбаси́. Сі́дешъ, було́, до гу́рту, ви́пьешъ корячо́къ горілки, ззісти́ шмато́къ са́ла, побала́каешъ, — свого́ додаси́ весе́лого сло́ва. Бо́же ми́лий, я́къ же то вони́ дя́кують!.. Ста́нешъ прощ а́тьця, то та́къ и загомоня́ть; оди́нъ кричи́ть: »пошли́ вамъ, Го́споди, уся́кого ща́стя за те́, що про́стихъ люде́й не цура́етесь!« дру́гий: »нехай вамъ Бо́гъ, на тімъ сві́ті, за насъ оддя́куе!« Буває й таке́, що яка-не́будь молоди́ця, черво́на якъ ма́ківка, схо́пицця, обійме, та й поці́лу́етця на прощ а́ннє. »Се«, ка́же, »щобъ не ско́ро забу́ли на́шу хлібъ-сіль!« Сміху́ тако́го наро́бить вра́жа молоди́ця, такъ усі и поко́тютця, ухопи́вшись за животи́. Що́-то за втішні та швидкі, ті ха́рьківські молоди́ці, — неха́й імъ леге́нько икне́тця!

Проіхавши кі́льки верстъ бо́ромъ, ста́нешъ підійма́тьця на го́ру. Тутъ вже те́мна сосни́на почина́ мі́ша́тьця зъ ду́бомъ, ли́пою, клини́ною, бе́рестомъ, усе́ стае́ густійше, густійше; де́рево переплело́сь вітами якъ те воло́сся; орішникъ, глодъ, шепши́на позроста́лись, стоя́ть якъ до́бра огоро́жа. Чимъ дальшъ ідешъ, тімъ кра́ще вро́да: пішли́ и доли́нки зъ прога́леними якъ ру́та зеле́ними, и яри́ съ прова́ллемъ, що якъ гля́нешъ, то у голові закру́титця. Мій Бо́же ми́лий! що́ за лісъ! Яки́хъ нема́ тутъ дере́въ! И висо́кихъ, величе́знихъ, и стари́хъ, ско́рченихъ, похню́пихъ, що вже ві́ку свого́ дожива́ють. Инше зла́мане бу́рею и опа́лене гро́момъ, стоіть собі край доро́ги якъ черне́ць; тамъ трухля́вий пень схили́вся якъ той ста́рець зъ то́рбою. Куди́ ни глянь — усе́ тебе́ чару́е, при-

вітáе, усé тобí всміхáетця. Здаéтця, самá рідна мáти нáша Украíна вúйшлá тобі на-зýстрічъ: то спогляне на тéбе гарячимъ сóнцемъ, то притýлитця пахýчимъ холодкóмъ изъ тéмного лісу, то промóвить піснею, то озовéтця соловéйкомъ, жáйворонкомъ; то неначе граéтця зъ тобóю: затурчúть у вýхо гóрлицею, залоскóче тихéсенькимъ вітерцéмъ. Такъ тобі вéсело, такъ легéнько, мовъ у раю!.. Душá мліе, сéрце трепéчетця, токотúть, бýцімъ що до тéбе промовляе; не розберéшъ щó воно́ роскáзуе, а слýхаешъ—не наслýхаесся, якъ не наслýхаетця мáти своéі дитúни, бо тá мóва солóдча для нéі одъ медóвоі річи найрозумнíшоі людúни.

II.

Одъíхавши одъ Хáркова верстóвъ двáдцять, лісъ почúна рідíти. Зъ висóкоі горú ужé вúдко село́ Мерéфу, зъ церквáми, дзвінúцями, садáми и левáдами, — гéть-гéть роскúнулось по долúні. За селóмъ блищáть течíі, затóки й озéра Мжú. Потеклá вонá у ліво проміжъ кущівъ вербóлозу и вільхи; а напротú глáдко стéлетця зъ могúлами широ́кий стéпъ. Сивíе старéнький якъ мóре, мрíе, мрíе, пóки не зíйдетця зъ нéбомъ, а нéбо зъ землéю. Гуляйте óчи, гуляйте дýми, якъ колúсь гуляло по сéмý степý вóльне козáцтво!

Проíхавши Мерéфу и перебрáвшись черезъ плéса Мжи, вúідешъ на торгóвий шляхъ, що йдé у Крúмъ. Протоптáла сей шляхъ ще татарвá, якъ колúсь ходúла на нáше безголóвья підъ Москвý, палúти городá и забірáти у невóлю хрещéний лю́дъ. Скíльки óкомъ ні кúнешъ, скрізь по дорóзі, якъ гадю́ка, сýнутця хýри: на-зýстрічъ везýть шлёнку, кóжі, сіль, рúбу; скрипля́ть татáрські гáрби, запряжені бýйволами и верблю́дами. Изъ Хáркова везýть усякий крамъ, машúни, паровúки, ідуть купці у Крúмъ, у Бердя́нськъ, ідуть панú и тудú й відтíль, женýть табунú, гуртú, отáри, идé наро́дъ на заробітки, у степú и къ мóрю. Літомъ вéсело и гля́нуть на сей шля́хъ, а поба́чили бъ ви весно́ю, або́ у восенú, що́ тутъ дíетця... крúй Бóже, якé лúхо! Замордóвана скотúна по сáме чéрево грýзне у багні; наро́дъ бичýетця, тóпитця по бáлкахъ, по перéтічкахъ. Бодáй и не згáдувать!.. Оттýтъ би простягтú залізну колéю! Потеклá бъ по нíй золотá річка живýщоі и сцілю́щоі водú.

Дýже ще бідýешъ, ідучи по сёмý шляхý *на обивáтельскіхъ*. Роскажý вамъ, якóго разъ набрáвся я лúха, сдáвшись на *открúтий листъ*. Изъ Мерéфи на почтáрьскіхъ, ще зáгодя, добігъ я до Таранівки. Прямо у волосне́ правлéніе ввійшóвъ — такъ гáрно, по серéдині стілъ, зелéнимъ сукнóмъ зáсланний, якъ у суді, и патрéтъ вúсить. Дивлю́сь — немá нікóго; тільки якúйсь каліка, скóрчившись, сидúть біля́ скрúні — сé бъ то стереже́ громáдські грóші.

»Е кóні?« питáю.

— Немá, — схопúвшись одвітивъ каліка.

»А пúсарь — дé?«

— На селі.

»Коли бъ позвáть.«

— Зáразъ збігаю.

Пошкандибáвъ сердéшний; черезъ якý тамъ годúну идé пúсарь повáгомъ. Ще молодúй, шáпка на бакúръ, у китáйчатій черкéсці и випойкóвихъ чоботáхъ.

— А чогó вамъ трéба? — спитáвъ вінъ, дохóдячи до мéне.

— »Кóней, голýбчику.«

— А подорóжня, чи-бáкъ одкритúй лúстъ é?

Подáвъ ёмý одкритúй листъ; вінъ подивúвсь, зáразъ и прогóни вúщитавъ, — такúй митéць! и ще накúнувъ кілька верстóвъ залúшніхъ. Вúдно, що бувъ уже за Хáрьковомъ, и головóю мотá, якъ москáль, щобъ пáтли ёмý не лізли у вічі, и випинáетця, и пáлець засóвуе за гаплúкъ.

— А нý-лишéнь, — гукнýвъ пúсарь на каліку, сховáвши у кишéню грóші: — бігáй за десятникомъ, — та швúдче!

Зновъ пошкандибáвъ каліка; нескóро ведé того́ десятника.

— Трóйку кóней, — грізно крúкнувъ пúсарь на десятника:— та швúдче!

Стоіть десятникъ, тільки потúлицю чýха.

— Чогó стоішъ? позакладáло? — гукнýвъ писáрь на ёго, та ажъ почервонівъ зó зла.

— Не позакладáло, — одкáже десятникъ, — тільки що кóні пасýтця у степý!

— Такъ щó, що въ степý? піймáйте та й ведіть.

— Ще трéба знайтú, кудú воні́ позабігáли, ті бісови кóні, та тогді вже — ловúть...

— Такъ иди́ та й шука́й; а ту́течки, опрічъ ля́паса, нічо́го не зна́йдешъ.

Зни́къ деся́тникъ, якъ на то́й світъ прова́лився. Уже́ я й село́ обійшо́въ, и у тарантасі до́бре ви́спався, а ко́ней нема́ та й нема́. На́дъ вечіръ вже пригна́ли двохъ шка́покъ зъ лоша́тами.

— А тре́йтя?—пита́ю.

»Ще не пійма́ли«, озва́всь деся́тникъ; »тамъ таке́ прудке́ звіря́— бода́й воно́ здо́хло, — що ніякъ ёго́ не наздожене́шъ.«

Ажъ о́сь веду́ть и того́ прудко́го — и лома́кою підганя́ють,— ба́чите — втоми́лось, серде́шне, утіка́ючи. Ста́ли запряга́ть, — по́раютця, якъ мо́кре горить; розгле́ділись — и того́ нема́ и дру́гого, и зновъ погна́ли каліку за віжками, за черезсіде́льникомъ. Да та́къ ажъ до за́хідъ-со́нця доде́ржали. Ру́шили — ле́дві ко́ні везу́ть; не схаменулись, якъ и нічъ. Пого́ничъ поверта́е то у той бікъ, то въ дру́гий, — загуби́въ, га́спедівъ синъ, доро́гу, — ла́е и ко́ней, и хто іде, и нічъ, и степъ.

— Куди́ тебе́ нечи́ста ма́ти но́сить? — пита́ю пого́нича: доро́га пряма́, якъ стрілка, а ти кру́тисся, якъ му́ха увъ окро́пі?

»Коли́ жъ нічо́го не ба́чу«, ка́же пого́ничъ, и віжки ки́нувъ: »у ме́не ку́ряча сліпота́.«

Що́ тутъ робить? Уве́сь степъ покарбо́ваний доро́гами; не втра́пишъ своєі, то ка́-зна-куди́ ще заідешъ, — ду́маю собі: хочъ би доіхать до трахти́ра, що недале́чко одъ Таранівки. Нічого роби́ти: — самъ сівъ за машталіра, и потихе́ньку, підтюпцемъ, благополу́чно доплели́сь до того́ трахти́ра.

III.

Хазя́йка сёго́ заі́здного дво́ру, вели́ка цокоту́ха, була́ до́бре мині по знаку́: ще зма́лку ії знавъ. Давно́ не ба́чились, а тільки ввійшо́въ у ха́ту, за́разъ пізна́ла.

— Чи жи́ві, чи здоро́ві? спита́въ я, протира́ючи о́чи и розгле́дюючись.

»Сла́ва Бо́гу«, одвітила хазя́йка, »ста́ріемось по-тро́шку. Ось подивітця на мою́ Оле́сю: ма́тіръ перерослá (Хазя́йка гля́нула на чорня́веньку дівчину)! А се сліпе́нький дідъ (Хазя́йка показа́ла на столітнёго дідугáна, що сидівъ на по́куті, схили́вши бідола́ш-

ну свою́ го́лову на гру́ди). »Коли́сь співа́въ по ярмарка́хъ, а тепе́ренькы ті́льки луна́ хо́дить по світу одъ ёго́ пісе́нь: уве́сь го́лосъ ви́співавъ и банду́ру потрощи́въ.«

Га́рна дівчина Оле́ся, така́ по́вна, милови́да,—а я диви́вся на діда. Зро́ду тако́го діда не ба́чивъ: біле воло́сся, густе́ якъ лісъ, прикрива́ло ёму́ висо́ке чоло́; бро́ви насу́нулись на са́ми о́чи, а широ́ка борода́ ажъ до по́яса дохо́дила. Отта́къ узя́въ би пе́нзель, та й списа́въ вамъ Сату́рна.

— Відкі́ль стари́й? — спита́въ я діда, сіда́ючи біля ёго.

»Хто́ ёго́ зна«, обізва́лась хазя́йка: »уве́сь свій вікъ ве́штаетця по́ світу... Живъ колись за Бере́кою, такъ давно́ жъ; тепе́речки вже забу́въ и свій ху́тіръ и свою́ ха́ту«.

— Ні, не забу́въ, — обізва́вся дідъ, — не забу́въ!..

»Куди́ жъ тепе́ръ иде́шъ«? попита́въ я діда.

— У Павлогра́дъ.

»Що́ жъ тамъ бу́дешъ робити? співа́ти, чи що́?

— Та ні, кажу́ вамъ, — перехопи́ла хазя́йка: — вінъ тепе́ръ не співа́, вінъ ті́льки роска́зуе.

»Що́ жъ вінъ роска́зуе?

— Що́ зъ нимъ діялось на світі, якъ козаки́ би́лись зъ ляха́ми, съ татара́ми, про відёмъ, про чорті́въ!.. Вінъ уве́сь світъ ви́ходивъ: бувъ у Чорномо́рії, у Глу́хові, за Ки́ївомъ бувъ.... А чи не наста́вить вамъ самова́ру?

»Наста́въ, паніма́точко«.

— Отъ и до́бре! старе́нького напо́іте гаря́чимъ, то вінъ вамъ за те́ що-не́будь роска́же.

»Чи до́вго вже воло́чисся по світу?« спитавъ я дідуга́на, якъ ми зоста́лись вічъ-на-вічъ.

— До́вго, ду́же до́вго, — одказа́въ стари́й, ва́жко зітхну́вши, я ще ожени́вся у Оча́ківську зіму. Ми тоді жили́ на запоро́зькихъ зе́мляхъ во́льними козака́ми. Якъ же зруйнува́ли Ко́шъ, то нашъ посе́локъ зъ земля́ми доста́вся яко́мусь па́ну. Не схотівъ я зоставатьця па́нськимъ, запрігъ коня́, узя́въ жінку зъ дітьми— дівчину по во́сьмому годку́ и хло́пчика-годовичка́, та й помандрува́ли у Чорномо́рію. Одъ То́ра довело́сь простува́ти сте́помъ якъ мо́ремъ, — ні хуторця́, ні земля́нки. Той рікъ була́ засу́ха, и яко́го ли́ха ми не одвідали: кінь безъ па́ши и подопо́ю здохъ, ми потяглись пішки; що́ було́ зъ на́ми запа́су — поіли, ті́льки й

живи́лись корі́ннямъ. Не пройшли́ й десяти́ день, якъ похова́ли дочку́ й сы́на, а тамъ, зъ нудьги́ та го́лоду, занеду́жала й жінка; я ні́съ ії на своіхъ рука́хъ, поки́ не оддала́ душі Бо́гу. По Чорномо́рії я ве́штався три́дцять пять літъ; би́вся зъ Черке́сомъ, пла́вавъ по Чо́рному мо́рю, а тамъ потягло́ мене́ зновъ у рідну сто́рону: забажа́въ ще́ поба́чити ба́тьківску ха́ту и поклони́тьця ба́тьківській и ма́тчиній моги́лі. Прийшо́въ—и не пізна́въ на́шого ху́тора: де́ була́ на́ша ха́та, тамъ роспло́жено па́нський садъ; а де́ було́ кладови́ще, тамъ стоя́въ шино́къ. Ви́йшовъ я на ви́гонъ, гля́нувъ на сло́боду и округи́, згада́въ молоди́й вікъ, ба́тька, ма́тіръ, жінку, діте́й, — запла́кавъ та й пішо́въ собі світъ-за-очи́ма. Отъ уже́ три́дцять літъ, якъ тутъ ве́штаюсь, а три́-тридцять, якъ живу́, — а, бре́ше вона́, ба́тьківськоі ха́ти не забу́въ. Було́, якъ заспіва́ю, то мині здава́лось, що я сижу́ біля́ своє́і ха́ти и мене́ слу́хають ба́тько, ма́ти, жінка й ді́ти!...

Не бага́то словъ увъ оповіда́нні ді́да, а скільки жъ то ли́ха!.. И не хотівъ вінъ розжа́лобить, а гли́боко уразы́въ се́рце, ва́жко засмути́въ ду́шу. До́вгу ни́зку ли́ха нанизала́ ёму́ зла́я до́ля!...

Хазя́йка не дала́ мині зъ стари́мъ до́бре й розговори́тьця, принесла́ чашки́ и зновъ заторохті́ла: то про Тро́іцький я́рмарокъ, то які́ панночки́ повихо́дили за́міжъ, які́ ще позоставали́сь, налічи́ла зъ десятокъ поме́рлихъ и присіпалась до ді́да — чо́мъ вінъ не роска́зуе.

— Якъ же мині роска́зувать,—серди́то обізва́вся ді́дъ,—коли́ не дае́те й ро́та роззя́вить; скрего́чете, мовъ соро́ка на вербі....

»Мовча́тиму, ей-же Бо́гу мовча́тиму,« перебила хазя́йка, »тільки роскажіть, бу́дьте ла́скаві, про зако́ханого чо́рта.«

— До́бре, до́бре, раскажу́, — чо́мъ не росказа́ть?

Ді́дъ зъ вели́кимъ сма́комъ пивъ чай, заіда́ючи ха́рьківськими бу́бликами, а тамъ, якъ ви́хилывъ ще дві ча́шки зъ ро́момъ, то ажъ помоло́дшавъ.

— Оттепе́ръ, ка́же, — яко́сь си́ли добу́въ; здае́тця, якъ-би́ банду́ра, то бъ и заспіва́въ!...

IV.

Стари́й підня́въ го́лову, и ще́ твердимъ го́лосомъ та́къ почавъ: »Ді́дъ мій бувъ Запоро́жець. Де́ ёму́ на віку́ не довело́сь бу-

ва́ти, чого́ не ба́чити! Уда́вся вінъ висо́кий, здоро́вий, та ще вдода́токъ бувъ и вели́кий характе́рникъ: зна́вся зъ відьма́ми, зъ чорта́ми, нічо́го на сві́ті не боя́всь: правди́вий бувъ Запоро́жець! Уже́ не молоди́мъ прийшо́въ вінъ на Бере́ку, одружи́всь и збудува́въ собі ха́ту. Живъ вінъ тро́хи не сто годъ, и до сме́рти до́бре чувъ, ба́чивъ, а и́нколи ся́де на коня́ и о́хляпъ поіде у Ха́рьківъ. Отто́ жъ підъ ста́рість, у до́вгий зи́мній ве́чоръ, якъ ста́не оповіда́ти, що́ зъ нимъ ді́ялось, то и смі́ється, й пла́чешъ, а ча́сомъ и чупри́на полізе до гори́. Ось якъ вінъ роска́зувавъ про того́ зако́ханого чо́рта: разъ у схва́тці съ тата́рами уби́ли підъ дідомъ коня́. Жаль ёму́ того́ коня́, якъ рідного бра́та: одно́ — наде́жний бувъ, а дру́ге — тако́го не знайти́ и на Запоро́жжі. Отъ дідъ и пішо́въ у сло́боди пошука́ть лица́рського коня́. Тоді не та́къ, якъ тепе́ръ: скрізь була́ пусти́ня, и діду довело́сь простува́ть по степа́хъ навмани́, пита́ючи доро́ги то у со́нця, то у звіздъ. Черезъ кільки днівъ дідъ тро́хи притоми́всь, вже и то́рба зъ запа́сомъ стули́лась: оста́нній суха́рь доівъ. Зблизившись ікъ Донцю́, де́ почина́ютця пу́щі, дідъ зайшо́въ у таку́ гущи́ню, що не продере́тця:—морське́ де́рево такъ и хви́ська, а тутъ и нічъ насу́нулась. Сівъ вінъ собі підъ кущемъ, підожда́ти, по́ки зійде місяць, та й задрима́въ. Ажъ чу́е скрізъ сонъ, нена́че хто ёго́ тя́гне; проки́нувся — ди́витця: по́вний місяць уже́ височе́нько, и вітру нема́, а дере́вья такъ и гну́тця, усе́ въ одну́ сто́рону, и ёго́ само́го, нена́че яка́ невидо́ма си́ла, туди́ жъ тя́гне. Ставъ пригля́дуватьця, ажъ недале́чко стоіть висо́кий коза́къ у кармази́новімъ жупа́ні, въ чо́рнихъ оксами́товихъ шта́няхъ и жо́втихъ чобо́тяхъ... таки́й зъ нёго чупринди́рь, що кра́щого не знайти́ и у Ко́ші! Стоіть про́ти місяця и рука́ми розма́хуе, нена́че кого́ до се́бе ма́нить; и якъ махне́ руко́ю, то ажъ де́рево до ёго нахиля́етця и мого́ діда немовъ хто у поти́лицю штовха́. Що́ воно за бісъ, поду́мавъ дідъ: чи не характе́рникъ?.. Хотівъ вже́ бувъ до ёго обізва́ться, коли чу́е, щось ге́пнуло за дере́вьями, да такъ и́скрами кру́гомъ и обси́пало. Ди́витця, изъ-за кущівъ ви́йшла височе́нька дівчина, ще молода́, до́бре у́брана, да така́ га́рна, що кра́щої и у сні не поба́чишъ. Несміло підійшла́ вона́ до козака́, згорну́вши на гру́дяхъ ру́чки.

— »Чого́ ти мене́ звавъ?« спита́ла дівчина таки́мъ голоско́мъ, що у мого́ діда ажъ се́рце тёхнуло.

— »Пита́ешъ — чого́?« промо́вивъ коза́къ: »хиба́ не зна́ешъ, я́къ я тебе́ кохаю?.. безъ те́бе мині и пе́кло не ми́ле!..«

— »Отъ зачи́мъ!« ка́же дівчина: »я давно́ вже се зна́ю.«

— »Та ні«, одказа́въ коза́къ, »не зати́мъ... якъ тебе́ поба́чу, то й самъ не зна́ю, що́ говорю́... Слухай, Оде́рко... скажи́ мині, чи хо́чешъ бу́ти моє́ю?... хочъ би́ ти у ти́сячну до́лю такъ мене́ кохала, якъ я тебе́!..«

— »Не тре́ба мині твого́ кохання, — не проси́ й мого́!« одрізала дівчина, одверну́вшись: «цуръ тобі, пекъ тобі!«

— Ого́! поду́мавъ дідъ,— яка́ пиха́! зневажа́е залиця́ння тако́го козака́!

— »Слу́хай, Оде́рко«, зновъ почавъ коза́къ: »будь моє́ю, — усе́ для те́бе зроблю́, усе́, чого́ тільки не забажа́ твоя́ душа́!«

— »Не зро́бишъ того́, чого́ моя́ душа́ бажа́е...« одвітила дівчина, ва́жко зітхну́вши.

— »Зроблю́, ей-же-ей зроблю́«, ка́же коза́къ, »заприсяга́юсь тобі пе́кломъ, Сатано́ю и Фарнагіемъ, — щобъ мині не згуби́ти ні годно́і Христия́нскоі душі, щобъ мині провали́тьця у поло́нку після Орда́ні.... о́тъ-що!«

— Якъ він, га́спедівъ синъ, куме́дно бо́житця, — поду́мавъ дідъ.

— »Не віришъ?« пита́ коза́къ.

— »Не вірю«, одвітила дівчина.

— »Не зна́ю, якъ вже мині й заприсяга́тись, моя́ голу́бко!« ка́же коза́къ, — та пригорну́въ до се́бе дівчину и цмо́кнувъ ії у що́ку....

Якъ цмо́кнувъ, такъ по усій пу́щі луна́ й пішла́: захита́лись дере́вья, гілля́ до гілля́ прихили́лось, зату́ркали го́рлиці, и мого́ діда нахили́ло до землі, — яко́сь гу́би засвербіли, а ту́тъ, де не взяла́сь жа́ба, — пли́гъ! и не схаменувсь, якъ чоло́мкнувъ бісову тварю́ку. И що́ бъ ви ду́мали? такъ ёму́ зроби́лось ве́село на душі, мовъ га́рну дівчину у ясне́ о́ко поцілува́въ!

»Охъ«, застогна́ла дівчина, ухопи́вшись за що́ку: »я́къ же ти мене́ опікъ!.. такъ одъ те́бе пе́кломъ и несе́. Коли́ хо́чешъ,« ка́же, »изо мно́ю розмовля́ти, то хиба́ у воді; а тутъ ти мене́ спа́лишъ своімъ пеке́льнимъ кохання́мъ!«

»До́бре«, ка́же коза́къ: »ну́мо жениха́тись у воді.«

Ди́вится дідъ: біля іхъ и са́жалка; чи вона́ була́, та вінъ ії

не ба́чивъ, чи вона́, спра́вді, уроди́лась, якъ ка́жуть, по щу́чому вели́нню. — Що́ се за вра́жа ма́ти! — поду́мавъ дідъ: — чи вони́ лю́де, чи мо́же чорти́?..

Су́мно ёму́ ста́ло, ажъ оселе́дець біля́ ву́ха заворуши́вся. Да́лі ди́витця, ста́ли роздяга́тьця; дівчина, бу́цімъ не своіми рука́ми, зняла́ ко́фту, пла́хту; да́лі, не соро́млячись, и соро́чку. Якъ гля́нувъ на не́і дідъ, то ажъ жижки́ въ ёго затруси́лись; давно́ вже́ мину́ло, а було́ якъ захо́дится роска́зувать, то ажъ цмо́ка, ажъ о́чи ёму́ ро́гомъ лізуть, — така́ га́рна! Місяць якъ срібромъ поня́въ біле ії́ тіло; уся́ якъ ви́точена, а до́вга коса́, чо́рна, якъ гадю́ка, такъ и обвива́етця кругъ тонко́го ста́ну, и ажъ до по́вних литко́къ достае́. Поверну́лась зъ плече́й — ще кра́ща; ті́льки роздиви́вся дідъ, ажъ хво́стикъ! такъ собі, невели́чкий, та ма́тері ёго́ бісъ — хво́стикъ! вихо́дить, що дівчина — відьма. Гля́нувъ на коза́ка, ажъ и въ то́го — хвістъ! таки́й до́вгий, якъ у хорта́, и такъ імъ вигра́е, якъ кітъ передъ ми́шою. — Эге́, такъ-отъ воно́ що́! Тутъ уже́ догада́вся дідъ, що чорта́ка та закоха́вся у відьму. Ду́мае собі: ха́й же вамъ бісъ! хотівъ бувъ тіка́ть, такъ не здвигне́тця, якъ до землі прирісъ; хотівъ перехрести́тися, такъ руки́ не підійме. Доса́дно діду, та нічого роби́ти; прини́къ до землі и ди́витця — що́ да́льшъ бу́де. Увійшо́въ чо́ртъ зъ відьмою по по́ясъ у са́жалку и зновъ ста́ли розмовля́ти:

»Скажи́ жъ мині, моя́ голу́бко, чого́ бажа́ твоя́ душа́?« пита́е чортъ.

»Не скажу́«, одрізала відьма: »не скажу́, по́ки не заприсягне́сся пеке́льнимъ сло́вомъ — зроби́ти...«

»Чи до́вго жъ бу́дешъ моє́ю, якъ обіща́ю?«

»Де́сять годъ«, ка́же відьма.

»До́бре, усе́ зроблю́!« (Чортъ протягну́въ ру́ку.) »Отъ тобі рука́ и моє́ пеке́льне сло́во!«

»Хто жъ насъ розібье́?« спита́ла відьма: »тре́ба, щобъ була́ христия́ньска душа́, та ще́ й чи́ста.«

»Е кому́ розби́ти«, ка́же чо́ртъ, мотну́вши голово́ю у той бікъ, де лежа́въ дідъ: »тамъ«, ка́же, »підъ куща́ми схова́вся Запоро́жець.«

»Хиба́ жъ у запорі́зцівъ чи́ста душа́?« пита́ відьма: »вони́ жъ самі пьяни́ці та розбишаки....

»Эге́, роска́зуй«, ка́же чортъ: »нема́ найчисті́шої душі, якъ у

тіхъ га́спедовнхъ синівъ; вони́ живу́ть по писа́нию: не во́дютця зъ жінка́ми, бьютця зъ бусурма́номъ и боро́нять віру правосла́вну... Эй, Кири́ло!« гукну́въ чортъ: »ходи́ лише́нь сюди́, та розби́й насъ.«

Дідъ ні чичи́ркъ, лежи́ть собі, и духъ притаівъ.

»Та ну́ жъ бо йди́«, зновъ кри́кнувъ чортъ: »ти жъ не разъ похваля́вся, що не боісся чо́рта, а тепе́речки й злака́всь?..

Доса́дно діду; ба́чите — пристиди́въ дия́вольський синъ. Нічого роби́ти, тре́ба йти́, щобъ, спра́вді, ще не поду́мавъ, що злака́всь.

»Чого́ жъ тутъ лякáтьця?« (обізва́вся дідъ серди́то, а самъ ажъ тру́ситця).

»Такъ чому́ жъ не йде́шъ?«

»Лю́льки шука́ю, загуби́въ у траві та й не знайду́.«

»Та не бреши́, — лю́лька у кише́ні.«

— Дия́вольський синъ! — поду́мавъ дідъ:—він усе́ зна́е; одъ ёго ния́къ не одбре́шесся.

»Розбива́й!« ка́же чортъ, якъ дідъ підійшо́въ икъ са́жалці.

»Якъ же я васъ розібью́?« ка́же дідъ. »Отъ, ста́ну я чортъ-ба́тька-зна для ко́го кармази́нни каля́ти! Вихо́дьте на сухе́!«

»Хиба́ тобі повила́зило?« ка́же чортъ: »глянь, — де дівчина стоіть — заме́рзло; сміло йди́,—здержить.«

»Що́ за бісъ!? спра́вді заме́рзло... чого́ жъ воно́ заме́рзло?« пита́ дідъ.

»Того́«, ка́же чортъ, »що вона́, — бода́й ії! такъ те́пло мене́ лю́бить, що ажъ вода́ біля не́і ме́рзне.«

»А чого́ жъ се, чо́рте«, пита́ дідъ, »біля те́бе па́ра йде́ зъ води́ и бу́льбашки схо́плюютця?«

»Эге́!« ка́же чортъ: »се такъ я ії щи́ро коха́ю, що ажъ вода́ біля ме́не кипи́ть.«

— Оттако́го бъ коха́ння на́шимъ дівча́тамъ! — поду́мавъ дідъ; та спусти́вся на са́жалку, зайшо́въ по-за відьмою и тільки розби́въ ру́ки, а зъ ру́къ щось плю́сь у во́ду, — задри́гало ніжками та й пурну́ло.

»Що́ воно таке́?« спита́въ дідъ: »жа́ба, чи що́?«

»Ні«, ка́же чо́ртъ: »до́вго за ру́ки держа́лись, такъ чортеня́ вроди́лось.«

— Не бісові чорти́! — поду́мавъ дідъ: — які́ вони́ плодю́щі! тільки за ру́ки взяли́сь — уже́ й чортеня́ привели́.

»Ну, тепе́ръ кажи́«, пита́е чортъ ві́дьму: »чого́ душа́ твоя́ бажа́е?«

»Спасе́ния!« промо́вила відьма.

Якъ се́ почу́въ чо́ртъ, то ажъ но́сомъ закрути́въ, — на́че чемери́ці понюхавъ.

»Не мо́жна сёго́«, застогна́въ вінъ, »и не проси́! нія́къ не мо́жна!..

— Чому́? — пита́ дідъ.

»Тому́, що вона́ вже разъ одступи́лась одъ Го́спода, то у дру́ге ії Богъ до се́бе не прийме.«

— Брехня́, — ка́же дідъ: »якъ пока́етця, то и въ тре́тє прийме!..

»Та ну́ вже, мовчи́«, гри́мнувъ на ёго чортъ, »коли́ не зна́ешъ Писа́ния!«

»Ні, зна́ю«, ка́же дідъ, »я й самъ пісьме́нний, — не разъ и Апо́стола у це́ркві чита́въ!« Дідъ бувъ таки́й завзя́тий, що якъ піде на спо́ръ, то хочъ чого́ й не зна́е, то ска́же — зна́ю; а ча́сомъ й своє́ ви́гадае, и такъ до ладу́ приткне́, що зібъе́ зъ пантели́ку й зна́ючого. »Отъ, приміромъ сказа́ти«, ка́же, »я й чоловікъ, а мині жаль небо́ги: здае́тця, чого́ бъ не зроби́въ для ії спасе́ния; ато́ жъ самъ Богъ милосе́рдний, я́къ-би Вінъ не поми́лувавъ грішної, коли́ вона́ ка́етця?«

»Такъ коли́ жъ вона́ уже́ одхристи́лась...« пробубонівъ чортъ.

»Не вели́ка біда́«, перебивъ дідъ, »пішъ и въ дру́ге перекре́стить, и дуне́ на те́бе, и плю́не!«

Чо́ртъ на се́ и одві́ту не давъ; стоіть собі, повісивши нісъ, та чу́ха потилицю.

»Ти жъ самъ зна́ешъ«, обізва́лась до чо́рта відьма, »що не по своій во́лі зробилась я відьмою: мене́ ма́ти принево́лила.«

»На що́ слу́хала ма́тіръ«, ка́же чортъ, »ти ма́ла свій ро́зумъ и свою́ во́лю!..

»И се́ брехня́« сміло перебивъ дідъ; — бо якъ піде на пра́вду, то вінъ и чо́рта не злака́етця. »Нуждо́ю та стра́хомъ«, ка́же, »мо́жна до усёго принево́лити чоловіка«.

»Поду́майте сами́ — чого́ про́сите«, заголосивъ чо́ртъ (трохи́ не пла́че, бідола́шний!) я́къ же мині помага́ти спасе́нию душі, коли́ на те́ я чортъ, щобъ губи́ти христия́нські ду́ші?.. Та мене́« ка́же, »за сю па́кість на шматки́ розірвуть!..«

»За́ що?« ка́же дідъ, »не вели́кий гріхъ спасти́ одну́ ду́шу, а

тамъ пока́есся, та де́сять загу́бишъ, то тебе́ ще й по голо́вці погла́дють.«

»Эге́! хиба́ проти́ ше́рсти!« прогарча́въ чортъ.

»А я́къ-би я тебе́ кохала!« обізва́лась відьма, — и такъ гля́нула на чо́рта ка́ріми очи́ма, що ажъ лі́дъ затріща́въ и поколо́всь, тро́хи дідъ не шубо́встнувъ у са́жалку, та яко́сь ви́скочивъ на бе́регъ.

Заду́мався чортъ, до́вго стоя́въ понурившись, довго міркува́въ, та вже нечи́ста ма́ти такъ ёго́ підкури́ла тимъ кохання́мъ, що ні́чо́го й не ви́гадавъ.

»Що бу́де, то бу́де«, сказа́въ чортъ, обернувшись до відьми: »неха́й бу́де по тво́ему!«

Ви́йшли изъ са́жалки; відьма повеселішала, а чортъ засмути́всь, ажъ хвістъ обвісивъ. Дідъ помігъ ві́дьмі одягти́сь, своіми рука́ми обте́ръ біле ії тіло, и примітивъ, що вона́ до ёго яко́сь тепле́нька ста́ла. Накида́ючи на не́і соро́чку, вінъ шепну́въ ій на ву́хо, щобъ ёго́ слу́хала. У діда чу́ле було́ се́рце: ёму́ жаль ста́ло відьму.

»Ну, чо́рте«, пита́е дідъ, »яку́ тепе́ръ даси́ пора́ду? Що сотвори́мъ, да спасе́мся?« дода́въ зъ писа́ния.

»Отъ-що«, одвітивъ чортъ, зкриви́вшись«, не дале́ко відсіля́ спаса́етця пусте́льникъ: вели́ку си́лу вінъ ма́е у Го́спода, уся́кий гріхъ одмо́лить, хочъ яко́го грішника на пу́ть и́стиний наведе́. Такъ о́тъ же: якъ поживемо́ десять годъ изъ Одаркою, я й одведу́ ії до то́го пусте́льника, то вінъ и спасе́ грішну ду́шу...«

»Э, ні, чо́рте«, переби́въ дідъ: »за де́сять лі́тъ бага́то води́ утече́; по́ки со́нце зійде — роса́ о́чі ви́сть. До десяти́ годъ або́ відьма ду́ба дасть, або́ пусте́льника Госпо́дь до се́бе прийме. Ні, такъ не годи́тця! почавши таке́ до́бре діло, тре́ба за́разъ ити́ до пусте́льника за благословени́емъ.«

»Та ну́, не втруча́йся не въ своє́ діло!« загомонівъ чортъ, — ажъ затупотівъ нога́ми зъ доса́ди.

»Якъ — не мо́е!« скрича́въ дідъ: »я жъ васъ розбива́въ?.. А якъ збре́шешъ?.. Де́ вона́ тоді буде́ шука́ть того́ пусте́льника?

»Чорти́ ніко́ли ще не брехали!« ка́же чортъ.

»Чорта́мъ ще й ду́рень віри не ня́въ!« одрізавъ дідъ.

»Неха́й бу́де та́къ,« обізва́лась відьма, »якъ дя́дько Кири́ло »ка́жуть; тре́ба хочъ подиви́тьця, де́ спаса́стця той пусте́льникъ.«

Дóвго змага́лись, трохи́ не пола́ялись, — такъ дiда жъ и най-ста́рший чортъ не перемiгъ би. Нiчого роби́ть: чортъ почу́хавъ потúлицю, и згоди́всь. Мóже у его́ була́ яка́ потайна́ ду́мка, да мiй дiдъ и собi вже ви́гадавъ, що́ почáти... Поба́чимо, хто кого́ оду́рить!

»Ну, тепéрички, моя́ вiдмечко«, ка́же чортъ, »лети́ собi до до́му, а за́втра ми зъ Кири́ломъ при́йдемо до тéбе, и не га́ячись, пiдемо до пусте́льника.«

Вiдьма сiла на мiтлу́, кивну́ла голово́ю до дiда, ви́соко звила́ся у го́ру и, порiвня́вшись зъ зiрочка́ми, полетiла у свою́ ха́ту. Чортъ не спуска́въ зъ не́i очéй ажъ-по́ки не зни́кла, а тамъ такъ ва́жко зiтхну́въ, що ажъ ли́сте зашелестiло; по доли́нi мовъ що покоти́лось; сви́снула сова́; дале́ко, у боло́тi, загу́въ буга́й. И въ дiда се́рце защимiло, и вiнъ здихну́въ, нена́че отъ-о́тъ попрощáвся зъ тiéю дiвчиною, що вже давно́ поки́нувъ, якъ помандрува́въ у Сiчъ.

V.

Дiдъ съ чо́ртомъ, умовля́ючись, пiшли́ по́плiчъ, якъ това́риші. Дiдъ изъ свого́ рiжка́ натру́сить чо́рту каба́ки, а чортъ ёму́ натру́шуе своéi, — таки́й послу́жливий! ско́ро дiдъ набье́ лю́льку, а чо́ртъ за́разъ и вогню́ ви́креше. Дiдъ згада́въ горiлку, — чортъ за́разъ и часту́е, а на за́куску тя́гне изъ су́нки жа́рену ка́чку и пшени́шний пу́хлий буханéць. Ви́пивши и попоíвши, дiда взяла́ охо́та подрату́вать чо́рта: хотiвъ бувъ перехристи́ть ёго́, та поду́мавъ: цуръ ёму́! хочъ вiнъ и чортъ, а все́-таки́ това́ришъ: не чéсно това́риша обiжáти. Дéлi, якъ гля́нувъ на чо́рта, то ажъ жаль ёго́ ста́ло: иде́, звiсивши го́лову, немо́въ на ши́беницю ёго́ веду́ть.

»Роска́жи мини, чо́рте«, пита́ дiдъ, »яки́мъ се по́битомъ ти закоха́вся у вiдьму? Аджé жъ коха́ннe доста́лось не чорта́мъ на до́лю, а намъ грiшнимъ?

— Э, бра́тiку, ка́же чортъ, — и у на́съ е́ се́рце, такé жъ якъ и въ ва́съ, и зъ ти́мъ же прокля́тимъ коха́ннемъ! Якъ же бъ ми васъ и спокуша́ли, коли́ бъ не зна́ли, що́ за се́рце у людéй.... А ма́ючи се́рце, я́къ ёго устережéсся?... Слу́хай, Кири́ло, — ка́же

чортъ, зня́вши ша́пку и уклони́вшись: —поможи́ мині у моімъ ді́лі, а я тобі у вели́кій приго́ді ста́ну.

»До́бре,« ка́же дідъ: »чомъ до́брому чо́ртові не помогти́?«

А у само́го все на ду́мці, я́къби ви́рятувать дівчину: яко́сь вона́ и ді́дові припа́ла до душі.

— Чого́ хо́чешъ, того́ й проси́,—ка́же чортъ.

»Та мині нічо́го й не тре́ба«, ка́же дідъ: »тільки хиба доста́ти до́брого коня́.«

— Я тобі кінь!« ка́же чортъ; »самъ переки́нусь у коня́, и пья́ть годъ бу́ду тебе́ вози́ть, а пья́ть поживу́ зъ Ода́ркою. Я у пья́ть літъ вобга́ю пьятьсо́тъ—на те́ ми чорти́!«

»Гледи́ жъ—не збреши́«, ка́же дідъ.

»Не бійсь,« ка́же чортъ: »отъ тобі рука́ и бісове пеке́льне сло́во! та намъ не ве́лено—не то обма́нювать,—и зачіпа́ти За́поро́зцівъ, бо вони́ бью́тця за віру правосла́вну. Та не вели́ка й кори́сть«, ка́же, »коли́ яко́го й завербу́ешъ: убью́ть ёго́ на війні́, отъ вінъ уже́ й не нашъ. Відки візьметця Петро́ зъ ключе́мъ и одби́въ: такъ и товче́ на́шого бра́та, не розгля́дуючи—де́ о́ко, а де́ мо́рда; а ще якъ ви́хопитьця Мико́ла, то шви́дче втіка́й, бо ве́рнесся у пе́кло безъ хвоста́: одірве!«

»А бага́то въ васъ у пе́клі запоро́зцівъ?« пита́ дідъ.

»Ні одні́сінького: які були́, то й тіхъ повиганя́ли.«

»За́ що жъ ви іхъ повиганя́ли?« пита́ дідъ. »Для на́шого бра́та вамъ жа́лко и кутка́ у пе́клі?«

»Коли́ жъ таки́й гарми́деръ ро́блять,« ка́же чортъ, »що усіхъ чортівъ изъ пе́кла порозганя́ли. Хиба́ не чувъ про то́го Ма́рка, що то́вкся по пе́клу?«

»Що́ жъ вони́ тамъ ро́блять?« спита́въ дідъ.

»Понапива́ютця гаря́чоі смоли́,« роска́зуе чортъ, »якъ тіі горілки, позала́зять у пе́чи, та й почну́ть шпурля́ть відтіля́ голове́шками. Разъ трохи́ пе́кла не спали́ли!... Або́ ля́же на ско́вороду, та й звели́ть підпа́лювать себе́. Пече́шъ ёго́, пече́шъ, ажъ шку́ра на тобі тріскаетця, а вінъ тебе́ ла́е, кепку́е зъ те́бе, та кричи́ть на усе́ пе́кло, що змерзъ. Біда́ зъ ни́ми!... Де́ вже допекти́ іхъ вогне́мъ: уже́ якъ іхъ шква́рили Ляхи́, та й ті нічо́го не доказа́ли. И у пе́клі того́ не ви́гадаешъ, що вони́ зъ ни́ми ко́іли: Налива́йка пекли́ у мідному бику́; уся́ Варша́ва збіглася послу́хать, якъ зареве́ би́къ, та нічо́го й не почу́ли: изтлівъ сер-

дéшний на вýгілле, а гóлосу не давъ. Що ти зъ нúми вдіешъ? колú живóго не дошкýлишъ, а тó жъ мéрлого!«

»Такъ и трéба,« кáже дідъ: »на те ми Січовикú, щобъ усé вúтерпіть: тимъ и не страшно нічóго.«

»Трівáйте,« одповістúвъ чортъ: »скóро й на васъ спадé велúка халéпа: не допечемó васъ огнéмъ, такъ проберéмъ морóзомъ.«

»Дé жъ ви того морóзу добýдете у пéклі?« питá дідъ.

»Эгé, у насъ немá, такъ у васъ é«, кáже чортъ, »ми вамъ такóго чоловіка вúгадаемъ, що гíрший ще бýде одъ самісінького чóрта!... Вінъ вамъ наженé хóлоду, — побáчите!... Та нехáй вонú скáзютця, — мині тепéръ, якъ кáжуть, не до сóли.... Щó-то рóбить моя Одáрочка?«

»Скажú мині, чóрте,« поспитáвъ дідъ, »чи вонá у своіхъ тілесáхъ, чи, мóже, перекúнулась у такý гáрну дівчину, якъ ти у козакá?«

»Ні,« кáже чортъ, »вонá такóю уродúлась, нехáй хочъ царúцею перекúнетця, то крáщою не бýде! Однó тількі у нéі не гáрне: лáтво íї збúти зъ грішного пути.«

»Якъбú не кáтержний, анáфемський хвóстикъ!« пробубонівъ дідъ, та й задýмався.

Оттáкъ розмовлáючи, йдýть собі лісомъ, а тутъ изъ-за кущівъ, то вúткне мóрду лісовúкъ, зъ зелéною, якъ трава, бородóю, то вúскочить вовкулáка, підперéзаний червóнимъ пóясомъ, то стрибáють зъ гилі на гилю упирі у німéцькихъ галáнцяхъ, и всі жъ-то низéнько и привітно імъ клáняютця. Дéлі якъ пішли по-надъ Лиманомъ, то й перелічúти не мóжна, що чортенятъ повискáкувало изъ болóта.

»Здрáстуйте, дя́дечку!« озивáютця до чóрта, а діда такъ жахáютця: бáчуть, що Запорóжець.

»Не бійтесь, дітки«, вмовля́е чортъ, »се, щобъ ви знáли, мій сватъ Кирúло.«

— Дідъ роскáзувавъ, що бісенята, пóки ще молоді, то зелéні, якъ осітнякъ, — немá въ іхъ ні ріжкíвъ, ні кúгтівъ. Та й втішні жъ, роскáзувавъ: бігають, крýтятця, плигáють якъ жáби, грáютця, якъ кошенята, пурнé у вóду, а ніжкú вúсуне зъ болóта та й дригá. Дідъ хотівъ-бувъ іхъ подратувáть, показáвъ імъ дýлю, такъ вонú у водúнъ гóлосъ такъ и запискотíли:

»Спасúбі вамъ, дя́дечку Кирúло, за вáшу лáску!«

А чортъ и кáже:

»Ти іхъ и цу́керомъ не году́й, ті́льки покажи́ імъ ду́лю.«

Ста́ло світа́ть, якъ дідъ изъ чо́ртомъ ви́йшли изъ лісу. Не пройшли́ й півъ верстви́, якъ поба́чили у доли́ні вели́ку сло́боду.

»Отсе́ жъ,« ка́же чортъ, »и слобода́, де живе́ Ода́рка; отто́ жъ, дивись, и ії ха́та въ вишне́вімъ садо́чку. Иди́ жъ тепе́речки до не́і, передню́ешъ, а у ве́чері, якъ со́нечко ся́де, то й я до васъ прийду́. Я бъ и за́разъ«, ка́же, »зъ тобо́ю пішо́въ, такъ у день не безпе́шно на́шому бра́ту ходи́ть у сло́боду: ча́сомъ наско́чишъ на ярчука́ (1), та й півні́ кукурікають, щобъ вони́ ви́здихали.«

Попроща́вшися зъ чо́ртомъ, дідъ зпусти́вся зъ гори́ икъ пле́су. Доста́въ изъ су́нки бри́тву, ви́голивсь, надівъ чи́сту соро́чку, помоли́вся Бо́гу та й пішо́въ до відьми. Доро́гою зірва́въ по ку́щику гори́цвіту, золототи́сячнику и дро́ку, згорну́въ до-ку́пи, закрути́въ и заткну́въ собі за ліви́й чо́бітъ (2). Се́ бъ-то для то́го, щобъ чортъ не знавъ, объ чімъ дідъ бу́де розмовля́ти зъ відьмою.

VI.

Ода́рка стріла діда на поро́зі зъ хлібомъ зъ сілью, и поклони́лась ёму́ тро́хи не до землі.

— Спаси́бі вамъ, дя́дечку,—ка́же:—одъ ме́не бі́дної сироти́ и Богъ и лю́де одступи́лись, а ви не цура́етесь мене́ гріш̀ної. Чи не помо́же вамъ Госпо́дь ви́рятувать грішну ду́шу!

»Небійсь, Ода́рко«, одказа́въ дідъ: »ви́рятуемо! не дамо́ чорті́яці насмія́тись!«

Дідъ, кажу́ вамъ, мавъ люблі́ве се́рце: ча́сомъ, щобъ заспоко́іти бездо́льного, то и завіря́е и збре́ше.... Просто́ра ха́та у відьми, а яко́сь пу́сткою оддае́; и вікна чима́лі, а су́мно. Ода́рка та́къ и пригорта́етця до діда, та́къ ёму́ у ві́чі й ди́витця, то усміхне́тця, и раді́е-бъ-то, и зновъ засмути́тця. Якъ со́нечко у восени́: ви́гляне изъ-за хма́ри и за́разъ сховае́тця.

— Дя́дечку,—ка́же відьма сти́ха дідові,—не кажіть мині нічо́го, що́ у васъ на ду́мці, ато́ бісівъ Тру́тикъ (такъ зва́ли зако́ханого чо́рта) усёго довідаетця.

---

(1) *Ярчу́къ* — соба́ка зъ во́вчимъ зу́бомъ, и таку́ ма́е пату́ру, що й одъ чо́рта устереже́ и відьму зада́вить, и, хочъ яку́ мару́, чуттемъ почу́е.

(2) Повірье.

»Не бійсь, моя́ кра́лечко,« ка́же дідъ, уда́ривши по лівому чо́боту: »я ёму́, и́родовому сы́ну, у́ха заткну́въ. И ми́ де́-що зна́емо!... Не почу́е й не поба́чить, хочъ би я о́сь-що зъ тобо́ю зроби́въ«. Се ка́жучи, перехрести́въ відьму.

Якъ перехрести́въ, такъ и вда́рило ії́ объ зе́млю: посі́ніла, запі́нилась, такъ и звело́ ії́ у клубо́къ. Дідъ злякався и не радъ вже, що перехрести́въ; скорішъ ій підъ нісъ сунувъ ду́лю, такъ вона́ одкри́ла о́чи и ле́дві опа́мятувалась.

— Охъ мині ли́шечко,—простогна́ла відьма:—я́къ же ви мене́ вразили, якъ ножемъ у се́рце!... Не христіть мене́,—блага́е:—ато́ нечи́стий мене́ зада́вить, и до спасе́ния не допу́стить.«

»Ні, не бу́ду, не бу́ду«, ка́же дідъ: »неха́й вже тебе́ пусте́льникъ хри́стить Бо́жою руко́ю!«

Відьма поста́вила діду сніданне и пля́шку тернівки, а сама́ ста́ла по́раться біля́ пе́чі. Дідъ їсть и запива́е, а самъ оче́й не зво́дить зъ Оде́рки: яка́ бъ то, ду́мае, була́ зъ не́і молоди́ця, хазя́йка, коли́ бъ не ка́тержний, ана́фемський хво́стикъ, бода́й вінъ ій одсо́хъ!

— Роскажи́ мині, Оде́рко,— спита́въ дідъ:— якъ се ма́ти переки́нула тебе́ у відьму?

»Бода́й не зга́дувать«, почала́ Оде́рка, зітхну́вши: »о́тъ якъ се ста́лося. Я була́ ще по восьмо́му го́ду, якъ мій ба́тько поіхавъ на війну́. У два ро́ки верну́вся коза́къ Хве́діръ, зъ недо́брою вістю, що мого́ ба́тька десь за Дніпро́мъ вби́то. Ма́тіръ ду́же убива́лась за ба́тькомъ,—та ско́ро и заспоко́ілась: Хве́діръ живъ у на́шій ха́ті и полюби́вся ма́тері. По слободі ходи́ла вже чу́тка, що ма́ти йде за ёго за́міжъ, ажъ Хве́діръ пола́явся зъ ма́тірью и взявъ за се́бе дочку́ на́шого сусіди. И не росказа́ть мині, що тоді счини́лось зъ ма́тірью: бігала по слободі якъ несамови́та, а тамъ и зни́кла. Усі ду́мали, що вона́ наложи́ла на се́бе ру́ки, ажъ черезъ два ти́жні, у ночі, чу́ю—щось загуло́ на гори́щі, засту́кало у ко́мині, и по ха́ті повіяло хо́лодомъ. Я схопи́лась та до пе́чі,— ду́маю—чи не горимо́; дивлю́сь—хтось роздува́ огонь,—загорівся віхоть—ажъ ма́ти! Така́ роспа́тлана, розхрістана, а о́чі такъ и пала́ють, ажъ стра́шно на не́і гля́нути. Я зраділа та й ки́нулась до не́і, а вона́ якъ кри́кне не своїмъ го́лосомъ: »не підступа́й!« Я такъ и заме́рла, де́ стоя́ла. »Озьми́«, ка́же, »образи́, та повино́сь у комо́ру,—и хре́стикъ, що въ те́бе на ши́і, тамъ зо-

ста́въ«. Познима́ла я образи́ и повпно́сила у комо́ру,—ду́маю, чи не хо́че ма́ти ха́ту ма́зать; а якъ верну́лась зъ комо́ри, ма́ти обняла́ мене́ и гірко запла́кала, такъ и вми́ла мою́ го́лову слізьми́, якъ окро́помъ. За кі́льки мі́сяцівъ пі́сля сёго, занеду́жала Хве́дорова жінка, ча́хла, ча́хла та и вме́рла,—а Хве́діръ зъ нудьги́ и жалю́ до́вго блука́въ по лі́сахъ, по́ки десь пі́дъ ду́бомъ не знайшли́ ме́ртвого. У слободі ста́ли лю́де роска́зувать, що моя́ ма́ти відьма, и що вона́ зъ світу звела́ Хве́дора съ жінкою; дівча́та мене́ цура́лись. Я не вірила людя́мъ, хочъ ча́сомъ и сама́ ба́чила, шо щось чудне́ дія́лось у на́шій ха́ті. Уве́сь ти́ждень ма́ти — якъ ма́ти, а въ суббо́ту жъ и бли́зько до се́бе не підпуска́е, а на́ нічъ замика́ла мене́ на ключъ у комо́ру. Отъ и хотілось мині довідатьця, чому́ се ма́ти такъ ро́бить, и що тамъ тріщи́ть и клекоти́ть у ха́ті. Разъ у суббо́ту, тоді мині пішо́въ сімна́дцятий рікъ, ма́ти мене́ замкну́ла, а я підняла́ мости́ну та й ви́лізла зъ-пі́дъ комо́ри. Ба́чу, у ха́ті пала́е огонь; гля́нула у вікно́, ажъ стоіть ма́ти біля́ пе́чи, у одній соро́чці, зъ роспу́щеною косо́ю, и яке́сь зілля кладе́ у макітру. Де́лі поста́вила макітру на долівку, сіла на помело́ и тільки нахили́лась на макітру, а звідти якъ пахне́ по́ломья, — та́къ ії й потягло́ черезъ ко́мінъ у бо́вдуръ; я якъ кри́кну: »ма́мо, що ти ро́бишъ?« а вона́, якъ пти́ця зъ підби́тимъ крило́мъ, такъ и вда́рилась на зе́млю, та мене́ за ко́су. »А, неслухня́на дити́но!« закрича́ла ма́ти не своімъ го́лосомъ, »підгле́жувати? не бу́дешъ же мене́ кори́ть: я зъ те́бе таку́ жъ зроблю́ відьму, якъ и сама́!« Перегну́ла мене́ черезъ помело́ и помча́ла. Опа́мьятувалась вже я ажъ на Лисій горі, біля Ки́ева. Не мині вамъ каза́ти, що́ тамъ дія́лось: ви й са́ми, мо́же, не разъ тамъ бува́ли, такъ зна́ете....«

— Якъ не зна́ть,—каже дідъ:—кі́льки разъ само́му дово́дилось тамъ бува́ти!

Дідъ яко́сь соро́мився сказа́ть, що чого́-не́будь не зна́, або́ не ба́чивъ, такъ и збре́ше: а ёму́ збреха́ть, та ще передъ відьмою, якъ разъ плю́нуть.

— Що тоді, — ка́же відьма,—зо мно́ю дія́лось—не роскажу́; я лежа́ла ни́ць, заплю́щивши о́чі, и говори́ла якісь слова́ за ма́тірью, одъ кого́сь одрека́лась; — наза́дъ я вже полетіла на своій метлі. Отсе́й са́мий Тру́тикъ и метлу́ мині спра́вивъ. Верну́вшись, хотіла помоли́тись Бо́гу, — и ско́ро перехристи́лась, — а мене́ такъ

и вдáрило объ зéмлю. Съ тíéї годúни тяжкоі оттáкъ якъ бáчите: плáчу — не одплáчусь, дýмаю — и нічóго не вúгадаю....

»Дé жъ твоя́ мáти, бодáй ій?« спитáвъ дідъ.

— Чортú замордувáли... Якъ мáти удовольнúла своé сéрце, згубúвши Хвéдора и ёго́ жінку, — тоді тільки побáчила, що згубúла свою́ и мою́ дýшу; дýмала вже, якъ-би-то вúрятуватись, — а чортú та відьми й довідались. Разъ полетíла вона на Лúсу гóру, та й не вернýлась; и мині тé жъ булó бъ, та Трýтикъ менé оборонúвъ. Що бýде дáлышъ... а тепéреньки такъ гірко на душі, такъ нýдно на свíті!... — Відьма облилáсь слізьми.

»Не плáчъ, моя́ гóрличко«, вмовля́е дідъ, »не плáчъ; спасемó твою́ дýшу... Якъ такúй, щобъ запорóжець у-кýні зъ чóртомъ, чогó́ не доказáли?«

— Колú жъ менé Трýтикъ не допýстить до пустéльника! — кáже відьма.

»Такъ я підý«, кáже дідъ, »а тамъ вже не ёго́ вóля: бýде, якъ пустéльникъ звелúть. Трýтикъ обіщáвъ мині пьять літъ за конú служúть, а тимъ чáсомъ дасть Богъ — ти спасéсся, и якъ вéрнетця чóртъ, то хибá óблизня піймáе... А тамъ, моя́ крáлечко!..« Дідъ не договорúвъ, тільки вýсомъ моргнýвъ, и такъ глянувъ на Одáрку, що онá й óчі спустúла и почервонíла, якъ калúна.

Відьма дóбре нагодувáла діда, участувáла запікáнкою и терніівкою и послáла ёму́ у комóрі спочúть. Не спáвши цілісіньку нічъ, дідъ заснýвъ, якъ убúтий.

VII.

Дідъ заспáвся ажъ до вéчора, и якъ ввійшóвъ у хáту, то вже застáвъ тамъ Трýтика. Такъ гáспедівъ синъ и вьéтця біля Одáрки, и вихиля́сомъ и викрутáсомъ, якъ мóкре рядно́ до нéї прилипá, ажъ досáдно стáло дідові. Поздоровкавшись, дідъ сівъ на лáві, та й питá чóрта:

— А чи далéко до пустéльника?

»Ні«, кáже чóртъ, »близéнько; за Изю́момъ, у Святúхъ Гó рахъ (1).«

(1) Святúми Гóрами того́ зовýтця, бо ще за дáвніхъ чáсівъ Христия́нства тамъ спасáлись у печéрахъ пустéльники. Ще не дáвно пáні Патёмкина

— Якъ близе́нько! кри́кнувъ дідъ: та ми й пьятихъ су́токъ не ста́немъ!

»Эге́, по ва́шому, по-запоро́зьки«, ка́же чо́ртъ, »мо́же й такъ, а по на́шому — такъ ні. Якъ ви́демо ране́нько, до схі́дъ со́нця, то на́дъ вечіръ и та́мъ бу́демо«.

— Слу́хай, чо́рте,—ка́же дідъ, розсе́рдившись:—не чіпа́й запоро́жцівъ. Я тобі скажу́: якъ-би́ мій кінь бувъ живи́й, то будь я не Кири́ло Ке́леиъ, коли́ у води́нъ день не ставъ би! о́тъ що!«

»Та не бреши́«, ка́же чо́ртъ: »и у два не доіхавъ би; а отъ якъ я тебе́ повезу́, то й въ обі́дъ вети́гнемо!«

— А Ода́рка жъ—я́къ? спита́въ дідъ.

»Вона́ переки́нетця хорти́цею«, ка́же чо́ртъ, »такъ ми ще доро́гою и пополюемо за зайця́ми.«

До пі́вночі гну́ли терева́ні, а тамъ спочи́ли тро́шки та й ру́шили. Якъ со́нце ви́глянуло изъ-за гори́, на́ші були́ вже дале́ко одъ слободи́. Дідъ іхавъ навза́води на воронóму ара́бському о́геру, а біля стремéнъ бі́гла біле́нька хорти́ця, така́ жъ хоро́ша, якъ га́рна була́ Ода́рка. Стриба́ собі, недото́ркуючись ніжка́ми до землі, якъ на кри́лахъ, вьётця якъ ла́стівка. Порве́тця за́йчикъ—такъ за́разъ и дожене́ ёго́,—не рве́, а тільки подержить за вушко́ та й пу́стить. А кінь, ма́тері ёго́ бісъ, якъ намалёваний! ше́рсть на ёму́ блищи́ть, якъ бро́ня, ши́я якъ у ле́бедя, изъ оче́й и́скри си́плютця, а изъ но́здрівъ по́ломье на́ше. Дідъ набье́ лю́льку и вогню́ не кре́ше,—прило́жить тільки коню́ до мо́рди, такъ вона́ и запа́литця. А збру́я жъ яка́, и у ха́на кри́мського тако́і нема́: уся́ зо́лотомъ зали́та и обса́жена самоцвітами. Дідъ не натішитця коне́мъ, гла́дить ёго́, цмо́кае, и на Ода́рку не гля́не. Ска́зано, запоро́зька нату́ра; не да́ромъ співа́ють: »промінявъ жінку на тютю́нъ та лю́льку«, а де́ бъ то не промінять на до́брого коня́! Ще́ со́нечко височе́нько стояло, якъ вони́ добігли до Святи́хъ Гіръ. Дідъ напоівъ коня́ и самъ напи́вся, привяза́въ чо́рта за по́відъ до де́рева, та й ка́же:

— Підождіть мене́, — я на часи́нку збігаю до пусте́льника.

»Иди́, та не бари́сь«, ка́же чо́ртъ, »бо тре́ба изъ світу верну́тьця у сло́боду, а тамъ весілле одбу́демо та й у Січъ....«

обнови́ла одну́ це́ркву, ви́січену у ске́лі, и манасти́ръ. Неха́й ій за се Богъ милосе́рдний возда́сть, що́ вона́ до́бримъ лю́дямъ бажа́. Для дру́гої не бага́то бъ ви́йшло зъ сёго жада́ния кори́сті, а для не́і бу́де на́дто.

— Яке́ весілле? — пита́ дідъ.

»А зъ Ода́ркою жъ!« ка́же чо́ртъ.

— А що́бъ ти не діжда́въ!.. поду́мавъ дідъ, та й пита́:

»Де́ тутъ дорога до пусте́льника?«

— Иди́ сіе́ю сте́жкою, ка́же чо́ртъ, отсе́ жъ він и протопта́въ ії, хо́дячи сюди́ по во́ду.

Пішо́въ дідъ усе́ лісомъ, на висо́ку го́ру, и ви́брався на усту́пъ; зъ одного бо́ку кру́ча, ажъ гля́нуть стра́шно, зъ дру́гого ске́ля стіно́ю піднялась ажъ до хма́ри. Ди́вится дідъ: у ске́лі— две́рі, а надъ дверима́ о́бразъ; ввійшо́въ — це́рковця, такъ собі невели́чка, ви́січена у ске́лі. Тільки перехрести́вся та вда́ривъ поклі́нъ, ажъ изъ ке́ліи вихо́дить пусте́льникъ, старе́нький, згорблений, а борода́ біла якъ молоко́, ажъ до колінъ. Дідъ підступи́въ підъ благослове́ние, а пусте́льникъ поблагослови́въ та й ка́же:

— Чого́ се, чоловіче, Богъ зъ на́ми, такъ одъ те́бе чо́ртомъ души́ть?

»Якъ-же-бъ-то не души́ло«, ка́же дідъ, »коли́ цілісінький день іхавъ на чо́рті, та ще й зъ відьмою!«

Дідъ усе́ оповісти́въ, я́къ було́, и чого́ приіхавъ.

— Якъ ви, свяги́й о́тче,— ка́же, — пора́ди не дасте́, то вже не зна́ю, де ёго́ у га́спеда й шука́ть того́ спасе́ния!

»Во́ля Бо́жа,« ка́же пусте́льникъ: »мо́же й тутъ зна́йде спасе́ніе, коли́ щи́ре бу́де покая́ніе. Якъ ба́чу, вона́ хочъ и відьма, та ме́нше ли́ха робила́ людя́мъ, якъ ті, що свято́шъ удаю́ть. Вона́«, ка́же, »и на пути́ грішному шука́ла спасе́нія, а дру́гі такъ и зъ и́стинного пути́ збива́ютця.«

— Такъ, пан-о́тченьку, такъ, — переби́въ дідъ: — отсе́ са́ме й чо́ртъ каза́въ!

»Чо́ртъ«, ка́же пусте́льникъ, »сули́въ ій усі пре́лести ми́ра сёго́; друга́ бъ и не відьма на сі ома́ни піддала́сь, а вона́ непреклони́лась.«

— Не преклони́лась, пан-о́тче, не преклони́лась,—ка́же дідъ: отта́къ и чо́ртові одрізала; ажъ но́сомъ закрути́въ дія́вольский синъ!

»Ну, тепе́ръ помо́лимось Го́споду«, ка́же пусте́льникъ, »то Він милосе́рдний напути́ть насъ, що́ тре́ба робити.«

Пусте́льникъ упа́въ на коліна, дідъ собі, и ста́ли моли́тись. Та й те́пло жъ моли́лись: те́мна це́рковця такъ и освіти́лась, на́че хто світло засвіти́въ. У діда изъ оче́й ажъ дві слёзи ви́котились,

якъ дві срібні кулі, ажъ брязнули, ударившись объ камьяний помістъ. Помолившись, устали; отъ пустельникъ и каже:

— Ходімъ же, я покажу тобі печеру: одведешъ туди небогу, тамъ вона и буде спасатьця.

»Будьте ласкаві, пан-отче«, каже дідъ, »заступітьця за бідну сироту... коли бъ ви побачили, що за молоде, та гарне, та нещасливе!.. такъ же, катержний, анафемський хвостикъ!... та ще отъ що...« почавъ дідъ, та й язикъ прильне къ гортані.

— Що тамъ ще? спитавъ пустельникъ.

»Боляčка на серці нарядилась«, каже дідъ, важко зітхнувши: »закохався я у сю дияволську відьму, бодай ій... неха буде здорова,—отъ-що!

— Буду благати Господа,—каже пустельникъ,—щобъ Вінъ милосердний послався ій покаяніе; а ти ідь собі зъ Богомъ у Січъ. Побудь ще тамъ пьять літъ на лицарській стражі, та й вертайсь до мене. Якъ дасть Богъ, що вона спасетця, то я васъ и звінчаю.

»Що жъ мині теперъ робить зъ чортомъ?« пита дідъ.

— А що зъ нимъ робить,—каже пустельникъ: коли годящий зъ ёго кінь, ідь на ёму у Січъ.

»Де вамъ не годящий!« каже дідъ: »такого коня и за сто талярівъ не знайти: и хода добра, и на-взаводи не взявъ ёго катъ, и підтюпцемъ; а на поворотахъ тільки пахились, а вінъ вже й повертае. Такъ боюсь же, щобъ не втікъ, дияволівъ синъ.«

— Не бійсь,—каже пустельникъ: я тобі дамъ на ёго кріпость.«

Пустельникъ пішовъ у свою келію, винісъ кипарисний хрестикъ и надівъ ёго на шию дідові

»Теперъ«, каже пустельникъ, »вінъ у тебе, якъ наймитъ, якъ крепакъ: що велишъ, те й буде робить.«

Пустельникъ провівъ діда до печери и поблагословивъ ёго на прощанне.

Вернувся дідъ до чорта, та якось ёму и гляньть на ёго совісно, хочъ у рябка очей позичать. Та вже жъ не потурать и чорту, щобъ губити христіянську душу. Не що дня бридня, не все коту масниця! Тільки доторкнувся дідъ до чорта, зразъ и почувъ сердешний свою неволю, такъ и затрусивсь и застогнавъ бідолашний.

— Що ти, Кирило, зо мною зробивъ! — озвався чортъ.

»Те, що й ти зъ другими робивъ«, каже дідъ (а самому жаль

чо́рта: до́бра була́ душа́ у покійника). »Ло́вить«, ка́же, »вовкъ, та якъ и во́вка пійма́ють!«

Не до́вго дідъ базікавъ изъ чо́ртомъ, та нічого було́ гара́здъ и каза́ти. Узя́въ відьму за ру́ку, и повівъ у пече́ру. Доро́гою росказа́въ ій, на чому́ вони́ погоди́лись зъ пусте́льникомъ, обня́въ Ода́рку, кріпко притули́въ до се́рця, ажъ зомліла небо́га, а тамъ сівъ на чо́рта и полену́въ, якъ на кри́лахъ, у Січъ.

VIII.

Ура́нці дідъ вже бувъ у Ко́ші. Кому́ не ска́же, що вінъ учо́ра ввечері ви́їхахъ изъ Свяги́хъ Гіръ, ніхто́ віри не йме́; та я́къ и повірить, щобъ увъ одну́ нічъ перебігти три́дцять миль! Чого́ вже не вироблявъ дідъ на тімъ коню́! якъбы́ почу́ли, що вінъ роска́зувавъ, то бъ сказа́ли, що бре́ше: за цілісінькій ти́ждень не переслу́хали бъ. Разъ, дідъ заспо́рився и въ закла́дъ пішо́въ, що пої́де у Бахчисара́й и само́му кри́мському ха́ну у ві́чі плю́не. И що́ бъ ви ду́мали? поіхавъ та й плю́нувъ, та ще й до́бре ви́лаявъ; дідъ зна́тно ла́явсь — у яко́гось москаля́ вчивсь: »ти«, ка́же, »ха́ну, покійного чо́рта племінникъ, бусурма́нський, катели́цький, ана́фемський, га́спедівъ синъ, три́ста тобі чортівъ у живітъ.« А було́, якъ наско́чять Січовики́ на тата́рську орду́, то дідъ такъ и вріжетця у са́му гущини́, а ко́ні якъ почу́ють чо́рта, та вро́стічъ; а дідъ и почне́ кришити тата́ръ, якъ ло́кшину, такъ го́лови и ва́лятця, якъ гру́ші у восени́. Чоти́рі ро́ки дідъ бувъ куріннимъ ота́маномъ, а тамъ, якъ прийшла́ пора́, отъ вінъ и ставъ проща́тись. Не хотіли були пуска́ть Січовики́, ажъ дідъ імъ и ка́же:

— Зоста́вся бъ, това́риші, такъ обіща́вся ві́дьмі ожени́тись: тре́ба, ба́чите, додержать коза́цького сло́ва.«

»Що за зухъ нашъ Кири́ло«, смію́тця Запоро́жці: »вінъ не побоїтця и чо́рта позва́ть у дружки́.«

— Эге́, — ка́же дідъ: — я не побою́сь и на чо́рту поіхать.

Та сівъ на чо́рта та й чкурну́въ у Святі Го́ри; у вобідню до́бу и тамъ опинивсь. Ди́витця, ажъ того́ гайвороння́ така́ си́ла, на́че зъ цілого світа позліта́лись ге́монські тва́рі, тай вкри́ли и го́ри и лісъ. Ско́ро поба́чивъ іхъ чортъ, такъ и затруси́вся

и го́лову повісивъ и хвістъ опусти́въ, почу́въ своє́ ли́хо. Доіхавши до тіе́і межи́, що да́льшъ на чо́рту іхать не мо́жна, дідъ злізъ та й ка́же:

— Проща́й, чо́рте, не помина́й ли́хомъ; спаси́бі тобі за вірну слу́жбу!

Ті́льки дідъ договори́въ се сло́во, такъ кінь и переки́нувсь на пта́ха. Якъ же закря́кае ге́монське гайвороння́ та здійметця, на́че хма́ра! ажъ со́нце закри́ло! Налетіли на чо́рта, дідъ и не схамену́всь, не вспівъ руки́ підня́ть — перехристи́тьця, роззя́вить ро́та, щобъ Богосло́ва заспіва́ть, якъ вони́ вже й пошарпали Тру́тика на шмато́чки. Де́ те въ біса и мьясо ділось: ті́льки пірья полетіло за вітромъ. Жа́лко діду чо́рта, такъ жалко! такъ тепе́ръ вже не до ёго́; дру́га ду́мка у діда—що́ то зъ Ода́ркою діетця: чи поми́лувавъ ії Госпо́дь? Ті́льки переступи́въ дідъ черезъ рівча́къ, а изъ-за кущівъ назу́стрічъ Ода́рка. У квітка́хъ, у стёнжка́хъ, якъ до вінця. Такъ и ки́нулась на ши́ю дідові.

»Спаси́телю мій! заголоси́ла Ода́рка: »Госпо́дь милосе́рдний поми́лувавъ мене́ грішну... Тебе́ жъ ті́льки й жда́ла, мій го́лубе, якъ билина́ роси́ці зъ не́ба!«

Ще кра́ща ста́ла; така́ біла, та повнови́да, о́чи ся́ють, якъ зо́рі середъ те́мної но́чі, зу́би блищя́ть, якъ бі́лі голубья́та на со́нці підъ ясни́мъ не́бомъ. Такъ и ту́литця до діда и цілу́е ёго́ и милу́е, и хри́ститця и ёго́ хри́стить. Дідъ стоіть, якъ уко́паний, себе́ не тя́мить и оча́мъ своімъ віри не йме́; де́лі упа́въ на коліна, простя́гъ до гори́ ру́ки, та крізъ слёзи й промо́вивъ:

— Бо́же ми́лий, яки́й же ти до насъ ми́лостивий!...

»Ходімъ же шви́дче до пусте́льника«, ка́же Ода́рка: »вінъ тебе́ жде зъ са́мого ра́нку.«

Дідъ, взя́вшись зъ Ода́ркою за ру́ки, пішли́ до пусте́льника. Ввійшли́ у це́рковку; ди́влятця—вже и нало́й стоіть по сере́дині, и два вінця́ лежя́ть на нало́ю,—не зъ фо́льги, якъ тепе́речки повело́сь, а изъ свіжихъ квіто́къ.

— Здоро́въ бувъ, Кири́ло,—сказа́въ пусте́льникъ, зу́здрівши діда: якъ тебе́ Бо́гъ ми́лувавъ на Запоро́жжі?

»Сла́ва Бо́гу, пан-о́тченьку«, ка́же дідъ, »молитва́ми ва́шими, — та спаси́бі й покійному чо́рту: до́бре служи́въ, дня́волівъ синъ.

Дідъ одслужи́въ три моле́бні: архистрати́гу Миха́ілу, Его́рію

побідоно́сцю и Миколáю чудотво́рцю, а тамъ пусте́льникъ поста́вивъ молди́хъ передъ нало́й, та й обкрути́въ.

— Тепе́ръ,—ка́же,—нехáй вамъ Госпо́дь помага́е; бу́дьте щасли́ві и довголíтні, та не забува́йте, що Богъ милосе́рдний не на те, щобъ грiши́ли, а на те́, щобъ ка́ялись у гріха́хъ!

»Та́къ, пан-о́тченьку, та́къ«, ка́же дiдъ. »Отъ чорти́ такъ не дали́ пока́ятись Тру́тику; розірва́ли бідола́шного на шматки́: тільки пірья полетíло за вітромъ!«

Якъ ста́ли прощáтись, Ода́рка три́чи вклони́лась пусте́льникові до землі, якъ рідному ба́тьку. И дiдъ хотівъ бувъ поклони́тись, такъ ши́я ніякъ не гне́тця. У тіхъ Січовикíвъ вьязи якъ у во́вка; вони́ одному́ тільки Бо́гу й кла́няютця до землі. Отъ дiдъ ухопи́въ себе́ обома́ рука́ми за осели́дець, та на си́лу нагну́въ свою́ го́лову.

IX.

Поди́кувавши до́бре пусте́льнику, дiдъ зъ молодо́ю жінкою пішóвъ икъ Бере́ці. Гро́шей у ёго́ було́ до чо́рта; повнісінький че́ресъ ту́го набúтий дука́тами, такъ-що́ схотівъ, те́ й зробúвъ. Ви́бравъ вінъ собі га́рне місце надъ річкою, де тепе́речки па́нський садъ, и поста́вивъ ва́жну ха́ту на дві полови́ни. Накупúвъ собі волівъ, ове́ць, ко́ней и зажúвъ собі зъ Ода́ркою. Ода́рка ду́же була́ щасли́ва за дiдомъ,—дiжда́ла си́на оженúть, дiжда́ла и вну́ка, и вме́рла зъ до́брою сла́вою.

Отъ вамъ и кіне́ць. Вибача́йте, коли́ не до смаку́; роска́зувавъ, що́ чувъ одъ дiда: коли́ вінъ брехáвъ, то й я брешу́.

— А що́ ста́лось, — спита́ла хазя́йка, продира́ючи о́чи; бо по́ки старий роска́зувавъ, вона́ то спа́ла, то проки́нетця и знов слу́ха, — що́ ста́лось зъ тимъ хво́стикомъ?

»Э... помина́йте якъ зва́ли той хво́стикъ: одчита́ли зъ ко́рінемъ. Дiдъ якъ вже ни доглядáвся, такъ и місця того́ не знайшóвъ, де рісъ.«

— То́-то жъ!... Ато́ яко́сь чу́дно, ма́тері ёго́ на́-лихо, жінка та зъ хво́стикомъ?—Хазя́йка гля́нула на ме́не, мовъ би хотіла довіда́тись, чи воно́ не чу́дно й мині.

Поди́кувавши дiдові за ёго́ га́рне оповіда́нне, ми полега́ли спа́-

ти, а на дру́гий день ура́нці, за ча́емъ, зновъ зібра́лись, ще побала́кали тро́шки и розъіхались на віки вічні.

Щобъ не розвіялось по світу те, якъ то ка́жуть, фантасти́чне оповіда́нне дідуга́на, я списа́въ ёго́ для моіхъ земляківъ. На́ша чудо́ва украінська вро́да, нагрітая гаря́чимъ полуде́ннимъ со́нцемъ, навіва́ на ду́ми насінне поэзіі й чаръ. Якъ пшени́ця зріе на ни́ві и скла́да́ется у ко́пи и скирти́, такъ и воно́, те насінне, запа́вши у се́рце и ду́мку, зріе слове́снимъ ко́лосомъ, и склада́етця у наро́дні оповіда́нія и леге́нди.

Олекса Стороженко.

ПОГАНЕ ПОЛЕ.

ЛЕГЕНДА [1].

(Посвящáется Ивáну Васúлёвичу Баранý.)

I.

Тúхо изъ-за хмáри мíсяць випливáе,
Байракú, долúни, степú оглядáе.
На степý долúна; въ широ́кій долúні
И сýмно и страшно, якъ у домовúні....
Ажъ-ось заквилúли вовкú-сіромáнці,
Крúкнувъ чóрний вóронъ трéйчі у байрáці,
Прошуміла хвúля-вúхоръ по долúні,
И зно́ву все тúхо, нáче въ домовúні....
Свíтить изъ-за хмáри мíсяць білолúций,
Хóдить по долúні страшнá молодúця,
На рукáхъ кістлúвихъ дві дитúні нóсить,
То сýмно співáе, то тя́жко голóсить:

»Широ́кая долúнонько—
Погáнее пóле!
Ніхтó тебé, черезъ мéне,
Ні сіе, ні óре.
Широ́кая долúнонько!
Ти бъ зазеленíла,
Якъбú не ми, та не нáша
Прокля́та могúла!
Прокляли́ насъ дóбрі лю́де,

---

[1] »Погáнимъ Пóлемъ« и тепéръ зовéтця одно́ урóчище на гряни́ці Ніжинського и Козелéцького повíту (черніг. губ). Тамъ и записана отся́ дáвня стародáвня легéнда.

Що я полюби́ла,
Що васъ на свiтъ, сини́ мої,
Грiхо́мъ породи́ла...
Широ́кая доли́нонько,
Пога́нее по́ле!
Сини́ мої, квiти мої,
Гiрка́ на́ша до́ля!«..-

Хо́дить по доли́нi, рве, шука́е квiто́къ,
Плете́ два вiно́чки для чорня́вихъ дiто́къ.
На те́мну доли́ну, на степъ поглядáе,
То тя́жко голо́сить, то су́мно спiва́е.
Ажъ-ось, заквили́ли вовки́-сiрома́нцi,
Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ тре́йчi у байра́цi,
Прошумiла хви́ля-ви́хоръ по доли́нi —
И зно́ву все ти́хо, на́че въ домови́нi...

II.

»Ти пожи́въ на свiтi, зна́ешъ Украiну...
Роскажи́, дiду́сю, про ту́ю доли́ну,
Де нiхто́ не сiе, де нiхто́ не о́ре,
Що зве́тця мiжъ на́ми »Пога́нее по́ле?«
Одно́му, бува́е, лу́читця инко́ли
Нiччу проiзджа́ти Пога́нее по́ле —
Насторо́шять у́ши тороплéнi ко́нi
И су́мно и стра́шно, ажъ се́рце холо́не....
Ви́дно тамъ, дiду́сю, що-не́будь него́же?«
— »Бода́й не каза́ти, лю́бий мiй небо́же!..
Да́вня-давнина́ то: якъ чо́рнiї хма́ри,
Колись по Вкраiнi ходи́ли Тата́ри —
Слiзъ гiрки́хъ да кро́ви була́ то годи́на,
Ii не забу́де до́вго Украiна!...
Одъ кра́ю до кра́ю Татарва́ ходи́ла,
Пила́ кровъ людську́ю, да се́ла пали́ла,
А пiсля́ й осiлись; поста́ли шатра́ми
Да въ чужiй госпо́дi й зажили́ пана́ми;

И на тій доли́ні, въ берега́хъ зеле́нихъ,
Хма́рою стоя́ли шатри́ нехреще́нихъ.

У се́лі въ ту по́ру, на лиху́ годи́ну,
Живъ коза́къ бага́тий, мавъ одну́ дити́ну.
Кра́ще Васютівни козаки́ не зна́ли, —
Якъ зіронька въ не́бі! — Мару́сею зва́ли.
Зна́ли ба́тько-ма́ти Татарву́ пога́ну,
Берегли́, якъ о́ко, дити́ну коха́ну,
Да, ви́дно, суди́лось молодій люди́ні
Со́рому доба́вить на́шій Украі́ні....
Вона́ Татарю́гу крадькома́ коха́ла,
Да чорня́вихъ хло́пцівъ двохъ собі й придба́ла...

Зъ крів'а́вого хме́лю Тата́ри дрима́ли,
А въ пра́дідівъ на́шихъ кри́ла виросталі;
И ви́росли кри́ла: підняли́сь орля́та,
Збуди́ли по-свійські ги́рявого ка́та—
»Бери́, ка́ту, пла́ту за кровъ, за пожа́ри!«
До́вго не забу́дуть роспла́ти й Тата́ри!...
Мину́лась недо́ля, пройшла́ Бо́жа ка́ра,
Якъ чо́рная га́лічъ — зги́нули Тата́ри.
Зновъ зазеленіли степи́ та доли́ни,
Благода́ть та ра́дість зновъ на Украі́ні.

Отъ разъ, у неділю, зібра́лася ра́да,
Про грішну Мару́сю мізку́е грома́да:
За со́ромъ Вкраіни, за ба́тькові слёзи
Присужда́е ра́да роспра́ву небо́зі.
Стра́шно присуди́ла: щобъ ба́тько да ма́ти
На степу́ широ́кімъ въ зеле́ній доли́ні,
Де́ бенкетува́ли кати́ Украі́ни,
Збудува́ли до́ні глибо́кую ха́ту;
»А бу́де гото́ве, ка́жуть, новосілля —
»Ми при́йдемо гра́ти Мару́сі весілля.«

Три нічки, серде́шні, тя́жко працюва́ли —
Глибо́кую ха́ту до́ні будува́ли,

Глибóкую хáту, сирýю могúлу...
Настáла четвéрта, осíння, туманна. —
Жде гостéй на бéнкетъ мáти безталáнна:
»Надíнь«, кáже, »дóню, сорóчечку білу,
Та вберúся гáрно, гóді сумувáти....
Бýдуть сю нічъ гóсті до нáшої хáти.«
На двóрі вже північъ — нічогó не чýти,
Ажъ ось идýть гóсті въ хáту до Васúти;—
Зібрáлися мóвчки, безъ мóви посíли,
Хазяíнъ и гóсті нáче понімíли....
Отъ, вихóдить бáтько, ставъ посередъ хáти:
»Невмíла, Марýсю, чéсти шануváти,
»Не хотíла слýхать ні бáтька, ні мáтіръ,
»Молúсь же въ-остáннє въ моíй хáті Бóгу,
»Берú своíхъ дітокъ, — рýшимо въ дорóгу«....

Чéсного громáда сýду не змінúла;
Привелú Марýсю до новóй осéлі
И спáти на віки зъ дітьмú положúли
Въ глибóку могúлу на сирíй постéлі...
Де тáя могúла — и слíду немáє,
Люде вже й забýли бъ давнó про Марýсю,
Да грíшную дýшу земля́ не приймáє;
Такъ вонá, небóже....—»Що такé, дідýсю?«
— Ні, сёгó не збáю,—не мóжу—не сúлуй...
Гóсподи помúлуй, Гóсподи помúлуй!...

П. Кузьменко.

НА ДОБРА-НІЧЪ.

На добрá-нічъ усімъ на нічъ —
Годі вже блукáти;
Одинóкий, безталáнний,
Ля́жу спочивáти.

Холóдная постілонька
У тéмній дібрóві:

Бу́ду жда́ти, сподіва́тись
Любо́ї обно́ви.

Усе́ не́бо блаки́тнее
Покри́ла темно́та
Безпросві́тня, нерозу́мна
Да́вняя дрімо́та.

Що́ якъ за го́мінъ чудни́й хо́дить
Одъ кра́ю до кра́ю?
Чи вінъ що́ намъ нага́дує,
Чи що провіща́є?

Не намъ, Бо́же, розгада́ти
Небе́сні глаго́ли;
Суди́, Бо́же, на́шу до́лю
По Твоє́ї во́лі.

И хо́лодно, и бо́язно,
Ту́га се́рце гнітить;
Всю́ди те́мно и не ви́дно,
Тільки зірка світить.

Світи́, зо́ре, на всю зе́млю,
Поки со́нце зійде,
По́ки Бо́жий день на зе́млю
Красотво́рний прійде,—

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жої сла́ви:
Въ прахъ розси́плютця буді́ви,
Старосві́тські спра́ви.

Задрижи́ть плане́та грішна́,
Сколихне́тця мо́ре:
Зарида́є змій стари́нний,
Го́ре ёму́, го́ре!

Го́ре тобі, розвінчаний
Пра́вдою тира́не!
За держа́ву тобі пла́та —
Озеро огня́не!

За злочи́ньства—въ пе́клі муки,
На землі—прокля́ття!
Го́ре тобі, Вавило́не,
Душегу́бний гра́де!

Ски́нуть же́мчугъ, заголо́сять
Пи́шнні блудни́ці;
Розкри́ютця, розчи́нютця
Скритни́і темни́ці.

Ви́йдуть му́ченики бліді —
Като́вані тіні!
Да́стця судъ імъ невмоли́мий,
Що́ тебе́ пости́гне!

Го́ре, го́ре лука́вому,
Що въ га́сло нево́лі
Оберта́е хрестъ всече́сний —
Га́сло пра́вди й во́лі!

Го́ре, го́ре бага́тому,
Що въ гордощі па́нській
Дурни́цею нарика́е
Го́лосъ пра́вди бра́тський!

Го́ре, го́ре безу́мному,
Що братівъ змуща́е:
У нече́сті, у роспу́сті
Свобо́ди шука́е.

Го́ре вче́нимъ, що одъ про́стихъ
Світло заховали,

Для кори́сти, для мамо́ни
Пра́ву ужива́ли, —

Всімъ прода́жнимъ фило́фамъ. .
Одъ ду́ху свяги́ні
Розвіютця іхъ хитрощи,
Якъ пилъ по пусти́ні!

День вели́кий, день воскре́сний,
День суда́ й любо́ви!
Передъ нимъ тума́нъ преди́де,
Слізъ тума́нъ и кро́ви...

А въ тума́ні со́нце світить,
Тума́нъ розганя́е:
Со́нце пра́вди незахідне
На ввесь світъ заси́е!

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жої си́ли!..
Розкри́ютця вели́кі
Наро́дні моги́ли,

Проки́нутця всі наро́ди,
Завітъ вічній при́ймуть,
Ворогівъ тисячолітніхъ
Ворог и́ обіймуть;

Узрять те, на що́ гляділи
И до́сі не зріли,
Узрять те, що земля́ й не́бо
Імъ давно́ одкри́ли!

Тільки тамъ, де Духъ Госпо́день,
Тамъ и пра́вда й во́ля.
Де любо́въ Госпо́дня й віра, —
Тамъ и ща́стя й до́ля!...

Світи́ жъ, зо́ре, на всю зе́млю,
По́ки день той при́йде;
А ви, бра́ття, готу́йтеся,
Бо не́ждано зійде;

Готу́йтеся, очища́йтесь
Одъ плямъ и поро́ку:
Готу́йтеся — ско́ро бли́сне
Звізда́ одъ Восто́ку!

Іеремія Галка.

ПІСНЯ.

Лети́ть го́лубъ по-надъ по́лемъ,
Спочи́нку не ма́е,
И доли́ни, и дібро́ви,
И луги́ мина́е

Ні въ садо́чку вишне́вому,
Ні въ лісі густо́му,
Не живе́тця, не сиди́тця
Ёму́ молодо́му.

Сиди́ть коза́къ край доро́ги,
Коня́ попаса́е,
До го́луба, до си́зого
Ти́хо промовля́е:

Ой куди́ ти, сизокри́лий,
Куди́ поспіша́ешъ,
Що й доли́ни и дібро́ви,
И луги́ мина́ешъ?

Хіба́ й тобі, мій го́лубе,
Не жа́лко пікого?
Хіба́ ніхто́ не коха́е
Й тебе́ молодо́го?...

Ой спусти́ся, сизокри́лий,
Одди́шъ изо мно́ю—
Полетимо́ въ и́нше по́ле
Ра́зомъ изъ тобо́ю;

За гора́ми, за яра́ми,
На и́ншому по́лі,
Пошука́емо зъ тобо́ю
Щасли́вої до́лі;

Ми зна́йдемо, мій го́лубе,
Зеле́ні дібро́ви,
И доли́ни квітча́стні;
И чо́рнні бро́ви.

Ми зна́йдемо въ те́мнімъ лу́зі
Черво́ну кали́ну,
И си́зую голу́боньку,
И га́рну дівчи́ну;

Сизокри́ла голу́бонька
Тебе́ приголу́бить,
А гарная дівчи́нонька
Козака́ полю́бить.

Л. Глѣбовъ

I.

Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко,
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́,
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

Не безъ жінки я,
Не безъ ха́ти я, —

Все у ме́не е,
Відьмо кля́тая!
Хліба до́-сита
Ма́ю въ за́сіку,
Ма́ю во́лики,
Ма́ю й па́сіку.
Моя́ ха́точка —
По́вна ча́шечка;
Моя́ жіночка —
Мовъ та пта́шечка,
Та тяжкі мої
Бо́лі більнні,
Бо не ма́ю я
Во́лі ві́льної!..

Запражу́ воли́ —
По́томъ ми́юся;
Роспражу́ воли́ —
На́ бікъ хи́люся;
Повали́ось на бікъ —
Не здріма́юся:
Зновъ на па́нщину
Підійма́юся.
Відроблю́ чуже́: —
»Жінко-ду́шечко!
Приголу́бъ мене́,
Щебету́шечко.«
А вона́ у плачъ
Розголо́ситця, —
На свое́ жене́,
Бо й те́ про́ситця...
Ро́бишъ—силъ нема́ —
Спи́на кри́витця,
А вона́ на те
Та й не ди́витця;
Ро́бишъ—силъ нема́—
Похиля́есся,

А вона́ у пла́чъ: —
»Запива́есся!«

О, я пью тепе́ръ,
Жінко лю́бая!
Не ки́дай мене́,
Ча́рко гру́бая!
Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко:
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́ —
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

II.

ЛАСТІВКА.

(Польского поэта Ленартовича.)

Йде дівчи́на-сироти́на,
Тяже́нько здиха́е,
А ла́стівка по-надъ не́ю
Круга́ми літа́е;
И літа́е и щебе́че,
По-надъ не́ю вье́тця,
Ма́ло-ма́ло крилечка́ми
У ко́си не бье́тця.
»Чого́ вье́сся, чого́ бье́сся?
Поки́нь мене́, пта́шко,
Поки́нь мене́, моя́ пта́шко,
Бо й такъ мені ва́жко!«
—Не поки́ну, не поки́ну,
А буду літа́ти:

Бу́ду тобі за бра́тіка
Твого́ щебета́ти;
Бо твій бра́тікъ що-де́нь Бо́жий
Пла́че у темни́ці: —
Наві́дайся, ми́ла пта́шко,
До мо'і сестри́ці:
Чи ще вона́ свого́ бра́та
Добро́мъ спомина́е?
Чи ще вона́ по бра́шові
Слёзи проли́ва́е!

III.

НІЧЪ-У-НІЧЪ.

(Сербського поэта Бранка Радичевича.)

Кому́ ми́ле си́не мо́ре,
Кому́ ми́лий місяць, зо́рі;
Мені ми́ла моя́ річка,
Мені ми́ла те́мна нічка.

Я що-но́чи йду́ до річки,
Беру́ чо́венъ невели́чкий,
Мо́лодъ ве́сла підійма́ю,
На той бе́рігъ поспіша́ю.

Вода́ пінить, чо́венъ плине,
Допли́ва́е сере́дини,
Страшні фи́лі, страшні кру́чи...
Допоможи́, Всемогу́чий!

Вода́ пінить, чо́венъ кра́е—
Черезъ хви́лі пробіга́е;
Ще́ разъ ру́ки підійма́ю,
До бе́ріга допли́ва́ю;

І на бе́рігъ жи́во ска́чу,

И здале́ка дівча́ ба́чу,
И потиху́ йду́ на го́ру
До ми́лої мо'ї дво́ру.

Бли́зько дво́ру коло пло́ту
Поглядаю на воро́та:
У воро́тяхъ, якъ кали́на,
Моя́ лю́бая дівчи́на.

Со́нце! жи́во жъ опуска́йся!
Жи́во, ні́чко, підійма́йся!
Жи́во, ми́ла, йди́ до ха́ти!
Го́ді мене́ виглада́ти!

Подолянинъ Ст. Руданський.

БАЙКИ

I.

ВОВКЪ ТА КІТЪ.

Въ село́ изъ лі́су Вовкъ забігъ...
Не ду́майте, що въ го́сті, бра́тця!
Ні, въ го́сті Вовкъ не забіжи́ть;
А вінъ прибігъ, щобъ де́-небудь схова́тьця:
Прокля́тий людъ зъ соба́ками насти́гъ...
И радъ би Вовкъ въ які воро́та вскочи́ть,
Та ли́шенько ёму: куди́ не погледи́шъ —
Усю́ди Во́вчика недо́ленька моро́чить, —
Хочъ сядь та й плачъ!
Воро́та, якъ на те́-жъ, кругомъ усі запе́рті,
А ду́же Во́вкові не хо́четця уме́рти,
(Бо ще́ вінъ не нажи́вся, бачъ!)
А гірше — одъ люде́й, одъ ви́димої сме́рти...
Коли́ гляди́ть —
На за́городі Кітъ сиди́ть,
На со́нечку мурли́кае, дрима́е.

Підскóчивъ Вовкъ и до Котá мовлáе:
— Котýсю-брáтіку! скажіть мині скоріше,
Хто изъ хазяінівъ оттýтъ усіхъ добріший?
Я хóчу попрохáть, щобъ хто менé зховáвъ
На сей недóбрий часъ..я бъ у пригóді ставъ...
Чи чýешъ гóмінъ той? за мнóю тó женýтця!..
Котýсю—бáтечку! куди́ мині поткнýтьця?—
»Проси́ мерщій Степáна:
Вінъ дóбрий чоловікъ«, Кітъ Вóвкові сказáвъ.
— Такъ я у ёго вкравъ барáна. —
»Ну, такъ навідайсь до Демьяна.«
— Э, и Демьяна я боюсь:
Якъ тілько навернýсь,
Вінъ и згадáе поросятко. —
»Біжи́ жъ, ажъ-генъ, живé Трохи́мъ!«
— Трохи́мъ? боюсь зійти́ся зъ нимъ:
Зъ весни́ ще злий вінъ за ягнятко! —
»Погáно жъ!. Ну... а чи не прийме Климъ?«
— Охъ, брáтіку! теля́ я въ ёго звівъ!.. —
»Такъ ти, бачý, и симъ тутъ дóбре надоівъ«
Кітъ Вóвкові сказáвъ:
»Чого́ жъ ти, брáтіку, сюди́ и забігáвъ?
Ні, нáші козаки́ ще зъ рóзуму не спáли,
Щобъ Вóвка одъ біди́ зховáли ;
И такъ-таки ти самъ себé вини́:
Щó, брáтіку, посіявъ, тé й пожни́!«

II.

ВОВКЪ ТА МИШЕНЯ.

На пóлі Вовкъ овéчку взявъ,
Потя́гъ, сердéшную, въ дібрóву,—
Не на розмóву —
А щобъ иззісти: вінъ бажáвъ
Мнясця́ свіжéнького давнéнько.

Отъ, взявъ овéчку, обідрáвъ,
Якъ знáвъ,
Та й заходúвся хорошéнько
Мнясцé пiдъ дýбомъ умынáть,
Ажъ на зубáхъ кiсткú хрущáть.
Івъ Вóвчыкъ, івъ, ажъ утомúвся,
Гарáзденько удовольнúвся,
А все-такú всёго не ззівъ.
»Нехáй вже,« кáже, »дрýгимъ рáзомъ.«
Мнясцé травúцею прикрúвъ,
А самъ спочúнуть лiгъ тымъ чáсомъ...

Ненáче панъ якúй лежúть...
А Мишенятко пiдъ вербóю
Почýло, що мнясцé пахтúть,
Та й крáдетця по-мiжъ травóю
(Якé малé, а вже й хитрúть!...)
Отъ, поманéсеньку пiдкрáлось,
Взялó мнясця, та у дупло́ й зховáлось.
Углéдівъ Вовкъ — дармá що спавъ —
И на ввесь гай гукáть почáвъ:
»Ой, лéлечко! рятýйте! поможíте!
Ловíте злóдія, держíте!
Добрó мое покрáвъ!..«

Я въ одномý селí по ярмарку гулявъ,
Та й бáчивъ дúво:
Якúй-сь тамъ становúй хвинтúвъ спiсúво
Бiля чумáцькихъ хуръ...
Чого́ вiнъ тамъ никáвъ — усi на вýсъ мотáли...
Отъ, якось, и въ ёго́ тарáні вьязку вкрáли,
А вiнъ гукáе: »прóбi! калавýръ!«

Л. Глѣбовъ

ДРУГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫЛОГО.

(Посвящается Николаю Ивановичу Костомарову.)

I.

1819-й годъ былъ хорошій, урожайный годъ въ нашемъ уѣздѣ, и помню я, какъ одинъ богатый козакъ въ селѣ Бу́ртищѣ, по прозванію Очку́ръ, вышедъ за ворота своего веселаго зеленаго двора, останавливалъ низкими поклонами добрыхъ людей, ѣхавшихъ съ копа́ми, и просилъ ихъ выпить за здоровье своего новорожденнаго. Улица буквально была загромождена возами съ чудеснѣйшимъ жи́томъ, какое только можно вообразить, такъ что и самые суровые, работящіе хозяева, запустившіе себѣ бороду до тѣхъ поръ, пока не обсѣются противъ зимы.... (у насъ въ Бу́ртищѣ козаки перестаютъ брить бороду послѣ косовицы, и выросшая у нихъ на подбородкѣ густая щетина находится въ тѣсной связи съ осенними всходами, послѣ которыхъ они опять начинаютъ бриться и, на досугѣ, охо́тно идутъ въ кумовья и старосты), такъ и тѣ нехотя должны были останавливать своихъ воловъ у двора осчастливленнаго небесами козака Очкура и выпить изъ его рукъ чарку горілки. Впрочемъ это для пахаря такая благодать, что и самое нахмуренное чело прояснялось, и, не смотря на горячую коповозную пору, вокругъ хозяина зашумѣла веселая бесѣда, точно на святкахъ.

Находя, что стоять за воротами съ чаркою и сулеею въ рукахъ цѣлый день нельзя, козакъ Очкуръ зазвалъ къ себѣ гостей

на дворъ и, усѣвшись съ ними въ кружокъ на спорищѣ (1), пировалъ какъ нельзя веселѣе. У него родился сынъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ называться Семеномъ, такъ какъ на тотъ день, въ святцахъ, назначено чествовать *преподобнаго Симеона юродиваго*....

Но не козакъ Очкуръ и его новорожденное чадо составляютъ предметъ моей повѣсти. Изъ сосѣдней хаты, сквозь веселый говоръ гостей козака Очкура, вырывались и неслись по воздуху такіе вопли, отъ которыхъ да сохранитъ Господь всякій сколько-нибудь чуткій слухъ! Тамъ рыдала мать надъ сыномъ, рыдала тѣми раздирающими сердце воплями, которые могъ спокойно слышать только тогдашній исправникъ нашъ, называвшійся комиссаромъ. Счастливый отецъ новорожденнаго, козакъ Очкуръ, уронилъ не одну крупную слезу, слушая вопли несчастной матери, такъ какъ его сердце, обрадованное рожденіемъ сына, сдѣлалось чувствительнѣе обыкновеннаго. Прочіе козаки, запрудившіе своими возами улицу, хоть и не плакали, но выразительно покачивали не только черными, кудрявыми головами, но даже и сѣдыми, уже охладѣвшими ко всякой радости и горю.

Дѣло въ томъ, что молодой козакъ Поликарпъ Зарубáй, сынъ козачки вдовы Зарубáихи, не спустилъ комиссарскому сыну за обиду своей невѣсты, къ которой тотъ присталъ съ какими-то неучтивыми любезностями. Больно или нѣтъ поколотилъ онъ его благородіе—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ прикоснулся своими пахарскими руками къ благородному юношѣ, прапорщику, пріѣхавшему въ отпускъ изъ какого-то мушкатерскаго полка — обрадовать отца свѣжими эполетами. Каждый чадолюбивый отецъ по себѣ можетъ судить, пріятно ли было комиссару, видѣть на прекрасномъ, исполненномъ дворянскаго достоинства, лицѣ благороднаго юноши простой синякъ, на манеръ тѣхъ, какіе не рѣдко украшаютъ посѣтителей городскихъ питейныхъ домовъ (въ селахъ у насъ добрые люди пьянствуютъ мирно). А такъ какъ власть комиссара была въ Бýртищѣ неограниченная, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что десятскіе заковали Поликарпа Зарубая въ рекрутскіе кандалы, въ то самое время, когда онъ, воро-

(1) Низенькая и кудрявая травка *спори́шъ* ростетъ только тамъ, гдѣ ее безпрестанно топчутъ.

тясь съ поля съ полнымъ возомъ жита, усѣлся было съ своею матерью обѣдать.

Для бóльшаго огорченія вдовы Зарубанхи, у нея съ сыномъ какъ нарочно зашелъ самый пріятный разговоръ о томъ, кого просить въ сваты, когда упóраются и обсѣются въ полѣ, чтобы сватать, съ другого конца Бýртища, Катрю Дубівну, извѣстную во всемъ селѣ красавицу. Только что разговорилась бѣдная вдова о томъ, что, хотя козакъ Дубъ и не богатъ, но хорошія у него дѣти и повелъ онъ ихъ *чéснимъ звичáемъ, по-старосвітськи*, какъ тутъ на порогъ незванные гости, десятскіе! Они не сочли за нужное скрыть отъ матери комиссарскую угрозу, что онъ ея Поликарпа отдастъ въ солдаты безъ очереди, за буянство; а это значило, что уже никакія просьбы, ни моленія не спасутъ Поликарпа. Тогдашній комиссаръ могъ служить образцомъ нынѣшнему исправнику относительно непреклонности воли. У него даже и взглядъ былъ такой, что, на кого онъ устремлялъ его, у того въ ту же минуту переставали литься слезы. Сказанное имъ было все равно, что написанное, а написанное его перомъ не вырубливалось и топоромъ. Поэтому вдова Зарубанха могла рыдать сколько ей угодно въ своей хатѣ надъ сыномъ, обхвативъ его голову, — это столько же могло помочь ему, какъ и тогда, когда бы онъ лежалъ передъ нею мертвый. Коротко сказать, что рекрутскій наборъ въ томъ году случился въ нашей губерніи какъ нельзя больше кстати: молодой, рослый, чернобровый Поликарпъ Зарубай возвеселилъ души пріемщиковъ своимъ образцовымъ сложеніемъ, и власть комиссара, грозная всегда для села Бýртища, сдѣлалась послѣ этого еще грознѣе. Одна осиротѣлая мать, зная, что терять ей больше нечего, билась объ землю и проклинала, какъ она неприлично выражалась о комиссарѣ, *ненасúтного пузанá* и весь родъ его, и дѣтей его, и внуковъ его!

Грустно подумать, что такое событіе, какъ отдача молодого козака въ солдаты, было слѣдствіемъ явленія очень обыкновеннаго, именно—любезничанья празднаго прапорщика съ сельской красавицей, а между тѣмъ—сколько пролито было слезъ!... и не одной матерью, но и тою, которая во всемъ селѣ Бýртицѣ не знала лучшаго пáробка, какъ Поликарпъ Зарубай! Конечно, Катря Дубівна могла быть утѣшена десяткомъ другихъ паробковъ, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, доказали ей своими ухажи-

ваньями и даже драками между собою, что она—первая красавица на селѣ; но оспротѣлую мать некому было утѣшать въ молчаливой хатѣ; ни на комъ не остановились ея глаза съ любовью, этимъ единственнымъ врачевствомъ растерзаннаго сердца; никто, никто не могъ замѣнить ей не только слова, но даже и взгляда ея милаго сына.... Пропалъ козакъ! Меньше однимъ бойкимъ, молодцоватымъ паробкомъ въ Бу́ртищѣ! Меньше однимъ звонкимъ голосомъ въ пѣсняхъ! Меньше однимъ завиднымъ женихомъ на селѣ!... Что́ жъ дѣлать? Такъ, видно, Богъ далъ, чтобъ комиссаръ заставлялъ всю громаду плясать подъ свою дудку. Видно, за отцовскіе и дѣдовскіе грѣхи караетъ Господь козаковъ такимъ на́пускомъ.

II.

Прошло лѣтъ шесть или семь. Катря Дубівна давнымъ-давно вышла замужъ. О ея прежнемъ женихѣ вспоминали рѣже и рѣже; наконецъ и совсѣмъ перестали вспоминать. Одна только мать ждала вѣстей о немъ съ каждымъ днемъ и часомъ; но вѣстей никакихъ не было. Видно, услали его съ солдатами на край свѣта; видно, убили его на войнѣ, а пожалуй умеръ козакъ съ тоски по родинѣ.

Осенью 1826 года, въ одно изъ тихихъ, солнечныхъ воскресеній, когда козаки наши сидѣли съ своими семьями за воротами и здоровались съ проходящими мимо сосѣдями, въ село Бу́ртище въѣхала нечестивая жидовская бричка, свидѣтельствующая, что сидящій въ ней путешественникъ—человѣкъ разсчетливый и неторопливый. Она была наполнена всякимъ добромъ, которое, судя по выглянувшей изъ нея офицерской фуражкѣ, было добро офицерское. Козакамъ нашимъ не было никакого дѣла ни до безобразной жидовской будки, ни до путешествующаго въ ней офицера. Покуривая люльки́, они смотрѣли какъ нельзя равнодушнѣе на косматаго жида, отъ роду не пробовавшаго, что́ за вкусъ въ колбасѣ и поросенкѣ, и на его четверню тощихъ клячъ, которымъ, какъ это всякому извѣстно, нечистая сила помогаетъ пробѣгать въ сутки отъ 70 до 90 верстъ. Но бричка, выбравши хату, у которой сидѣло побольше народу, остановилась, и офицеръ,

молодой красивый человѣкъ, съ черными, лоснящимися усами, сказалъ:

— Здравствуйте, добрые люди!

»Здорóві бýдьте и ви, добрóдію!« отвѣчали козаки.

— Съ недѣлею!

»И васъ также!«

Это поздравленіе съ воскреснымъ днемъ, обычное у простонародья, расположило козаковъ въ пользу странствующаго рыцаря.

— А гдѣ тутъ живетъ у васъ вдова Зарубанха? спросилъ офицеръ.

»А нá що вамъ, добрóдію, вдову Зарубáіху?« спросили козаки.

— Видно, ваше село горѣло и перестроилось, сказалъ, вмѣсто отвѣта, путешественникъ: — я не узнаю́ знакомыхъ хатъ.

»Булó всёго́, добрóдію«, отвѣчали козаки.

Но уже нѣкоторые изъ нихъ подступили ближе къ жидовской бричкѣ и всматривались въ странствующаго рыцаря.

— Да се жъ Зарубáенко! се жъ Полікáрпъ вдовúченко! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ одну минуту народъ окружилъ бричку.

Село Бýртище взволновалось невѣроятною новостью.

»Дá, люди добрые!« говорилъ офицеръ, »я тотъ самый Поликарпъ Зарубаенко, котораго вы громадою отдали за буйство въ солдаты. Жива ли еще моя матушка?«

— Слáва Бóгу, підскáкує! сказали радостно козаки. — А що ми васъ отдалú громáдою въ москалі, такъ то винá не нáша, добрóдію. Скачú, врáже, якъ панъ кáже!

»Я на васъ и не сержусь«, отвѣчалъ офицеръ: »вы мнѣ добро, а не зло сдѣлали.«

— А хибá ви, добрóдію, справдí велúкимъ пáномъ зробúлись? спрашивали козаки.

Но офицеръ нетерпѣливо желалъ видѣть свою мать, и козаки, окруживъ бричку, десяткомъ рукъ указывали косматому жиду и офицеру убогую хату вдовы Зарубанхи.

III.

Хата вдовы Зарубанхи спаслась какимъ-то чудомъ отъ пожара, истребившаго значительную часть Бýртища. Отецъ Потапій,

тогдашній нашъ священникъ, предшественникъ отца Петра, стоя у себя на скирдѣ хлѣба, видѣлъ, какъ надъ этой хатой вилась бѣлая туча голубей, ярко рисуясь на бурыхъ и синеватыхъ клубахъ дыма, валившаго изъ сосѣднихъ хатъ богатаго козака Очкура́. »Но, по здравомъ размышленіи (говорилъ онъ), я нахожу, что то были не голуби, поелику бѣлизна ихъ превосходила сіянье снѣга въ солнечный день морозный, — то была бѣлая риза ангела-хранителя, котораго нашимъ грѣшнымъ очесамъ не возможно видѣть въ его истинномъ образѣ, то есть въ такомъ, какъ онъ изображенъ на сѣверныхъ вратахъ иконостаса, съ огненнымъ мечемъ въ десницѣ и въ желтыхъ сапогахъ, попирающихъ діавола.«

Какъ бы то ни было, только спасеніе вдовиной хаты признано было всѣми сосѣдями за чудо, и самъ отецъ Потапій сознавался, что, еслибъ эта убогая хата не стояла между пылающимъ козакомъ Очкуромъ и его собственною левадою, то не молотить бы ему въ ту осень хлѣбныхъ скирдъ: »мнози бо грѣси одержатъ мою утробу«, прибавлялъ со вздохомъ отецъ Потапій, къ истинному удивленію козаковъ, которые никакъ не могли допустить мысли, чтобъ нельзя было отмолиться *попу* отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ грѣховъ!

Итакъ хата вдовы Зарубанхи, и семь лѣтъ тому назадъ уже старая, теперь, въ сравненьи съ новыми сосѣдними постройками, казалась еще старѣе. Еслибъ покойный ея мужъ, козакъ Зарубай, не былъ лучшій на селѣ кровельщикъ, то давно бы уже прогнила на ней солома, и осенніе дожди протекали бы сквозь крышу и потолокъ на голову несчастной, безпомощной, одинокой Зарубанхи. Но крыша была — точно кованная, и показывала свою древность только зеленымъ мохомъ, который раскинулся по ней красивыми, почти сплошными пластами, гуще къ краямъ и рѣже къ высокому дымарю. Всё-таки она надвинулась довольно угрюмо надъ бѣлыми стѣнами хаты и сѣней и надъ сѣрыми бревнами, изъ которыхъ сложена еще покойнымъ Зарубаемъ комора, въ одной связи съ сѣньми.

Комора была славная у Зарубанхи, съ деревяннымъ поломъ и сте́лею. Покойный мужъ ея съ тѣмъ и строилъ эту комору, что когда, Богъ дастъ, дождетъ онъ женить своего Поликарпа, тогда сто́итъ только прорубить въ ней окна, и »противная хата« для него готова.

А всё-таки видно, что мужскія руки не пóраются на дворѣ у Зарубаихи: все кругомъ обветшало, обвалилось и уже употребляется на топливо. Но, подобно тому, какъ солнце вдругъ прорѣжетъ осеннія тучи и ярче лѣтняго озаритъ мокрыя травы и трепещущія, ярко-желтыя и красныя листья на грушахъ, — такъ вѣсть о возвращеньи сына все озарила и измѣнила не только на печальномъ лицѣ старушки, но какъ-будто даже и на ея заросшемъ бурьянами дворѣ. Инымп глазами взгляпули теперь козаки и на убогую вдову, и на ея убогое и обветшалое двóрище.

Сосѣднія дѣти давно уже набѣжали съ улицы въ ея хату и радостнымъ крикомъ возвѣстили ей, что воротился ея Поликарпъ. За этимъ милымъ, драгоцѣннымъ для нея словомъ, она не слышала другого слова, двадцать разъ повтореннаго дѣтьми: *офицеръ! офицеръ! офицеръ!* Она не повязала даже головы платкомъ, и въ домашнемъ очіпкѣ выбѣжала за ворота.

Гдѣ же онъ? Неужели это ея Поликарпъ идетъ къ ней скорыми шагами, впереди дивующагося народа?... И уже, сквозь его новую, чужую для нея внѣшность, она различаетъ его родныя для нея черты. Онъ оставилъ ее съ застывшими у ней на глазахъ слезами, застывшими именно потому, что взглядъ комиссара произвелъ на нее обычное свое дѣйствіе. Онъ воротился къ ней — и слезы ея теперь другія: ихъ озаряетъ радость, мятеринская радость, какъ яркое солнце осеннюю, еще живую и прекрасную природу.

Но какъ, однакожъ, много отняли у ней эти семь лѣтъ! какими страшными чертами обозначились они на ея лицѣ! Въ первую минуту свиданія время и горе показываютъ намъ все, что́ они вмѣстѣ сдѣлали на миломъ для насъ образѣ; но когда, въ задушевной бесѣдѣ, близкій намъ человѣкъ выкажетъ передъ нами всю внутреннюю красоту свою, незримую для людей далекихъ, тогда на его внѣшнемъ образѣ изглаживаются признаки физическаго разрушенія, и кажется намъ, что дорогое намъ существо никогда не разрушится.

То самое случилось и съ Поликарпомъ Зарубаемъ. Когда радостная мать ввела его въ хату и, расцѣловавши въ десятый разъ, отерла свои слезы, — ему показалось, что это только вчера онъ съ нею обѣдалъ и бесѣдовалъ о Катрѣ Дубівнѣ.

Сколько можетъ вынести человѣкъ! Еслибъ мы сами были не

люди, мы бы съ трудомъ повѣрили, что тотъ, кого сердечная боль заставляетъ биться объ землю, какъ билась эта несчастная вдова, что тотъ можетъ еще быть когда-нибудь радостенъ и бодръ тѣломъ и душою.

Да́, можетъ быть, въ жизни своей никогда еще не чувствовала такого счастья вдова Зарубаиха, какъ въ этотъ день, — даже и въ весеннюю пору своей жизни, когда она была вся цвѣтъ и красота, а ея мужъ, давно уже похороненный отцемъ Потапіемъ, тогда еще женихъ, вернулся съ Дону, ведя за собой помахиваніемъ батога чудесную паровѝцу (1), и она встрѣтила его, по какому-то предчувствію, за селомъ, и онъ, щадя ея дѣвическую честь передъ чумаками, не сказалъ ей ни слова, но поднялъ правой рукой высокій, запыленный бриль и такъ ей поклонился, такъ поклонился... ну, этого никакими словами не разскажешь! И тогда она не была ни такъ счастлива, ни такъ молода сердцемъ, ни такъ добра ко всему міру, какъ теперь. Еслибъ комиссаръ явился теперь къ ней въ гости, — она бы и его встрѣтила, какъ родича. Но комиссаръ, яко человѣкъ вели́кого коліна, по выраженью козаковъ, — никогда не удостоивалъ подобной чести простую хату, и если когда случалось ему по дѣламъ сидѣть *кіне́ць сто́ла* у головы, то самъ голова докладывалъ ему о дѣлахъ, стоя у порога.

Зато пришли къ ней, въ качествѣ гостей, многіе сосѣди, чуждавшіеся прежде убогой и унылой хаты; пришелъ и самъ богачъ Очкуръ, держа передъ собой накрытаго полами балованнаго сынка Семенка, родившагося на преподобнаго Симеона юродиваго, въ томъ самый день, какъ Поликарпа Зарубая заковали въ рекрутскіе кандалы. Козакъ Очкуръ отеръ одну, а можетъ быть и другую слезу по этому случаю, тронувшему его родительское сердце, но, въ отсутствіе Поликарпа, не одинъ разъ далъ бѣдной вдовѣ почувствовать сосѣдство богатаго двора. Какъ-бы угадывая, что вдова Зарубаиха теперь не попрекнетъ его ничѣмъ, онъ пришелъ къ ней, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и, вынувъ изъ-за пазухи завернутую въ бѣлую хустку паляницу, положилъ на столѣ. Это значило, что онъ не случайно зашелъ къ ней въ хату, но какъ равный къ равному, въ качествѣ гостя. Явилось у вдовы на столѣ

(1) *Паровѝця* — возъ, запряженный парою воловъ.

и еще нѣсколько почетныхъ паляницъ, и вдова, усадивъ своего милаго — и притомъ чиновнаго — сына конецъ стола, протерла чистою тряпкою свою и безъ того чистую лавку для пришедшихъ на ея радость сосѣдей.

Сынъ, помня обычаи предковъ, досталъ было уже изъ кармана кошелекъ, чтобъ послать за горілкою, но мать остановила его.

— Я, слáва Богу, не лежáла лéжнемъ, не гуляла по шинкáхъ. Про мою нýжду и для шанóби дóбрихъ людéй, найдется въ мéне въ гаманці копійка.

И уже быстроногая сосѣдняя дѣвочка летѣла во весь духъ къ шинкарю Остапу, мудрѣйшему изъ смертныхъ во всемъ Бýртищѣ, умѣвшему разчесть, сколько въ году часовъ, а въ сотнѣ рублей и копеекъ, на что́ не хватало премудрости и у волостного писаря.

IV.

Между тѣмъ жидъ, обладатель уродливой будки и четверни невообразимо тощихъ клячъ, гонимыхъ нечистою силою, навьючился офицерскимъ добромъ и тащилъ его въ хату. То были ситцевыя подушки, березовые чубуки, огромный кисетъ съ кисточками по угламъ и съ вышитой на немъ собакою, пестрый архалукъ и еще множество другихъ мелочей, которыя трудно было разсмотрѣть съ перваго взгляда. Да никто въ это добро и не всматривался, потому что всѣхъ поразила, какъ молнія, одна мысль: неужели некрещеный жидъ войдетъ въ хату въ своей косматой шапкѣ, какъ-будто... Духъ святый съ нами! Неужели мало того, что офицерская собака пробралась между ногъ почтенной компаніи и улеглась подъ лавкою у самыхъ каблуковъ его благородія?... Всѣ оцѣпенѣли отъ этой мысли; но, какъ дѣло ближе всего касалось вдовы Зарубаихи, то она первая и опомнилась отъ изумленія и страха.

— Тю, къ нечúстій мáтері, не при хáті спомина́ючи! вскрикнула она. — Гля́ньте, лю́де дóбрі, нечúстий жидю́га прéтця въ хáту!

Тутъ, кто сидѣлъ поближе къ порогу, бросились защищать

святыню хаты, и въ самую пору оттѣснили жида съ ситцевыми подушками и чубуками. Офицерское добро перетаскано было въ хату дюжими паробками, которые, изъ почтенія къ своимъ отцамъ и матерямъ, оставались до сихъ поръ въ сѣняхъ и смотрѣля оттуда въ дверь на офицера.

Жидъ очень оскорбился грубымъ пріемомъ въ козачей хатѣ и сказалъ, что онъ бывалъ и въ панскихъ домахъ, на второмъ »и дазе на третьемъ этазѣ.«

— То пáнськиі домá, а се христиáнськая чéсная хáта! отвѣчали ему кротко паробки. — Ми бъ и собáки не впустúли, да тільке, що офицéрська собáка.

Жидъ еще больше оскорбился кроткимъ отвѣтомъ паробковъ и прибѣгнулъ къ своему натуральному мщенію: онъ громко и немедленно требовалъ отъ офицера денегъ, стоя въ сѣняхъ въ своей косматой рыжей шапкѣ и держа въ рукѣ коротенькую плеть на длинномъ кнутовищѣ.

Паробки бдительно охраняли хатній порогъ, и офицеръ передалъ деньги жиду черезъ десятокъ рукъ.

Тотъ сосчиталъ ихъ, увидѣлъ, что есть и прибавка, и, не сказавъ ни добраго, ни худого, молча отправился къ своимъ лошадямъ, въ сопровожденьи паробковъ, которые объяснили тутъ же хлóпчикамъ и дівчáткамъ, что жидъ своихъ коней никогда не кормитъ, а только поитъ, и что нечистая сила гонитъ ихъ по 70 и по 90 верстъ въ сутки.

Вслѣдствіе этого объясненія, хлопчики и дівчáтка, обступивъ жида и его бричку съ лошадьми, спрашивали въ десятокъ голосовъ:

— Жúди! а нá що ви Христá замýчили?

Другой десятокъ голосовъ кричалъ:

— Жúде! жúде! свиняче ýхо! чи не хóчешъ поросятúни?

Третій десятокъ голосовъ еще звонче кричалъ:

— Жúде! жúде! а давнó твогó бáтька хапýнъ ухопúвъ?

Бѣдный потомокъ воиновъ, разрушавшихъ одними трубными звуками городскія стѣны, готовъ былъ, казалось, разорваться отъ досады на свое безсиліе, и его плеть на длинномъ кнутовищѣ такъ и вилась у него въ рукахъ, точно змѣя, готовая ужалить. Но рослые паробки, въ новыхъ свиткахъ и огромныхъ сапогахъ, стояли съ такимъ величавымъ спокойствіемъ въ арріергардѣ дѣтскаго ополч-

ченія, что его измельчавшая душа опускалась въ немъ, замѣтно для него самого, ниже груди и »дазе зивота«! Все, что́ могъ онъ сдѣлать, такъ это плюнуть, вскочить на ко́зла и погнать своихъ тощихъ клячъ такъ быстро, что дѣти остались въ несомнѣнномъ убѣжденіи на счетъ нечистой силы.

Этимъ, однакожъ, онъ не отдѣлался. Гикалъ и вьюкалъ онъ на свою четверню изо всѣхъ силъ; четверня неслась въ пыли, какъ сумасшедшая; опорожненная будка звякала и стучала безбожно. Жидъ не могъ слышать вокругъ себя ничего, кромѣ грохота собственной колесницы; но онъ видѣлъ, какъ хлопчики и даже взрослые паробки, у другихъ хатъ, махали ему концами своихъ полъ, свернутыми на подобіе свинного уха; онъ видѣлъ, какъ дівча́тка, впереди его, чертили на пескѣ кресты; онъ видѣлъ, какъ степенные молодицы, идучи отъ колодязя съ полными ведрами, нарочно останавливались, чтобъ не перейти ему дороги, а тѣ, у которыхъ было надѣто на конецъ коромысла два пустыхъ ведра, то и дѣло шмыгали передъ нимъ непереге дороги (¹). Еслибъ у него не висѣло сбоку брички желѣзное дырявое ведро, то можно сказать навѣрное, что ему никто на селѣ не далъ бы ведра напоить лошадей. Жидъ и откупщикъ, жидъ и обманщикъ, жидъ и врагъ всякаго добраго человѣка — въ Буртищѣ значило одно и то же. О жидахъ, еще со временъ польскаго ига, ходитъ у насъ въ народѣ множество возмутительныхъ воспоминаній. Невѣжество и суевѣріе облекли, большею частію, эти воспоминанія въ чудовищныя или фантастическія сцены; но въ основаніи вымысловъ лежитъ всё-таки память, что жиды, въ рукахъ пановъ и іезуитовъ, были самымъ ужаснымъ орудіемъ порабощенья и грабежа слабыхъ и беззащитныхъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. При помощи этого безжалостнаго къ народу орудія, Ляхи или, что́ одно и то же, паны въ Украинѣ поселили къ себѣ въ народѣ такую страшную ненависть, что въ XVII вѣкѣ умирающій ребенокъ говорилъ: *Ма́мо, закри́й мені о́чи, щобъ мені на того́ пога́ного Ляха́ не диви́тись!* А растравленные польскими панами на народѣ жиды и послѣ гибели своихъ высоко-

(¹) Кому встрѣтятся полныя ведра на дорогѣ, того ожидаетъ успѣхъ въ предпріятіи. Желая счастья отправляющемуся въ путь, нарочно переходятъ дорогу съ полными ведрами. Встрѣча съ порожними ведрами предвѣщаетъ неудачу.

родныхъ патроновъ не переставали изъ рода въ родъ упражняться на Украинѣ въ искусствѣ обмана, коварства и предательства. Что́ же тутъ мудренаго, если потомки Небабъ и Морозенковъ гнушаются прикосновеніемъ къ жиду, а малыя дѣти преслѣдуютъ его насмѣшками и ругательствами? Устами ихъ говоритъ исторія, которая одна осталась Украинцу въ наслѣдство отъ его предковъ....

V.

Въ то самое время, когда мстительныя насмѣшки и ругательства провожали, отъ хаты вдовы Зарубанхи до самой ца́рины (1) въ поле, косматую фигуру такъ называемаго Фурмана (названіе, присвоенное лучшему классу еврейской общины, ямщикамъ), въ сѣняхъ, а потомъ и въ хатѣ вдовы Зирубанхи, появилась другая косматая фигура, и въ добавокъ еще неопрятная, если неопрятностью слѣдуетъ назвать то, что на ней былъ засаленный нанковый балахонъ, препоясанный широкимъ, шитымъ разноцвѣтными гарусами поясомъ, уже давно полинялымъ и многажды закапаннымъ во время питія и яденія. Но паробки, стоявшіе въ сѣняхъ, разступились передъ этой фигурой, снабженной большимъ крючковатымъ носомъ и парою глазъ, которыя какъ будто притаились по обѣимъ сторонамъ его въ узкихъ щелочкахъ, что́ придавало всему его лицу видъ хаты, которой хозяинъ закрылъ оконницы отъ мухъ и улегся послѣ обѣда спать. Эта послѣдняя особенность, довольно обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ между высшимъ, совершенно обезпеченнымъ сословіемъ, не поражала нисколько общества, собравшагося у вдовы Зарубанхи. Что́ касается собственно до офицера, то онъ почтительно поднялся съ своего мѣста и, перемѣстивъ чубукъ изъ одной руки въ другую, проспалъ молчаливымъ движеніемъ руки и наклоненьемъ всего корпуса такъ называемаго благословенія у нанковаго балахона. Но нанковый балахонъ, поднявъ обѣ растопыренныя руки свои къ собственнымъ плечамъ съ видомъ отрицанія, а главу склонивъ немного на сторону, произнесъ трогательнымъ голосомъ:

(1) *Ца́рина* — ворота на концѣ села.

— Не благословляю!

Эти жесты и это неожиданное слово привели офицера въ такое изумленіе, что онъ долго бы еще не опустился на лавку, еслибъ сосѣдніе козаки не сказали, сложась по слову:

»Эге́, Поликáрпъ Ивáновичъ! нáшого отця́ Потáпа посади́ли на лідъ, чи я́къ би то вамъ сказáть?... трóшки осу́нули... а пóпросту изъ попівъ да въ дякú.«

— Истинно! сказала эта странная персона, которую козаки снисходительно называли отцемъ Потапіемъ. Врагъ рода человѣческаго посрамилъ мою старость. Состóю теперь заштатнымъ дьячкомъ при церкви Вознесенія Господня. Если позволите облобызать себя, почту за честь.

Офицеръ позволилъ облобызать себя и, потомъ опустясь на лавку, совѣстился за бывшаго отца Потапія, котораго козаки единственно по привычкѣ продолжали звать отцемъ Потапомъ. Но бывшій отецъ Потапій, у котораго глаза обозначались токмо узкими щелочками, по-видимому не зналъ, что́ значитъ совѣститься. Онъ занялъ мѣсто по другую сторону стола, на лавкѣ, и спокойно гладилъ свою рыжую бороду.

Между тѣмъ богатый на все село козакъ Очкуръ, сидя на другой лавкѣ, рядомъ съ офицеромъ, и держа передъ собой между ногъ балованнаго сынка, продолжалъ:

»Эге́, óтче Потáпе! ми вамъ казáли, що вимагáння вáше не доведе́ васъ до добрá. А лýчче бъ булó живúтьця зъ мúру чéсно.«

— Суетно слово твое, Миронъ Петровичъ! отвѣчалъ засаленный и очевидно опустившійся бывшій отецъ Потапій. — Не мое вымоганье меня низвергло, а вымоганье свыше. Сказалъ бы я тебѣ и больше, *да пічъ у хáті*(1). Но имѣяй уши слышати да слышитъ. Распустили вы суетную славу о моемъ богатствѣ и тѣмъ самымъ повергли меня въ бездну золъ. А у меня всего богатства — бочка горілки въ коморѣ. Вашего жъ брата, не кого другаго угощалъ по своему благодушію, а вы — возвеличили на мя запинаніе! Погибаю отъ щедроты руки своей, не отъ чего инаго, Поликарпъ Ивановичъ! обратился онъ къ офицеру.

»Ні, óтче Потáпе!« сказалъ другой козакъ, »ви намъ не до-

(1) Этими словами выражаютъ у насъ невозможность высказаться, по причинѣ опасности со стороны властей, или воизбѣжаніе другихъ непріятностей.

рікáйте чáркою горілки. Чáрку горілки знайшлú бъ ми и въ сéбе въ госпóді, а колú щó, то й до Остáпа не далéко. Тá бóчка горілки стáла вамъ за дéсять. Хибá мáло ми вамъ переробúли ділá толокóю? И двіръ вамъ своімъ кóштомъ обстрóіли, и левáду, такъ якъ томý комисáру, обгородúли.«

— Обгородили! перебилъ бывшій отецъ Потапій съ неудовольствіемъ. — Лучше бъ она пустыремъ стояла!

»Отсé тобі попівська дя́ка!« сказалъ одинъ сосѣдъ другому.

— Чóмъ же се такъ? спросилъ козакъ Очкуръ.

Бывшій отецъ Потапій понурился: ему не хотѣлось отвѣчать; но онъ отвѣчалъ, однакожъ:

»Пошла мнѣ въ прокъ ваша огорожа! теперь продаю леваду.«

— Продаетé! щó жъ ви за нéі хóчете?

Этотъ вопросъ предложилъ козакъ Очкуръ, не пропускавшій случая прикупить земли.

»Сто и пятьдесятъ.«

— Дóрого, óтче Потáпе! А рівно дамъ.

»Рівно! такъ ровнять дóбре!«

— Ну, дéсять на стó накúну.

Этотъ разговоръ, для насъ довольно скучный, заинтересовалъ офицера такъ, что онъ началъ дымить Жуковымъ больше обыкновеннаго.

»Нѣтъ, накидай больше, коли хочешь.«

— Пятнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-пять.«

— Сімнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-три.«

— Вісімнáдцять съ копóю!

»Тридцать-три безъ копы.«

Видно было человѣку опытному, что продавецъ и покупщикъ осторожно приближаются къ цѣнѣ, которую одинъ готовъ взять, а другой — дать, и всѣ сколько-нибудь проницательные люди угадывали, что эта цѣна — 125 цѣлковыхъ.

— Двáдцять! сказалъ козакъ Очкуръ, погладивъ сынка по головкѣ своею мускулистою, работящею рукою.

»Тридцать-два.«

— Двáдцять съ копóю!

»Тридцать-одинъ.«

— Ні бо, о́тче Пота́пе! ви збавля́йте по-лю́дськи.

»Ну, тридцать«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Еще ли тебѣ не по-людски, Миронъ Петровичъ?«

— Беріть два́дцять и оди́нъ!

»Не возьму и двадцати-девяти съ копою.«

— Эй, беріть, о́тче Пота́пе! говорилъ козакъ Очкуръ такимъ тономъ, какъ-будто левада убѣжитъ куда-нибудь изъ села.

»Тридцать.... Тридцать дней въ мѣсяцѣ и за тридцать сребренниковъ....«

Но тутъ бывшій отецъ Потапій кашлянулъ и сказалъ только:

— Цѣна законная!

»Два́дцять-оди́нъ и копа́!«

Бывшій отецъ Потапій кивнулъ отрицательно головою.

Офицеръ жестоко потянулъ Жукова.

— Ну, два́дцять-два, да й го́ді!

»Хиба́ що го́ді!« отвѣчалъ равнодушно бывшій отецъ Потапій.

— Що́ жъ ви робитимете съ ти́ми, якъ ви ка́жете, сре́бреніками?

»Миронъ Петровичъ!« сказалъ строго бывшій отецъ Потапій, вообразивъ, что ему намекаютъ на Искаріота.

Но козакъ Очкуръ далеко не былъ такъ грубъ, чтобы швырнуть камнемъ въ человѣка беззащитнаго. Ему только хотѣлось удержать за собой славу хорошаго хозяина, который знаетъ цѣну вещамъ и не заплатитъ ни копейки лишняго. Упорство обладателя завидной для него левады, остановившееся на тридцати, пугало его, какъ естественная грань пугаетъ завоевателя. Еслибъ ему сбить бывшаго попа только съ этой грани хоть на одну *ко́пу*, тогда ужъ естественно цѣна левады спустится мало-по малу до 25 рублей сверхъ сотни. Но офицерская трубка уже хрипитъ, и этотъ хрипъ смущаетъ догадливаго Очкура.

»Два́дцять-два съ копо́ю!« вскричалъ онъ съ ожесточеніемъ. »Ну, уступа́йте жъ, о́тче Пота́пе, хоть ко́пу! Ну, ко́пу, ко́пу!«

— Дивны дѣла твои, Миронъ Петровичъ! Ну, что́ для тебя значитъ копа? сказалъ бывшій отецъ Потапій, радуясь съ своей стороны, что на 125 рубляхъ дѣло рѣшится. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ подобно кокетливой поселянкѣ, которой сердце давно уже принадлежитъ искателю, но, изъ удовольствія помучить не-

терпѣливаго счастливца, она отворачивается и принимаетъ равнодушный видъ.

»Такъ уступа́ете ко́пу, о́тче Пота́пе?

— Ну, пожалуй, копу уступаю.

»А я приба́влю ко́пу. Два́дцять-три!«

— Ну, прибавка! Стыдился бъ ты, Миронъ Петровичъ, попусту время терять. Скажу тебѣ прямо: 28 да и шаба́шъ! Въ февралѣ 28 дней, а меньше того — ни въ единомъ мѣсяцѣ.

»Дожида́йтесь же февраля, о́тче Пота́пе! а тепе́ръ я вамъ даю́ два́дцять-три съ копо́ю.«

— Уже ты всѣмъ надоѣлъ своими копами, Миронъ Петровичъ!

»Ну, рівно два́дцять-чоти́ри, послі́днє слово́!«

— Двацать-семь, послѣднее слово.

При этомъ офицерская трубка страшно захрипѣла, и уже не Жуковъ, а какой-нибудь Мусатовъ 4-го сорта вылеталъ изъ березоваго чубука.

Три рубля, всего три рубля раздѣляли сражающихся, и офицеръ того только и ждалъ, что они хлопнутъ по рукамъ. Но всѣ прочіе слушатели, кромѣ баловаинаго хлопчика, были увѣрены, что хлопнуть по рукамъ можно было только на 125 рубляхъ, въ чемъ не сомнѣвались взаимно и торгующіеся. Вдругъ офицеръ, выпустивъ изо рта самый нестерпимый табачный смрадъ, сказалъ:

»Я даю!«

Всѣ прикипѣли къ своимъ мѣстамъ отъ изумленія, кромѣ великаго знатока въ людяхъ и въ вещахъ, козака Очкура, который потому именно и торговался такъ рѣшительно, что съ разу почуялъ близость соперника. Не воротись изъ службы Поликарпъ Зарубаенко въ офицерскомъ образѣ, онъ бы спокойно выслушалъ желаніе бывшаго отца Потапія продать леваду и повелъ бы дѣло такъ искусно, что попова левада досталась бы ему во 120 рубляхъ, никакъ не болѣе.

— *Я* даю 127 за леваду! произнесъ безтрепетно герой дня, къ неописанному восторгу старушки матери, и тутъ же вынулъ изъ бокового кармана задатокъ.

»А я даю 128!« вскричалъ козакъ Очкуръ, доставая изъ шароваръ кожаный гама́нъ.

— А я 129! сказалъ офицеръ.

»А я 130!«

— А я 131!

Тутъ ужъ козакъ Очкуръ, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ былъ уступить, чтобъ спасти хозяйственную свою славу, а торжествующій бывшій отецъ Потапій принялъ задатокъ.

VI.

Въ самую пору явилась на столѣ горілка. Счастливая хозяйка, наливъ первую чарку, возвысила голосъ такъ торжественно, что даже паробки и дівча́та, смотрѣвшіе изъ сѣней на офицера, перестали между собой пиха́ться, перекидываться шутками и умѣренно, такъ сказать шепотомъ, хохотать.

У насъ, въ Бу́ртищѣ, выпить въ компаніи чарку горілки вовсе не значитъ влить въ ротъ, проглотить и крякнуть, какъ дѣлаютъ солдаты или извощики, которые имѣютъ обыкновеніе еще сморщить лицо и плюнуть. У насъ это значитъ — произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя другимъ было бы и пріятно и поучительно слушать. Вдова Зарубаиха вспомянула за чаркою всю свою одинокую жизнь, отозвалась съ благодарностью о тѣхъ, кто ее не забывалъ (хотя этихъ немногихъ людей, большею частью такихъ же, какъ и она, бѣдняжекъ, и не было въ числѣ ея гостей), о своихъ же притѣснителяхъ, не называя ихъ по имени, сказала пословицу: *Во́рога хлібомъ да сіллю карáй!* что́ заставило нѣкоторыхъ потупиться въ землю; наконецъ возблагодарила Бога за свою радость, глядя на свои убогіе и во многихъ мѣстахъ облупившіеся образа, и тогда, вспомнивъ еще покойнаго мужа и своихъ родителей и пославъ имъ на тотъ свѣтъ самое пріятное для нихъ желаніе, выпила чарку въ нѣсколько пріемовъ, при чемъ съ похвалою отозвалась о шинкарѣ Остапѣ, что у него добрая горілка и что Остапъ никогда плохой горілки продавать не станетъ.

Послѣ этого, чарка перешла къ герою дня, и со стороны было бы странно наблюдать, что герой дня ограничился сухимъ пожеланіемъ здоровья матери и всей компаніи, а потомъ проглотилъ водку съ такимъ видомъ, съ какимъ лежавшая у его ногъ собака глотала мухъ. Но никто изъ присутствовавшихъ этому не дивился, такъ какъ въ немъ каждый видѣлъ уже человѣка бла-

городнаго, а не своего брата козака, слѣдовательно и обычаи, и всѣ пріемы у него должны быть по возможности не похожи на простонародные. Онъ даже не скривился и не плюнулъ, какъ дѣлаютъ солдаты и извощики. Онъ выпилъ водки не хуже комиссара, который рѣшительно не выражалъ на своемъ спокойномъ и грозномъ лицѣ, горько или нѣтъ у него во рту.

Паробки, глядя изъ сѣней на Зарубаенка, замѣтили между собою:

— Мáбуть, у велúкихъ батáліяхъ бувáвъ!

Что́ касается до бывшаго отца Потапія, то онъ, по своему званію, осѣнилъ чарку крестнымъ знаменіемъ, чтобы въ горілкѣ не притаился какъ-нибудь діаволъ, и тогда уже спокойно выпилъ ее, какъ воду. Только глаза его выглянули немного больше прежняго изъ своихъ скважинокъ, сверкнули веселою искрою и снова спрятались, предоставляя остальнымъ частямъ лица имѣть какое угодно выраженіе, или не имѣть его вовсе.

Наблюдательные паробки замѣтили въ полъ-голоса:

— Бу́де твоя́ лева́да въ кишéні у Оста́на, о́тче Пота́пе!

Козакъ Очкуръ оказался за чаркою очень разумнымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, не меньше вдовы Зарубаихи. Въ его словахъ не было и слѣда досады, что попова левада досталась не ему. Онъ добывалъ свои деньги мозольнымъ трудомъ и зналъ имъ цѣну. Притомъ же слава великаго хозяина была для него слишкомъ дорога.

Чарка пошла въ круговую, и молодицы доказали своими приговариваньями, что онѣ уступаютъ мужьямъ своимъ въ философіи, но далеко превосходятъ ихъ въ поэзіи.

Молодежь, стоя въ сѣняхъ безъ всякой претензіи на участіе въ гостепріимствѣ, поучались у своихъ отцовъ и матерей нравоучительнымъ и приличнымъ случаю выраженіямъ.

Незнакомый коротко съ нравами и обычаями села Буртища, можетъ найти невѣроятнымъ, что до сихъ поръ ни мать и никто другой не спросилъ у нашего героя, какъ это ему Богъ далъ выдти въ люди, и надолго ли онъ пріѣхалъ къ матери въ гости? Но таковаго я прошу положиться на вѣрность моего разсказа о томъ, чему иначе и быть не возможно. Мать предложила сыну, что́ у ней было съѣдомаго, и только когда онъ удовлетворилъ голодъ, она нашла удобнымъ и приличнымъ приступить къ нему

съ разспросами. Тогда говоръ смѣнился въ хатѣ тишиною, хотя никто не требовалъ молчанія, и даже стоявшей въ сѣняхъ молодежи слышно было, что́ говоритъ офицеръ.

VII.

— Взяли меня изъ рекрутской партіи въ дивизію, началъ Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя теперь уже Зарубаевымъ. — Ну, взяли въ дивизію.... То есть не одного меня, а стало быть много насъ новобранцевъ, стало быть рекрутовъ этакихъ необученныхъ. Вотъ, взяли меня въ дивизію....

»А що́ жъ то за диви́зія така́я?« спросила мать.

— Ты бо, Параскевія.... якъ тебе́ по отчеству... не перебивай! остановилъ ее бывшій отецъ Потапій.

»Ні, вже ви мені не перебива́йте!« отвѣчала она съ нѣкоторой досадою. — Я хо́чу роспита́ть свою́ дити́ну, якъ воно́ тамъ стра́ждало. А панъ-отця́ мого́ вамъ би мо́жна, здае́тця, знать, я́къ ёго́ зва́ли.«

Очевидно, въ душѣ бѣдной вдовы заговорило негодованіе на власть, которую имѣлъ надъ нею до сихъ поръ каждый, кто посильнѣе.

— Нельзя мнѣ помнить каждаго, Параскевія, кого мнѣ удалось похоронить во времена моего благоденствія, отвѣчалъ со вздохомъ бывшій отецъ Потапій.

»Помнить каждаго!« повторила его слова Зарубаиха. »Да хиба́ жъ ка́ждий ратова́въ васъ одъ сме́рти?

— А твой же, Параскевія... якъ тебе... твой отецъ развѣ отъ смерти меня спасъ?

»А вже жъ спасъ!«

— Не помню! воистину не помню!

»То́-то й есть, о́тче Потапе!« сказала съ упрекомъ вдова.

Бывшій отецъ Потапій обратился къ слушателямъ съ распростертыми руками, въ знакъ удивленія и вопроса.

Тѣ переглянулись между собой и засмѣялись, такъ какъ извѣстно было каждому, что бывшій отецъ Потапій, еще во времена своего благоденствія, возвращаясь ночью отъ головы, хотѣлъ обойти уличную лужу и для этого повернулъ на дворъ къ

козаку Зарубаю, а оттуда вознамѣрился перелѣзть черезъ новый плетень въ собственную леваду. Но, такъ какъ голова угостилъ его доброй варенухою, то и случилось, что колья плетня попали въ голенища отца Потапія, а его глава и весь корпусъ повисли въ бурьянъ, на ту сторону онаго плетня. Отецъ Параски Зарубанхи, проживавшій на ту пору у дочери въ качествѣ бондаря, всталъ раньше всѣхъ, какъ это водится у старыхъ людей, и, вышедъ на дворъ, увидѣлъ сквозь мглу разсвѣта пару сапоговъ на плетнѣ. Онъ столько же удивился этой находкѣ, сколько и обрадовался, потому что швецъ Оврамъ, взявши у него голенища, чтобы сдѣлать къ нимъ пришвы, заложилъ ихъ шинкарю Остапу, и не извѣстно, когда былъ въ состояніи выкупить. Старикъ поспѣшилъ снять съ плетня чоботы, но въ чоботахъ оказались ноги, а вмѣстѣ съ ногами открытъ былъ и ихъ хозяинъ, уже безъ памяти и на волосокъ отъ смерти.

Вотъ на какое обстоятельство намекнула вдова Зарубанха, и ея слушатели такъ искренно смѣялись, покачивая одинъ передъ другимъ головою, что бывшему отцу Потапію, по закону природы, слѣдовало бы хоть немножко смутиться; но бывшій отецъ Потапій не подлежалъ сему закону еще со временъ своей юности, когда сопровождалъ бывало свою матушку по всѣмъ хатамъ на селѣ для взиманія извѣстной части всего, что́ только подлежало дѣленію.

Офицеръ тоже вспомнилъ, какъ его дѣдъ спасъ отъ смерти бывшаго отца Потапія, и тоже не могъ не засмѣяться вмѣстѣ съ другими. А въ сѣняхъ, между молодежью, слышенъ былъ даже сдержанный хохотъ. Но лицо бывшаго отца Потапія, съ своими щелочками вмѣсто глазъ, похоже было на затворенную кругомъ хату, которой хозяинъ спитъ или неизвѣстно что́ дѣлаетъ.

Видя это какъ нельзя яснѣе, офицеръ пересталъ за него совѣститься и продолжалъ:

— Дивизія, матушка, это — такое начальство, или... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ — дивизія! Тамъ и генералъ особый, дивизіонный, и все такое.... Но это само по себѣ, а вотъ главное. Изъ дивизіи погнали насъ далѣе. То есть ранжиръ этакой сдѣлали, какой ростъ, какое что, и погнали. Ну, погнали... (тутъ офицеръ высѣкъ огня и закурилъ трубку). Вотъ, какъ погнали насъ далѣе, — гонятъ насъ въ самую стало быть въ столицу.

Тамъ этакой Санктъ-Петербургъ есть, стало быть большущій городъ. Сказано — бурхъ!

»Охъ лишечко!« говорила старушка, сидя противъ него у стола на ослонѣ и подперши рукою щеку.

— Это ничего, Параскевія... якъ тебе по отчеству, сказалъ бывшій отецъ Потапій. — Въ столицѣ добре жить: тамъ, я слыхалъ, дьячекъ получаетъ за похороны больше здѣшняго іерея.

»Вашому брату, отче Потапе, всюди добре!« сказала вдова. »А моя дитина, мабуть, приняла тамъ холоду и голоду.«

— Нѣтъ, матушка, ничего, сказалъ офицеръ.—Холоду правда, что натерпѣлся, а сытъ былъ завсегда. Только дорогою, какъ туда еще насъ гнали, партіонный офицеръ маленько насъ... то есть этакъ приморилъ... стало быть выгоду свою соблюдалъ.

»Это уже такъ слѣдуетъ«, замѣтилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да, ужъ на то офицеръ, матушка, подтвердилъ Поликарпъ Зарубаенко

»Милосердний Боже!« воскликнула старушка. »Такъ и ти, мій синочку, моривъ чужихъ дітей голодомъ?«

— Нѣтъ, матушка, что голодъ? храбро отвѣчалъ сынъ. — Голодомъ у насъ не морили. Но этакъ... хозяйственнымъ способомъ... ну, словомъ — свою выгоду.... На то ужъ начальство. Это ужъ всему свѣту извѣстно. Но объ этомъ что толковать? Дѣло служебное, — не то, что сосѣдъ съ сосѣдомъ въ деревнѣ. Здѣсь особая статья, а тамъ особая. Вотъ, матушка, и пригнали насъ этакъ въ столицу. Ну, пригнали, — въ гвардію меня вписали, въ этакіе Преображенцы стало быть....

»А що жъ то таке за гвардія, синочку?« спросила мать.

— Гвардія, матушка, это... какъ бы вамъ сказать... это такіе отборные солдаты, рослые и все такое... ну, словомъ гвардія! Вотъ, какъ вписали меня въ гвардію, сталъ я служить. Учить меня стали и все такое прочее. Вотъ я и служу годъ и два, и три....

»И важка жъ та служба, синочку?«

— Сперва фухтелями, матушка, докучали, а потомъ видятъ — обтерпѣлся, и полно колотить.

»Такъ тебе й бито тамъ, сыночку? Хиба жъ ти по шинкамъ зъ горя блукавъ, чи що?«

— Нѣтъ, матушка, въ ротъ не бралъ, — не за что. Начальство лишній паекъ и все такое прочее для своихъ надобностей удерживаетъ. Сказано — начальство. Жить надо прилично: съ нихъ тоже взыскиваютъ. Чтобы и карета была, и всякая этакая фанаберія... ну, понимаете.

»А за́ що жъ тебе́ би́то?«

— Собственно за-для-ради службы, матушка.

»Хиба жъ ти іхъ не слу́хавъ? Ти жъ у ме́не бувъ таки́й слухня́ний да звича́йний зъ-ма́лечку!«

— Какъ не слушалъ, матушка? Хе-хе-хе, матушка!

И офицеръ слегка засмѣялся, покачавъ головой по-украински.

Бывшій отецъ Потапій тоже осклабилъ свои уста и, поглаживая браду свою, произнесъ:

»Тамъ за непослушаніе, Параскевія... якъ бо тебе по отчеству?«

— Да Оме́лькомъ же мого́ панъ-отця́ зва́ли! вскричала, оглянувшись на него, вдова.

»Ну до́бре, Параскевія Емельяновна... теперь я буду знать. За непослушаніе и строптивость и у насъ въ бурсѣ сокрушали юношей до изнеможенія. Я самъ бывалъ наказу́емъ такъ сказать же́стоко уже передъ выпускомъ изъ богословіи, хотя строптивость моя заключалась токмо въ невоздержаніи.«

— Такъ за́ що жъ тебе́, си́ночку, му́чили недолю́дки? продолжала допросъ вдова.

»Нѣтъ, матушка«, говорилъ офицеръ, »меня никто не мучилъ, а только къ службѣ пріучали. Обтерпѣлся — и баста колотить! Это ужъ такъ заведено. На то и служба, матушка. Хуже всего, что бранятся бывало жестоко. Къ брани никакъ нельзя было привыкнуть. Всё мать да мать! Это, матушка, точно было больно. А шкура вѣдь своя, не покупная.«

— Бо́же мій! Го́споди мій! говорила вдова. — Одорву́ть одъ ма́тери бідну дити́ну, да ще й....

Она не могла договорить и залилась слезами.

— Полно, матушка, плакать! сказалъ офицеръ. — За ваши молитвы Богъ меня не оставилъ.

»Истинно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Всякое воскресенье я получалъ отъ вашей матушки на часточку исправно. А нынешнему попу хоть и не давайте, Параскевія... якъ бо васъ... да, Емельяновна.«

И, понизивъ голосъ, продолжалъ:

»Въ карты играетъ. Не услышитъ Господь его молитвы.«

— Ма́ло чого й ви не робили, о́тче Пота́пе, отвѣчала вдова, — а Бо́га одъ насъ не закрили!

Между тѣмъ офицеръ продолжалъ:

— Такъ вотъ я, матушка, этакъ и служу. Колотить меня перестали, сдѣлали унтеръ-офицеромъ. Стало быть начальство полюбило, что молодецъ изъ себя. Тутъ ужъ я самъ началъ кой-ково школить....

»И люде́й бить?« воскликнула мать.

— Не людей, матушка, а солдатъ.

»За́ що?«

— Какъ за что́, матушка? Это у васъ въ деревнѣ не за что колотить; а тамъ, понимаете? тамъ — держи ухо востро!... Безъ этого и службы никакой не будетъ.

»Именно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Знаете, выправка и все такое... ну, какъ водится на службѣ. Безъ этого уже нельзя. И солдаты не будутъ бояться.

»Именно!« подтвердилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да на́ що жъ імъ тебе́ бояться, си́ночку? аби́ слу́хали!

»То́ слушаться, матушка... о томъ ужъ и толковать нечего; а бояться — особь статья. Безъ страху — что́ за служба? Бывало унтеръ-офицеръ гикнетъ — все у тебя въ душѣ замретъ: вотъ она команда-то!«

— Именно! сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

»Такъ и начальство, матушка, учило насъ. Затѣмъ и въ унтера произведенъ, что изъ себя видный и голосъ хорошъ. Бывало, крикну на одномъ концѣ развода, а на другомъ слышно. Вотъ онъ командиръ-то! Изъ этакихъ и въ генералы выходили.«

— Уже́ нічого сказа́ть, Поликарпъ Ива́новичъ, вмѣшался въ разговоръ козакъ Очкуръ, яко почетнѣйшій изъ гостей, послѣ бывшаго отца Потапія. — Було́ йдете́ зъ вечорни́ць, то по всёму́ селу́ чутно́ ва́шу пісню.

Прочіе дивовались безмолвно, или выражали свои чувства въ полъ-голоса краткими восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ: »Эге́, такъ-то Богъ дае́!« — »Що́-то ма́терина моли́тва!« — »Така́ вже во́ля Божа!« и тому подобными.

— Ну, матушка, продолжалъ офицеръ,—служу я этакъ. Ну,

служу,—грамотѣ меня начали обучать товарищи, чтобы пунктики тамъ и все этакое разъучивать....

»Отъ, якъ-би́ тебе́, си́нку, навчи́ли написа́ть письмо́ до ма́тери, отто́ було́ бъ до́бре!«

— Что́ же? и письмо можно бы было написать. Унтера и заохачивали, что, можетъ, что-нибудь пришлетъ старуха....

»А вже жъ прислала́ бъ! Послідки бъ збула́ да прислала!«

— Вотъ этого-то мнѣ и не хотѣлось, матушка! Подумаю бывало, подумаю: меня государь прокормитъ и одѣнетъ, а ей кто безъ меня поможетъ? Ну, это дѣло — сторона. Вотъ обучился я пакеты и все этакое распознавать, какъ слѣдуетъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Я былъ понятливъ съ малолѣтства — вы знаете. Бывало, услышу однимъ ухомъ пѣсню — ужъ она и моя.

»А тепе́ръ за слу́жбою, ма́буть, и пісні́ поперезабува́въ, си́нку?«

— Нѣтъ, матушка; какъ перезабыть? Весь этотъ вздоръ навѣки врѣзался въ память. Но, понимаете, въ благородномъ званіи... тутъ другія пѣсни пошли. Да и въ солдацкомъ тожъ хохлаччину всю вонъ изъ насъ выколачивали. Дружка за дружкой смотримъ бывало, чтобъ все этакъ хватски и говорить, значитъ, и дѣлать.

»Пога́ні, си́нку, моско́вскі пісні!« сказала старушка, увѣщательнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, матушка, для военнаго человѣка онѣ способнѣе хохлацкихъ. Этакъ гаркнуть цѣлой ротой и въ тактъ, въ ногу.... оно хорошо!

»Именно«, подтвердилъ бывшій отецъ Потапій. »На то Марсъ!«

Но этого послѣдняго восклицанія не понялъ никто, чѣмъ бывшій отецъ Потапій остался доволенъ и затаилъ объясненіе про себя.

— Вотъ, матушка, обучился я грамотѣ, — служу. Начальство меня любитъ, и сталъ я у начальства на примѣтѣ за то именно, что лишняго слова никто отъ меня не слыхалъ. Служба и баста! Это у насъ образцовые унтера. Такихъ и на самые важные караулы назначаютъ. То есть, стой, какъ вкопанный, и все тутъ! Смотри — и будто не видишь, слушай — и будто не слышишь, чтобъ у тебя потомъ, кромѣ службы, никакихъ разговоровъ не было, — понимаете?

»Го́споди! яки́й страхъ!« сказала старушка. »Ні до ко́го й не озови́сь?«

— Нѣтъ, матушка, въ казармахъ отозваться къ кому угодно можно, но вотъ про ружье или тамъ про этакой новый темпъ, что ли, а о прочемъ — не солдатское дѣло разсуждать. За это насъ и начальники отличали. Вотъ, матушка, этакъ я и служу, изо дня въ день. Ну, служу, и привыкъ стало быть совсѣмъ, точно въ мундирѣ и родился.

»Это все равно, какъ у насъ бывало въ семинаріи«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Дана тебѣ грамматика или реторика — сколько хочешь читай, а другихъ книгъ не знай, какъ онѣ и называются. Одинъ изъ нашихъ риторовъ нашелъ на улицѣ книгу: *Товарищъ разумный и замысловатый*, — такъ, значитъ, книга называлась, — и сталъ читать въ бурсѣ, а отцу ректору тотчасъ и донесли. Ну, я думаю, въ той книгѣ не было столько листковъ, сколько отецъ ректоръ отсыпалъ ему крупнаго гороху.... Хе-хе-хе!«

И бывшій отецъ Потапій очевидно гордился тѣмъ, что въ этой компаніи только ихъ двое, онъ да офицеръ, прошли чрезъ суровую школу жизни.

— Нехáй вамъ и рúба й óзеро! сказала въ полъ-голоса одна молодица другой. — За такі стрáхи я не взялá бъ ні цáрства, ні пáнства!

»Вотъ, матушка«, продолжалъ офицеръ, »проходитъ моя служба такъ сказать безпечально. Начальство меня любитъ, и ужъ браннаго слова я отъ него не слышу давно. Пуще всего я всегда берегся, чтобъ не услышать браннаго слова. Ну, коротко сказать, все идетъ ладно. Вдругъ сдѣлалось этакое.... какъ бы вамъ сказать.... смущеніе. То есть и разсказать то вамъ это мудрено, матушка. Все этакъ перемѣшалось какъ-то.... Пальба этакая и все этакое.... ну понимаете? смущéніе!

— Що жъ воно́ такé, сúнку? спросила мать.

»А намъ-то что́ за дѣло, матушка? Про то начальству знать. Наше дѣло — стой, ни съ мѣста! Пали! ну и пали! вотъ наше дѣло!«

— Да чого́ жъ се трево́га була́?

»Ну, стало быть, была какая-то тревога. Намъ про то не разсуждать. Только, послѣ всей этой церемоніи, какъ воротились въ казармы, объявляютъ намъ приказъ: такой-то въ прапорщики въ армію, Зарубаевъ — въ прапорщики въ армію.... Трохъ насъ, стало быть, первыхъ унтеровъ выпустили въ армію, съ производствомъ ста цѣлковыхъ пенсіи на всю стало быть жизнь....«

— Сла́ва жъ тобі, Го́споди! сказала старушка перекрестясь.

»Погодите матушка, еще не все! По двѣсти цѣлковыхъ единовременно награды! Казенныя подорожныя намъ въ руки, прогоны казенные — валяй!«

При этихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій, не желая остаться равнодушнымъ къ счастью своего сосѣда, заглушилъ тихія молитвы вдовы гласомъ великимъ. Воздѣвъ руки къ почернѣвшимъ и облупившимся образамъ, онъ воскликнулъ:

— Слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже!

И потомъ, опустивъ руки, сказалъ еще въ добавокъ:

— Аллилуйя! аллилуйя! аллилуйя! слава тебѣ, Боже!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, при этихъ восклицаніяхъ сочли за нужное перекреститься такъ же, какъ и въ церкви. А офицеръ продолжалъ:

— Вотъ пріѣзжаю я, матушка, въ полкъ, то есть въ тотъ, куда меня назначено. Пріѣзжаю въ полкъ, а тутъ ужъ, понимаете, тоже тревога.

»А тутъ же вже чого́?«

— Этого, матушка, вамъ не понять, а мнѣ не разсказать. Довольно того, что тревога, и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ помчали.... Ну, куда ихъ помчали — это не наше дѣло знать. Только я прибылъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.... Страхи тамъ или ужасы какіе гдѣ творились — мнѣ до того дѣла нѣтъ; начальство входить во все это не приказывало. Являюсь къ полковнику. Ну, полковникъ, разумѣется, какъ начальникъ... ну, словомъ — полковой командиръ. Понимаете? »Честь имѣю, и прочая... вашему высокоблагородію, и прочая....«—»Ступайте«, говоритъ, »въ вашу роту«. Пошелъ я въ роту, стало быть къ ротному, примѣрно сказать, командиру. Ну, пошелъ въ роту,—у ротнаго офицеры сидятъ, въ карты значитъ играютъ. Только ротный смотритъ на меня зызомъ, слова сквозь зубы цѣдитъ, а тѣ и вовсе не смотрятъ на новаго, такъ сказать, сослуживца, — играютъ. »Что́ за оказія?« думаю себѣ. »Теперъ я такой же благородный человѣкъ, какъ и они!« А я, понимаете, еще въ Петербургѣ всю форму себѣ.... Мундиръ на мнѣ, эполеты на мнѣ, все чисто. Что́ же имъ противъ меня этакъ?... Ну, Богъ съ ними! Дворяне, такъ и дворяне, а я тоже у моего государя благородный челаэкъ. Спрашиваетъ меня ротный сквозь зубы, за что́ я, значитъ, про-

изведенъ?—»Я«, говорю, »не могу этого знать. Должно́ быть, какъ-нибудь отличился.« Больше ни слова мнѣ.... то есть, просто сказать—садиться не просятъ. Я этакъ постоялъ-постоялъ. »Прикажете«, говорю, »отходить на квартиру?«—»Ступайте!« говоритъ. Ну, это мнѣ не совсѣмъ пріятно. Какъ бы то ни было, произведенъ за отличіе.... Расположился я на квартирѣ. Не у кого мнѣ даже разспросить, что́ и ка́къ. Съ деньщикомъ разговаривать не приходится. То́ сдѣлай, то́ подай,—вотъ и всѣ разговоры. »Слушаю, ваше благородіе!« и баста!

»Всеконечно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Ото́, ма́буть, зави́дно дворя́нськимъ синка́мъ! сказала мать съ негодованіемъ и торжествомъ.

»Вотъ, матушка, и служу я въ офицерскомъ уже такъ сказать званіи. На ученье выйду, съ ученья на квартиру,—вотъ и вся моя бесѣда. Ко мнѣ никто, и я ни къ кому. Живу, стало быть, молчкомъ дѣло. Скучновато мнѣ. То бывало къ своему брату унтеръ-офицеру отзовешься, спросишь тамъ, какъ фланговая служба, какъ что́.... ружьемъ этакъ прикинешь другъ передъ другомъ.... асъ! два!... ну, мало ли чего не переговоришь бывало по своему дѣлу, по службѣ значитъ. Теперь ужъ мнѣ подружески съ унтерами толковать не резонъ: бояться не станутъ. На ученьи я показалъ, что́ значитъ гвардейская выправка.... Ротный моимъ взводомъ доволенъ, а больше ни гугу, и офицеры толъ отъ меня сторонятся. Ну, Богъ съ вами! Денежки я свои зашилъ въ мундиръ про черный день,—въ карты отъ меня не поживитесь. Но скука, понимаете, смертная! Завелъ себѣ съ горя сулею водки.... Выпьешь, трубку закуришь—и легче!«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.— Вино веселитъ сердце человѣка.

»Но только думаю«, продолжалъ офицеръ: »Что́ же мнѣ этакъ жизнь коротать? Велика важность, что они родовые дворяне! Мнѣ тоже надобно жить на свѣтѣ, и послѣднимъ межъ людьми я тоже остаться не хочу. Я, не бывши еще и офицеромъ, не спустилъ дворянчику за свою обиду.. . Плевать я на васъ! Пенсія у меня есть. Что́ мнѣ играть всю жизнь въ молчанку? Въ отставку! поѣду къ матушкѣ!«

— А чому́ жъ ти, си́нку, письма́ не присла́въ, щобъ я пора́довалась твоему́ сча́стю?

»Что́, матушка, письмо? Я самъ сбирался къ вамъ въ гости, осмотрѣвшись въ полку: это лучше письма! То есть хотѣлось этакъ по-военному—безъ разговоровъ: явился на лицо, да и все тутъ!... Ну, полно же, матушка, плакать! Богъ, что́ ни дѣлаетъ съ нами, все къ лучшему. Что́ бы я былъ, оставшись всѣ эти года при васъ? простой козакъ! А теперь, какъ бы то ни было, благороднай челаэкъ.«

И Поликарпъ Зарубаенко гордо подбоченился.

VIII.

Опять поднялся говоръ. Всѣ, кромѣ бывшаго отца Потапія, одобрили образъ мыслей и рѣшимость Поликарпа Зарубая; о службѣ же отозвались единодушно такъ: *Нехай ій цуръ!* Бывшій отецъ Потапій радовался, что Богъ послалъ ему покупщика левады, который заплатилъ дороже самого козака Очкура, но радость не помѣшала ему высказать откровенно свое сожалѣніе, что Зарубаенко не продолжалъ службы.

— Начавши офицерство съ такихъ лѣтъ, говорилъ онъ, — какихъ чиновъ не можно было бы дослужиться? Въ сорокъ лѣтъ — майоръ вѣрнѣйшій.... ваше высоблагородіе!

И бывшій отецъ Потапій даже заплямкалъ при этомъ словѣ, какъ-будто оно произвело у него во рту невыразимую сладость.

— Тутъ и жениться было бы кстати. Это — наплучшая пора для законнаго брака!

»А у насъ, о́тче Потапе«, возразила вдова, »такъ ка́жуть: »Не кайся, ра́но вста́вши и за́-молоду оженѝвшись: ра́но вста́нешъ— »бага́то діла зро́бишъ, а за́-молоду оже́нисся — дітей до ума́ до»ведешъ.«

— То́ въ простомъ званіи, Параскевія.... якъ бо тебе.... да́, Емельяновна.... то́ въ простомъ званіи, а въ благородномъ, по чину и невѣста. За майора не усумнился бы отдать дочку наибогатѣйшій помѣщикъ.

»Да що́ намъ про те ду́мать, о́тче Пота́пе! И козаки́—не послі́дні лю́де. Женись, си́нку, да візьми́ плугъ волівъ за жінкою; то бу́демо до віку смачни́й кусо́къ хліба істи. Тепе́ръ тебе́ ні въ во́лость, ні въ підво́ди не потя́гнуть: тепе́ръ ти самъ собі панъ!«

— Оно конечно, возразилъ бывшій отецъ Потапій,—оно конечно, Параскевія Емельяновна: за Поликарпа Ивановича отдастъ дочку наибогатѣйшій козакъ въ Бу́ртищѣ, и плугъ воловъ, и пасики часть всеохотно удѣлитъ; но Поликарпъ Ивановичъ теперь не такой человѣкъ, чтобы ему пріобрѣтать родню въ кобенякахъ и намѣткахъ....

»А хиба́ жъ ёго́ ма́ти не въ намі́тці?« возразила вдова.

— То́ другое дѣло, Параскевія Емельяновна. Про то сказано въ писаніи: »Чти отца твоего и матерь твою....« О!.... Не сказано: »матерь твою, аще дворянка есть«, а просто: »матерь твою«, кто бы она ни была. Перемѣнить рожденія своего не возможно, возвеличить же родъ свой можно и дольжно. И царь Давидъ родился пастухомъ, но уже не въ пастушескомъ званіи искалъ себѣ жены, — нѣтъ! и паки реку: нѣтъ! Поликарпу Ивановичу свыше указанъ путь жизни, и не довлѣетъ ему пренебрегти симъ указаніемъ.

»Такъ що́ жъ отсе́ ёму́, до комиса́ра посила́ть старости́, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! Комиссаръ — панъ древняго и великаго колѣна: его предокъ служилъ господаремъ у гетмана Даніила Апостола, — это я отъ него самаго слышалъ во времена моего благоденствія. Скажу тебѣ истину не за глаза, а въ глаза: что и другія дворянскія фамиліи предложатъ Поликарпу Ивановичу тарелку орѣховъ съ вилкою.... У благородныхъ это означаетъ то самое, что́ въ козацкомъ званіи — гарбузъ (1).

»А що́бъ же вони́ не дожда́ли!« воскликнула съ досадою вдова.

— То есть, видишь ли, Параскевія Емельяновна: сватайся Поликарпъ Ивановичъ на сторонѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, тогда—другое дѣло. Но здѣсь всякій знаетъ, что онъ, хоть и офицеръ, а все-таки козацкій сынъ!

»Такъ хиба́ жъ се поро́къ?« говорила запальчиво вдова: »хиба́ ёго́ ба́тько бувъ зло́дій, а ма́ти — потаску́ха, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! ты все простымъ разумомъ соображаешь. Тебѣ сдается, что когда человѣкъ неповиненъ ду-

---

(1) Въ знакъ отказа, сватовъ потчеваютъ тыквою, или кладутъ на столъ, а не то — въ повозку, въ сани, тыкву (гарбу́зъ). Но такой способъ отказа считается величайшимъ оскорбленіемъ. Гарбу́зъ употребляется больше въ поговоркѣ *(підсу́нули гарбуза́, дали́ гарбуза́)*, чѣмъ въ дѣйствительности.

шею и чистъ сердцемъ, то уже онъ достоинъ и родства и свойства съ людьми благородными.

»Ато́ жъ я́къ по-ва́шому?«

— Не по-моему, Параскевія Емельяновна. Что́ я? я — меньше, нежели ничто. Уничиженъ и смирихся до зѣла, рыкахъ отъ воздыханія сердца моего.

При сихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій очевидно старался сообщить своему лицу печальное выраженіе, и съ этой цѣлью поникъ даже главою; но лицо его давно уже отвергло какое бы то ни было выраженіе.

— Истинно такъ! продолжалъ онъ. — Теперь уже я не собственнымъ разумомъ обязанъ судить о дѣлахъ міра сего, а разумомъ старшихъ и достойнѣйшихъ меня.

Между тѣмъ какъ онъ ораторствовалъ и придавалъ такимъ образомъ собравшемуся у вдовы обществу достоинство бесѣды избранной, офицеръ, къ великому удовольствію гостей, потчевалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и послалъ къ Остапу за другой мѣрой горілки, уже отъ себя.

— Старшіе и достойнѣйшіе меня недостойнаго и уничиженнаго, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — яко-то дворяне и іереи, зрятъ не на лица человѣческія, но на ихъ общественныя права и преимущества....

»Такъ по-ва́шому, о́тче Пота́пе, пано́къ-злодія́ка сто́іть бі́льшъ про́стого, да че́сного козака́?«

— Не по-мо́ему, все-таки не по-моему, Параскевія Емельяновна. Азъ есмь червь, а не человѣкъ.... А что́ касается до панка-злодія́ки, какъ ты изрекла дерзновенно, то злодія́кою никто не смѣетъ называть никого, не уличеннаго закономъ, а тѣмъ паче — благороднаго человѣка. На то и законъ поставленъ. Ты себѣ думай, какъ хочешь, сидячи въ своей хатѣ, а благородный человѣкъ на всякомъ мѣстѣ старше и почетнѣе простолюдина. Посему-то и вознепщуетъ всякая дворянскаго званія дѣвица.... то есть не захочетъ назвать своею свекрухою тебе, Параскевія Емельяновна, яко простую козачку....

»Такъ ма́тері жъ ії́ тря́сця!« сказала вдова, вскочивъ съ ослона и, въ знакъ досады, *ажъ объ по́ли рука́ми вда́рилась.* »Я и сама́ не хо́чу тако́і невістки! Си́ночку мій!« обратилась она къ своему Поликарпу, обнявъ и поцѣловавъ его голову: »не бла-

гословля́ю тебе́ жени́ться на пи́шній па́нночці, щобъ не зневá-жила твоéі мáтери, а свáтай, си́нку, хоро́шу козáчку въ насъ на селі!«

При этихъ словахъ, стоящія въ сѣняхъ дівчáта спрятались за спины паробковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, еще не успѣвшія полюбить на всю жизнь черноброваго козака въ высокой похи́листой шапкѣ, подумали въ душѣ: »А хоро́шій же то, яки́й прехоро́ший той Поликáрпъ Зарубáенко! Съ таки́мъ и міжъ лю́де не со́ромъ!« Не безъ того, что и благородство мелькнуло въ умѣ молодыхъ козачекъ: »Ніхто́ тебе́ не посміе зневáжить и налáять; ні пáна, ні москаля́ не боя́тимесся: благо́родна!«

Поликарпъ Зарубай всею душою радовался, что послѣ заточенія на долгое одиночество въ полкъ, очутился посреди людей, съ которыми ничто не мѣшало ему говорить по-человѣчески. Притомъ онъ сохранилъ, въ простой душѣ своей, любовь и почтеніе къ матери. Онъ поцѣловалъ ее въ руку, что́ всѣхъ зрителей, кромѣ бывшаго отца Потапія, тронуло, а она расцѣловала его въ прекрасные черные усы, въ глаза, въ брови и въ обѣ щеки, цвѣтущія могучей красотой молодости.

— Дражайшая матушка! сказалъ онъ: — безъ вашего родительскаго благословенія, я ничего не посмѣю сдѣлать; но посмотрите на меня: я теперь уже не тотъ Поликарпъ, который съ вами и въ домѣ и въ полѣ такъ сказать работалъ, стало быть и жалъ своими руками и все такое прочее. Теперь я совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ сдѣлался!

И онъ, отступя шага два назадъ, выровнялся, ударилъ себя рукой по бедру, въ знакъ довольства своей молодецкой фигурой, и потомъ самъ обозрѣлъ, сколько было возможно, свой корпусъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ другой человѣкъ въ глазахъ матери и всѣхъ ея сосѣдей. Высокій и статный отъ природы, онъ еще казался выше и статнѣе въ офицерскомъ вицмундирѣ и туго натянутыхъ штанахъ. Черныя брови его, отъ привычки повелѣвать и смотрѣть весело и бойко въ глаза начальству, приняли такое выраженіе, какъ бываетъ у генераловъ на лубочныхъ картинкахъ. Усы, прежде опущенные по-козацки къ-низу, точно, двѣ косы, теперь приняли форму двухъ крутыхъ серповъ, концами къ верху. Даже носъ какъ-будто выросъ у него на службѣ больше прежняго и пріобрѣлъ привычку водить ноздрями, по

добно ярому коню. Словомъ, Поликарпъ Зарубай былъ теперь »совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ.« Это всѣ видѣли и чувствовали, и дівча́та, захилившіяся было за паробковъ, смотрѣли на него уже изчужа.

— И рѣчь моя теперь совсѣмъ другая, продолжалъ офицеръ,— и обычай другой, и все другое, матушка! Не правда ли?

»Истинно!« сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

— Жениться мнѣ на какой ни на есть этакой хохлушкѣ — какъ-то не таво.... Ужъ меня теперь ни простой пѣсней, ни простымъ танцемъ не таво.... Я хоть и не плясалъ самъ этакихъ мазурокъ и всего прочаго, но видалъ, какъ гвардейскіе унтера пляшутъ. На свадьбѣ, стало быть, у товарища случилось быть. Купеческую дочку взялъ.

» Си́ночку мій!« сказала мать, »не та́нцями да пісня́ми проживе́ чоловікъ на світі, не моско́вськими *у́шами* да *ка́бишами* вподо́баетця Бо́гу й лю́дямъ, а до́бримъ ро́зумомъ да звича́емъ....«

— Что́ жъ, матушка? возразилъ облагороженный сынъ: — теперь всякая этакая простая дѣвица покажется глупа передо мной. Ужъ она благородной рѣчи со мной не поведетъ....

»Истинно!« поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— А въ насъ, си́нку, такъ ось якъ співа́ють у пісні:

—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що га́рно гово́рить?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ді́лечко ро́бить!
—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що голо́вка гла́дка?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ме́тена ха́тка!

»Это намъ не законъ, матушка! Офицерская жена не для того живетъ, чтобъ работать и самой хату подметать! Хе-хе-хе! не видали вы свѣту, матушка, — по-деревенски судите. У благороднаго человѣка совсѣмъ другія правила, — не тѣ, что у простыхъ людей.«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.

Прочіе дивились безмолвно, какого ума и бойкости набрался въ москаляхъ Зарубаенко. Но козакъ Очкуръ и еще человѣка два-три сѣдоусыхъ его ровесниковъ, переглянувшись между собой, выразительно качали другъ другу головой.

— Такъ кого́ жъ тобі, сы́нку, сва́тать? спросила озадаченная мать. — Самъ же оте́цъ Пота́пъ ка́же, що.... тьфу на іхъ усе́ зле й лихе́!

Бѣдная старушка не могла перенести мысли, чтобъ ея Поликарпу подсунули тарелку орѣховъ съ вилкою: это ей казалось обиднѣе самого гарбуза.

— Паадумаемъ, паасмотримъ! сказалъ сынъ, покручивая молодецкій усъ. — А между тѣмъ потчевайте, матушка гостей. Я велѣлъ взять полъ-ведра водки: пускай наши сосѣди вспоминаютъ этотъ день!

IX.

Между тѣмъ двухъ-трехъ словъ было достаточно со стороны счастливой вдовы, чтобы сосѣдки помогли ей угостить сына и всю честную компанію вечерею. Уже за хатою куры возвѣщали предсмертнымъ крикомъ нежданную радость своей убогой хозяйки, а проворнѣйшая изъ дівчатъ принесла коромысло воды. Уже сухая лоза изъ обвалившагося плетня пылала въ печи, а въ сѣняхъ подвижныя, какъ живое серебро, молодицы лѣпили вареники. Для вдовы Зарубаихи наступилъ Великъ-День, — это всѣ чувствовали и отъ души помогали ей торжествовать свой праздникъ.

Много тутъ было сказано прекрасныхъ рѣчей и пропѣто даже нѣсколько приноровленныхъ къ случаю куплетовъ, которыми наши козаки и козачки, въ дружеской бесѣдѣ, подтверждаютъ свои рѣчи, какъ неопровержимыми, переданными изъ рода въ родъ доказательствами. Но нашъ герой и первенствующій между собесѣдниками бывшій отецъ Потапій внимали небрежнымъ ухомъ простонародному го́мону, яко люди иного, высшаго круга.

Поликарпъ Зарубай чувствовалъ непонятное для него самого удовольствіе — быть въ этой говорливой компаніи, слышать уже для него странный ея языкъ и смотрѣть на эти оживленныя естественными чувствами лица. Съ того времени, какъ онъ произведенъ въ офицеры, онъ еще не радовался такъ человѣчески, какъ въ этомъ обществѣ. Правда, онъ обнялъ отъ всего сердца своихъ счаст-

ливыхъ товарищей, унтеръ-офицеровъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ стояньемъ на какомъ-то опасномъ посту; но съ прочими, менѣе счастливыми унтерами, которые тоже стояли стѣной и готовы были на все, не могъ онъ обняться дружески, потому что они вытянулись передъ нимъ въ струнку и зажали ему ротъ благородіемъ. Здѣсь, въ хатѣ его матери, тоже чтили отъ всего сердца его офицерское достоинство, но самихъ себя сознавали также людьми, достойными всякаго уваженія. Одинъ только бывшій отецъ Потапій безпрестанно повторялъ: »Уничиженъ и смирихся до зѣла!.. Азъ есмь червь, а не человѣкъ«, и тому подобное.

Непонятнымъ иному покажется, какъ это козаки, не смотря на его паденіе съ высоты іерейскаго сана, не смотря на извѣстное всему селу пристрастіе его къ лишней чаркѣ и вѣчное самоуничиженіе, совѣстились называть его иначе, какъ отцемъ Потапіемъ. Это происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ онъ и прежде, во времена своего благоденствія, былъ тотъ же человѣкъ, что теперь въ своемъ упадкѣ. На его пристрастіе къ горячимъ напиткамъ они теперь смотрѣли даже снисходительнѣе прежняго, такъ какъ его печаль требовала, по ихъ убѣжденію, *отýхи;* меду тѣмъ имя его, независимо отъ его личности, было для нихъ драгоцѣнно, потому что слилось у нихъ съ воспоминаньями обо всѣхъ великихъ праздникахъ христіянскихъ, о великомъ днѣ вѣнчанья, о крещеніи дѣтей и также о смерти дѣтей, отцовъ, матерей и родныхъ. Какъ отецъ Потапій вымогалъ лишнее даяніе по всѣмъ подобнымъ случаямъ, объ этомъ они забыли, но памятью сердца помнили его молитвы, разрѣшающія, освящающія и напутствующія въ иную жизнь. Поэтому дикимъ показалось бы всему сельскому обществу, когдабы гдѣ-нибудь въ компаніи низвергнутому отцу Потапію не дано было перваго мѣста за столомъ и первой чарки въ руки. Добрые люди чувствовали даже состраданіе къ нему, зная, что онъ уже не можетъ вымогать отъ прихожанъ разныхъ даяній, на которое вымоганье они въ свое время сѣтовали, и если козакъ Очкуръ упрекнулъ его прошлымъ, то это вовсе не отъ злобы, а отъ участія къ нынѣшнему его положенію, котораго онъ не умѣлъ иначе выразить, какъ въ видѣ упрека.

Такимъ образомъ за вечерею у вдовы Зарубихи бывшій отецъ Потапій сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и во времена

своего благоденствія, и радовалась хозяйка, что было кому благословить у ней каждое подаваемое яство, такъ какъ рука бывшаго отца Потапія всё еще считалась наиболѣе способною къ устрашенію врага человѣческаго рода изъ всѣхъ рукъ, взявшихся тутъ за ложки. На свѣтѣ много есть умныхъ и ученыхъ людей, которые не шутя утверждаютъ изустно и печатно, будто бы діаволъ невидимо втирается во всякое веселое и шумное собраніе, хотя бы оно устроилось и по случаю радости матери о возвращеніи сына. Основываясь на ихъ словахъ, мы думаемъ, что діаволъ, отогнанный бывшимъ отцемъ Потапіемъ отъ яства и питія, притаился глѣ-нибудь подъ столомъ, а пожалуй и въ болѣе безопасномъ мѣстѣ — въ сердцѣ своего гонителя. Иначе — для насъ было бы непонятно, почему бывшій отецъ Потапій одинъ поддерживалъ офицера, которому и мать, и всѣ сосѣди единодушно совѣтовали зажить на селѣ просто, а не по-пански.

— Чи́на ва́шого ніхто́ у васъ но одніме, говорили козаки, — и пе́нсія ва́ша оста́нется при васъ, Полика́рпъ Ива́новичъ. Хоть ви надіньте на се́бе диря́ву сви́тку, — все ми бу́демо знать, що ви — офице́ръ и що вамъ царь, за ва́шу слу́жбу, одпуска́е изъ казни́ сто цілко́вихъ. Отъ, передъ ва́ми оте́ць Пота́пъ. Сами́ ба́чите, що вінъ загуби́въ ря́су, — ми и безъ ря́си поважа́емъ ёго́ и почита́емъ, бо зна́емъ, що вінъ вінча́въ насъ, а на́шихъ діте́й христи́въ, а поме́ршихъ на́шихъ — ца́рство імъ небе́сне — помина́въ. Що́ жъ намъ до то́го, я́къ тамъ ёго́ хтось десь изнева́живъ? Передъ на́ми вінъ ні въ чо́му не прови́ненъ. Честь и шано́ба ёму́ одъ насъ до-віку бу́де. А вамъ и того́ більшъ. Вашъ поко́йний панъ-оте́ць — неха́й надъ імъ перо́мъ земля́ — бувъ чоловікъ-друзя́ка; и паніма́тка ва́ша — неха́й бу́де здоро́ва — не замути́ла въ насъ у селі й водо́ю. Якъ же намъ ва́шого офице́рства не поважа́ть, Полика́рпъ Ива́новичъ? Ми лю́де про́сті, а такъ мірку́емо, що вамъ за пана́ми не вгна́тьця: пани́ живу́ть изъ крестя́нъ, або́ зъ слу́жби, такъ воно́ вже такъ вихо́дить.... да що́ й каза́ти? Цуръ ёму́ тако́му заробітку! А ви, якъ спра́вите собі плугъ волівъ, да ба́тьковськимъ ро́бомъ, — святе діло, навіки святе́ діло! Хиба́ вамъ учи́ться, якъ за плу́гомъ ходи́ть? Ви й па́робкомъ хазя́інъ були́ на всю гу́бу. А въ святу́ неділю, чи въ яке и́нше свя́то, надіва́йте свою́ кавале́рию и шаблю́ку и все таке́, идіть до це́ркви Бо́жоі; неха́й васъ лю́де зна́ють, що ви усякі стра́хи

ба́чили и всякі́ му́ки прийма́ли. Вже не ду́рно все те́е вамъ пожа́ловано: и сами́ ка́жете, що й палічча коштува́ли, — неха́й воно́ імъ сни́тся!

Такъ разсуждали козаки, складываясь по слову и поддерживая своимъ умомъ одинъ другого. Офицеръ, куликнувши на радости не хуже бывшаго отца Потапія, клонилъ, въ отвѣтъ имъ, голову съ такимъ видомъ, какъ-будто сознавалъ всю справедливость добрыхъ совѣтовъ. Но бывшій отецъ Потапій многажды простиралъ десницу и шуицу къ неграмотнымъ ораторамъ, требуя молчанія. Звича́йность, которую каждый соблюдалъ въ компаніи строго, заставляла ихъ уступать право свободнаго голоса тому, кто, по словамъ старосвѣтской думы,

Свяге́ Письмо́ бере́ въ ру́ки, чита́е,
Насъ, про́стихъ люде́й, на все до́бре наставля́е,—

и бывшій отецъ Потапій поучалъ бывшихъ своихъ прихожанъ въ такомъ родѣ:

— Да не хвалится премудрый мудростію своею!... Видите: премудрый, и тому не дозволено превозноситься своимъ разумомъ; вамъ же, людямъ простымъ, тѣмъ паче подобаетъ смирять разсудокъ свой. Въ дѣлахъ пахарскихъ вамъ допускается наставлять и вразумлять одинъ другаго; но здѣсь рѣчь идетъ о предметахъ, для неграмотнаго человѣка невразумительныхъ. За отличіе.... понимаете ли? за отличіе!

При этомъ словѣ бывшій отецъ Потапій положилъ перстъ свой одесную своего носа, тщетно усиливаясь придать своему лицу глубокомысленное выраженіе.

— За отличіе, продолжалъ онъ, — начальство наградило Поликарпа Ивановича чиномъ, или все равно — благороднымъ званіемъ. Для чего жъ оно его наградило? для того ли, чтобы сей чинъ за плугомъ влачить, или же для того, чтобы въ благородной компаніи прославлять великодушіе начальства и храбрость россійскаго воинства?... Какъ вамъ кажется? ради перваго, или ради послѣдняго?

Козаки молчали и только мысленно дивились, какъ это онъ такъ умно говоритъ, что даже не поймешь ничего!

— Вижу, вижу, братіе, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — что рѣчь моя для васъ — темна́ вода во облацѣхъ. Я приведу примѣръ, для васъ удобопонятнѣйшій. Простаго воина или сол-

дата, по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ (1), отпускаютъ во свояси тща, немощна и сира, ибо какіе сродственники не вымрутъ въ теченіе столь долгаго времени, и какое здравіе не сокрушится отъ многолѣтняго служенія отечеству? Но и тому прописываютъ въ отставкѣ, сирѣчь въ аттестатѣ: бороду брить, волосы стричь, мундиръ носить, по міру не ходить. Изъ сего вы видите, сколь заботливо попечительное начальство о сохраненіи достоинства и послѣдняго изъ своихъ служащихъ. Что же сказать объ офицерѣ, который бы, вмѣнивъ ни во что свои заслуги, поглумился бы надъ ними всенародно, на нивѣ? Что скажете на сіе, братіе?

»Да воно-то нáче бъ то й такъ, óтче Потáпе«, отвѣчали козаки, »да, бáчите, по нáшому прóстому рóзуму, чоловіку найпéрше всёго трéба хлібъ істи.«

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, прерывалъ бывшій отецъ Потапій.

»Да щó вже й казáти, óтче Потáпе! те вже ви лучче знáете; да тілько що трýдно хозяйствечко зобрáть Поликáрпу Ивáновичу, колú своіхъ рукъ не прилóжить. Нáймитъ.... щó жъ нáймитъ? Безъ хазяіна нáймитъ ні що, а при хазяіні, то й нáймитъ — чоловікъ. Атó ёмý грóши заплатú, а вінъ тобі худóби не доглéдить; вінъ тобі не зъóре й не посіе по-людьски; вінъ тобі спашý наробить. Да щó й казáти! Безъ хазяіна чужі рýки — кочергá; безъ хазяіна и товáръ плáче. Се вже такъ зъ віку да й до віку, óтче Потáпе.«

— Да для чего же Поликарпу Ивановичу ваше пахарское хозяйство? спрашивалъ бывшій отецъ Потапій.

»А якъ же чоловіку прожúть безъ хліба святóго?«

— У него пенсія на то есть, да изъ отцевскаго поля упадетъ ему третья копá.

»И вже, якъ такъ! Хибá жъ то велúкі грóши, якъ изъ копійки жить? Инше дíло — пустúть іхъ у хазяйство: тамъ усяка грúвня стáне тобі рублякою. А трéйтя копá.... се пустúня. Ищé жъ и за вмолóтъ оддáй десяту мірку.«

---

(1) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что дѣйствіе происходитъ 35 лѣтъ назадъ.

— На его надобности будетъ и преизбудетъ, говорилъ бывшій отецъ Потапій.

»А дітки жъ пійдуть!« возражали козаки. »Мóже жъ, и дóчкамъ трéба справúть придáне и синівъ наділúть пóлемъ и худóбою!«

— Уповай на Бóга, и онъ препитаетъ тя и чада твоя, импровизировалъ бывшій отецъ Потапій.

»А въ насъ кáжуть: »Робú, небóже, то й Богъ помóже«, стояли на своемъ козаки.

— Суетно слово ваше, братіе! Писаніе гласитъ: »воззрите на птицы небесныя....« Вамъ путь одинъ въ сей жизни, Поликарпу Ивановичу другой. Ему всѣ дороги открыты. Онъ можетъ взять какую ни есть на себя дольжность, сообразную съ благороднымъ званіемъ: прикащикъ или лучше сказать управитель — вотъ его хлѣбъ! другими повелѣвать, а не собственныя руки мозолить!

»И вже, якъ чужúми слёзáми....« начали было козаки. Но офицеръ рѣшительно принялъ сторону бывшаго отца Потапія.

— Смирно! ни гу-гу! вскричалъ онъ такъ, что всѣ изумились.

Въ нашихъ простыхъ компаніяхъ, съ гостемъ, посаженнымъ за столъ, обращаются какъ нельзя больше почтительно, и тотъ осрамилъ бы себя на-вѣки, кто грубымъ словомъ заградилъ бы уста собесѣдникамъ. Но, какъ Поликарпъ Зарубай принадлежалъ къ тому сословію, которое, въ глазахъ простолюдиновъ, дѣлаетъ тысячи вещей, по ихъ мнѣнію, *незвичáйныхъ*; то гости вдовы Зарубанхи изумились безъ огорченія и не подвергли офицера никакому осужденію. Всѣ замолчали и слушали, что́ онъ будетъ говорить.

— Дѣло мое офицерское, началъ онъ, — благородное, стало быть, дѣло. Ужъ меня довольно учили въ гвардіи; слава Богу, не дуракомъ изъ науки вышелъ: аттестованъ начальствомъ и все такое прочее.... ну, сами знаете. А что́ касается до рода жизни, то вотъ моя позиція: утромъ — стаканъ чаю, — я вѣдь и самоваръ съ собой привезъ, матушка, — трубка табаку.... вотъ офицерское занятіе! Тамъ этакъ въ прааходку. Ну, аабѣдать и все такое.... Словомъ, на благородной ногѣ. А чтобы не было скучно, жениться надобно. Вотъ о чемъ прежде всего слѣдуетъ подумать, матушка.

»Не добро человѣку жити единому«, поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— Кого жъ тобі, си́ночку, сва́тать? сказала мать, у которо́й отъ противоположныхъ толковъ перевернулось все въ головѣ, и она радовалась своему счастью подъ вліяніемъ какой-то одури.

»Невѣсту, матушка, найдемъ: какъ не найти невѣсты? а первое вотъ что́: надобно устроить намъ помѣщенье благородное.«

Тутъ пошли толки о коморѣ, срубленной на славу предусмотрительнымъ отцомъ Поликарпа Зарубаенка. Рѣшено было прорубить въ ней окна, поставить печь и сдѣлать перегородку. Бывшій отецъ Потапій предложилъ офицеру излишнюю мебель, ненужную ему при нынѣшнемъ его уничиженіи. Сосѣди-козаки вызвались устроить ему свѣтлицу и комна́ту гуртомъ, въ одну недѣлю, а платы потребовали только чарку горілки да доброе слово. Какъ бы сознавъ теперь, сколько бѣдная вдова потерпѣла отъ ихъ забвенія и мелкихъ притѣсненій въ отсутствіе сына, они соединились въ единодушную громаду, на услугу молодому хозяину. Вечеръ прошелъ въ веселыхъ и грустныхъ воспоминаніяхъ, въ веселыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, какъ водится у насъ въ Буртищѣ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, — отъ свадьбы, на которой цвѣтущую красоту невѣсты отпѣваютъ хватающими за сердце пѣснями, до похоронъ, въ которыхъ нерѣдко поражаютъ слухъ свадебныя наименованья гостей: *дружки́*, *боя́ре*, *сва́хи*, *старости́* (¹). Наконецъ гости разошлись.

— Що́, якъ-би́ намъ такі гро́ши, бра́те? говорили козаки одинъ другому.

»А що́ жъ? и ми, и діти на́ши пожили́ бъ въ доста́ткахъ.«

— Эге́, а Зарубае́нко, ма́буть, нічо́го пу́тнёго зъ ни́ми не вдіе?

»А вже жъ не вдіе!«

— Изведе́ его́ оте́ць Пота́пъ!

»Изведе́, бра́те, такъ якъ и самъ извівся!«

Такъ ясно представлялась нашимъ козакамъ будущность счастливаго сына вдовы, хоть они и не умѣли опровергнуть реторическихъ доводовъ бывшаго отца Потапія.

(¹) Однажды, во время монхъ странствованій по селамъ, войдя въ хату, я увидѣлъ на столѣ пятилѣтнюю покойницу, въ цвѣтахъ; надъ ней рыдала мать, безпрестанно уподобляя смерть выходу замужъ, а на лавкѣ сидѣло съ десятокъ сосѣдскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до двухъ лѣтъ, и всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ: это были *світи́лки* и *дру́жки* покойницы.

X.

Въ короткое время все преобразилось вокругъ бѣдной вдовы Зарубанхи. Часть сѣней обращена въ комору посредствомъ поперечной стѣны. Почернѣлыя брусья прежней коморы засіяли свѣжей обмазкою, сперва глиной, а потомъ и мѣломъ, и на этихъ бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ издали виднѣлись новешенькія окна, точно молодые прозрачные глаза на свѣжемъ лицѣ. Сама Зарубанха обвела эти окна особенною, красноватою глиною, и отъ этой каймы вышло что-то веселое и зазывающее въ хату. Такъ и чудилось каждому, что въ этой хатѣ сидитъ здоровая, румяная молодица, окруженная здоровыми, румяными дѣтьми.

Но, покамѣсть, по ней расхаживалъ только отставной офицеръ, въ нестромъ архалукѣ, съ трубкою въ зубахъ, и посматривалъ то въ два окна, обращенныя на зеленый дворъ, то въ третье, прорубленное на бывшую попову леваду. По левадѣ, въ полузавядшихъ бурьянахъ, бродила вдовина корова съ своимъ теленкомъ-назимкомъ и видимо дивилась, отчего это бывшій отецъ Потапій не перескакиваетъ черезъ перелазъ съ огромной хворостиной и не гонитъ ее отсюда ударами и проклятіями, какъ бывало прежде.

Офицеръ отъ времени до времени проходитъ и за перегородку, гдѣ стоитъ его офицерская койка у стѣны, покрытой ковромъ. На коврѣ виситъ его полусабля и киверъ съ черною шишкою. Тутъ же, на прицѣпленной къ потолку вѣшалкѣ, вы могли бы видѣть вязанный изъ разноцвѣтной шерсти шарфъ, который онъ обматываетъ вокругъ шеи, когда надѣваетъ теплую шинель; а возлѣ шарфа виднѣются красные обшлага мундира, вицмундира и еще одного мундира, который онъ сохранилъ на память своей службы въ гвардіи. Тутъ же можно было еще видѣть разныхъ сортовъ брюки, стеганные и просто суконные нагрудники, твердые галстуки, заставляющіе держать голову, какъ держитъ коренная лошадь въ русской упряжи; но всего не перечесть. Всему этому добру знала счетъ одна офицерская мать, пересматривавшая каждую вещь по нѣскольку разъ съ своими гостями.

Изъ офицерской спальни выходило окно на такъ называемый за́дворокъ, гдѣ вдова откармливала уже, къ свадьбѣ сына, ненасытнаго кабана и завела столько куръ и утокъ, какъ-будто на этой свадьбѣ будетъ у ней въ гостяхъ все село Буртище. Между тѣмъ козаки видѣли, что Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя Зарубаевымъ, держитъ себя такъ горделиво, какъ природное благородіе или высокоблагородіе. За услугу онъ ихъ отблагодарилъ, правда, щедрымъ угощеніемъ у себя; но тутъ-же, на просьбы ихъ — пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, отвѣчалъ, какъ прилично человѣку благородному, что это для него не способно и что компанію надобно ему избирать по своему званію. Козаки глубоко оскорбились этими словами, но смиренно отвѣчали:

— Се вже ви лу́чче зна́ете, Полика́рпъ Ива́новичъ. И у насъ ка́жуть: *Брата́йся кінь съ коне́мъ и вілъ зъ воло́мъ....*

Врожденная деликатность не позволила имъ договорить пословицу, которая оканчивалась такъ: *а свиня́ объ тинъ, коли́ ні съ кимъ!* Только съ этой поры сосѣди къ офицеру — ни ногой. Сосѣдки заходили по праздничнымъ днямъ къ его матери, такъ какъ она осталась той же простой и доброй женщиной, и весело бывало въ старой хатѣ. До офицера, на его половину, долетали импровизированные куплеты, которыми сосѣдки примазывали кстати свою рѣчь; но онъ внималъ этой хохлаччинѣ небрежнымъ слухомъ, какъ человѣкъ, которому не безъизвѣстны и *Выду ль я на рѣченьку*, и *Среди долины ровныя*, не говоря уже о тѣхъ молодецкихъ пѣсняхъ, которыя, по приказу начальства, въ приличныхъ случаяхъ, весело распѣваютъ, храбрые россійскіе воины. »Что́ жъ? простая женщина моя матушка!« думалъ онъ: »ей позволительно!« и, по врожденной добротѣ души, потакалъ ея старымъ привычкамъ и обычаямъ. Иногда, впрочемъ, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ пѣсни необразованныхъ поселянъ, какъ называлъ онъ обитателей родного села, но то были удалыя пѣсни паробковъ, позаимствованныя ими отъ квартирующихъ у нихъ солдатъ. Рана не заживаетъ безъ нагноенія: такъ и изувѣченная народность украинская необходимо должна была проявить свою болѣзнь въ безобразныхъ выродкахъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Молодцоватые паробки, въ страшной величины чоботахъ и огромныхъ бриля́хъ или ку́чмахъ, проходя мимо двора отстав-

ного офицера Зарубаева, не разъ порадовали его душу пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Па горныци па крутой
Хадылъ майоръ маладой...
Деньщика къ сабѣ призвалъ,
Кулакомъ у зубы далъ, —

и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не добиваясь отъ пѣсни смысла, паробки радовались, что такъ чисто выговариваютъ московскія слова и въ совершенствѣ подражаютъ солдатамъ.

»Эхъ, бравые ребята!« думалъ отставной офицеръ. »Какіе изъ нихъ знатные рекруты вышли бы! Вотъ кабы мнѣ васъ отдали на недѣльку, — я бы вамъ задалъ гвардейскую выправку!«

Къ комиссару, который жилъ въ томъ же селѣ Бу́ртищѣ, офицеръ нашъ не явился, такъ какъ офицеры въ полку слишкомъ рѣзко обнаружили передъ нимъ дворянскую гордость. По крайней мѣрѣ *онъ* былъ увѣренъ, что то́ была дворянская гордость, и не другое чувство. Комиссаръ былъ панъ »великаго колѣна«, а Зарубаевъ предчувствовалъ, что его примутъ надменно, — тѣмъ болѣе, что каждому извѣстно, кто былъ его отецъ и кто его мать. На счетъ сближенія съ дворянскими домами, въ которыхъ есть барышни, бывшій отецъ Потапій рѣшительно обезнадежилъ выслужившагося козака; онъ и эти знакомства откладывалъ со дня на день. »Еслибы по крайней мѣрѣ не моя матушка!« думалъ, куря трубку, офицеръ.... »Но ей тоже надобно жить на свѣтѣ«, подсказывало ему его доброе отъ природы сердце: »она, бѣдняжечка, много натерпѣлась горя!«

Вообще, взглядъ на свою обстановку въ родномъ селѣ много повредилъ офицеру въ его собственномъ мнѣніи. Онъ пересталъ поминутно выпрямляться во весь чудесный ростъ свой, рѣже прежняго говорилъ, что онъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и, словомъ, чувствовалъ, что какой-нибудь козакъ Очкуръ не такъ низко стоитъ въ сравненьи съ нимъ, какъ ему съ перваго взгляда показалось. У козака Очкура дворъ шире его двора и обстроенъ такъ, что залюбоваться. У козака Очкура воламъ, коровамъ и лошадямъ счету нѣтъ. Козакъ Очкуръ вложилъ на зиму въ омшанни́къ 200 ульевъ. Самъ бывшій отецъ Потапій говорилъ, что комиссаръ, тому назадъ пять лѣтъ, предлагалъ ему, черезъ своего письмоводителя, сдѣлать его панко́мъ, за 500 цѣлковыхъ,

только бы онъ выучился подписать свое имя; но козакъ Очкуръ засмѣялся на это предложеніе и подарилъ письмоводителю доморослаго стригуна́, чтобъ только онъ ему съ этимъ не докучалъ. Ясно стало Зарубаеву, что *благородными* могли бы сдѣлаться многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣстился водить хлѣбъ-соль, но не хотѣли именно потому, что благородство не позволитъ имъ собственными руками пахать и сѣять, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. И при всемъ томъ не могъ онъ рѣшиться вести себя съ сосѣдями, какъ велъ себя покойной отецъ его, а тѣмъ менѣе — заняться по-прежнему сельскимъ хозяйствомъ, надѣть простые чоботы и свитку и идти за плугомъ; какой-то гвоздь въ мозгу мѣшалъ ему подумать объ этомъ такъ просто и ясно, какъ думала его мать и ея пріятели.

Между тѣмъ нынѣшняя жизнь его вовсе не была для него пріятнѣе той, какую велъ онъ до рокового для него 1819 года. У него въ душѣ сохранились воспоминанія о чудесныхъ прохладныхъ утрахъ и веселыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ полѣ съ плугомъ, косой и серпомъ, — о восхитительныхъ обѣдахъ подъ пѣсни жаворонковъ, гдѣ-нибудь на межѣ или подъ деревомъ, обѣдахъ, которые приносила ему туда любящая мать и приправляла своими ласковыми, полными живого интереса рѣчами. Теперь какой-то непонятный для него самого долгъ повелѣвалъ ему сидѣть утромъ взаперти надъ стаканомъ чаю, котораго не раздѣляла и не хотѣла раздѣлять съ нимъ старушка-мать. Она, бывало, не боится утренней мглы на вспаханномъ подъ осень полѣ, ни холодной росы, садящейся каплями на одежду, на брови и рѣсницы; но табачная мгла, которую теперь устроивалъ у себя въ комнатѣ сынъ, не разъ прогоняла ее отъ него, какъ ни мужественно сносила она рѣзь въ глазахъ и перхоту. Бесѣды ихъ не были уже такія оживленныя и гармоническія, какъ прежде: офицеръ многое опровергалъ въ ея простыхъ сужденіяхъ, многое пускалъ мимо ушей: »простая, дескать, женщина моя матушка, — ей позволительно кое-чего не понимать«, — и вообще они, при всей любви съ одной стороны и внушаемаго природой снисходительнаго уваженія съ другой, никакъ не походили на такую единодушную чету, какую составляли прежде. Нѣжно любимый сынъ возвращенъ матери, но возвращенъ глухонѣмымъ. Послушный вдохновенью сердца инструментъ побывалъ въ чужихъ рукахъ и воротился къ свое-

му владѣльцу съ оборванными струнами. Цѣпляетъ на него другія струны праздный отецъ Потапій, строитъ его на свой строй и наигрываетъ на немъ, что́ ему по душѣ.

Въ самомъ дѣлѣ бывшій отецъ Потапій мало-по-малу сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ отставного офицера. Зарубаевъ проводилъ значительную часть своего времени съ этимъ велемудрымъ пріятелемъ, то́ у себя въ новой хатѣ, то́ у него въ домѣ, на половину обращенномъ въ кладовую, по случаю продажи козакамъ лишнихъ надворнихъ построекъ. У бывшаго попа была бывшая попадья, довольно раскормленная и веселая особа, не уступавшая мужу въ пристрастіи къ вину, веселящему сердце. Эта достойная чета озаботилась успѣшнѣе родной матери судьбою отставного офицера и рѣшила, что ему надобно жениться на такой-то поповнѣ, въ такомъ-то селѣ. Усердные совѣты подкрѣплялись чаркою, переходившею изъ рукъ въ руки, и отставной офицеръ возвращался къ матери иногда въ такомъ видѣ, что она должна была раздѣть его и уложить въ постель. Пьянымъ языкомъ объявлялъ ей нѣжно любимый сынъ, что невѣста его хоть и поповна, но ходитъ въ шляпкѣ и будетъ настоящею благородною женщиною. Хватала вдову за сердце нѣмая грусть; она чуяла бѣду, но отвратить ее не имѣла силъ. Сынъ ея былъ уже не ребенокъ, чтобъ его повернуть круто на дорогу простой, работящей жизни. Слова: *офицеръ*, *благородной человѣкъ*, оглушали и ее, бѣдную. Въ самомъ дѣлѣ ея сынъ »теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ«, какъ онъ твердилъ ей при всякой ея робкой попыткѣ вразумить его Это была страшная истина въ устахъ безумнаго, и потому поражала ее, какъ истина. Разлучить сына съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ — не смѣла бѣдная Зарубаиха и подумать. Изъ устъ сего послѣдняго слышались даже и въ пьяномъ видѣ рѣчи разумныя, или казавшіяся ей разумными, а къ его главному пороку привыкла она въ теченіе всей своей жизни. Все, что́ она въ силахъ была сдѣлать, это — носить бывшему отцу Потапію горячіе книши и покорнѣйше просить его потчевать сына *безъ примѹ́су*. На это бывшій отецъ Потапій отвѣчалъ ей:

— Любезная моя Параскевія... якъ бо тебе... гемъ... да́, Емельяновна! въ честномъ домѣ не порокъ выпить молодому человѣку. Мой домъ — не шинокъ. По дружбѣ и по приличію, годится имѣть съ сосѣдями чарочное общеніе. Твой сынъ, Пара-

скевія... гемъ, гемъ... Емельяновна, благонравный юноша и христолюбивый воинъ. Служилъ онъ отечеству довольно и всяческихъ ужасающихъ зрѣлищъ насмотрѣлся и натерпѣлся; нынѣ же да возвеселится и возрадуется въ благожелательной отставкѣ!... Выпей, любезнѣйшая сосѣдка (при этомъ рюмка, бывшая настольною вещью хозяина, всовывалась въ руку сосѣдки).... Увы мнѣ! не могу назвать уже тебя любезнѣйшею дщерью; но уповаю, что мои молитвы и поминовенія о твоемъ покойномъ сожителѣ услышаны.

При этихъ словахъ сердце вдовы дѣлалось мягче воску: она любила своего покойнаго мужа, и молитвы за упокой души его до сихъ поръ не перестали для нея быть самою нѣжною сердечною связью между нимъ и ею. Выпивая предложенную ей чарку, она повторяла слова бывшаго отца Потапія, но только въ болѣе краснорѣчивыхъ оборотахъ и съ примѣсью наивной сельской поэзіи.

— Истинно! истинно! подтверждалъ бывшій отецъ Потапій.

А между тѣтъ его благовѣрная заходила ко вдовѣ съ другой стороны:

— Мы за твоего Поликарпа Ивановича возьмемъ невѣсту у короля изъ-подъ полы! говорила она. — Твой сынъ красавецъ, хоть куда. Поискать такого и между дворянскими дѣтьми! Да куда имъ ровняться, ми́ршавымъ!

Вдова была побѣждена такимъ образомъ на двухъ слабыхъ пунктахъ своихъ и возвращалась домой въ пріятномъ чаду.

»Може, воно́ й спра́вді бу́де га́рно!« думала она; а чтобы несомнѣнно дожить до счастія, которое для нея было выше всего на свѣтѣ, она, на утренней и вечерней молитвѣ, прибавляла всякій разъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ. Въ церкви также увеличились ея подачи на часточку, панихиды и молебны, къ совершенному удовольствію отца Петра, преемника бывшаго отца Потапія. Бывшій отецъ Потапій налегалъ больше прежняго на богопротивную игру въ карты, но вдова Зарубаиха смиренно отвѣчала, что Богъ не по грѣхамъ нашимъ внимаетъ нашимъ молитвамъ, но по своему милосердію, и такимъ образомъ поражала бывшаго попа его же собственнымъ оружіемъ.

Между тѣмъ дѣло о невѣстѣ у короля изъ-подъ полы подвигалось впередъ побочными путями, такъ какъ сія невѣста была родная племянница бывшей попадьи. Сестра ея была въ замужествѣ за іереемъ, какъ и сама она; но какъ ихъ роду суждено уже

было свыше несчастіе, по выраженію ея мужа, то она овдовѣла, и приходъ, на которомъ основывалось ея благоденствіе, достался другому іерею и его попадьѣ и его чадамъ, рѣдко малочисленнымъ. У вдовы попадьи, между многими другими дѣтьми, была круглолицая, румяная дщерь; и сія-то дщерь поведена была съ дѣтства такъ благородно, что носила шляпку и другія приличныя высшему сословію наряды. Но, не взирая на всѣ таковыя украшенія и даже на лѣпоту ея природнаго зрака, семинаристы, называвшіеся богословами, не предлагали ей, въ своихъ бесѣдахъ, ничего серьезнаго, а вопрошали развѣ: чѣмъ она умывается, что у ней такія цвѣтущія ланиты? что, конечно, было не непріятно для круглолицей дѣвы, но кольми паче было бы пріятно, еслибы какой-нибудь приморенный на реторикѣ и латыни, но бодрый духомъ богословъ вопросилъ: нравится ли ей такой-то (Крестовоздвиженскій, или Рождество-Богородицкій, или тамъ какой-нибудь Анно-Зачатіевскій) приходъ, несомнѣнно передаваемый ему престарѣлымъ отцемъ его?... Подобные вопросы предлагались дѣвамъ вовсе не круглолицымъ, но съ хорошимъ приданымъ, и дѣлались дѣвы сіи, въ шляпкахъ и безъ шляпокъ, почтенными »матушками« для цѣлыхъ селъ; она же пребывала тща и одинока, точно сіяющій, но хладный мѣсяцъ на небесной лазури. Охотно согласилась бы она сочетаться узами законнаго брака съ семинаристомъ-философомъ, будущимъ діакономъ, но семинаристы-философы ужасались пышныхъ ея нарядовъ, для поддержанія которыхъ діаконскаго дохода было бы слишкомъ недостаточно. Что касается до семинаристовъ-риторовъ, будущихъ дьячковъ, то у нея былъ живой примѣръ передъ глазами, какъ одинъ изъ таковыхъ, плѣнивъ щеголиху, діаконскую дщерь, въ послушаніе волѣ своей, то есть сотворивши ее дьячихою, заставилъ всенародно обмазывать хату глиною, а къ сему поруганію присовокупилъ вящшее, въ видѣ синяка подъ глазомъ. Такимъ образомъ цвѣтущая самою выразительною красотою дѣва, будучи непричастна дворянству, которое у насъ не женится на поповнахъ, и потерявъ надежду на вожделѣнное бракосочетаніе съ однимъ изъ богослововъ, находилась можно сказать въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ въ это время къ ней подъѣхали съ офицеромъ. Сдѣлаться потомственною дворянкою — не шутка, и чувствительная красавица полюбила Зарубаева заочно, точно принцесса. Съ своей стороны и

Зарубаевъ, внимая краснорѣчивымъ разсказамъ бывшаго попа и бывшей попадьи, прельстился круглолицею дѣвою до зѣла.

— Очи ея, говорилъ бывшій отецъ Потапій, — яко двѣ звѣзды въ полунощи.

»Брови ея«, говорила бывшая *матушка*, »какъ двѣ высокія радуги.«

— Носъ ея, продолжалъ сей, — яко чистѣйшее гусиное перо.

»Губы ея«, поддерживала сія, »точно пивóнія.«

Словомъ, самая холодная натура могла бы воспламениться страстью къ законному браку, а натура нашего Зарубаева вовсе не принадлежала къ холоднымъ. Онъ, безъ всякаго отлагательства, рѣшился ѣхать съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ въ село Хропакú, отстоящее отъ села Буртища на небольшое количество стадій, какъ выразился офицерскій наперсникъ. У сего послѣдняго имѣлся собственный конь съ колесницею. Въ ясное осеннее воскресенье, когда на дорогѣ, засохшей послѣ дождей и слегка прохваченной морозомъ, не поднимется отъ колесъ ни пылинки, бывшій отецъ Потапій, сидя рядомъ съ христолюбивымъ воиномъ, правилъ возжами съ нѣкоторымъ трепетомъ въ рукахъ, такъ какъ было еще рано и опохмѣлиться не дозволяла ему совѣсть до обѣдни.

А между тѣмъ сердце оставшейся матери трепетало гораздо сильнѣе за судьбу сына, и трепетало совершенно безъ пользы. Его судьба уже совершилась. Она совершилась съ самого того времени, когда его взяли изъ-за ея убогаго обѣда, и уже никакіе отцы Потапіи не могли ее сдѣлать ужаснѣе, и никакіе отцы Петры — спасти ее. Совершилась судьба удалого козака, который не спустилъ комиссарскому сыну за оскорбленіе своей невѣсты! Теперь онъ »совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!« Теперь для него не существовали болѣе никакія Катри Дубивны, хоть бы онѣ въ тысячу разъ были прекраснѣе и благороднѣе въ своихъ цвѣткахъ и лентахъ, чѣмъ какая-нибудь носительница шляпки въ селѣ Хропакахъ. Теперь высшимъ проявленьемъ удали было бы для него — задать гвардейскую выправку сыновьямъ любящихъ матерей и женихамъ изнывающихъ по нимъ красавицъ. Теперь онъ въ трезвомъ видѣ хуже пьянаго, а въ пьяномъ — развѣ немного безсмысленнѣе трезваго....

XI.

Я бы охотно провелъ моего читателя въ село Хропаки и показалъ ему, какъ жила вдова попадья и въ какихъ правилахъ воспитывала возлюбленную дщерь свою; я бы, какъ говорится у насъ, *залюбки* вошелъ во всѣ подробности сватовства и бракосочетанья офицерскаго; я бы нашелъ много предметовъ, вызывающихъ на размышленье, въ устройствѣ новаго офицерскаго быта, подъ руководствомъ молодой жены; но 1826 годъ былъ несчастнымъ годомъ моей жизни: меня посадили въ бричку домашней работы и увезли Богъ знаетъ куда, отдали Богъ знаетъ въ какія руки и заставили учиться Богъ знаетъ чему, единственно для того, *чтобъ я не баловался дома*. У насъ, въ мелкопомѣстномъ быту, пребываніе хотя бы и единственнаго дитяти дома, на глазахъ родителей, считается почему-то баловствомъ. Варваризмъ семейной и общественной жизни своей сознаютъ наши мелкопомѣстные паны и панки сами, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за будущность дѣтей своихъ, швыряютъ ихъ, зажмуря глаза, въ руки варваровъ иного покроя, которые или убиваютъ ихъ на первыхъ же порахъ, или же, въ случаѣ особенно крѣпкой натуры, выпускаютъ ихъ изъ своей фабрики живыми, но только болѣе или менѣе изуродованными. Такимъ образомъ простонародная жизнь села Буртища надолго изчезла у меня изъ виду. Много лѣтъ съ ряду мой умъ былъ занятъ своего рода пунктиками, и наконецъ, когда было признано, что больше я ни къ чему неспособенъ, то есть достаточно приготовленъ для жизни, мнѣ возвратили свободу и отпустили на всѣ четыре стороны.

Естественно, прежде всего бросился я на родину. Я ѣхалъ день и ночь, сокращая сутки и часы моего изгнанія; я летѣлъ въ родной мой хуторъ съ нетерпѣньемъ влюбленнаго человѣка, поспѣшающаго къ любящей его женщинѣ. Наконецъ я достигъ поворота съ почтовой дороги на проселочную. Вотъ и село Буртище передо мною. Отсюда всего двѣ-три версты до родного хутора. Но надобно же было случиться, что весенняя вода разнесла греблю, которою сообщался мой хуторъ съ Буртищемъ! А тутъ надвинулась темная дождливая ночь. Проѣхать въ темнотѣ

не было никакой возможности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я рѣшился ночевать и остановился у первой хаты, въ которой ярче другихъ свѣтился огонекъ. На вопросъ: чья хата? кто-то, проходя мимо, отвѣчалъ, что это хата офицерихи.

— Впустятъ сюда переночевать?

»Впустятъ: у нихъ почуютъ судовые; у нихъ и самоваръ есть.«

Прекрасно! Заѣзжаю. Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощекая женщина и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Хозяйка хлопочетъ на кухнѣ, вѣроятно, готовя мнѣ ужинъ. Я слышу крикъ и хлопанье крыльями всполошенныхъ на сѣдалѣ куръ. Одно изъ этихъ простодушныхъ существъ, очевидно, должно́ пожертвовать для меня жизнію; но я остаюсь равнодушенъ и безчувственъ, какъ всякій проголодавшійся путешественникъ. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка, въ жалкомъ рубищѣ, крехтя, появилась, съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такія изможденныя лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шипящій самоваръ, я спросилъ:

— Ти, бабу́сю, въ іхъ на́ймичка?

»Ні, рідна ма́ти«, отвѣчала она.

— Хто жъ воні́ таки́і?

»Зарубае́ви. Синъ мій — офице́ръ Зарубае́нко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка.«

Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ.

П. Кулишъ.

Малиновка на Хопрѣ.
Октябрь 1859.

ПИСЬМА.

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 1-е

О событіи на Кодакѣ.

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше »Объясненіе«, напечатанное въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше о немъ »Объясненіе«, ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

»Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спро-

силъ окружавшихъ козаковъ: »каковъ кажется вамъ Кодакъ?« Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: »что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается.« Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвалили и его въ участіи (I. 58).«

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана; въ »Описаніи Украины«, онъ говоритъ: »На Кодакѣ, въ *іюлѣ* 1635 года, былъ заложенъ мною замокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августѣ* мѣсяцѣ, нѣкто *Соликанъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ Француза...« За тѣмъ, Бопланъ разсказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: »По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.« Дѣло ясное, что это было въ *1639* году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: »*Manu facta* (inquit) *manu destrui!* Nec verbis defuit eventus, primum namque successcentis Chmelnicii potentiæ facinus incubuit, Kodaco evertendo. (I. 21)« Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были *1639* года, такъ и въ

томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запоржье на Поляковъ.

Нашъ украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою »Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани« и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: »Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману каронному Конецпольскому въ Кодаку саму быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворенно, что бы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бяше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31).«

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе Польскаго историка переложить въ голову самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что́ называется: *за однимъ за́ходомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ наращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то́: когда́ и ка́къ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе Польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: »Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли лядскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрый ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мыслилъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше.« — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или по́шибовъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго,

отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: »Лицо его, сіяющее и кроткое, (говоритъ польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую, болотную воду.« Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустили бы эту несоотвѣтственность; у него сказано такъ: »Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo præcipue, ut nitida glacie foetentes aquæ, *recessus pectoris* teguntur.« А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, всего скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго* Днѣпра, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалкýється лиманъ морю,
Що Днѣпръ рóбить свою волю:
Свóи гирла прóчищае,
Лиманóви закидае.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный Гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню)... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S.—Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Магазинѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обозрѣніи источниковъ вашей книги »Богданъ Хмельницкій« не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* »Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани«. Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное о ней извѣстіе.

Въ вышепомянутой статьѣ моей, я высказалъ свое мнѣніе, что истори-

ческое *введеніе,* находящееся при «Лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицемъ, которымъ написано продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что́ говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковому старшинѣ, Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для Лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ Лѣтописи Самовидца.—Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе.*

30 ноября 1860.

ПИСЬМО 2-е

О воспитаніи Богдана Хмельницкаго.

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на *1646* годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: »Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣлали его въ Поляка, что́ случилось съ другими южно-руссами. Отъ езуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46.)«

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію — своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ— онъ щирый Украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ езуитовъ, пріемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками родятся такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа Украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южно-русска-

го человѣка должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополячиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтѣ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ езуитовъ.

Многіе Южно-руссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерожались въ Поляковъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими езуитами, отъ брачныхъ связей съ Польками, и т. п. Но это случалось преимущественно съ людьми изъ высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ Украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное дѣсятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совсѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками—изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа таковыхъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *татарскаго* произхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переясловскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за что не любили его польскіе паны и полковники и комисаръ, поставленные на Украинѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Остряницынской (1638 г).

Посмотримъ, однакоже,—какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, король подарилъ ему участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіей; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ »Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго«; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богдановo владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, на воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую свободу его Суботовъ, на что Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ под-

старосты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ, или генеральнымъ, писаремъ. А съ 1646 года, послѣ пріѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣгали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такія бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что́ стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь, и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-лѣтъ военную и депутатскую службу въ Реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Jesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искуству воина-политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-Русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ »*осторожности* и *луччого воинского управленія*«.

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ коза́ччины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою-Церковью и по́звалъ къ себѣ украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: »Chmelnicius tum, post Corsunenses Cannas — *Annibal*«. Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника Польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ Русская пословица: чужая душа — потёмки. Коховскій, какъ Eques Polonus, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской Республики и называя его *жестокимъ матереубійцею;* и не мудрено, если *внутренній человѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ езуитскаго устройства; а навести потраву езуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что

молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ Езуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ Езуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южно-русскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума езуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время (1). Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-русскаго: это Лаврентій Зизаній-Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти († 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ езуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ езуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ—*у отцовъ Езуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу сосласиться съ вами называть Ярославскихъ езуитовъ — *воспитателями* Богдана: въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы езуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ езуитовъ и ихъ

(1) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнь* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ *Остерскій* вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

коллегіумовъ. Поэтому, вліяніе Коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволéныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовалась во всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ езуитовъ только *скрытность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ езуитовъ крѣпкою и самобытною душею Украинца-Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, *скрытность* и въ большóй степени, я призналъ бы ее за природное и доморощеное свойство его, и не отнесъ бы ее къ езуитамъ, потому что и безъ ихъ вліяніе — скрытность была присущею большинству Украинскаго народа, происходящею въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ же своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *запуздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осьдланное* на Масловомъ-Ставу, послѣ войны Остряницынской (1). Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, попранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: »извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66.).« Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на езуитскомъ двоедушіи и скрыт-

---

(1) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: »ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo....«

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: »Na ktòrą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I. 52).«

ности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря.

ПИСЬМО 3-е

Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ.

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: »Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю и видимая преданность Речи-Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе.«

Какъ-же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій »смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?« Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецпольскій и его товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того вѣка. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрылъ бы онъ своего постояннаго участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* »Войска его королевской милости Запорожскаго« и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): »не выписую тутъ працъ и трудовъ моихъ для общого добра Короны Польской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ добре вѣдаешъ, вельможность ваша.«

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельниц-

кій сталъ участникомъ »во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ.« Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презѣльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ-называвшейся *войсковой черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицемъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы — не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно, былъ на глазахъ у старостокъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончаться всякій разъ только тѣмъ, что »на Хмельницкаго никто не могъ доказать.« Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Ирклѣевцы выдали тогда кіевскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ Замкомъ (на горѣ Киселёвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переясловѣ и Нѣжинѣ переказнилъ Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, выбраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ Павлюка?*

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гупею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье зъ Запорожскимъ товариствомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переясловомъ, весною *1630* года (1), и что это прошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ

(1) Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ *1628* году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ *1630* годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Остряницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятнѣе, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы приписано Хмельницкому уже впослѣдствіи, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманое, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики »ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret.« Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава; да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, произшедшее на сеймѣ прошлогоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ »возбуждалъ совѣтомъ и ободрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ.« Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возраставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгаралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костёръ — дѣло напрасное; но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахно́ самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріятелемъ ока, за что́ у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бъ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ воз-

станій, не захотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

»За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!«

Послѣ того у васъ сказано: »Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ.« При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть ввиду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что́ для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки Реестровое Козачество, раздружилъ его съ Товари́ствомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ тѣхъ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы-Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолѣвающихъ Поляковъ къ еще большему уничиженію народа Малоросійскаго. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была, для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ — походной, сторожевой, депутатской; но ка́къ было на самомъ дѣлѣ, о то́мъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ востаніяхъ — Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ — только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ, взводить на него эту преждевременную вину противъ Республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолин-

скій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — »самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрёный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя Козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г., 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго »духъ бурный, склонный къ волненію« — не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *нѐдругу отчизны Малороссійской*.... Полно. такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: »И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что́ на душѣ у него.«

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталось задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что́ было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлюка, Остряницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тóлько Богъ святíй знае,
Що Хмельницкíй думае-гадае!

4 декабря.

ПИСЬМО 4-е

Въ конецъ характеристики Богдана.

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ розсыпей Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожиданнымъ свѣтомъ всю его до-гетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что́ *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня яснымъ кажется вотъ-что́: служа около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣріи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — впродолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины Козачества соединились въ прежнее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчизны Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двоедушіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской Коронѣ и всей Рѣчи-Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что́ только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ Республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *Козацкой-матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить то́ дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы впродолженіе полувѣка.

»*Встала обида въ силахъ Дажбожа внука.*« И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ Польскимъ королемъ, на »защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею« — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ острову, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники-Поляки

заговорили такъ: »вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!« — или: »комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива!« а они еще и не предвидѣли, какъ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя* его *своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось тóже, чтó въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщашася, но не исполниша«.

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: чтó въ немъ есть справедливаго, и чтó ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему »объясненію«, чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

М. Максимовичъ.

5 декабря 1860.
Михайлова-Гора.

(Продолженіе впредь.)

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посу́нься, Ля́ше,—най Ру́синъ ся́де.
Галицкая пословица.

»На-вѣщо ви, Ляхи́, принеслѝ намъ сі цяцькѝ?... Ма́йте ви собі свою́ Польщу, а на́мъ Украі́на неха́й зостае́тця.«
Слова́, сказанныя польскому послу, Киселю, на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ послѣднемъ № »Современника« прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падалицы, какъ случайно попавшіеся намъ въ руки — 256 №1860 г. газеты »Czas (Время)« и 210 № (31 декабря) »Revue Contemporaine« — вызываютъ насъ вновь на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'a извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги La Russie Rouge, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединеніе Червоной Руси къ Россіи на томъ основаніи, что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »La Russie Rouge«, да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчаніе. Она объясняетъ намъ, что »Русскіе не знаютъ, что́ такое *Русь;* что Русь не есть Россія, а Польша, и что Россія — страна не Славянская, а Русскіе сами не знаютъ, что́ они такое.« Выписываемъ слово-въ-слово эти выраженія подлинника, потому что въ точности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней нелѣпости приведенной фразы: »autor zapomina, że Ruś nie jest Rosyą, — że jest Polską, i że Rosya nie jest Słowiańska, — nie wiedzą czém są i czém jest Ruś.« Такого рода мнѣнія совѣстно опровергать, но нельзя оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются — умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патріотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать послѣднее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложеній. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Названіе: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Псковъ и Тверь и Полоцкъ,—всѣ онѣ были связаны одинаково сознаніемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественнаго устройства и институціею единаго правительственнаго рода. Печальныя внѣшнія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Внѣшніе признаки ихъ связи порвались; внутренніе — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi*. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.« (*Нѣтъ Руси*. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія (¹):

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея

(¹) Приводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 r.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руси!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темные призраки безпокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробѣ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навь* (1) Руси долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка́ стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновеніе — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но — написали *Любельскую Унію*, и доколотили ею лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь упыря-Павлюка (2) въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancką, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie,—grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach....

(1) Слово — upior — бродящій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навь*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(2) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Наливайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

»Говорятъ, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

»Говорятъ, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

»Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать.... еслибъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растравляется рана Польши; — — — —

»А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навь Польши сходится съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ сѣрмягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ,—равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говоритъ Русину: »Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то — я дамъ тебѣ почув-

---

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....

Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyzmy w ręku — powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarażem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią, że już potem zczezły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspominano w sejmie jéj imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....

Minęły te czasy, — wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Ruś-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *бráте, не вірь Ляху!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе, — оно не для шутки написано; вглядись добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Нѣтъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....
— — — — — — —
Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,
Równość i braterstwo przed Europą głosi,
Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«
A zaś ruski upior — służalec wiekowy —
Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
Ale zcicha — zwykle jak sługa w przestrachu —
Szepcze w duchu k' sobie: »Brate, ne wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
A może nakoniec poznasz, że plakaty
Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
Na ruinach Rusi dzwigła się z nicości,
I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздастся русскій голосъ, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперь — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Волынь, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополяченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть Русскихъ хлоповъ милліоновъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!«

Dziś tej Rusi niéma, — tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Książe Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał....
Niebespiecznie wwodzić włóczęgów natrętnych
W katakomby Rusi do pamiątek świetnych;
Bowiem stać się może, że śród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niéma! i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polskie mędrcy piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
Wołyń, Ukraina — że to wszystko — Polska!!..

A więc niéma Rusi, bo jéj niema w głowie
Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niéma ruskiej mowy, — bo nawet jéj zgłoski
Zamienia polskiemi hrabia Gołuchowski!..

Niéma Rusi, niéma! — z książek ją wymażcie, —
Choć jest ruskich chłopów miljonów piętnaście!
Niéma Rusi, niéma! — choć jest i być musi
Przeciw rządom Polski wieczny protest Rusi!...

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—*»напечатать его,— за что̀ будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ«*, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальною Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на всѣ иноплеменныя усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто̀ это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что̀ такое Русь и что̀ они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что̀ это значитъ. Не разъ думали унизить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что̀-либо унизительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національный гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсь финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіей. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне,—хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ фамилій, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значитъ, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже физіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами,—вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Нѣмеччины. Уже въ IX вѣкѣ широкій бассейнъ Оки былъ заселенъ Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиновъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Прусско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по всѣмъ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятичей, слѣдуя въ своемъ разселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавріила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составилась Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ бо́льшихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣть ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновеніе со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мирное слитіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что́ бы напоминало древнее иноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ физіологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы сознаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпріимчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазіи, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ Czas'a говоритъ: »исторія лучше означила, что̀ нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія (uszlachetnienia), могло бы создать прекрасное и ядрёное (jędrne) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.«

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: »*исторія* такъ означила«. А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже *исторія*. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ та́къ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что̀-нибудь строить на такомъ противорѣчіи? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: »*исторія такъ означила*« только въ томъ случаѣ, еслибъ исторія указывала на какое либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его счастіе. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господственнаго, порабо̀тительнаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ сельскаго рабства. А ка́къ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіей XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русскій элементъ показалъ признаки самобытной жизни. Что́ касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до скотоподобія положеніе простого народа, заколоченнаго панами, католиками и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудъ сказала рецензенту въ пользу его »прекраснаго ядрёнаго тѣла.« — Послѣдняя фраза Czas'a непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отрадно было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, сообразно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ни было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устроивать счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ Revue Contemporaine. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью »La Poésie Oukraïnienne.« Довольно намъ случалось читать нелѣпыхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать — chef-d'œuvre въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли гдѣ г. Saint-Vincent всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чьимъ-нибудь словамъ, — но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочеталось самымъ нахальнымъ образомъ умышленное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то́ единство племенного происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собой тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. »Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшаго надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Московитяне — народъ племени Уральскаго (1), а не Славянскаго, а потому не

(1) Dans un pamphlet russe recemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣютъ ничего общаго съ Русскимъ и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ, и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказывать религіозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ уніи съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіятскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'у) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.«

Авторъ очень мило сожалѣетъ о потерѣ »такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародышъ прогресса и развитія въ будущемъ (1)«, и какъ будто хочетъ убѣдить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью Revue Contemporaine, можно подумать, что Великоруссы — народъ уральскаго племени, — даже говорятъ языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя нелѣпости могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

---

confondre dans une même origine *Slave* les Russo — Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres — de race Arienne. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(1) Quant au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine.... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *урализмѣ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоплеменности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1658 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казиміра на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московіею, выражается: in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не доходили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уніи, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московіи, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь—Руссіей, а сѣверную—Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *всея Русіи*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ нелѣпостей (1); но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

(1) Кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что »нѣкій Лехъ, по имени Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;« что »Запорожцы набирались между Поляками съ береговъ Вислы, или — что выходитъ на-одно — между Русинами съ Днѣпра и Днѣстра«, и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брехнéю свíтъ прóйдешъ, та назáдъ не вéрнесся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это обольщеніе не будетъ продолжительно. Испытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки скликалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впослѣдствіи никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И что́ вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будутъ ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или смѣсь племенъ, или — что́ всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чудскаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унизить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго человѣка нельзя унизить происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіяне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Французы начали домогаться, чтобъ Нѣмцы себя называли Аллеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такія доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

жешія легко писать изъ собственной фантазіи, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество ольскаго и южнорускаго народа, будетъ уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читаетъ и любитъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ—не то. Богданъ Залѣсскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочуствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлелѣянной историческими воспоминаніями и тѣсной связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патріотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣсскаго, хотя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплотою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удается ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводитъ ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что́ можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣсскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній,—великій творецъ и художникъ,—касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

собнѣе Залѣсскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣетъ съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южнорусса, но ужь никакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Стараніе представить въ свѣтломъ видѣ такія историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Унія, которыя Южнорусамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе пріемы поведутъ единственно къ тому, что древняя несчастная непріязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу,—чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаннѣе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и *уразумѣютъ* историческую *истину*: только *истина* содѣлаетъ ихъ *свободными*,—свободными отъ всякихъ искуственныхъ передѣлокъ и поддѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былого господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобіяхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуляй-городи́нъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того—Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. Костомаровъ.

14 января, 1861 г.

НЕСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нельзя не порадоваться, что художники *начали* обращаться къ *народной* жизни, которая болѣе знакома и болѣе близка, какъ имъ самимъ, такъ и публикѣ. Душевно радуемся этому пробужденію: тутъ пахнетъ весной, обновленіемъ! Молодая жизнь, могучая, полная силы, мало-помалу вытѣсняетъ безплодное устарѣлое начало. — Или жизнь нашего художества только отголосокъ западнаго? Перевороты, совершившіеся въ художествѣ, быть можетъ, отозвались у насъ только эхомъ, дошли до насъ едва волнующимися кругами?

Такъ долго бывъ разъединено съ жизнію, оторвано отъ нея, художество начинаетъ сознавать свое болѣзненное состояніе и современныя требованія; оно прислушивается къ біенію общественнаго сердца, сочувствуетъ жизни, начинаетъ сплавляться въ одно тѣло съ обществомъ. Плоды такого направленія должны быть самые благодѣтельные. Сливаясь съ жизнію народа, художество получитъ отъ него силу; слово художества станетъ живымъ для каждаго. Таланты, въ свою очередь, будутъ вдохновлять и поддерживать народную жизнь, напоминая народу высокія и прекрасныя явленія его духа. Были у насъ и прежде произведенія, взятыя изъ жизни, но ихъ было такъ мало, и они появлялись такъ рѣдко, что, вслѣдъ за появленіемъ, забывались совершенно, подавляемыя страшною массой Плутоновъ, Кентавровъ и прочими, нелѣпыми, колосальными, произведеніями. — Какъже не радоваться, что живой интересъ вытѣсняетъ мертвечину, что искусство дѣлается выраженіемъ жизни? Какъ не радоваться, что и Академія, наконецъ, даетъ

право существовать подобнымъ произведеніямъ, и уже не клеймитъ ихъ презрѣніемъ, — хотя все еще не рѣшается сравнять въ правахъ съ живописью »исторической?« Что́ за названіе! что́ за преимущество этимъ мертвымъ произведеніямъ, этому ошибочному направленію? Будто изображеніе близкой намъ, дѣйствительной жизни не требуетъ рисунка тоньше и серьёзнѣе? Будто презрѣнная, обыденная жизнь не составляетъ всего, не есть *исторія*, и будто исторія не была и не есть обыденная жизнь? Будто можно быть художникомъ исторіи народа, не зная его быта, его нравовъ, не изучивъ его пѣсенъ, понятій, желаній, словомъ — его обыденной жизни? Эта обыденная жизнь есть слѣдствіе прошедшаго, — она источникъ и сила будущаго.

Эта жизнь въ художествѣ, начавшаяся такъ скромно, такъ убого, съ Венеціанова, со Штернберга, излилась желчью у Федотова — и затихла. Но въ этой тишинѣ она не остановилась. Отъ даннаго толчка начинается направленіе и оно ростетъ годъ отъ году; камень, бывшій въ пренебреженіи, поставляется »во главу угла«.

Послѣдняя выставка представила намъ 33 сюжета изъ народной велико-русской жизни и 4 — изъ жизни южно-русской. Кромѣ того, помѣщено много рисунковъ изъ народной жизни въ повременныхъ изданіяхъ. Правда, не всѣ они хороши, почти всѣ слабы и неинтересны; но это — *начало*, и мы радуемся тому, что художество начинаетъ сочувствовать жизни; что, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, оно даже проникаетъ въ эту жизнь и служитъ ей съ любовью, съ пониманьемъ ея святыни.

Почему, однако, и художество начинаетъ обращаться къ народу южно-русскому? Толчекъ ли это литературный, безотчетное ли влеченье, сознательная ли потребность духа?...

Общество желаетъ, требуетъ художества *народнаго;* академія хотя и съ болью въ сердцѣ, но разстается съ циклопами, вызываетъ молодежъ на сюжеты изъ народной жизни; и вотъ художники, почти неприготовленные къ этому, пишутъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ, *народъ*, какъ писали Вулкана, Цирцею, портреты и иконы. Горе въ томъ, что молодежью еще движетъ не собственное сознанье, не любовь или влеченье, а чинъ, званіе, медаль, деньги! — Слѣдствіе этого то́, что публика, подходя къ картинѣ съ біеніемъ сердца, отходитъ отъ нея равнодушная, или (еще хуже) выноситъ каррикатурное впечатлѣніе о жизни народа; болѣе-жъ робкіе заглушаютъ свое пробудившееся негодованіе несчастнымъ сознаніемъ своей мнимой ошибки, отказываясь отъ собственнаго внечатлѣнія, и покоряясь приговору Академіи,

какъ высшей инстанціи. Хотѣлось бы ихъ ободрить, убѣдить ихъ — не заглушать движеній своей души, но развивать его, сберегать впечатлѣнія, столь часто нѣжныя и вѣрныя, плодъ простой, наивной жизни. Чистосердечный взглядъ, личное непосредственное чувство, для насъ дороже и выше приговора академическаго, извѣстнаго намъ уже заранѣе,— какъ итогъ извѣстнаго образа мыслей.

Требованія академій образовались — 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не развивались, не сдѣлали шагу впередъ, и потому, конечно, не согласуются съ современными требованіями. Приговоръ »академій« однообразенъ, и не только не есть приговоръ непогрѣшимый, но, напротивъ, часто служитъ *похвалою*. Ссылаемся на здравый смыслъ, на исторію *всѣхъ* академій и на біографіи знаменитыхъ художниковъ. Всѣ »*академисты*« составляютъ одну формулу, — личности ихъ сгладились и не имѣютъ никакого разумнаго значенія въ исторіи художества.

Академіи, отчужденныя отъ движенія жизни, могутъ помогать развитію художества развѣ отрицательно. Замкнутость мертвитъ ихъ; правила ихъ годны только для бездарности.

Итакъ, пусть каждый разбираетъ самъ, и высказываетъ свои требованія; только тогда мы будемъ ближе и ближе къ правдѣ.

Недавнія измѣненія прежняго порядка, въ *нашей* академіи, возбуждаютъ въ насъ—не опасенія за дальнѣйшее движеніе художества въ Россіи, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а напротивъ—вѣру въ его развитіе. Академія сближается съ современными вопросами въ художествѣ, съ потребностью жизни, заявляетъ готовность идти впередъ.

Произведенія художества заключаютъ въ себѣ свою словесность: художники давно разрѣшаютъ вопросъ за вопросомъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ; они живутъ кипучею жизнью міра; а академіи отстали отъ жизни со дня своего рожденія. Начало сознанья въ безполезности прежняго направленія, въ потребности обновленья, едва-ли не принадлежитъ *нашей* Академіи, ибо она уже бросаетъ свой педантическій взглядъ; ея желѣзная, скованная исторіей запада, форма — треснула; она отказывается— самоувѣренно отливать молодежь въ приготовленную форму; она не хочетъ болѣе посягать на уничтоженіе личностей, и ежели предоставитъ вполнѣ свободное развитіе художникамъ, служа для нихъ только опорой и помощью, то совершитъ подвигъ, окажетъ дѣйствительную заслугу.

Разрывъ теперешней академіи съ прежнимъ направленіемъ есть ея перерожденіе, — лишь бы она, сдѣлавъ шагъ впередъ, не остановилась и вновь не стала вѣрить въ свою непогрѣшимость и въ свое совершенство,

какъ вѣрила до послѣдняго времени. Слѣдствіе прежняго застоя и самоувѣренности мы видимъ въ грустномъ результатѣ, въ полномъ къ ней равнодушіи и даже насмѣшкахъ надъ нею. Безполезность и вредъ подобнаго существованія очевидны. Что произвела Академія, кромѣ несчастнаго однообразія? Гдѣ тѣ люди, о которыхъ она говорила нерѣдко съ такими рукоплесканіями, — на которыхъ возлагала столько надеждъ?! Имена ихъ забыты; они гибли, уносимые потокомъ жизни. Ихъ программы, какъ могильныя доски, говорятъ только о быломъ существованіи. Обновленная Академія, безъ сомнѣнія, не успокоится на томъ, что измѣнила уставъ. Этого недостаточно! Создавайте вновь, имѣя въ виду одну цѣль — развитіе художества, и ничего другаго. Не стѣсняйте себя никакими узкими рамами, никакими ложно-понятыми патріотическими чувствами....

Нѣкоторые спрашиваютъ, не помѣшаетъ ли *жизненное* направленіе искусства совершенству *рисунка*, знанію анатоміи? Не поглотитъ ли развитіе духа — формы? — Нѣтъ. Чѣмъ могуче духъ, тѣмъ совершеннѣйшей онъ требуетъ формы. Потребность развитой и осмысленной формы заставитъ художника усилить занятія; онъ непремѣнно станетъ писать и рисовать съ натуры, а это дастъ ему знаніе, слѣдовательно и *умѣнье* — ясно, скоро и вѣрно высказывать свою мысль. Пусть только этюды будутъ для него не цѣлью занятій, а средствомъ къ выраженію мысли и чувства. Это азбука для художественнаго творчества. Чѣмъ болѣе художникъ будетъ работать изъ жизни, тѣмъ болѣе онъ пойметъ необходимость этого ученья, тѣмъ сильнѣе и разумнѣе станетъ изучать природу, и уже не слѣпо, не только вѣря на-слово, но чувствуя полную необходимость этого знанія; онъ будетъ вести черту, класть краску, изучать свѣтъ, сочинять, давая себѣ полный, сознательный отчетъ. Тогда онъ убѣдится, что въ художествѣ важно не »*что*«, а »*какъ*«: въ этомъ и сила художественнаго произведенія. Конечно, соединенье того и другаго лучше, но это уже вѣнецъ художества. Возьмите мысль какую угодно, — но если вы не съумѣете ее выразить, не находите соотвѣтственныхъ ей словъ — никто васъ слушать не станетъ. Мало ли у кого въ сердцѣ есть и разсказъ, и мотивъ, и картина? Но воплотить ихъ можетъ только художникъ. Художникъ не только чувствуетъ, но и *передаетъ* чувствуемое, не только видитъ, но и *открываетъ* другимъ свой міръ, и открываетъ увлекательно.

Образованіе, разумъ и дарованіе художника ставятъ его произведеніе на ту, или другую ступень. Не то хорошо, что нравится большинству (хотя это и не порицанье); не то хорошо, на что »академія« наложила свой патентъ; — но то, что зародившись чисто, наивно, пройдя

сквозь судъ всѣхъ слоевъ общества, черезъ взгляды самые разнородные, и разобранное съ любовью и знаніемъ дѣла, выйдетъ съ побѣдою. Только такимъ путемъ предметъ получаетъ возможно-вѣрную оцѣнку.

Мы прислушивались къ разнымъ толкамъ, къ разнымъ критическимъ разборамъ о выставкѣ, и наконецъ высказываемъ свое собственное мнѣніе, наше окончательное убѣжденіе. Подробный разборъ художественной выставки сдѣлалъ бы статью нашу слишкомъ обширною для южно-русскаго вѣстника, а потому ограничимся только тѣми произведеніями, которыя коснулись жизни Украинской.

Картину *г. Гагена* — »*Ярмарка въ Малороссіи*« мы цѣнимъ за то, что въ ней *наружный видъ* народа переданъ вѣрно; но картина крайне слаба живописью и рисункомъ.

Желательно, чтобы художники опредѣляли предметъ своей картины, заимствованной изъ жизни, не только *названіемъ* предмета, но и обозначеніемъ, со всею подробностью, *мѣста* дѣйствія: губерніи, уѣзда, мѣстечка, села или хутора. Это принесетъ пользу намъ и потомству, а самого художника заставитъ внимательнѣе изучать и работать, и не дозволитъ ему безразлично мѣшать разные оттѣнки въ мѣстной жизни, физіономіи и характерѣ людей и природы. Отъ этого характерная сторона картины будетъ сильнѣе. Подобное требованіе не стѣснитъ художника, но покажетъ степень его изученія. — Одежда, манера, утварь, все сложилось историческимъ путемъ, все это есть необходимое проявленіе жизни. Кто понимаетъ край, народъ, тотъ дорожитъ каждой чертой его, составляющей характеристическую его особенность. Изображая мѣстную сцену, художникъ изображаетъ намъ мѣстный *портретъ*, а достоинство портрета состоитъ въ психологическомъ пониманьи изображаемаго лица, въ нераздѣльности наружнаго вида съ внутреннимъ содержаніемъ.

Г. Пржецлавскій изобразилъ намъ »*Лирника, играющаго въ хатѣ*«. Сцена эта вся *составная*. Кажется, что художникъ никогда не былъ на Украинѣ, потому что въ картинѣ его — отсутствіе правды и наблюденія. Предметъ его картины или вычитанъ, или выслушанъ. Картина только тогда хороша, когда она плодъ дѣльнаго изученія, любви, полнаго душевнаго восторга, а не намекъ на *что-то*, самому намекающему неизвѣстное и непонятное. Эту картину, какъ и всѣ ей подобныя произведенія, мы считаемъ *вредною*, — потому что она портитъ вкусъ публики и даетъ ей ложное понятіе о предметѣ, — и лишенною значенія, потому что въ ней нѣтъ сознанья художника.

Г. Трутовскій написалъ »*Свадьбу*«. Это кажется лучшее его произведеніе. Каррикатура, къ которой, по замѣчанію многихъ, такъ склоненъ г. Трутовскій, здѣсь чище, — сюжетъ сглаживаетъ ее.

Мы любимъ народъ и высоко цѣнимъ его за все, что̀ онъ вытерпѣлъ и что̀ сохранилъ въ себѣ и въ жизни; поэтому легкая каррикатура на народъ намъ кажется неумѣстною. Не имѣя права требовать отъ художника то̀ или другое, и давая значеніе всякому убѣжденію, лишь-бы оно было искренно и основано на дѣйствительномъ наблюденіи,—мы не можемъ любить, а тѣмъ болѣе уважать поверхностный взглядъ, легкомысленный отзывъ. Намъ бы хотѣлось видѣть и каррикатуру, но каррикатуру осмѣивающую желчно, горячо, или же наивно и добродушно,—*осмѣивающую*, а не унижающую, уродующую. Полюбивъ народъ, поймите, что̀ въ немъ достойно насмѣшки, и тогда смѣйтесь искренно, и душой и рукой. Такая насмѣшка — не шутка, и даетъ художнику почетное мѣсто въ развитіи народной жизни. *Смѣхъ* отъ всего сердца — художественъ; *смѣхъ легкомысленный* — непріятенъ. Смѣйтесь не тогда, когда вы едва вспомнили, едва поняли сцену, а когда она вырываетъ смѣхъ; тогда, конечно, и сцена вами сознана глубоко. Жизнь человѣка такъ многострадальна, что въ минуты его упадка легкій смѣхъ оскорбителенъ. Произведенія г. Трутовскаго мы считаемъ слишкомъ бѣдными по внутреннему содержанію. Кто наблюдалъ жизнь народа глубоко, кто свое сердце положилъ въ его жизнь, тотъ дѣтски и слегка надъ нимъ смѣяться не будетъ, какъ въ картинѣ г. Трутовскаго — »*Салазки*«. —

Бываетъ смѣхъ, которому нельзя не сочувствовать; — онъ происходитъ отъ чрезмѣрной любви къ народу, отъ негодованья къ упадку, и тогда онъ разражается сарказмами; это смѣхъ съ горя, съ болью въ сердцѣ. Такъ иногда народъ самъ смѣется надъ собой и тогда смѣхъ раздираетъ душу, тогда смѣхъ обращается въ драму, а не похожъ на забавныя китайскія тѣни, смѣшныя только по уродливости—и то̀ лишь для дѣтей.— Не надо много дарованія, не надо много изученія, чтобъ дѣлать »*около того*«, и едва затрогивать. Сотни людей могутъ сдѣлать »около того«, но только одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ *то̀*. Заслуга дарованія пріобрѣтается изученіемъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ изученіемъ; все легкое и »*около того*« забывается. Такая участь постигнетъ и работы г. Трутовскаго. Его »*салазки*«, »*чумаки*«, »*лірники*«, »*бандуристы*«, всѣ эти картины и рисунки, которыхъ онъ надѣлалъ пудами, все останется скоро позади и забудется. Карандашъ его боекъ, но эта бойкость, эти штрихи и пятна — безъ содержанія, а часто и безъ основанія. Это непріятная болтовня, фразы,

которыя отжили свой вѣкъ и уже вмѣняются художнику въ порокъ. Будьте скупы на черту, но пусть она трогаетъ за живое. Цѣнится не количество труда, не скорость работы и не намекъ на поэзію, какъ у г. Трутовскаго въ »*Ночномъ свиданьи чумака*«, — а самое дѣло, самая поэзія, полная и безграничная. Въ этомъ рисункѣ — церковь — мало видна, малозначуща, мало-интересна; *хлопчикъ*—не малороссъ. Въ *ночномъ свиданіи* — мало разговора; это — воспоминанье, едва коснувшееся души, и уже исчезнувшее. *Голова чумака* хороша, но все таки не доведена до конца; *волы* — не интересны, лишены характера, — роль ихъ не прочувствована; *обозъ* — безъ малѣйшей поэзіи и искусства, а все вмѣстѣ — легкій, талантливый, вѣтренный рисунокъ. Гдѣ-жъ эти могучія чумацкія *вáлки*, гдѣ эти безпредѣльныя, какъ степь, пѣсни?... Все утеряно! А что́ это за мальчикъ въ крапивѣ? что́ за баклага, ярмо, пуга? — Все затронуто, но занимательность всего утеряна... Пожалуй, вы скажете, что это виньетка,—пусть такъ; но развѣ это даетъ право играть талантомъ, шутить съ обществомъ, вмѣсто серьезной бесѣды, и безъ уваженья обращаться съ народомъ? Вспомните виньетки *Прюдона* (Prudhon), за которыя его такъ уважаютъ и которыми теперь, послѣ многихъ лѣтъ его смерти, та́къ дорожатъ, что собираютъ ихъ въ музеи. Вспомните всегда добросовѣстный трудъ *А. Агина*, хотя бы то была виньетка, вѣнчикъ на мертвеца, или ярлыкъ на штофъ. Крайность заставляла того и другаго приниматься за подобныя работы, но нищета не заѣла ихъ любви къ искусству и уваженья къ себѣ. Что́ заставило г. Трутовскаго сдѣлать эту виньетку? Кто? Не самъ ли онъ ее выбралъ? Когда идея коснется души, нечего торопиться высказывать ее, но прежде всего должно полюбить ее, прослѣдить до основанія, и тогда, одушевленная нашей собственной жизнью, осмысленная разумнымъ разборомъ, она явится передъ нами здоровая и прекрасная....

Въ »Художественномъ Листкѣ«, есть еще два рисунка г. Трутовскаго: »*лірникъ*« и »*бандуристъ*«. Эти рисунки сдѣланы единственно для того, чтобъ показать различіе между лирой и бандурой. Художникъ сдѣлалъ бы лучше, нарисовавъ только лиру, безъ никого, и бандуру одну, безъ никого. Тутъ фигуры приклеены. Такъ ученики этюдныхъ классовъ, написавъ съ натуры женщину, придѣлываютъ ей змія, и выходитъ Клеопатра; придѣлаютъ къ лежащему натурщику мечь — выходитъ умирающій гладіаторъ; набросаютъ стрѣлъ — и вотъ св. Севастьянъ; надѣнутъ терновый вѣнокъ на натурщика, растопырятъ ему руки, — и готово распятіе! Такъ и у г. Трутовскаго, котораго мы обвиняемъ еще разъ;

въ легкомъ обращеніи съ художествомъ, въ неуваженіи къ нему, къ сюжету, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ берется изображать, наконецъ — къ самому себѣ. Указываемъ, для примѣра, на покойнаго *П. А. Федотова*. Онъ дѣлалъ рисунки только чертой, безъ тѣней; не увлекался штрихами и сочными пятнами, а старался въ чертѣ добиться психологическаго смысла. Онъ дѣлалъ фигуру 10 и 20 разъ, и его черта становилась все болѣе и болѣе умна, болѣе сознательна. Такъ онъ продолжалъ до полнаго, отчетливаго обладанія избранной имъ личностью, ворочалъ ее съ любовью во всѣ стороны, мѣнялъ ея движенія и выраженія, и постоянно сохранялъ тотъ же характеръ. Стихи его были продолженіемъ того-же рисунка. Вотъ-гдѣ сила и достоинство Федотова! Своими тремя-четырьмя картинами онъ основалъ школу, положилъ новый камень въ зданіи русскаго художества, и сдѣлалъ все это не владѣя чарами красокъ. Краски его непріятны, но несмотря на это, сила черты его и глубоко понятый смыслъ предмета влекли къ нему толпы зрителей. Сила—въ любви, въ изученіи, въ сознательной работѣ, а не въ легкихъ наброскахъ, хотя-бъ это были возы. Произведенія Марка Вовчка, Шевченка, сильны не объемомъ, а глубиною. Это — жизнь, страданія народа, вылившіяся ихъ устами; тамъ, что ни стихъ, что ни слово, то любовь, плодъ изученья и глубокаго искренняго сочувствія. Вы дѣлаете рисунки и картины изъ народной жизни, — начните-же съ живой любви къ народу, да не словами, а всѣмъ, что въ васъ живетъ; плачьте, смѣйтесь, смѣйтесь надъ его судьбой, какъ Федотовъ смѣялся надъ своей; но чтобы такъ живо любить народъ, — надо его изучать, узнать; — тогда только произведенія ваши будутъ вѣрны и прекрасны.

Я не скажу, какъ нѣкоторые, что у г. Трутовскаго есть наклонность видѣть все каррикатурно. Вѣрнѣе, что у него работаетъ — одна рука; самъ же онъ еще не понялъ себя, еще не рылся въ себѣ и не прислушивался къ внутреннему своему голосу. Вотъ то грустное заключеніе, къ которому мы невольно приходимъ, всматриваясь въ его произведенія.

Я спрашиваю себя — правъ ли я, разразившись надъ художникомъ такою скорбью?.. Но говоря о его работахъ, я вспомнилъ все имъ рисованное прежде, и считаю себя по совѣсти правымъ.

Перейдемъ къ картинамъ *И. И. Соколова*. Въ нихъ мы видимъ добросовѣстный трудъ, поэзію и изученіе. Къ сожалѣнью, мы многаго изъ прежнихъ работъ г. Соколова не видали, и потому ограничимся сужденіемъ только о тѣхъ, которыя намъ извѣстны.

Въ картинахъ И. И. Соколова, одежда всегда вѣрна; типы часто правдивы не только наружно, но и внутренно. Видно, что художникъ съ любовью вникалъ въ жизнь народа, желая овладѣть ею. Прежнія его рисунки и картины бывали довольно безхарактерны, — хотя всегда въ нихъ явно было желаніе вникнуть въ характеръ;—нынѣшнія же его произведенія имѣютъ не только отпечатокъ правды, но и глубокій смыслъ и чувство. Прежде жизнь народа въ представленіяхъ художника бродила безотчетно; онъ какъ-будто не могъ свести концевъ, добиться ея смысла, понималъ ее не глубоко. Но вотъ она складывается въ цѣлое и опредѣленное, — и является уже созданіемъ художественнымъ.

Лучшимъ произведеніемъ г. Соколова на нынѣшней выставкѣ были »*Проводы рекрутовъ*«. Душевно радуемся этому произведенію, которое ставитъ художника на значительное мѣсто. Мысль родилась у художника съ чувствомъ. Самое явленіе такъ сильно потрясло его душу, что грусть и скорбь перешли на полотно, сохранивъ свою силу на столько, что проникаютъ и въ наше сердце.

Разберемъ это прекрасное и отрадное произведеніе, полное чувства и достоинства, идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ художникомъ, и отдавая себѣ полный отчетъ въ ощущеніяхъ. Начавъ съ похвалы, сойдемъ и на недостатки.

Въ этой картинѣ все — отъ *пуги*, рогожи, кожуха и шапокъ, до положеній, лошадокъ и хатъ, — все проникнуто впечатлѣніемъ художника, любовью и мѣстной вѣрностью. Вотъ причина, отчего картина нравится каждому. Но вполнѣ ли удовлетворяетъ насъ эта картина? Какъ этнографическая вѣрность — да; какъ чувство и смыслъ — да; но какъ разрѣшеніе задачи, какъ живопись — нѣтъ. Мы находимъ, что художникъ увлекся *каждой* фигурой, *каждою* личностью *отдѣльно*, и тѣмъ ослабилъ силу общаго впечатлѣнія. Эту же самую мысль, съ тѣмъ же самимъ пейзажемъ, съ тѣми же личностями, можно было высказать еще сильнѣе, добиться впечатлѣнія болѣе полнаго. — Что́ касается красокъ, то онѣ насъ вовсе не чаруютъ и не заставляютъ углубляться въ предметъ. Мятель слабо передана, снѣгъ не интересенъ: — они едва напоминаютъ природу, — въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Въ картинѣ могло бы быть больше единства, сосредоточенности; въ ней нѣтъ фокуса, она разорвана, и оттого часть впечатлѣнія потеряна. Въ чемъ же состоитъ ея разорванность? Сани ѣдутъ отъ зрителей въ глубь картины, а женскія фигуры идутъ вдоль рамы. Эти двѣ линіи разрываютъ вниманіе, разъединяютъ его, а не сводятъ его въ

одинъ центръ. Еслибы женскія фигуры шли отъ зрителя туда же, въ глубь, за санями, и менѣе рисовались передъ глазами, — картина выиграла бы очень много. Видно, что художнику жаль было скрыть то, что онъ прослѣдилъ съ такою любовью, — и тутъ-то заговорилъ уже не самый предметъ, а *я*, т. е. личность художника. Нѣкоторые объясняютъ себѣ это разъединеніе линій холмомъ, поворотомъ; но художникъ — хозяинъ картины, и можетъ сочинить какъ ему угодно:— уничтожить холмъ, когда онъ лишній, и поставить — если онъ нуженъ. *Бабуся*-мать, въ этой картинѣ, нравится намъ чрезвычайно. Она подмѣчена тонко, вѣрно, съ большимъ чувствомъ. Художникъ увлекся ея значеніемъ и выразилъ его прекрасно, но этимъ опять отвлекъ вниманіе отъ центра дѣйствія. Словомъ, выраженіе этой старушки споритъ съ выраженіемъ одного изъ рекрутъ. Сотскій, удаляющійся *въ тонахъ* ногами, близокъ кафтаномъ, и тѣмъ мѣшаетъ глазу. Притомъ и онъ идетъ — какъ и двѣ женщины — въ профиль. *Погоничъ* лѣпится тонами къ рекруту. Лошади удалены недостаточно, тогда-какъ мятель должна бы еще болѣе смягчить и удалить ихъ.

Что́ касается до выраженій, то лучшее у *па́робка*, подпершаго рукою голову; оно глубоко, трогательно, вѣрно и поэтично. Но... мнѣ кажется — оно могло бы быть еще сильнѣе и ужаснѣе. Другой, глядящій на *молодицю*, и сама молодица насъ не удовлетворяютъ. Задуманы оба хорошо, но оба выполнены нѣсколько *гримасно*, и это — отъ слабости рисунка и грубости красокъ. Выраженіе молодицы намъ кажется слабѣйшимъ мѣстомъ въ картинѣ.

Попробуемъ теперь устранить женскія фигуры; пусть ихъ провожанье кончилось. Начинающаяся мятель заноситъ путниковъ; они смотрятъ вдаль, оторванные отъ всего роднаго. Вожатый идетъ за санями, пожалуй... И вотъ — новая картина, еще безотраднѣе, еще суровѣе. Тутъ негдѣ отдохнуть: ни плачущей матери, ни молодицы!...

Попробуемъ посадить въ сани и мать и молодицу съ ребенкомъ. Неужели онѣ будутъ все идти, идти въ даль и даль, — пока могутъ?!. Или онѣ отстанутъ, проводя еще не много?.. Едва ли! — Будетъ ли молодица также заливаться слезами уже въ степи, на морозѣ, въ мятель, въ снѣгу и сугробахъ? Не замретъ ли ея отчаянье, не окоченѣетъ ли лицо и не отупѣетъ ли чувство?.. И, навѣрное, она не оставитъ ребенка открытымъ. Она голоситъ, плачетъ, убивается, держитъ дитя на одной рукѣ, а все другою закрываетъ, — сердце ея чувствуетъ!.. не сядетъ ли

она къ милому?... И вотъ опять новая картина!... Пошли между ними разговоры, тоже съ плачемъ, тоже съ рыданіемъ...

Всѣ эти раздумья показываютъ занимательность, жизненность и достоинство картины; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это сомнѣнье и желанье еще чего-то доказываютъ — сомнѣнье самого автора, не совершенно ясное сознанье его. Неудовлетворенное желанье доказываетъ, что художникъ самъ не дошелъ до конца, до предѣла своей мысли; что въ немъ самомъ было колебаніе; съ колебаньемъ онъ писалъ, — колебанье передалось и намъ. Предположеніе и догадки суть слѣдствіе неувѣренности самого художника, разорванности чувства, — тогда какъ картина есть *одинъ* моментъ, полный и цѣльный.

За всѣми этими недостатками, повторимъ опять, картина полна достоинствъ. Своею *добротою*, любовью и грустью она влечетъ къ себѣ. Намъ остается одно: пожелать художнику, чтобъ онъ шелъ впередъ, разработывалъ себя, какъ началъ — не увлекаясь ни похвалами публики, ни похвалами академіи. Пусть *сознанная* цѣль будетъ для него всего дороже; пусть похвалы не усыпляютъ его, а года придадутъ ему только опытности; пусть самъ онъ бичуетъ себя, отдавая себя на немилосердую критику, уходя изъ кружка своихъ поклонниковъ, которые покроютъ его какъ тиной. Смотрите на все съ полнымъ разборомъ и смиреніемъ учащагося, а не съ нахальствомъ профессора, *тыкающаго мѣломъ въ картину, или чертящаго ногтемъ по рисунку.*

Неминуемо время, когда мы, усталые въ борьбѣ, дѣлаемся менѣе воспріимчивы, болѣе упорны, и день ото дня — деревянѣемъ. Время это приходитъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ человѣкъ самодовольнѣе, чѣмъ не осмотрительнѣе идетъ, и чѣмъ болѣе поддается похвалѣ. Не засыпайте, шевелите и тревожьте себя; живите, боритесь, ѣздите за границу, не застанавливайте себѣ горизонта русской ширмой; ищите оцѣнки не только тутъ, въ этой горсти, гдѣ такъ легко стать идоломъ, — но добивайтесь разбора и суда надъ собой вездѣ, во всемъ просторномъ и разнородномъ художественномъ мірѣ. Сближайтесь съ художниками иностранными: они разовьютъ ваши собственныя убѣжденья и приведутъ васъ — къ постоянно новому результату; изучайте ихъ произведенія, какъ можно болѣе. Сближайтесь еще болѣе съ народомъ, и вы убѣдитесь въ той истинѣ, что *ничего еще не знаете;* но въ этомъ-то грустномъ убѣжденіи и будетъ вѣрное ручательство силы вашего художественнаго ума и развитія. Тогда вы снова начнете трудиться, все-болѣе и болѣе углубляясь въ это море мысли и истинной поэзіи.

Безъ изученія, не только Пржецлавскій не произведетъ ничего, но и К. Брюлловъ надломится, неудовлетворивъ самого себя. Внимательное изученіе предмета, умъ и добросовѣстность привели К. Брюллова къ смертному приговору надъ самимъ-собой, къ сознанью своей слабости, безхарактерности фигуръ въ его картинѣ »Осада Пскова«, и недостатка въ нихъ народнаго типа. Хотя Брюлловъ увлекался иногда идеей этой картины, хотя схватилъ въ ней сущность дѣла, — общій духъ религіознаго увлеченія того времени, — но далѣе не пошелъ, и картина осталась не конченною (1). Картины изъ жизни Римлянъ и Грековъ, — сюжеты изъ исторіи Ассиріи, изъ миѳологіи и библіи, — выполнять гораздо легче. Множество матеріаловъ разработано, а жизнь эта такъ далека отъ насъ, что провѣрить ее невозможно. Что ни напиши — все сойдетъ съ рукъ, все будетъ »*около того*«.

Всѣ другія произведенія И. И. Соколова далеко отстали отъ разобраннаго выше. Мы помнимъ его праздникъ *Ивана-Купала* (2), который показался намъ сценой нелишенной интереса, но какимъ-то сводомъ всѣхъ впечатлѣній, испытанныхъ во время первой поѣздки художника по краю. *Гаданіе вѣнками* задумано поэтично, двѣ изъ женскихъ фигуръ очень милы и интересны, но эта Малороссія пахнетъ Италіей. Лежащая въ лодкѣ фигура намъ кажется невозможною. Небо очень глухо, безъ эфира и поэзіи, безъ глубины, и ежели бы бѣлое пятно, вмѣсто луны, уничтожить, — картина много бы выиграла. *Пасічникъ* (3), а еще болѣе *Мать, умывающая ребенка* (4), лишены національнаго характера. *Хата съ дворикомъ* (5) была бы прелестна, если бы живопись имѣла болѣе таинственности и не была бы такъ красна, и если бы воздухъ не былъ такъ безвоздушенъ и непривлекателенъ.

Вотъ все, что мы знаемъ изъ работъ И. И. Соколова, касающагося южнорусской жизни.

Русское художество начинаетъ теперь свое болѣе быстрое развитіе. Потеря Брюллова приноситъ уже большую пользу. Нѣтъ болѣе диктатора, нѣтъ могучаго предводителя, который давилъ своею силой и способ-

(1) Эта картина Брюллова, жизнь и конецъ Иванова и Гоголя, представляютъ борьбу двухъ началъ, весьма любопытную въ психическомъ отношеніи. Твореніе Гоголя сожжено, картина Иванова и Брюллова не кончены, — а какая разница въ личностяхъ!

(2) У К. Т. Солдатенкова. (3) У Ѳ. П. Прянишникова.

(4) На постоянной выставкѣ.

(5) Въ Об-ществѣ Поощренія Художниковъ.

ностью неопытную, недоразвившуюся, робкую молодежъ и осмѣивалъ ее своимъ острымъ словомъ. — Старая школа рушится; молодежъ идетъ на новую дорогу, и это движеніе есть успѣхъ. Отсутствіе диктатуры и поколебленный авторитетъ старой академіи ручаются за разнообразіе взглядовъ, за сформированіе самобытностей. Теперь художники ѣздятъ не только въ Италію, гдѣ остаются десятками лѣтъ, но живутъ и въ Мюнхенѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Ихъ отсталыя условныя понятія терпятъ насмѣшки; строгія критики переворачиваютъ ихъ систему и приводятъ не только къ новымъ, но часто и къ совершенно-противнымъ убѣжденіямъ. Уже они перестаютъ бранить съ размаха все иноземное искусство; уже подобныя выраженія, какъ »*нѣмечина*«, »*французятина*«, не повторяются безсмысленно устами художниковъ, ищущихъ истины. Подобныя выраженія уже не смѣшны, а пошлы и жалки, роняя не націю, а тѣхъ, кто ихъ произноситъ.

Всякое убѣжденіе и всякое направленіе особой личности — не только націи — достойно изученія... а едва зарождающееся русское художество уже бранитъ результаты вѣковыхъ усилій, — вѣковое развитіе Запада?! Многимъ, вѣроятно, случалось слышать у насъ самыя *строгія* сужденія объ иноземныхъ художникахъ, на томъ основаніи, что »у насъ есть все *лучшее*«, что »все *лучшее* привозится къ намъ.« Но по какому же праву тотъ, кто не видѣлъ ничего другаго, можетъ назвать *это* лучшимъ? Основываясь на мнѣніи своихъ *старшихъ* братій? Но имѣютъ ли эти старшіе свое мнѣніе, пріобрѣтенное *изученіемъ?* Нѣтъ, мнѣнія ихъ также основаны на словахъ другихъ старшихъ, на журналахъ, фельетонахъ, словомъ — на молвѣ и успѣхѣ. Но кто же не знаетъ, что успѣхъ и молва очень часто бываютъ дѣломъ коммерческимъ? что за 200 франковъ любое имя прогремитъ разомъ въ девяти журналахъ Европы? И какую цѣну можетъ имѣть молва передъ собственнымъ убѣжденіемъ? Не ужели и въ этомъ случаѣ надо сказать по привычкѣ: »слушаю-съ?« А такимъ-то именно образомъ создались у насъ многія репутаціи и даже — *убѣжденія*. Но какія же могутъ быть убѣжденья тамъ, гдѣ нѣтъ критики и нѣтъ терпимости къ возраженіямъ? Мы только словами спрашиваемъ чужое мнѣніе, но на дѣлѣ желаемъ лишь похвалы себѣ. Мы способны слушать не критику, а докладъ; намъ пріятенъ фиміамъ, и за нимъ мы не видимъ свѣта. — Три вѣка тому назадъ создались академическія понятія; съ того времени образованіе ушло далеко и несется на парахъ еще далѣе, и чѣмъ далѣе уйдетъ образованіе, тѣмъ многосторонѣе будутъ требованія художества. Какъ же люди, не слѣдящіе за ходомъ

развитія науки и человѣка, могутъ однимъ повтореніемъ прошлаго удовлетворить жизни! Когда Европа идетъ впередъ едва ли не съ каждымъ ударомъ маятника, когда время сбрасываетъ съ пьедестала временныхъ кумировъ, мы еще кланяемся имъ; мы одни остаемся старообрядцами. Что́ было лучше вчера, то́ можетъ быть не лучшимъ сегодня. Сравнимъ понятія вѣковъ: какъ мѣнялись они одно за другимъ, какъ сходили со сцены божество за божествомъ, увлеченье за увлеченьемъ, мода за модой; какъ удалялись одинъ за другимъ законодатели искусства, оставляя за собою сказанное слово, сказанную рѣчь, а понятія складывались все шире, все просторнѣй и разнообразнѣй! Каждая изъ личностей служила однимъ колесомъ въ общей машинѣ. Одна за другой поднимались волны, одна за другой разбивались о несокрушимое время, и умолкали въ безднѣ этого моря; но ничто не тревожило и не разбудило этихъ людей: бури въ искусствѣ чужды имъ, стоятъ они далеко на покойной сушѣ и жизнь съ борьбой имъ не доступна! Художественный міръ ихъ ограничивается самымъ малымъ числомъ артистовъ. Такъ, мы до сихъ поръ не бракуемъ *Давида*, рисуемъ съ женоподобнаго *Кановы*, удивляемся мелкому *Мену*, вѣримъ въ возможность нелицемѣрнаго существованія *пуризма*, смотримъ сквозь тусклыя очки на *Каульбаха* и оттого не понимаемъ его; требуемъ отъ другихъ того, чему *насъ* учили, и не хотимъ брать то, что́ намъ даютъ; считаемъ *Гораса Верне* живописцемъ, благоговѣемъ передъ *Деларошемъ*, и т. д. Еще два-три художника, и вотъ весь нашъ міръ, всѣ наши свѣдѣнія. Мы сами себя отгораживаемъ китайскою стѣной, и чужой міръ для насъ потёмки, а совершенство и самостоятельность невозможны. Какъ оскорбятся, напр., многіе, если сказать, что вѣнецъ нашего художественнаго міра—Деларошъ, нравится намъ потому только, что онъ ближе къ нашимъ понятіямъ, а наконецъ и потому, что большинство изъ насъ его не знаетъ. По личному нашему убѣжденію, Деларошъ есть продолженіе академизма; онъ нѣсколько видѣлъ недостатокъ академіи, желалъ оторваться отъ нея и — не могъ; силы его были слабы; — природа не дала ему творчества. Вспомнимъ, напр., *Іоанну Грей*, съ ея чистенькими, заостренными и врозь разставленными пальчиками, съ чистенькой разостланной соломой и опущенными у всѣхъ глазами; вспомнимъ его *Лорда Страдфорта*, гдѣ такъ манерно вытянуты и такъ эфектно придуманы благословляющія изъ-за рѣшетки руки; вспомнимъ театральныхъ *Жирондистовъ*, *Снятіе со креста*, *Кромвеля*, *Моленіе о чашѣ*, *Карла*, *Марію Антоанету* и проч. и проч. изъ его произведеній.... Гдѣ въ нихъ правда, простота, сила,

наивность, поэтическое увлеченіе? Далеко ль онъ отошелъ отъ академизма и сцены? Все у него взвѣшено по-аптекарски. Деларошъ былъ актеръ и чрезвычайно хорошо понималъ условія сцены; онъ былъ окруженъ клакерами, за которыми вслѣдъ и мы хлопали. Мы лично всегда будемъ изучать Деларошa, уважаемъ и будемъ уважать его всегда за упорное домогательство добиться истины; онъ будетъ намъ служить примѣромъ глубокаго анализа и труда; но любить его мы не можемъ, — и плакать, когда хочется смѣяться, не можемъ. Честолюбіе разжигало его къ труду, онъ напрягалъ, натягивалъ всѣ свои силы, но не зналъ вдохновенія (1).

У насъ художество едва прививается къ жизни; едва начинается связь и дружба между народомъ и художниками, едва завязывается узелъ; а тамъ, на Западѣ, они почти слились уже въ одно тѣло; тамъ художество перекипѣло, перебродило, пережило всѣ доселѣ извѣстныя направленія, всѣ школы и взгляды и дошло до сознательнаго существованія, до постояннаго, каждодневнаго новаго интереса и новаго движенія впередъ. Тамъ все затронуто и все разработывается;—у насъ художество бредетъ, едва сознавая себя, едва вѣря въ необходимость своего существованія, и живетъ подаяніемъ и милостыней.... А между тѣмъ, отупѣвши въ своей замкнутости, оно дошло до того, что провозглашаетъ себя *первенцемъ*, солнцемъ этого міра, закономъ, въ силу котораго все должно двигаться и передъ приговоромъ котораго все должно преклоняться!...

Художество идетъ съ исторіей народнаго развитія и образованія. Кичится своимъ знаніемъ одно невѣдѣніе. Гдѣ народъ безграмотенъ, гдѣ еще такъ свѣжъ въ памяти споръ о пользѣ грамоты, — тамъ художество стоять въ уровень съ Европой не можетъ. Оно не можетъ быть развито, когда еще не развитъ народъ. Таланты отдѣльно появляться могутъ, но они гибнутъ на этой почвѣ, и существованіе ихъ возможно только до извѣстнаго градуса, далѣе котораго они не поднимаются; ледяная атмосфера ихъ замораживаетъ, свинцовый небосклонъ ихъ душитъ.

Академисты наши обыкновенно восхваляютъ русское художество за рисунокъ. Но вѣдь дѣло въ томъ, что́ называть *рисункомъ?* Если рисунокъ есть знаніе *пропорцій*, какъ учатъ академисты, и притомъ пропорцій *условныхъ*, которыя принимались академіями за аксіому, — то въ чемъ-же тутъ достоинство? И Египтяне также, съ помощью циркуля, высѣкали статуи и сфинксовъ; — это ариѳметика, которой можетъ

(1) Лучшими произведеніями его мы считаемъ: академическій фрескъ, эскизъ котораго еще лучше фреска, и эскизы изъ послѣднихъ дней жизни Христа.

выучиться всякій; это правила для орнаментщика, для неуча, чтобъ удержать его отъ бо́льшаго безобразія, — костыли для безногаго! Знаніе этихъ условныхъ правилъ не даетъ права называться рисовальщикомъ, и подобныя понятія доказываютъ совершенное непониманье рисунка. *Рисунокъ* — это тонкое поэтическое чувство и смыслъ черты; это чувство формы, жизнь въ чертѣ,—чему, конечно, ни одна въ свѣтѣ академія не выучитъ! Кто лишенъ этого чувства, тому госпитали не помогутъ! Какимъ невѣждой назоветъ того академія, кто скажетъ, что *уважаетъ Рембрандта* за *рисунокъ*; что Рембрандтъ рисовалъ *прекрасно*,—что надо *учиться сочиненію у него, да у Бетговена*.... Какая паралель открывается между этимъ взглядомъ и академическимъ? Что́ общаго?!

Сочиненія академическія тоже подведены подъ циркуль, доведены до архитектуры, до геометріи и математической выкладки. Апоѳеосъ этихъ сочиненій мы видимъ въ бездарныхъ и холодныхъ произведеніяхъ всѣхъ академистовъ; курсъ этого ученья отпечатывается почти во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Академическими условіями художникъ скованъ и не знаетъ свободнаго полета. Мы съ горестью видимъ тому доказательства въ талантахъ первой величины. Глядя на натуру, и съ натуры рисуя фигуры и групы, которыя такъ прелестно составились и имѣютъ въ себѣ столько смысла, — невольно приходишь къ полному опроверженію всѣхъ академическихъ условій. *Академистъ*—это какое-то искуственное произрастеніе, изуродованное и обезжизненное, въ сравненіи съ дѣйствительною жизнію.

Живопись академій подведена подъ тѣ же, легко удовлетворяющіяся правила, и молодому художнику, проходящему академическіе классы, приходится терпѣть такія ампутаціи, что изъ него остается едва замѣтный призракъ человѣка. Прощай молодость, прощай живые порывы ума и сердца! Юноша пересоздается въ упрямаго старика, закоснѣлаго въ понятіяхъ, нетерпящаго возраженій, восхваляющаго мѣсто, гдѣ выслужился, превозносящаго только себя и свой департаментъ, котораго членомъ онъ уже сдѣлался! Гдѣ ему уразумѣть западный міръ и ему сочувствовать! Тамъ его не признаютъ, — тамъ такая неурядица, отсутствіе дисциплины, ломка; тамъ тысячи художниковъ идутъ каждый своей дорогой, каждый съ своимъ собственнымъ взглядомъ!!... Потому-то западный міръ и представляется ему неразумною толпою; — и дѣйствительно, трудно сойтись полюсамъ... Академисты называютъ европейскихъ художниковъ шарлатанами....

К. Брюловъ превознесъ Калама, — и всѣ сняли шапки, всѣ поклонились Каламу и чуть не молятся на него; ѣдутъ къ нему учиться и не признаютъ *никого выше Калама*. Все, что́ не Каламъ, то худо; и Боже избави сказать, что *Каламъ сухъ!* — За то Е. Делакроа, Густ. Дорре — даже не художники, — въ нихъ нѣтъ ничего, что́ *мы* привыкли уважать; они не выполняютъ никакихъ академическихъ требованій, для которыхъ *мы* пожертвовали всѣмъ, и до которыхъ дошли искалѣченные! Для *насъ* Тройонъ, Барри, Добиньи, Эберъ не имѣютъ никакой цѣны, — они *не кончаютъ!* Что́ же называется *окончаніемъ?*.. Созна́емся лучше, что мы просто неспособны понимать ихъ; — они *живутъ* жизнью, а мы *существуемъ* рутиной!

Несостоятельность наша въ критикѣ видна постоянно. Намъ нужны авторитеты, за которыми мы готовы говорить что́ угодно, не разсуждая; но самимъ намъ, и до сихъ поръ еще »*какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть?!*«

Явился К. Брюловъ, и все предъ нимъ преклонилось; всѣ, казалось, *судили*, — потому что повторяли сужденія Брюллова. Умеръ К. Брюловъ, — умерла и голова. Явился Ивановъ, и общество смутилось, не зная — что́ сказать. Взглядъ Иванова на художество совсѣмъ противуположенъ *нашему*, — хвалить ли, бранить ли его?... Все это происходитъ отъ незрѣлости, отъ малочисленности, отъ невѣрности во взглядѣ! Дайте картину Иванова въ Европу, — десятки тысячъ оглядятъ ее, и оглядятъ съ толкомъ, сознательно, самобытно, и скажутъ свое слово, не потому, что другіе *такъ* сказали, не ради повторенія эхомъ приговора другихъ, — а потому, что у каждаго есть свой идеалъ въ головѣ; и вотъ — картинѣ отведено въ сферѣ искусства, принадлежащее ей мѣсто, и молодежъ ясно поняла современный взглядъ. У насъ же критика въ рукахъ Академіи.

Академіи, давая циркульный рисунокъ, циркульную композицію, *циркулярныя* краски, не дали въ міръ художества ни рисунка, ни сочиненія, ни красокъ.

Выводъ и доказательство всего сказаннаго — на *нашей выставкѣ*. За неразвитостью рисунка, за отсутствіемъ внутренняго содержанія, за грубостью красокъ, и наконецъ — вслѣдствіе условныхъ правилъ, господствующихъ въ нашемъ художествѣ, выставка скучна, утомительна; душа страдаетъ, едва отдыхая минутами; боль въ глазахъ до сверленія! Этихъ желтыхъ и красныхъ красокъ, какъ ножемъ обрѣзанныхъ безвоздушныхъ контуръ — забыть нѣтъ силъ!...

Какъ неуловимъ тонкій художественный рисунокъ, такъ неуловима и *живопись*. *Цѣльность* красокъ не есть художественная живопись; присутствіе ихъ въ картинѣ показываетъ такое же непониманіе живописи, какъ признаніе математическихъ вычисленій размѣровъ тѣла за рисунокъ. *Живопись* есть *отсутствіе* красокъ. Гдѣ *видны* краски, тамъ не художественная живопись; такъ росписанная картина не многимъ лучше китайскаго раскрашиванья, а часто и хуже, потому что лишена его наивности. Картина можетъ быть написана вѣрно, даже очень вѣрно, можетъ напоминать собою натуру,—но это еще не будетъ художественность. Что же такое живопись?... Объяснить это трудно, не указавъ на двѣ различнаго достоинства картины; и кто, при такомъ сравненіи, не пойметъ разрѣшенія вопроса, тому объяснить это почти невозможно. Тамъ только живопись, гдѣ художникъ употребляетъ краску, какъ средство высказать прелесть тоновъ; гдѣ онъ чаруетъ васъ и овладѣваетъ вами, такъ-что вы вполнѣ находитесь подъ вліяніемъ гармоніи его красокъ. Тогда только художникъ постигъ живопись, когда вы заняты его работой, всматриваетесь и не налюбуетесь, и не понимаете, какъ все это сдѣлано; когда онъ своими тонами не бьетъ васъ по глазамъ, не стучитъ отрывисто и глухо какъ полѣномъ, а издаетъ звукъ музыкально, восхищаетъ васъ и услаждаетъ; когда вы видите въ краскахъ переливы тоновъ, то тихіе и пріятные, то сильные и могучіе; когда вы сто разъ видѣли картину и вновь жаждете ея впечатлѣнія, еще разъ хотите поддаться ея обаянію, еще разъ хотите вдыхать въ себя услажденіе ею, снова пытаетесь понять умѣнье и силу художника, но увы—не можете! То не живопись, когда вы, подойдя къ картинѣ, наклоните голову на одинъ бокъ, наклоните на другой, и скажете: »посмотри-ка, вѣдь это мокро, вода!« и пойдете далѣе; а то живопись, когда вы смотрите и не насмотритесь, и чѣмъ болѣе вглядываетесь въ краски, чѣмъ глубже хотите въ нихъ проникнуть, тѣмъ безпредѣльнѣе чувствуете ихъ силу и отраду глядѣть; и цѣлый міръ, полный очарованія, представляется вамъ.... Въ какомъ нибудь камнѣ художникъ открываемъ вамъ цѣлую жизнь, для васъ до того невѣдомую....Что вамъ натура! тамъ этого нѣтъ! И откуда взялъ онъ эту прелесть? какимъ духомъ увидѣлъ то, чего вы никогда не видали?!... Что васъ влечетъ къ такой картинѣ? Сюжетъ? Его нѣтъ.

Живопись—важнѣйшій отдѣлъ картины. Кто силенъ чертой,—тотъ можетъ выражать свою мысль рисункомъ, картономъ; кто силенъ свѣтомъ—пиши однотонныя картины; но оба эти художника еще не будутъ

живописцами. Взявъ въ руки краски, должно изливать ими свое чувство къ цвѣту, какъ чертой передаютъ чувство формы; надо добиваться красками до волшебнаго впечатлѣнія и передать поэзію, прелесть цвѣтовъ, — а не удовлетворяться *раскраскою*, или приблизительно-вѣрными тонами. Намъ нужна не вѣрность, — да никто до нея и не дойдетъ: всякій видитъ по-своему. Намъ нравятся Рафаэль и Микель-Анджело развѣ потому, что они изображали *вѣрно*? Они видѣли натуру совершенно различно; — это-то въ нихъ и нравится, это-то въ нихъ мы и изучаемъ. Дагерротипъ представляетъ предметъ гораздо *вѣрнѣе*, нежели величайшій художникъ, но мы не ставимъ его выше художника. Мы цѣнимъ *взглядъ* художника, какъ плодъ его изученья, какъ впечатлѣніе, которое онъ чувствуетъ, глядя на натуру. Зачѣмъ-же академія преслѣдуетъ развитіе личнаго направленія и подводитъ всѣхъ подъ форму?...

Пройдя по заламъ Академіи Художествъ, невольно удивляешься несоотвѣтственности этого зданія своему назначенію — содѣйствовать развитію искусства. Оно живо напоминаетъ то отдаленное время, когда думали о фасадахъ и не думали о внутреннемъ устройствѣ, т. е. думали о фразахъ, о внѣшности, а не о содержаніи. Во всемъ зданіи темно; во всей академіи, а слѣдовательно, и во всей русской имперіи — *нѣтъ мастерскихъ!* (1) Для занятій гравера, архитектора, — свѣта достаточно; но возможно ли заниматься тамъ живописцу, у котораго вся работа, все развитіе основаны на свѣтѣ? Какой успѣхъ можетъ сдѣлать живопись съ этими щелями, вмѣсто оконъ? Для чего, напримѣръ, Академія развела садъ? не полезнѣе ли было улучшить залы и сдѣлать мастерскія? Въ Академіи каждый аршинъ принадлежитъ мысли, каждый аршинъ долженъ приносить пользу художественному развитію. Если въ лучшихъ климатахъ дѣлаютъ для художническихъ работъ большія окна, то здѣсь, въ пасмурномъ и сѣромъ Питерѣ, гдѣ дни безъ свѣта цѣлыми мѣсяцами, — надо дѣлать окна вдвое, втрое болѣе. Отъ этого обезображивающаго свѣта все теряетъ свою силу, и хорошее уравнивается съ дурнымъ. На выставкѣ мы Ахенбаха не узнали. Чтобы сколько нибудь оцѣнить вещь, надо забѣгать со всѣхъ сторонъ, вглядываться, измучиться, и все-таки уйдете, вынеся смутное заключеніе. Какое безцеремонное обращеніе съ работой, какое равнодушіе! Публика предъявляетъ свои требованія относительно художниковъ: почему же ху-

(1) Виноватъ, они есть: *три въ Академіи*, три частныхъ, въ Петербургѣ и одна — подъ Черниговомъ; но что значитъ это число для такой огромной Имперіи?

дожники, въ свою очередь, не имѣютъ права ожидать отъ академіи способовъ къ своему развитію?

Жалкая жизнь художника здѣсь! Жизнь другихъ людей обставляется удобствами, доходящими часто до роскоши, до утомительнаго избытка, а жизнь художника—совсѣмъ другая! Не говорю о вѣчныхъ нуждахъ, о вѣчной борьбѣ съ собою; не говорю о голодающей и зябнущей семьѣ — все это художникъ переноситъ героически, но его заѣдаетъ квартира. Отсутствіе свѣта его уничтожаетъ. Художникъ лишенъ свѣта, безъ котораго нѣтъ ему развитія, — на которомъ основано все существованіе живописи, — но этихъ требованій никто и слушать не хочетъ.... Кончается тѣмъ, что художникъ, смятый судьбой, мало по малу теряетъ потребность развитія, мирится съ своимъ положеніемъ, подавляетъ день ото дня свои порывы, и превращаетъ художество въ ремесло, для добыванія насущнаго хлѣба. Да! когда жизнь другихъ убирается въ комфортъ и роскошь, художникъ, какъ нищій, лишенъ самыхъ необходимыхъ условій жизни и тупѣетъ отъ безчеловѣчнаго помѣщенья.

Прибавимъ еще, что болѣе половины выставки надо было бы выкинуть: тогда удовольствія и простора было бы болѣе, усталости менѣе, и наконецъ, было бы мѣсто устроить сидѣнья. Какая цѣль — выставлять безобразіе? Выставка есть художественная бесѣда, а часто и урокъ публикѣ: зачѣмъ же засорять и безъ того жалкую выставку? Принимать всего нельзя; это вредитъ хорошимъ произведеніямъ.

Во время послѣдней французской республики задано было на конкурсъ—изобразить республику. Участвовать могли всѣ, и къ выставкѣ набрались тысячи проэктовъ. Бездарная масса своими дюжинными произведеніями поглотила, утопила въ себѣ даровитое меньшинство. Всѣ ходили смотрѣть лишь на каррикатурныя произведенія, чтобы посмѣяться; они-то и заняли все вниманіе публики. Что́ жъ за цѣль угощать пошлыми вывѣсками и усиленными попытками бездарности произвесть *что-то?!*

Хотѣлось бы поговорить еще о первыхъ впечатлѣніяхъ русскихъ художниковъ за границей и о житьѣ ихъ тамъ; но статья наша и такъ вышла длинна, а потому поспѣшимъ кончить желаніемъ, чтобы развитіе народной живописи усилилось, но не изъ моды, а изъ дѣйствительной потребности, чтобы русскіе художники имѣли въ себѣ менѣе увѣренности и самохвальства, и чтобы дожить намъ до того, когда не мы сами, а и Европа признаетъ въ насъ новый, высказывающійся элементъ, новый залогъ для

дальнѣйшаго развитія человѣчества, и найдетъ въ насъ новую силу для общечеловѣческой жизни.

Но прежде чѣмъ окончу статью, я позволю себѣ спросить академію: гдѣ картоны, сдѣланные для Исакіевскаго собора?? Носятся слухи, будто картонъ А. Т. Маркова »*Встрѣча Іосифа съ Іаковомъ*« — изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ. Мы видѣли долгое время картонъ этотъ на одной изъ глухихъ академическихъ лѣстницъ. Еще разсказываютъ, будто колоссальные картоны К. Брюлова пропали какъ булавки? Мы не вѣрили, чтобъ Академія Художествъ, разсадникъ и распространитель искуства, допустила это, и надѣемся, что вслѣдъ за нашими строками недоразумѣнье публики успокоится тѣмъ, что картоны явятся, изящно оправленныя подъ зеркальныя стекла, въ залахъ академіи. Можетъ ли быть наконецъ, чтобы картоны Ѳ. А. Бруни терлись, мялись и валялись въ свертках? Все это, вѣроятно, клевета недоброжелателей Академіи, точно такъ же какъ и то, будто »Осада Пскова« валялась въ свертк не одинъ годъ, и что ее не съѣли мыши — только благодаря каменнымъ поламъ академіи.

Левъ Жемчужниковъ.

ХАРАКТЕРЪ И ЗАДАЧА УКРАИНСКОЙ КРИТИКИ.

> Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.
>
> *Бѣлинскій.*

Въ наше время поставкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народу, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кажется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взялись изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣютъ читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходить къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочая? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, чтобы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи никакъ не вреднѣе для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаніемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя по-

бужденія должны внушить намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣятеля, къ какому бы разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть такое, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончитъ ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣятелямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣянья и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: »Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны«, — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что̀ въ ней было ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей безполезныхъ за приносящихъ пользу и самихъ ихъ держитъ въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣстность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность о́бразовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нелѣпостей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозою своего суда, кто выдвинулся впередъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несутъ вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, позна́ютъ тщету празднаго суесловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика, чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ

массѣ сдѣланаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоитъ вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающейся, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило потворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человѣческаго началó настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго приложенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко облагороженная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ нянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изящную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиняться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаётъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, вращающихся внѣ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣятелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостью, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ единицами своего простонародья, чувствуютъ и сознаютъ умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично

незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранитъ законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большого круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферы ихъ творчества, и самобытная сила его); то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ треволненій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ практическаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія своихъ насущныхъ моральныхъ потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоющей милліона. Такъ и въ жизни чисто духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкою, ни къ чему не нужною массѣ и удовлетворяющею причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе— игрушкою, передразнивающею дѣло серьёзное, или подражающею непримѣнимой у него чужеземщинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковое, неизбѣжно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушка, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: »слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?« разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ человѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями; то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добивающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать: *браво, браво!* Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его понятіи-

ями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнію и выражающимися въ его быту, въ его обычаяхъ, въ его изустной словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ бытъ народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ и словомъ народнымъ изустнымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своей грамáдою, у которой критикъ служитъ докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изобличены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленья къ лучшей будущности народа. Иначе— всё будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соотвѣтствіе ея созданій духу народному и его серьёзному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію,— мы сдѣлаемся обманщиками собственнаго народа и самозванными его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во времена псевдо-украинскихъ виршъ кіевскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убѣжища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о серьёзныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключаю изъ украинской литературы легкую идиллію, элегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно опредѣленной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что *серьёзное* въ созданіяхъ фантазіи не одно только то, что́ разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ внѣш-

няго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, сиротóю
По-надъ Дніпрóмъ плáче, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимися въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно воображать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченьи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболѣе развитой его части внутренній процессъ эстетическихъ впечатлѣній и вліянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и каждаго отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетрическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаётъ, посредствомъ нихъ, свое украинское *я*, и слѣдовательно крѣпнетъ въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоитъ всякому разлагающему вліянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намека на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегіи: *На що мині чóрні брóви*, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: *Катерина*. И тамъ, и здѣсь онъ заставляетъ сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемаго за украинскую критику. Считаю не безполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

П. Кулишъ.

1 февраля 1861. С. Петербургъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

I.

Въ прочтенной уже и оцѣненной по достоинству статьѣ П. А. Кулиша о Котляревскомъ (1-я книжка »Основы«), читатели не могли не замѣтить отсутствія жизнеописательныхъ подробностей. Хотя цѣлью автора было представить обзоръ литературной дѣятельности писателя, касаясь его жизни на-столько, на-сколько это необходимо для уразумѣнія содержанія и направленія поэтическихъ его произведеній; но жизнь Котляревскаго такъ полна и знаменательна, что зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія проявленія его общественной дѣятельности, и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человѣка и гражданина. Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ и намъ сообщеннымъ А. В. Терещенкомъ, мы имѣемъ возможность — дополнить статью П. А. Кулиша многими данными изъ жизни Котляревскаго, яснѣе обрисовывающими эту истинно-почтенную личность прошлаго времени.

Предки Ивана Петровича Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ Полтавскомъ городовомъ магистратѣ канцеляристомъ; дѣдъ его былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ (1). Въ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось свидѣтельство уѣзднаго предводителя дворянства, 1793 года, о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ Полтавскаго уѣзда.

На высокой горѣ, за успенскимъ соборомъ, вблизи бывшихъ крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ дубовый деревянный домикъ, уже (въ 1858 г.) полуразвалившійся. На сволокѣ этого домика вырѣзаны церковными буквами слова: »Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,

(1) Сѣв. Пчел., 1839 г. № 146.

1705 року 30 августа«. Съ этой горы открываются живописные виды: на-право — сады, разбросанные по извилистой крутизнѣ, на-лѣво — луга́ и рощи, между которыми тихо течетъ рѣчка Ворскла, воспѣтая самимъ Котляревскимъ и народомъ:

Тече́ річка невели́чка —
Во́рсклом назива́ють;
Про ту річку невели́чку
Старці й діти зна́ють.

Берега Ворсклы усажены бѣлыми хатами; за рѣчкою зеленѣютъ дубовые лѣса; вдали разсыпаны пески, а на горизонтѣ синѣетъ густой боръ. Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, и родился, 29 августа 1769 года, извѣстный украинскій поэтъ.

Родители Котляревскаго были весьма недостаточнаго состоянія. Нерѣдко приходилось ему довольствоваться однимъ кускомъ хлѣба и ходить босикомъ; но живой и веселый нравъ помогали ему переносить домашнюю нужду. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ. Его отдали (1) учиться въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. Еще на семинарской скамьѣ, онъ писалъ стихи и, за искусство подбирать рифмы, прозванъ былъ *рифмачемъ*. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе (2), но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ, при дѣтяхъ учителемъ, и какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ Украинскія стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы, и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ такъ искусно представилъ, съ комической стороны, въ *Энеидѣ*.

Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ, но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, въ іюлѣ 1779 г. (3).

(1) Когда именно — неизвѣстно.

(2) Въ Малороссіи весьма часто поступали въ духовное званіе и дворяне, нерѣдко владѣвшіе и большими имѣніями. И теперь есть лица изъ бѣлаго духовенства, которыя владѣютъ населенными имѣніями, на помѣщичьемъ правѣ.

(3) Въ надгробной надписи сказано, что онъ родился въ 1769 г. августа 29; значитъ вступилъ на службу 10 лѣтъ! Или онъ только былъ въ нее записанъ, по обычаю того времени, или же ошибочно показанъ въ послужномъ спискѣ годъ вступленія его на службу? *А. В. Т.*

Здѣсь, черезъ годъ, его произвели въ подканцеляристы (1780 г.), потомъ въ канцеляристы (1782 г.), и наконецъ въ губернскіе регистраторы (1783 г.). Въ 1796 году, онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій впослѣдствіи конно-егерскимъ); въ томъ же году произведенъ въ аудиторы; 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ февралѣ — въ поручики и въ 1806 г. — въ штабсъ-капитаны.

Изъ бумагъ Котляревскаго видно, что онъ былъ адъютантомъ генералъ-отъ-кавалеріи барона Мейендорфа, который командовалъ 2-мъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ противу Турокъ. Въ 1806 г., онъ былъ избранъ, какъ отличный и рѣшительный офицеръ, для склоненія Буджацкихъ Татаръ къ содѣйствію видамъ правительства. Во время переговоровъ, жизнь его подвергалась опасности, то отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то отъ покушенія нѣкоторыхъ татаръ зарѣзать его. Онъ успѣлъ однако успокоить взволновавшуюся орду, уговорилъ ее быть преданною Россіи и привелъ въ свой станъ аманатовъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., при присланномъ ему рескриптѣ Императора Александра I-го (1).

По вступленіи войскъ въ предѣлы Бессарабіи и Молдавіи (24 ноября 1806 г.), Котляревскій находился при взятіи крѣпости Бендеръ. Въ 1807 г. онъ былъ переведенъ въ Псковскій драгунскій полкъ и отличился въ сраженіяхъ съ Турками, особенно при крѣпости Измаилѣ; но походы разстроили его здоровье и онъ вышелъ въ 1808 г., въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Причиною выхода его изъ военной службы могло быть также назначеніе барона Мейендорфа въ Финляндію, хотя Мейендорфъ преимущественно рекомендовалъ его Михельсону (заступившему мѣсто Мейендорфа и дѣйствовавшему съ большимъ успѣхомъ противу Турокъ).

Мейендорфъ любилъ Котляревскаго; онъ отличалъ его особенною своею довѣренностію за умъ и предпріимчивость и поручилъ ему вести журналъ военныхъ дѣйствій; извѣстенъ лишь отрывокъ этого журнала, съ 15 ноября по 16 декаря 1806 года.

Колй козáкъ въ пóлі, тодí вінъ на вóлі, говаривалъ Котляревскій (2); но сдѣлавшись вольнымъ, онъ призадумался — и было отчего: ему нечѣмъ было жить. Онъ отправился искать себѣ мѣста въ Петербур-

(1) Буджацкіе Татары кочевали тогда на правомъ берегу р. Днѣстра, по сѣверо-западной сторонѣ Чернаго моря до устья р. Дунай. *А. В. Т.*

(2) Эти слова его помѣщены и въ Наталкѣ-Полтавкѣ (рукоп).

гѣ. Здѣсь онъ долго толкался по переднимъ *у сильныхъ міра*, просилъ, но просилъ напрасно. Хотя Энеида была издана еще въ 1798 г., но не много помогла поэту: на него смотрѣли какъ на всякаго бѣдняка безъ помощи и протекціи. Не разъ приходилось ему сидѣть голоднымъ, спать въ сырой, холодной комнатѣ. Къ горю для его любознательности, онъ часто былъ лишенъ отрады — *читать*; когда наступали утомительно-длинныя осеннія ночи, онъ даже не имѣлъ возможности постояно держать у себя свѣчи: зажжетъ, бывало, часа на два, а потомъ потушить, и всю ночь проведетъ въ разсужденіяхъ о слѣпомъ и непостоянномъ счастьи, которое онъ сравнивалъ съ женщиной: *оцѐ жінóцька натýра — щáстя!* Быть можетъ, въ эту пору жизни, онъ написалъ стихи про *Долю*:

Безъ рóзуму лю́де въ свíті живýть гáрно,
А зъ рóзумомъ та въ недóлі вікъ прохóдить мáрно.
Ой дóле людськáя, чомъ ти не правдúва?
Що до йшнихъ дýже грéчна (1), а до насъ спісúва (2).

Бѣдный, онъ не разъ страдалъ отъ нужды и холода. Одѣтый въ фризовую шинель, служившую ему также и постелью и одѣяломъ, онъ дрожалъ подъ нею отъ стужи; но надежда на лучшее будущее и крѣпкое сложеніе поддерживали его. Котляревскій былъ средняго роста, плечистъ и силенъ; волоса имѣлъ черные, глаза тоже черные, исполненные огня и ума; лицо бѣлое, продолговатое, изрытое оспою, доброе и очень пріятное; на губахъ его часто бродила насмѣшливая улыбка (3).

Не видя конца своимъ похожденіямъ по барскимъ пріемнымъ, Котляревскій сильно затосковалъ по родинѣ, подобно многимъ нашимъ землякамъ, искавшимъ неуловимаго счастья въ Петербургѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Котляревскому наконецъ удалось, въ іюнѣ 1810 г., получить должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Этимъ онъ былъ обязанъ одному изъ незначительныхъ лицъ, принявшему въ немъ искреннее участіе (4).

---

(1) Вѣжлива, угодлива.

(2) Изъ Наталки-Полтавки.

(3) В. Пассекъ (см. Москвитянинъ 1841 г. ч. 2, № 3, с. 567). видѣлъ Котляревскаго въ 1837 г., за годъ до его смерти; въ это время онъ былъ худощавъ и сѣдъ.

(4) Въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г. и Ж. М-ва Нар. Просв. того же года ч. XXIV, отд. IV, стр. 167, сказано, что малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Я.Н. Лобановъ-Ростовскій пригласилъ его въ гражданскую службу и далъ ему мѣсто надзирателя. Но онъ не зналъ лично Котляревскаго, за котораго просили князя; впослѣдствіи же, узнавъ его способности, цѣнилъ ихъ. *А.В.Т.*

Мѣсто, само по себѣ не важное, ни по росписи должностей, ни по содержанію (около 300 р. асс. въ годъ), было ему по сердцу. Онъ хотѣлъ жить и умереть на родинѣ, и съ восторгомъ полетѣлъ въ Полтаву, гдѣ съ жаромъ принялся за улучшеніе подвѣдомственнаго ему Дома, въ которомъ воспитывалось отъ 200 — 250 дѣтей.

Во время службы онъ не переставалъ трудиться надъ своими драматическими сочиненіями, и тогда же вновь передѣлывалъ Энеиду.

Предъ наступавшею войною съ Наполеономъ, Котляревскому поручено было, въ 1812 г. малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, составить 5-й конный козачій полкъ. Котляревскій исполнилъ это въ полмѣсяца: формированіе полка началось 15 августа, а 2 сентября полкъ выступилъ уже въ походъ.

Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. И послѣ Бецкаго, устроенные имъ корпуса служили образцомъ для подобнаго рода заведеній. Военная служба считалась въ то время почетнѣйшею; къ ней преимущественно готовились дѣти дворянъ.

По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали также военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военныя упражненія, ситуація, черченіе и танцованье.— Онъ усердно заботился объ увеличеніи способовъ содержанія, и о расширеніи самого заведенія (1); при немъ устроена была больница. Письмо генералъ-губернатора Лобанова-Ростовскаго къ Котляревскому изъ С. Петербурга 24 апрѣля 1815 г., доказываетъ заботливость его о Домѣ. Приводимъ это письмо вполнѣ, такъ-какъ оно характеризуетъ и время и отношенія князя Лобанова-Ростовскаго къ нашему писателю:

»Милостивый государь мой, Иванъ Петровичъ! Похваляя печность *(по-*
»*печеніе)* вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю еще я удобности по-
»хвалиться, чтобъ успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ
»были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не
»могутъ они остаться. Коликожъ достигать то́ трудно, усмотрѣть вамъ
»можно будетъ изъ бумаги, сей день по матеріи благороднаго заведенія
»мною препровождаемой. Медленность возвращенія государя императора
»паче всего сію вещь, какъ и прочія, обременяетъ; но нѣтъ резону от-

(1) Домъ для воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ былъ учрежденъ, кажется, вскорѣ по открытіи гимназіи (въ 1808 г.); потомъ, въ 1823 г., былъ обращенъ въ училище чистописцевъ, а въ 1851 г. въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей на 50 человѣкъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. *А. В. Т.*

»чаяваться, чтобъ доброе попеченіе мое не исправило нужду и не по»служило бы и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое от»правляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйте, вкупѣ съ по»втореніемъ усерднѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ »вѣрнѣйшій слуга, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій.« (1)

По истеченіи семи лѣтъ, считая со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ (5 октября 1817 г.) за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ: чиномъ маіора, брилліантовымъ перстнемъ и, по смерть, пенсіономъ въ 500 р. асс.

Князь Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и Котляревскій часто являлся на немъ въ роляхъ, бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ.— Онъ отлично игралъ въ »Сбитенщикѣ« и »Кутермѣ, или безъ обѣду домой не ѣду.«

Котляревскій долго таилъ у себя свои собственныя драматическія сочиненія, какъ бы не довѣряя самому себѣ; но превосходное исполненіе имъ ролей и молва вызвали въ немъ рѣшимость—передать ихъ на сцену. Этому въ-особенности содѣйствовалъ бывшій малороссійскій военный-губернаторъ, князь Н. Г. Репнинъ. Наталка-Полтавка явилась первая, въ 1819 г. Она была принята съ громкимъ одобреніемъ, а имя сочинителя повторялось съ любовью не только во всей Малороссіи, но и во многихъ мѣстахъ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. — Чрезъ нѣсколько времени, на Полтавскомъ же театрѣ показался »Москаль-Чарівни́къ«, также принятый съ общею похвалою. — Этотъ »Чарівни́къ« замѣчателенъ еще какъ пьеса, въ которой съ полнымъ блескомъ проявлялся талантъ народнаго артиста, М. С. Щепкина. Многіе въ Полтавѣ помнятъ, какъ Щепкинъ, на бѣдномъ театрѣ, приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Раскрытіемъ своихъ дарованій въ выполненіи ролей изъ народной жизни онъ обязанъ Котляревскому, который видѣлъ въ немъ первокласнаго артиста; предвидѣніе его оправдалось.

Разработывая южно-русскій языкъ, Котляревскій трудился также надъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ и имѣлъ большой запасъ ихъ. Куда это дѣвалось? — неизвѣстно.

Онъ также былъ членомъ харьковскаго общества словесности, въ 1822 г. избранъ членомъ С. Петербургскаго общества любителей русской словесности и помѣщалъ отрывки изъ 5 и 6 частей Энеиды (тог-

(1) Подлинное письмо хранится у А. В. Терещенка.

да еще неизвѣстныхъ), въ журналахъ: *Соревнователѣ*, *Утренней Звѣздѣ*, Петрова, и *Украинскомъ Вѣстникѣ*.

Онъ велъ большую переписку со многими лицами: съ Свиньинымъ, Бантышемъ-Каменскимъ (1), кн. Шаховскимъ и нѣкоторыми членами россійской академіи, съ князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Рѣпнинымъ, которые очень его уважали и любили. Другомъ его былъ Павелъ Стеблинъ-Каменскій, служившій непремѣннымъ членомъ Приказа общественнаго призрѣнія въ Полтавѣ. Самъ Котляревскій, 25 августа 1827 г., былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богороднаго заведенія.

Изъ сохранившейся росписки архимандрита полтавскаго крестовоздвиженскаго монастыря Гавріила, о принятіи имъ отъ Котлярскаго, 13 марта 1830 года, 717 экземпляровъ Св. писанія, бывшихъ въ полтавскомъ отдѣленіи россійскаго библейскаго общества, видно, что Котляревскій былъ книгохранителемъ этого отдѣленія, помѣшавщагося въ соборной успенской церкви.

Подъ старость, Ив. П. сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователенъ; а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность — наказать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Въ прошеніи его, поданномъ 16 Іюля 1834 г., онъ писалъ, что »чувствуетъ во всемъ своемъ составѣ, особливо въ ногахъ, слабость, изнуреніе силъ, онѣмѣніе правой ноги и руки, и проситъ вовсе уволить его отъ должности попечителя и надзирателя, наградивъ за службу, болѣе 35 лѣтъ продолжавшуюся, пенсіономъ.« Это прошеніе писано уже дрожащею рукою. Котляревскій былъ уволенъ 31 января 1835 г., и по положенію комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 р. въ годъ. Этимъ онъ былъ обязанъ ходатайству кн. Н. Г. Рѣпнина.

Котлярскій оставилъ по себѣ память благотворительнаго и чистаго человѣка. Онъ помѣщалъ бѣдныхъ сиротъ въ подвѣдомственный ему домъ; несчастныхъ по чему-либо поддерживалъ пособіями или ходатайствомъ за нихъ, и вообще былъ полезенъ своимъ вліяніемъ. До сихъ поръ многіе хвалятся его благодѣтельнымъ участіемъ.

Съ увольненіемъ Котляревскаго, никто не видалъ его въ обществѣ: по слабости здоровья онъ не могъ уже ходить и рѣдко кого при-

(1) Бантышъ-Каменскій для своей исторіи Малороссіи пользовался отъ Котляревскаго многими объясненіями, о чемъ говоритъ самъ. *А. В. Т.*

нималъ у себя. Всѣ знакомые лишились въ немъ своего лучшаго, веселаго собесѣдника. Онъ былъ простъ въ обращеніи, но подъ своею простотою хранилъ возвышенное сердце, доступное всѣмъ благороднымъ чувствамъ. Въ своихъ мнѣніяхъ о людяхъ онъ не былъ скоръ, но зато сужденія его отличались основательностью. Иванъ Петровичъ былъ душею дружеской бесѣды: разсказывалъ забавно и остро, разоблачалъ дѣйствія людей шутками, иногда язвительными, прибаутками и пословицами. Онъ обладалъ народнымъ юморомъ въ высокой степени. Никто не былъ въ состояніи возражать на его колкія замѣчанія и, въ то же время, никто не смѣлъ быть недоволенъ его намеками, которые каждый слушатель относилъ къ другому, тогда какъ это падало на него самого. У себя Иванъ Петровичъ былъ гостепріименъ, — жилъ весьма скромно и обходился просто, въ особенности съ народомъ. Крестьянинъ, или козакъ, встрѣтивъ его на улицѣ, снималъ низенько шапку и кланялся, говоря: *здоро́въ будь, па́не Ива́не Петро́вичу!* Встрѣчается ли съ нимъ, бывало, женщина, и та отдаетъ ему поклонъ: *здоро́венькі були́, добро́дію-ку́ме!* Даже дѣти знали его подъ именемъ *ку́ма*, но общаго, потому что онъ не отказывалъ никому изъ горожанъ, кто ни приглашалъ его въ воспріемники. Онъ любилъ бывать въ семьѣ простолюдина, гдѣ давалъ своимъ разговорамъ просторъ, на родномъ языкѣ, приправляя бесѣду прибаутками и поговорками.

Посѣщавшихъ его принималъ радушно и угощалъ какъ истый хлѣбосолъ-Украинецъ. Ученые и путешественники, заѣзжавшіе въ Полтаву, считали какъ бы за обязанность навѣстить его, и всѣ бывали очарованы его умною и живою бесѣдою. Самая болѣзнь не измѣнила его привѣтливости и остроумія (1).

Съ примѣрнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ страданія тягостной своей болѣзни, и угасъ на 70 г. жизни (2). Женатъ онъ не былъ и, еще до кончины, отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество раздалъ роднымъ и пріятелямъ (3).

---

(1) В. Пассекъ, посѣтившій его въ 1837 году, пишетъ: »онъ принялъ меня очень привѣтливо и, не смотря на болѣзнь, которая замѣтно безпокоила его, шутилъ и разспрашивалъ о моихъ поѣздкахъ«. Москвитянинъ 1841 г., ч. 2.

(2) Онъ умеръ въ 1838 году, октября 29. Такъ сказано въ надгробной надъ нимъ надписи. Г. Галанинъ пишетъ ошибочно, будто онъ родился въ 1768 году, а умеръ въ 1830 г. (Журн. Мин. народн. просв., ч. XXXII.)

(3) Домъ его достался вдовѣ унтеръ-офицершѣ Веклевичевой, записан-

На погребеніе Котляревскаго собрался почти весь городъ. Нѣкоторые изъ его почитателей приняли похоронные расходы на свой счетъ. Толпы всѣхъ сословій провожали бренные останки Котляревскаго до самой могилы, не взирая на дождливо-ненастную пододу, и этимъ свидѣтельствовали искреннюю къ нему признательность какъ къ писателю и человѣку. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по Кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою другаго славнаго соотечественника нашего, переводчика Иліады, Н. И. Гнѣдича; надъ обоими ими почти одинаковые могильные памятники: пирамиды изъ кирпича. Они начинаютъ разрушаться и стоятъ уныло у самой проѣзжей дороги (1).

Изъ оставшихся послѣ К-го рукописей извѣстны слѣдующія:

1) Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса 1806 г., въ трехъ тетрадяхъ.

2) Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ

ный ей самимъ Котляревскимъ, а потомъ былъ продапъ г-жѣ Панченко. Веклевичева была экономкою у Котляревскаго.

(1) На родину перенесено лишь сердце Гнѣдича, а тѣло погребено въ Петербургѣ на кладбищѣ Невской Лавры, называемомъ Карамзинскимъ, по мѣсту погребенія Карамзина. Здѣсь памятникъ Гнѣдича состоитъ изъ сѣрой гранитной пирамиды, съ надписью—на одной сторонѣ: »Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, род. 1784 г. февраля 2, скончъ. 1833 г. февраля 3;« а на другой: »Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира.« Подъ этой надписью вставленъ, изъ бѣлаго мрамора, рельефный бюстъ переводчика и вырѣзанъ стихъ изъ Иліады, живо напоминающій о Гнѣдичѣ:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія мёда лилися.

Подъ этими строками написано: »Отъ друзей и почитателей.« На верху памятника бронзовый крестъ съ надписью: »Христе, спаси его.« А. В. Т.

Н. И. Гнѣдичъ завѣщалъ свою классическую библіотеку Полтавской гимназіи. Гнѣдичъ, также какъ и Котляревскій, горячо любилъ и родину и родной языкъ. Къ-сожалѣнію, онъ отсталъ отъ украинскаго языка въ Петербургѣ, а то, вѣроятно, попытался бы перевести Иліаду по-украински, — разумѣется, дополняя недостающія слова церковно-славянскими и вновь составленными, подобно тому, что́ мы видимъ и въ существующемъ его переводѣ. Героическія поэмы и наивныя повѣствованія древнихъ (Иліада, Одиссея, Геродотъ и т. п.) безъ сомнѣнія, могли бы быть переданы гораздо ближе къ классической простотѣ подлинниковъ на южно-русскомъ языкѣ, нежели передаютъ ихъ тѣ переводы, которые мы читаемъ теперь на великорусскомъ. Это мнѣніе не покажется страннымъ, кто приметъ въ соображеніе народную исторію, характеръ народа, его міровоззрѣніе, нравы, преданія, всю обстановку жизни и самый ходъ южнорусской словесности, которая вышла прямо изъ народа, постоянно отъ него питается и къ нему обращается.

чтенію и размышленію о Св. Евангеліи Луки. Это переводъ изъ Évangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre évangélistes, augmenté d'une notice, par le P. Duquesne, XIII tomes, Lyon, 1816. Изъ замѣтокъ переводчика на краяхъ листовъ видно, что онъ началъ эту работу въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюня 1838 г., почти за четыре съ половиною мѣсяца до своей кончины. Эти размышленія состоятъ изъ 359 разсужденій.

3) Разныя письма, бумаги и акты именные (1); многое писано его рукою.

4) Замѣтка (2) о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, отрывки изъ

---

(1) Все это хранилось у Александры Егоровны Стеблинъ-Каменской, вдовы друга Котляревскаго. По предложенію А. В. Терещенка, г-жа Ст.-К. согласилась передать эти бумаги въ Императорскую публичную библіотеку, что и сдѣлано 25 октября 1858 г.

(2) Вотъ-что заключается въ замѣткѣ Котляревскаго:

1) Въ Полтавѣ и въ смежныхъ городахъ, слова: *конь, волъ, ножъ, котъ, подолъ, мостъ* и проч., произносятъ простолюдины: *кинь, вилъ, нижъ, китъ, подилъ, мистъ* и проч.; но въ сихъ же словахъ, въ другихъ падежахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, сохраняютъ *о*: *волы, коня, моста, на подолѣ* и проч. Въ Черниговской же губерніи произносятъ: *кунь, вулъ, нужъ*, и проч.

2) Пѣсню: *ой біда чайці, чайці небозі,* неизвѣстно кто именно сочинилъ, но многіе полагаютъ, что сочинилъ ее послѣдній Запорожскій кошевый Калнишъ (П. И. Калнишъ или Кальнишевскій). »Предположеніе, какъ извѣстно, невѣрное«.

3) *Свѣтилки*, въ Полтавской губерніи, держали въ рукахъ саблю, съ привязанной къ ней лентою, но, кажется безъ цвѣтовъ. Сабля сія означала званіе дѣвушки, ее державшей (свѣтилки), при вѣнчаніи въ церквѣ, а дома эта сабля стояла въ главномъ углу хаты (на покутьѣ), чрезъ весь первый день свадьбы. Теперь весьма рѣдко гдѣ сіе употребляется.

4) Молодая смотритъ въ *дивень* (?), въ день свадьбы во время обѣда, ибо молодые за обѣдомъ ничего не ѣдятъ, и ложки ихъ лежатъ связаны красной лентой. Это также выходитъ изъ употребленія.

5) Въ Полтавской губерніи, за другія не знаю, молодой говоритъ *покидай батьковы,* и проч., предъ самымъ отвозомъ невѣсты въ свой домъ, въ первый день свадьбы передъ вечеромъ. При сей поговоркѣ молодой, сидя верхомъ на лошади, объѣзжаетъ кругомъ три раза возъ, на которомъ сидитъ молодая и помахиваетъ надъ ея головою плетью (малаха́емъ). Въ нынѣшнее время едва ли это употребляется.

6) Въ Полтавской губерніи, братъ молодой не расплетаетъ косу, а ставши въ углу у дверей съ *кіемъ* (родъ булавы), изъ соломы сдѣланнымъ, грозитъ убить молодого зато, что сей беретъ къ себѣ сестру его, и показываетъ видъ мстителя, пока молодой не умилостивитъ его нѣсколькими *шагами* (грошами), или пятаками. Это дѣйствіе называется: братъ продаетъ сестру. Сіе бываетъ предъ сборами къ отъѣзду въ домъ молодого«.

Энеиды, (Наталка) Полтавка, и Тріумфъ И. А. Крылова; всѣ писаны рукою Котляревскаго.

Энеида Котляревскаго была принята съ восторгомъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи: она долго читалась и перечитывалась, читалась и простолюдинами — малороссами, узнававшими въ геройхъ себя и смѣявшимися надъ собою.

Въ первый разъ Энеида была напечатана въ 1798 г. (1) (на 29 году жизни Котляревскаго, когда онъ былъ прапорщикомъ). Дошедшихъ до нашего времени изданій было *четыре*, подъ слѣдующими заглавіями:

Первое: Энеида, на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Напечатана въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ М. Парпуры, въ С. Петербургѣ, 1798 г., in 8° (безъ означенія типографіи). Экземпляръ этаго изданія былъ подаренъ Россійской Академіи извѣстнымъ медикомъ, Каменецкимъ, за собственной его надписью: »Императорской россійской академіи отъ издателя г. надворнаго совѣтника и инспектора С. Петербургскаго физиката, Іосифа Кириловича Каменецкаго.«

Второе: подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ; напечатано въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ того же М. Парпуры, въ С. Пб. въ типографіи Ив. Глазунова, въ 1808 г. in 8°. Экземпляры этого, какъ и перваго, изданія хранятся въ библіотекѣ императорской академіи наукъ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Третье: (заглавіе тоже самое) заключаетъ въ себѣ уже четыре части, посвящено помѣщику Полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ коего напечатано въ С. Петербургѣ, въ медицинской типографіи 1809 г. in 8° (2).

Четвертое—уже носитъ другое заглавіе, именно: Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Напечатана въ Харьковѣ въ университетской типографіи, 1842 г. in 8°, въ *шести* частяхъ.

Первыя два изданія печатаны безъ всякой перемѣны и вышли въ свѣтъ безъ вѣдома и согласія сочинителя, съ ошибками и упущеніями, которыя Котляревскій исправилъ при изданіи 1809 г. При четвертомъ изданіи встрѣчаемъ, въ заглавіи, прибавленіе—*Виргиліева*,—совершенно невѣр-

---

(1) Въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1849 г. ч. 64, показано невѣрно, что первое изданіе вышло въ 1796 г.

(2) Въ статьѣ Галанина (журналъ Мин. Народн. Просв., 1841, ч. 32, отд. VI, стр. 44.) сказано, что Энеида, посвященная С. М. Кочубею, напечатана въ 1804 г. Откуда взято это свѣдѣніе? А. В. Т.

ное. Самъ авторъ назвалъ ее *Энеида перелиціованная*, обнаруживая этимъ, что передѣлалъ ее *по-своему*, слѣдовательно его Энеида перестала быть Виргиліевою. Дѣйствительно, герои Виргиліевой эпопеи гримированы по-украински.

Котляревскій, приготовивъ къ печатанію пятую и шестую части своей Энеиды, не успѣлъ самъ издать ихъ, и въ 1838 г. передалъ право печатанія г-ну Волохинову.

При сличеніи отрывка 6-й части Энеиды, въ 4-хъ тетрадкахъ, писанныхъ самимъ сочинителемъ, —съ изданіемъ 1842 г., вездѣ встрѣчается измѣненіе въ правописаніи противу подлинника. Въ рукописи, гдѣ повсюду *и* и *ѣ*, въ печатномъ *ы* и *и*, на примѣръ: листикъ—лыстыкъ; гнѣвомъ — гнывомъ (!), жинки — жинкы, и т. п.

Шестая часть, по печатному, состоитъ изъ 171 куплета, а по рукописи изъ 118; недостаетъ 53. Первая тетрадь переписана съ прилѣжаніемъ и имѣетъ незначительныя помарки; послѣднія три писаны почти на-скоро, блѣдными чернилами и съ большими помарками. Всѣ они въ четверть листа; бумага грубая и желтоватая. Начало содержанія первой тетради согласно съ печатнымъ; потомъ шестая частъ перерывается недостающими куплетами, вѣроятно, потерянными по смерти автора. Въ подлинныхъ тетрадяхъ встрѣчаются любопытныя передѣлки сочинителя.

Число изданій Энеиды показываетъ, что Котляревскій отвѣчалъ на какую-то потребность общества въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, т. е. съ 1798 по 1842 годъ. Теперь почти нѣтъ въ продажѣ и послѣдняго изданія.

Нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды повторяются наизусть многими Украинцами; есть любители, знающіе ее всю на-память. Многія выраженія приводятся вмѣсто поговорокъ или изрѣченій (1).

---

(1) Укажемъ на тѣ, которыя намъ удавалось слышать:

Вінъ, взя́вши то́рбу, тя́гу давъ
(Говорятъ о мнимомъ храбрецѣ.)

—

Чи ри́бу зъ До́ну везете́?
Чи, мо́же, ви́ходці — бурла́ки?
Куди́, прича́пе, ви йдете́?

—

Между-тѣмъ, критика, въ настоящее время, произноситъ надъ самимъ Котляревскимъ и надъ его Энеидою строгій приговоръ. Кто-же ошибся? кто больше правъ: общество-ли, относящееся къ личности поэта и его произведенію съ уваженіемъ и любовью, или—критика, подвергнувшая и личность и произведеніе Котляревскаго безусловному осужденію?... На это мы постараемся дать свой отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

Хиба́ ріжна́ ти захотівъ?

—

Чи се и ти́ пусти́всь въ леда́що?

—

Кому́ не жа́ль своіхъ зубівъ?

—

Чимъ бі́лшъ журя́тися — все гірше!

—

Буває ща́стя скрізь пога́нцямъ.

—

Пили́, игра́ли, женихали́сь,—
Ніхто́ безъ ді́ла не сидівъ.

—

Гай, га́й-же, сли́хомъ послиха́ти!

—

Смире́нноі були́ нату́ри,
Склада́ли ру́ки на живітъ;
Умі́льно Бо́гу все моли́лись,
И вслухъ не ла́яли люде́й:
На чо́ткахъ миръ пересужда́ли.

—

Хвата́всь за де́ргу и тули́вся,
Мовъ одъ кота́ въ комо́рі мишъ.

—

Наду́всь, мовъ на огні лопу́хъ.

—

Такъ, вічной па́мъяти, буває́ло
У насъ Гетьма́нщині коли́сь!

—

Жінки́! коли́бъ ви бі́льше і́ли,
А меньшъ пащикува́ть умі́ли,
Були́бъ въ раю́ ви и за се́.

—

Чи ду́же спи́тця,
Якъ до́ля про́ти насъ яри́тця?

—

Зліcть, ка́жуть, сатані сестри́ця.

—

(Будетъ продолженіе.)

ВОСПОМИНАНІЕ
О
СОЛЕНИКѢ,
ЗНАМЕНИТѢЙШЕМЪ УКРАИНСКОМЪ АКТЕРѢ.

Въ началѣ октября прошлаго 1860 года я былъ въ Харьковѣ. Прекрасный осенній день побудилъ меня прогуляться за городомъ... Мы ѣхали по новому московскому шоссе. Вправо видѣлось кладбище и мнѣ сказали, что тамъ погребенъ извѣстный украинскій актеръ *Соленикъ*, и что одинъ изъ почитателей его таланта соорудилъ ему надгробный крестъ и начерталъ на немъ украинскіе стихи. Я полюбопытствовалъ взглянуть, и мы своротили къ кладбищу. Вошедши въ ограду, я скоро отыскалъ три креста вмѣстѣ, почти одинъ возлѣ другаго, надъ могилами Соленика, актера Дранше и актриссы Микульской. На крестѣ, что́ надъ могилой Соленика, я прочелъ съ одной стороны надпись: »Во имя тріипостаснаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, здѣсь погребено тѣло раба Божія Карпа Трофимовича Соленика, знаменитѣйшаго малороссійскаго актера, которому этотъ крестъ поставилъ Запорожскій козакъ А. И. Стратоновичъ«; а на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

Дивúся зъ нéба, Соленúче,
Якъ крúво сéрце чоловíче:
Якъ ти колúсь на свíті живъ
Та щúро пýблиці служúвъ,
Такъ пýблика тобí живóму
Квíткú кидáла, якъ солóму;
А вмеръ, артúсте - неборáче,
То й байдужé! — ніхтó не бáче,
Що прахъ лежúть твій безъ хрестá...
Порá, бачъ, гýлькнула не та:
Тепéръ вже стáла Украíна
Холóдна, бýцімъ домовúна....

Такое рѣдкое и исключительное выраженіе вниманія и сочувствія къ художнику, отъ лица, чужого ему, но близкаго по одной любви къ искусст-

ву, не можетъ не тронуть всякаго, кому доступно истинное пониманіе искусства и его представителей. И я оживилъ въ своемъ воспоминаніи наслажденіе, которое доставляла игра Соленика: пусть эти строки будутъ и моимъ поклономъ его памяти, въ виду его могилы.

Въ надгробной надписи Соленикъ справедливо названъ *знаменитѣйшимъ малороссійскимъ актеромъ*: подобнаго артиста не было еще въ нашемъ краѣ. Если при жизни его мы восхищались безотчетно его талантомъ, то теперь, по смерти его, припоминая тогдашнія наши впечатлѣнія, мы убѣждаемся, что это былъ талантъ истинно художественный, вполнѣ самобытный. Не обинуясь можно сказать, что это былъ нашъ мѣстный Мартыновъ, котораго недавнюю утрату живо чувствуютъ столичная сцена и столичное общество: Соленикъ почти одновременно съ Мартыновымъ, но независимо отъ него, попалъ на ту же стезю сценическаго искусства, по которой шелъ Мартыновъ. Въ обоихъ актеръ являлся не какою нибудь искусственною моделью оригинальныхъ личностей, но подлиннымъ человѣкомъ, въ его естественномъ видѣ. Въ этомъ и заключается существенная разница новаго искусства отъ стараго: послѣднее представляло и людей хуже или лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, первое же представляетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности.... И у Соленика, какъ у Мартынова, каждая выполняемая роль не была только олицетвореніемъ типа мужика, лакея, купца, нѣмца или чиновника; но каждый типъ представлялъ зрителямъ то́ лицо, которое избрано авторомъ піесы для изображенія того или другого типа. Не только достигнуть подобнаго исполненія ролей, но даже постигнуть необходимость и возможность такого исполненія, есть уже доказательство необыкновенной артистической натуры, недовольствующейся рутинною манерой, усвояемой на практикѣ даже и талантливыми актерами. Какъ истинный художникъ, Соленикъ, подобно Мартынову, не прибѣгалъ къ фарсу, чтобы разсмѣшить зрителей: въ каждомъ изъ нихъ былъ обильный запасъ природной веселости, заражавшей зрителя невольно. Но если тогда, когда предъ нами на сценѣ были эти артисты, мы легко поддавались обаянію веселости, которое производила игра ихъ: то теперь, вникая въ свойство ея и внутреннюю характеристику самихъ артистовъ, мы удостовѣряемся, что это было величайшимъ торжествомъ искусства. Смѣхъ заразителенъ, — это правда; но если серьёзный видъ артиста возбуждаетъ въ васъ истерическій смѣхъ, — нельзя въ такомъ артистѣ не признать натуру необыкновенную, геніальную!.. Высшая точка артистическаго совершенства достигается тогда, когда природа и искусство становятся чѣмъ-то нераздѣльнымъ, когда искусство явля-

етъ безъискуственную природу, а въ природѣ не замѣчается и тѣни искусства.... Таковы были Мартыновъ и Соленикъ! Вотъ почему оба они бывали на сценѣ какъ у себя дома, и никогда не терялись отъ какихъ бы то ни было сценическихъ случайностей. Нельзя однакожъ не видѣть и различія между ними: Соленика отчасти справедливо упрекали въ однообразіи, тогда какъ разнообразіе было отличительнымъ качествомъ Мартынова. Причина тому заключается не столько въ способностяхъ самихъ артистовъ, сколько въ сценическомъ ихъ образованіи и опытности, да и десятокъ лѣтъ въ наше время, протекшихъ отъ смерти Соленика до смерти Мартынова, стóитъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ прежняго времени. Впрочемъ, оба артиста похищены такъ сказать на полу-пути служенія ихъ сценическому искусству: для обоихъ впереди лежалъ еще длинный путь усовершенствованія, а такіе люди не останавливаются, пока не остановитъ ихъ предѣлъ, егоже человѣкъ не прейдетъ.... Не многіе счастливцы достигаютъ удѣла— развить свои способности и совершить свое назначеніе вполнѣ, подобно великому нашему артисту-ветерану.

Чтобъ напомнить о Соленикѣ знавшимъ его и незнавшимъ, представимъ краткій очеркъ жизни его, какъ человѣка и артиста. Провинціальный актеръ едва ли не одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ всего болѣе идетъ нѣмецкая пословица: aus den Augen, aus den Sinn.—Соленику вышало на долю исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ статься, потому, что и онъ былъ такимъ исключеніемъ между провинціальными актерами, какихъ немного... нѣтъ, какихъ весьма мало!... Его помнятъ до сихъ поръ вездѣ, гдѣ только его видѣли. Тотчасъ по смерти его напечатанъ былъ некрологъ съ нѣкоторыми подробностями о его жизни и сценической дѣятельности и съ краткой характеристикой его художнической личности. Это статья: »К. Т. Соленикъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ,« г. Рымова, напечатанная въ Пантеонѣ 1852 г. № 2-й. Извлекаемъ изъ этой статьи слѣдующія біографическія свѣдѣнія:

»Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленникъ*, родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ Леплѣ, Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ въ той губерніи уѣзднымъ землемѣромъ. Проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, К. Т. справедливѣе могъ считать своею родиной этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти лѣтняго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — почему? — намъ не извѣстно. Слышали мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ

страсть къ театру. Быть можетъ это-то и заставило его бросить учебныя занятія. Неизвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя Харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ имъ, вѣроятно, не долго. У насъ есть Харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадается имя Соленика; онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи »Неслыханное диво, или Честный Секретарь«, суфлера Шепталова, въ пьесѣ »Странное представленіе, или сюпризъ публикѣ.« Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ, — Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодаго актера скоро понравилась публикѣ и онъ быстро пошелъ впередъ.

»Въ 1841 году онъ женился на актриссѣ Харьковскаго театра, дѣвицѣ Протасовой. Оригинально было сватовство его. Однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: »женимся?« — »Женимся!« отвѣчала она, и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей, но они жили не долго.

»Жизнь провинціальнаго актера, обыкновенно — кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренеромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другого города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въ край; тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и, преимущественно, въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ 1851 году понавѣдался онъ въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, въ Харьковъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто спѣша умереть въ томъ городѣ, гдѣ его такъ любили. Одесса ему не нравилась и онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Харьковъ.

»Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. »Нѣтъ, ваше сіятельство«, отвѣчалъ Соленикъ: »я — Малороссъ, люблю Малороссію, и мнѣ жаль разстаться

*

съ нею.« Не то же ли было причиною и скораго возвращенія его къ намъ изъ Одессы?

»И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! »Нашъ Соленикъ опять у насъ!« вотъ-что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ. Зная его опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

»Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 году имя Соленика вдругъ изчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ. »Что съ нимъ? каковъ онъ?« спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ. »Хуже и хуже!« было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали — умираетъ! а 7 октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: »вже оділи и положили на столъ!« — »Кого?« спросили мы. »Соленика!...« Главною причиною его смерти была чахотка.

»Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись въ полной памяти. Только часа за два до смерти онъ неразъ впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года от-роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была »не утрата«, но совершенною непривязанностію къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій, — онъ согласился на это охотно, но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: »развѣ сегодня?« Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. »Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?« спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. »Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!« возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

»8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на новое кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго — на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Нако-

нецъ, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, навѣки скрылъ отъ насъ Соленика....

»Его положили подлѣ могилы артера Дранше, очень любимаго когда-то публикою, но схороненнаго очень скромно.

»И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ родныхъ — ни души (1), а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшатъ дать ему послѣднее цѣлованіе, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и всѣ разстаются съ этимъ чужимъ человѣкомъ, какъ не всегда разстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!«

»Соленикъ былъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло.

»Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень не высокаго росту, худощавъ, но сложенъ стройно: Лицо... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣжемъ, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза — оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому-что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырехъ-угольный лобъ, показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостію. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти какъ у Арабовъ; нижняя выдавалась нѣсколько отвисло впередъ, какъ-бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были на своемъ мѣстѣ (что случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинные, мягкіе темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физіономія Соленика, внѣ сцены, была по большей части серьезна и задумчива. Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, дома — разсказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, до-

(1) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

вольно немузыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

»Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицемъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость... къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, диковинными набалдашниками.«

Остается опредѣлить амплуа Соленика... Онъ былъ *комическій актеръ* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какихъ ролей не достается играть провинціальному актеру? И Соленинъ игралъ всякаго рода роли. (Да вѣдь и Мартыновъ дебютировалъ въ »Филаткѣ и Мирошкѣ!«) Перечислять ихъ было бы излишне. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ онъ не былъ ниже своей роли, во многихъ же возвышалъ значеніе ролей. Назовемъ только роли Соленика изъ пьесъ, составляющихъ постоянное украшеніе нашей сцены, то есть Грибоѣдова и Гоголя; въ »Горѣ отъ Ума« игралъ онъ *Фамусова* и *Репетилова*, въ »Ревизорѣ« — *Хлестакова* и *Бобчинскаго*, въ »Женидьбѣ« — *Кочкарева*. Кто видѣлъ его въ этихъ роляхъ, тотъ помнитъ исполненіе ихъ этимъ артистомъ; кто же не видалъ, тому никакія объясненія не дадутъ понятія.... (1) Но истинно неподражаемымъ, несравненнымъ, незабвеннымъ былъ и пребудетъ Соленикъ какъ *актеръ украинскій*, въ украинскихъ пьесахъ Котляревскаго и Квитки; кто изъ насъ, жителей Украины, могъ равнодушно видѣть Соленика въ роляхъ — *Макогоненка* (»Наталка Пол-

---

(1) Гоголь зналъ нашего артиста только по слухамъ, но каковы были слухи о немъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ одному своему знакомому (Н. Д. Бѣлозерскому), писаннаго изъ Петербурга 1836 г., за три мѣсяца до перваго представленія »Ревизора:«

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ нибудь о немъ извѣстій? — и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ нибудь, нельзя ли какъ нибудь уговорить его сюда. Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. *Рѣшительно комическій талантъ*. Если же вамъ не удастся видѣть его, то можетъ быть вы получите какое нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и — куда адресовать къ нему....«

(Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе П. А. Кулиша (1855. Т. V, стр. 252).

тавка«), *Чупруна́* (»Москаль Чарівникъ«), *Стецька́* (»Сватання на Ганчарівці«), *Шельме́нка* (въ обоихъ пьесахъ этого названія)? Надо замѣтить здѣсь,—и конечно согласятся всѣ, видѣвшіе въ этихъ роляхъ не одного, а нѣсколькихъ малороссійскихъ актеровъ,—что каждый изъ нихъ исполнялъ эти роли *по-своему:* въ игрѣ каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе выражались *отдѣльныя* черты національнаго характера; но въ игрѣ Соленика *всѣ* эти черты соединялись, какъ въ фокусѣ, и образовали полный законченный типъ истиннаго Украинца.... Рѣзко отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что личность Украинца, по его игрѣ, выходила не простацкою, вялою и наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающею свой умъ подъ маской простоты. Такое воззрѣніе доказываетъ наблюдательность и вѣрное чутье Соленика. Въ этомъ отношеніи онъ точно первый украинскій актеръ... дай Богъ, чтобъ и не послѣдній!... (1)

Въ заключеніе, весьма кстати здѣсь слово о народномъ украинскомъ театрѣ. — Если у насъ въ Южной Руси и прежде, когда писать литературно на народномъ языкѣ было лишь попыткой весьма не многихъ любителей родной рѣчи, а изслѣдованія мѣстной старины составляли исключительную принадлежность знатоковъ-спеціалистовъ, и большею частію скрывались подъ спудомъ, — украинскія пьесы возбуждали всегда искреннее сочувствіе и образованной публики и простолюдиновъ, даже не интересующихся сценическими представленіями; то теперь, когда южнорусская словесность оживляется, когда начинаютъ заботиться о томъ, чтобъ дать простому народу въ Южной Руси понятное для него чтеніе, когда возникаетъ періодическое изданіе, какъ всесторонній органъ южнорусской жизни, — »Украинскій« театръ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Подъ названіемъ Украинскаго театра мы разумѣемъ какъ пьесы на украинскомъ языкѣ и изъ украинскаго быта, такъ и исполненіе ихъ артистами, взлелѣянными на мѣстной почвѣ, знакомыми съ языкомъ и нравами народа и, можетъ быть, даже вышедшими изъ среды этого народа, какъ, напримѣръ, знаменитый артистъ, котораго называть нѣтъ надобности, потому что его всѣ знаютъ. — Такой театръ былъ бы самымъ лучшимъ подспорьемъ литературѣ южнорусской и самой благотворной школой для народа. Разумѣется, и успѣхъ и польза этой идеи условливаются разумнымъ и искреннимъ ея осуществленіемъ;

---

(1) Изъ современныхъ актеровъ къ этому идеалу малороссійскаго актера ближе всѣхъ артистъ Харьковскаго театра г. Дрейсихъ.

если же сюда замѣшается афера и спекуляція,—дѣло испортится въ началѣ и можетъ надолго остановиться, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣло пойдетъ хорошо, если за него возьмутся люди умѣлые и благомыслящіе; съ возникшей же потребностію народнаго театра, явятся къ удовлетворенію ея и народные драмматическіе писатели. Духъ народный, однажды возбужденный, развивается быстро. Въ духѣ нашего народа есть еще много нетронутыхъ струнъ: умѣйте только дотронуться до нихъ кстати и удачно, и онѣ издадутъ созвучія можетъ быть и не предчувствуемыя....

Н. Мизко.

Ноябрь, 1860.
Село Карабиновка.

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ: »ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.«

(Съ портретомъ.)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, въ 1-мъ № Основы, »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«. Всякій честный дѣятель, подобный Николаю Андреевичу, достоинъ уваженія при жизни и воспоминанія по смерти. Это признательность къ его трудамъ.

Въ »Воспоминаніи« недостаетъ свѣдѣнія о томъ, что Н. А. занимался народной музыкой. Предоставляя другимъ сдѣлать болѣе вѣрный разборъ и болѣе точную оцѣнку трудамъ его въ этомъ отношеніи, ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Еще въ 30-хъ годахъ Н. А. издалъ голоса 25-ти пѣсень, и нотныя доски для этого изданія, вѣроятно, еще и теперь хранятся въ его семействѣ. Я видѣлъ ихъ въ 1856 году цѣлыми. Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью, и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы »Савва Чáлий«, »Вертéпа« съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ. Оцѣнить этотъ трудъ по-справедливости — мы не можемъ; мы слишкомъ близки къ Н. А. и слишкомъ сильно ощущаемъ на себѣ давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго. Всѣ требуютъ изображенія народа, какъ въ камер-обскурѣ. Всѣ мы, любители пѣсень, собиратели сказаній и обрядовъ, возмутимся, увидавъ, напримѣръ, пьесу изъ народной жизни, передающую жизнь не точь-въ-точь тáкъ, какъ мы ее себѣ представляли; мы будемъ досадовать, услыхавъ варіаціи на пѣсню, или оперу съ народнымъ сюжетомъ, но наполненную пѣснями и хорами, не слышанными нами въ народѣ. Отъ такой оперы многіе придутъ въ недоумѣнье, многіе начнутъ шикать, а

нѣкоторые придутъ въ восторгъ. Кромѣ вѣрности въ передачѣ пѣсни по нотамъ и полунотамъ, для насъ нужна еще передача той, весьма тонкой, почти неуловимой, жизни въ пѣсни, которая и составляетъ другую часть ея: это — чувство народное той пѣсни, ея смыслъ, ощущенье ея зарожденья, ея ароматъ, — какъ запахъ цвѣтка. Можно спѣть прелестно, передавая всѣ оттѣнки чувства и смысла, но при этомъ упустить ноту, двѣ и болѣе, измѣнить противу обыкновеннаго пѣнья, дѣлая все это безсознательно, но подъ увлеченьемъ той силы, и того чувства, которыя заключаются въ передаваемой пѣснѣ; можно также спѣть пѣсню вѣрно, дагерротипно-вѣрно, но и дагерротипно-безжизненно. Спрашивается—какая изъ этихъ двухъ пѣсень лучше спѣта? Мы не даемъ предпочтенья ни той, ни другой:—та и другая для насъ одинаково полезны, одинаково цѣнны. Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ, ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье и на авторитетъ старыхъ людей. Многому мы вѣримъ по духу пѣсни, а многое и выкидываемъ, по мѣрѣ силъ нашего пониманья, но всегда отдадимъ благодарность Н. А. за трудъ, и будемъ любоваться этой личностью, какъ личностью самобытною, чистою и поэтическою. Упомянутый нами *Сборникъ* Н. А., къ сожалѣнію, еще не изданъ. Онъ ходилъ по рукамъ, и вотъ уже четыре года лежитъ въ забытьи—у меня. Мнѣ кажется, что это матеріалъ—для народного музыканта—богатый.

И такъ, смотря на этого человѣка, при его жизни, съ уваженьемъ — за его самобытную личность, о которую разбивались мелкость общественнаго взгляда и инквизиціонныя требованія условій; уважая его за постоянный его трудъ, за ознакомленіе многихъ и многихъ съ народною жизнью, за его нѣсколько чистосердечныхъ слезъ о судьбѣ народа; за то, что онъ служилъ для многихъ какъ бы притягательною силой къ народу, — мы воздаемъ ему благодарность и по его смерти. Какой бы ни состоялся, со-временемъ, приговоръ надъ трудами Н. А., но каждый, какъ и мы теперь, *будетъ обязанъ* напомнить обществу о Н. А., какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, любившемъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ, понимавшемъ народность и сочувствовавшемъ всему, всему прекрасному.

Еще слѣдуетъ прибавить къ воспоминанію о его дѣятельности—»опи-

саніе г. Чернигова«, и то, что онъ на 60-мъ году жизни и страдая уже предсмертною болѣзнію — изучалъ италіянскій языкъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ П. А. въ Венеціи. И тамъ онъ былъ вѣренъ себѣ. Проходя черезъ площадь св. Марка, я увидѣлъ его въ бараньей шапкѣ, въ шубѣ и съ вѣчной его *люлькой* въ зубахъ, которая бывала съ нимъ неразлучно и въ дорогѣ, — когда онъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кибиткой, въ которой везъ порохъ, и велѣлъ обливать себя водой среди зимы, — и въ карманѣ фрака на балѣ. Въ послѣднюю нашу встрѣчу онъ уже былъ очень слабъ, и стоялъ прислонившись къ одной изъ арокъ, любуясь на красивые размѣры площади, на соборъ св. Марка, на начинающійся карнавалъ, — вспоминалъ исторію Венеціи и глядѣлъ съ добродушіемъ и грустью на веселившихся съ тоски Итальянцевъ, которыхъ онъ любилъ и свободѣ которыхъ горячо сочувствовалъ.

Л. Жемчужниковъ.

СЪ ДОРОГИ.

Желаніе ваше я исполняю, — пишу свои дорожныя впечатлѣнія, не заботясь, будутъ ли они для васъ любопытны.

Не доѣзжая до Нѣжина верстъ двадцати, мы остановились возлѣ *шу́рши* (1), чтобы дать конямъ *одсопти́сь*, какъ выражался нашъ кучеръ. Я со спутницей вошла въ хату. Рѣдко можно встрѣтить такую безпріютную, безотрадную, мрачную хату. Окна въ ней были большіе, но загрязненные и заклеенные бумагой; свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ это еврейское обиталище. Въ хатѣ два стола, два дивана, а пріюта нѣтъ; все неопрятно, грязно, положить ничего не хочется, и что ступишь, то́ и споткнешься: земля выбита подъ ногами, — видно, что давно уже полъ не смазывался глиной. На одномъ столѣ — *чугуни́* навареной *тара́нi* и нѣсколько бутылокъ—безъ-сомнѣнія, разведенной—водки; а возлѣ другого стола стоитъ жидъ съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, смотритъ изъ-подлобья, маленькаго роста, съ потонувшей между широкихъ плечъ головой,—шеи у него почти нѣтъ. Рядомъ съ нимъ стояла женщина—наша землячка, лѣтъ около сорока, очень пріятной наружности, съ *ко́шикомъ*, наполненнымъ двумя *гле́чиками* молока и теплыми еще *паляни́цями*. Послѣ перваго привѣтствія, мы спросили, гдѣ намъ можно отдохнуть, — такъ-какъ и на другой половинѣ сѣней была еще хата. Пока жидъ надумался отвѣтить, землячка наша бойко и рѣшительно сказала: »Сюди́, сюди́ пожалуйте одпочи́ть.«

Мы обрадовались землячкѣ и стали торговать у ней паляни́ці.

»До́бре, возмiть за пьять шагівъ, — ось яка́ мьяка́ и ле́гка, якъ пухъ« , — говорила она, постукивая кулакомъ подъ низъ паляни́ці.

---

(1) Такъ называется одинъ заѣзжій дворъ.

Въ это время жидовка выскочила опрометью изъ сосѣдней хати.

— »Не сміесъ ти імъ продавать, ти до мéне принесла, — такъ менí и продавай. Я самá куплю, а воní тоді у мéне кýплять.«

— Я своé дóбре усюди смію продавать, да ти менí стільки й не заплáтишъ; — ну, давай по вісімъ шагівъ за молокó и по шість за паляни́ці.

»Сцо ти, зъ глýзду зсýнулась? воní зъ у тéбе вцорáсні.«

— А, щобъ тобі такъ лéгко жить, якъ воní вчорáшні.

»Берí по пьять сагівъ, більсъ ніхтó-зъ не дасть.«

— Да менí панí більшъ дадýть.

»Панí не-знáть-якúхъ паляни́ць істи не бýдуть. Я поцáла торговáть, менí и продавáй, а другóму въ моій корцмі не смій. Ми скільки за корцмý платимо!«

— Давай по вісімъ; такъ менí и панí дáють за молокó.

»Ні, бери по сімъ; я-зъ даю́ дóбре, — цогó-зъ тобі сце? якъ-бú сёгóднясні! (бросая): да вазкі, якъ кáмень!«

— Оцé-то, кáжуть: говорúла покíйниця до сáмої смéрти, да все чор'зна щó. Чогó бъ се я тобі по сімъ далá? щó ти менí? Колúбъ оцé сúна зáвтра не виряжáть, да на чвéртку не трéба, я бъ до тéбе вікъ не загля́нула, кáтаржний рідъ.

»Ну, оддаéсъ по сімъ съ половúною?«

— Ну, бери! (А къ намъ обращается и говоритъ:) Ви ій ужé по шажкý перекúнете — вонá вамъ и оддáсть: а паляни́чку одну́-такú у мéне візьмете: вонá всіхъ не берé.

— »Дай же намъ, еврéйко, и глéчикъ молока... щó тобі за ёго?

»Якъ не дастé пьятнадцяти копіёкъ сребромъ, дакъ и не 'ддамъ.

Землячка наша перекрестилась отъ ужаса. — »*У погáному видý — немá стидý*... А, проклáтий рідъ, щобъ ти вúдрочивсь! У-двóе хóчешъ! ишъ дзóга якá! Щобъ ви не діждáли по світу ходúть, людей грабовáть. *Жидъ брехнéю живé; все зъ насъ тя́не.* Се, кáжуть, насъ Мáти Бóжа прокляла́, а іхъ благословúла. Уродúла вонá Христá, да й послала́ за жінкáми; усі за робóтою, ніколи йти́: хто прядé, хто за верстáтью, усі за діломъ. Вонá й прокляла́: щобъ ви до віку, кáже, робúли — не наробúлися, — все рівно, якь кінь, щобъ івъ — не наівся, щобъ імъ и вгáву не булó! А послáла до жидівъ, — воní такъ и поприбігáли... Ми рóбимо, ми жнемó, ми въ колóмазі, — а воní, не робúвши, вихорóшуютця; старé дріпло — и тé шýбу якý напірить, да й нáми повертáе.

Жидовка близко подступаетъ: »хиба́-зъ ми не ро́бимо, хиба́ зъ ми не ро́бимо?«

— У!! чмаро́ю та́къ и лізе!

Молчаніе... Намъ принесли изъ экипажа жаркое, масло; мы начали ѣсть.

— Хлібъ-сіль іжъ, а пра̀ву ріжъ, сказа́ла земля́чка.

Между тѣмъ, жидовка заплатила ей деньги.

— Оце́ жъ мені пора́ вже йти до-до́му.

»Да посе́дь«, говорю я: »ще́ тро́шки погомони́шъ изъ на́ми.

Она сѣла подлѣ насъ.

— Куди́ жъ оце́ васъ Богъ несе́?

»У Ніженъ. А ти де́ живе́шъ?«

— А тутъ, недале́чко.

»Якъ-би́ намъ тебе́ знайти́, ми бъ до те́бе въ го́сті завіта̀ли.«

— Тільки попита́йте Га́льку—и мала́ дити́на пока́же: переідите мі́стокъ да садо́къ, а тамъ вели́кі нові воро́та:—ото́ й я. Оце́ й мені за́втра тре́ба бу́де на база́ръ.

»Приізджа́й, да коли́ бъ ра́но до-до́му, щобъ ми тебе́ заста́ли.«

— Я ще два ра́зи звернусь, по́ки ви приидите. Да що! хочъ мене́ й не бу́де, дакъ моя́ невістка...

»Ні, ми тебе́ хо́чемо ба́чить у госпо́ді.«

— Моя́ невістка хоро́ша, — вона́ васъ за гостей пошану́е. Я ії удово́ю бра́ла; та́мъ діточки́! якъ благоро́днихъ де́ржить. Оце́ чи даси́ що́, чи попро́сить чого́, то за́разъ и ціл'у́е... Ви — куди́? въ го́сті?

»Въ го́сті.«

— Ну, изъ гостей не скоро ви́рветесь: *гість — невільникъ*. Я пооддава́ла своіхъ до́чокъ въ одно́ село́. Не лю́бо въ одно́ село́ оддава́ть: то́ бъ туди́ въ гості пішо́въ, а то бъ туди́; ато́ въ одно́му селі, та ще живу́ть одна́ проти́ дру́гоі. Прийдешъ, за́разъ и збіжа́тця въ оди́нъ двіръ; уже́ тре́йтю туди́ не одда́мъ. — Пора́ мені до-до́му... Приізді́ть же за́втра.

»Не йди ще, будь ла́скова,—погомони́ ще годи́ну. Та́къ у ме́не зу́би боля́ть! ти якъ гомони́шъ, то, мовъ, замовля́ешъ.«

— Ви бъ у Прохори́ поіхали: тамъ ді́дъ замовля́е; ато́ такъ усю́ сті́ну й ви́крутить, да й зновъ бу́де зачина́тьця. У мого́ старо́го та́къ боліли, що й Бо́же! не схотівъ пійти́; а я скілько паляни́ць, скілько усячини переноси́ла: тепе́ръ у ме́не й не боля́ть.

Жидъ во все время нашей бесѣды стоялъ возлѣ печки и всматри-

вался въ меня такъ подозрительно и пристально, что взглядъ его раздражалъ мою зубную боль, и я пересѣла на другое мѣсто.

»Га́лько, поси́дь же ще́ коло ме́не, да роскажи́ мені що-не́будь, щобъ не такъ зу́би допіка́ли. У те́бе ще есть до́чки?«

— Есть же, одна́ на порі, а дру́га у шко́лу хо́дить... Пора́, прощай-те! Заіздіть же. Хай Богъ вамъ спори́ть у доро́зі.

На обратномъ пути мы спросили на селѣ Гальку и намъ указали ея домъ, прибавивъ: »нові вели́кі воро́та.« Въѣхали ми на дворъ, обыкновенный и — грязный по случаю дурной погоды. Къ намъ выбѣжала дочка, пятнадцати лѣтъ: ничего нѣтъ похожаго на мать.

»А ма́ти до́ма?«

— До́ма.

Мы и не сомнѣвались въ этомъ: слова Гальки оправдались, мы думали быть къ ней въ понедѣльникъ, а пріѣхали во вторникъ. Вошли мы въ хату. Тутъ-то начались привѣтствія Гальки и ея невѣстки. Хата у нихъ большая; въ углу, у дверей висѣла люлька съ двухлѣтнимъ ребенкомъ; между большимъ столомъ и лавкою, на полу, сидѣло какое-то странное растрепанное существо и пряло; лавки липовыя широкія, почти въ три четверти ширины; за сво́локомъ множество чорнобри́вцівъ. Невѣстка — женщина очень хорошая и тихая.

— Ми ду́мали, що ви вже до насъ, харпаківъ, и не заідите, — сказала невѣстка.

»А я васъ вчо́ра жда́ла«, подхватила Галька: »и на базаръ не поіхала; я ще таки́хъ панівъ и не ба́чила; тутъ одинъ проізди́въ, дакъ и въ ха́ту не зайшо́въ, по́ки й ко́ней ви́пасъ, — усе́ сидівъ на при́зьбі«.

— Ся́дте жъ, — сказала Галька, обратясь къ намъ. — Евдо́хо (невѣстка)! покри́й настільничкомъ стілъ. Га́лю, унеси́ дрове́цъ... А я ду́мала, що ви уже́ й не бу́дете... бідна жъ моя́ голо́вонько! Я вчо́ра вамъ ку́рицю зажа́рила, дру́гу залила́.

»Да нетре́ба, спаси́бі тобі; ми приіхали, щобъ погу́торить, щобъ послу́хать твоєі ласка́вої ре́чі, а не съ тимъ, щобъ що поісти: те́ ще вспіемъ.«

— А то жъ ка́жуть: не красна́ ха́та угла́ми, а кра́сна пирога́ми.

»А до́бра річъ всёго кра́ще.«

— Воно́ таки́ й пра́вда. Иноді недо́бре сло́во па́да ва́жче ка́міня.

»У насъ усе́ есть, — чи не мо́жна лю́дямъ стра́ви приста́вить: ми купи́ли мьяса и карто́плі у Ніжені, да спізни́лись — дакъ и не вари́ли.«

— Да на́ що?! ми ку́рицю заріжемо.

»Ні, ні, ми зъ свого́.«

— Такъ и неха́й же ва́ша річъ на-пе́реді.

Съ этимъ ушла. Невѣстка и дочка начали чистить, перемывать, варить. Внесли бублики и разныя разности: дѣти были въ восторгѣ и за все давали чоломъ и низко кланялись, стуча лбомъ объ столъ, потому что обое стояли на лавкѣ возлѣ стола. Вошла Галька.

»Дай же, будь ла́скова, на́шимъ ко́нямъ сіна.«

— Ідя́ть уже́.

»А чоловіку коли́бъ погрітьця де́?«

— Да вінъ у зати́шку, якъ у раі; тамъ и на́ші моло́тять... Оце́ жъ доса́дно: Оле́нка не поба́чить васъ. А то вчо́ра тро́шки и въ шко́лу спізни́лась — дожида́лася васъ... А, су́чий хло́пець! покоти́въ бу́бликъ — кітъ ухо́пить!« погрозила она внуку, и подала ему бубликъ; тотъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки: описать нельзя торжествующаго взгляда, какимъ Галька въ это время подарила меня.

Столъ накрытъ; въ печи́ топится; Галька подала намъ сметану, масла и заливную курицу; черезъ нѣколько минутъ были готовы и вареныя яйцы. Послѣ всего, Галька поднесла намъ *насіння*.

»Спаси́бі тобі, Га́лько, що ти насъ за гостéй ма́ешъ.«

— Го́сподеві дя́куйте. Вибача́йте на сей часъ: не жда́ли,— да сёго́дні усе́ й поіли, що вчо́ра для васъ нагото́вили.

Съ нами были привезенные изъ Кіева крестики, образки: мы роздали всѣмъ имъ.

— Се ви, ви́дно, неда́вно були́ въ Ки́евѣ? и я, було́, хожу́ що-го́ду. Упе́рше якъ увійшла́... що́ за го́родъ Ніженъ, такъ мое поштеніе, а ввійшла́ въ Козе́лець — такъ и въ боку́; а якъ у Ки́евъ, такъ и по́готовъ!.. Усю́ди ви́ходили.— Оце́ ви собі сами́ и іздите? а дітки есть? А ба́тюшка, ма́тушка?

Я отвѣтила на всѣ вопросы.

— Оце́ жъ того́ ви усе́ й іздите, що у васъ дітóкъ нема́; а у ко́го есть дітки, то того́ й не зама́нишъ и до ма́тері часто іздити. »Часъ вамъ до́брий«, ду́мае: »живіть собі, а я буду собі зъ діточка́ми.«

— Дітки мої, пта́шки,
Ви жъ мені не ва́жкі,
Ви въ зеле́ному саду́
Щебе́чете до ладу́.

А у ко́го нема́ дітéй, той такъ изъ домівки й рвéтця.

И Галька запѣла:

— Чого́ мені жури́тися,
Чи у ме́не мали́і діти?
Ой ви́йду я да за ворітечка
Свого ми́лого гледіти.
Ажъ мій ми́лий, голу́бонько си́зий,
Да й на воронімъ коні іде, —
На вороно́му да кони́ченьку
У голубо́му да жупа́ні.
»Чоло́мъ, чоло́мъ, моя́ ми́ла,
А чоло́мъ, моя́ па́ні!«
— На що́ мені да чоло́мъ дае́шъ?
Счасли́вая тобі доріженька,
Куди́ ду́маешъ-гада́ешъ!
Якъ ду́маешъ у доріженьку —
Да поможи́ тобі, Бо́же;
Якъ ду́маешъ та до и́ншоі,
То покара́й тебе́, Бо́же! —

»А ну ще сю заспіва́й, будь ла́скова, — яка́ жъ га́рна пісня!«

Вдругъ Галька измѣнила голосъ, выраженіе лица и запѣла:

— Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка,
Наноси́ли сінця́ по́вні я́сельця...
Уся́ до́вга да хоро́ша — нумъ изно́въ зъ кінця́...

И начала прихлопывать въ ладоши, и снова запѣла ту же самую пѣсню: Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка....

— Оце́, я́къ *у васъ*, що й не пьють; поку́шали, — не пье́те и не гомоните́... А у насъ, оце́, якъ-би́ чве́рточку, до й пісе́нь би до́сі співа́ли, и го́мінъ таки́й би підня́ли бъ.

»Ми не пьемо́, а за чве́рточкою посла́ть тре́ба, бо ку́черъ нашъ изме́рзъ.«

— Чи не я жъ оце́ приговори́лась?

»Ні, ми бъ и безъ того́ посла́ли.«

— Біжи́, до́чко.

Водка принесена; я начала потчивать.

— А ви жъ не ку́шаете?

»Ні.«

— Ца́рство жъ небе́сне, вічни́й покой ва́шому ба́тюсьці и ва́шій ма́тусьці, а вамъ посила́й Богъ до́брее здоро́вье. — Галька глотнула изъ рюмки и запѣла:

— И сёго́дні со́нечко,
И за́втра опья́ть бу́де.
Ой, якъ умре́ моя́ ма́тінка,
Якъ умре́ моя́ рідная —

И до віку не бу́де!
Моя́ ма́тінко,
Мій дорогі́й крешта́лю!
Де́ тебе́ ви́ховати
Зъ зімо́й да на лі́течко?...

»Допива́й, Га́лько.«

— Да боюсь, щобъ не впи́тьця.

Еще разъ глотнула и возвращаетъ мнѣ рюмку.

»Ну бо, допива́й, ато́ бу́де чоловіча ворка́ гна́тьця.«

— Ну, бу́дьмо жъ здоро́ві.« Галька допила и еще выплеснула въ потолокъ, — приговаривая: отта́къ на́ші вибри́куйте!

— Ой ви́пила, ви́хилила —
Сама́ себе́ похвали́ла,
Бо я до́брого ро́ду,
Пью горі́лочку, якъ во́ду...

— Оце́ то, ка́жуть: *принеси́, Бо́же, здале́ка роди́ну, то ми и въ бу́день зро́бимо неді́лю.*

Другую рюмку я предложила невѣсткѣ, потомъ дочкѣ, а потомъ поднесла странному существу, прявшему въ-тихомолку. — »Да ні, я чужа́, я не хо́чу,« сказала эта женщина: — »я чужа́, я чужа́«, и закрылась рукой.

»Дакъ що́ жъ, що ти не семьяни́нъ, а все таки́ ти не чужа́: ти моя́ земля́чка. Ви́пий!«

— Ні, я чужа́, — отвѣчала она, и не выпила.

Мнѣ объяснили, что она никогда не пьетъ, что она сиротою осталась маленькою; все достояніе ея — огородъ. Галька и взяла ее къ себѣ. Это бѣдное существо не хочетъ одѣваться: хорошее платье снимаетъ съ себя и ходитъ въ рубищахъ. Иногда она разсердится на своихъ и кричитъ: я васъ усіхъ на Сібіръ позасила́ю: стро́йте мині ха́ту на моє́му огоро́ді.

»Га́лько, сядь же коло насъ да погово́римо, ато́ намъ часъ до двора́.

Галька запѣла:

А вже ве́черъ вечоріе,
Да пора́ мені до-до́моньку:
Ой е въ ме́не воркýнъ до́ма,
Пробье́ мені та голо́воньку.
»Ой, воркýне да воркýночку,
Не бий мене́ да въ голо́вочку!
Мене́ жъ ма́ти згодува́ла,
Въ голо́воньку да не вбива́ла;

Мене́ ма́ти да годова́ла
Да ще й жа́ловала...«
Довело́ся хазя́іну
Мно́ю ру́ки да потера́ти.
»Ой потира́й, да пото́рачу,
Коли́ тобі та довело́ся,
А я бу́ду кори́тися,
Коли́ мені го́ре ня́ло́ся!..

»Га́лько, роскажи́ мені, я́къ ти заміжъ ишла́, — чи молодо́ю, чи лю́блячись бра́лись, — я́къ тобі зъ-за́молоду гуля́лося, чи е чимъ зга́довать дівова́ннечко?

Глаза у Гальки заблестѣли очень весело, и она начала:

— Якъ я гуля́ла на вечорни́цяхъ, дакъ неха́й и Богъ ми́луе! и кінця́ не бу́де, якъ усе роска́зовать. Якъ не при́йдешъ було́ на вечорни́ці — ніколи (а у насъ таке́ було́ житло́, що ані въ ру́ки, убо́жество)—то що́ було́ хло́пці ро́блять?!... У-ночі ворота́ зъ пятниківъ ізди́ймуть да й занесу́ть. Вста́не ма́ти, да й не зна́е, на віщо воно́ такъ изро́блено; а я й притаю́сь. Або́, оце́, спізню́сь ити́ на вечорни́ці, або́ відті́ль, то у-ночі уже́ ворота́ и вліплять грязю́кою. Хло́пці лю́блять, щобъ було ши́то й кри́то, що бъ не зна́ли, коли́ йдешъ, коли́ верта́есся! Я було́ росе́ржусь чого́, да й не піду́, або́ й ма́ти таки́ не пу́стить, бо підешъ, часъ собі зга́ешъ и нічо́го не зро́бишъ; дакъ що́ разъ, прокля́ті, зроби́ли? Я щось три дні не ходи́ла,—узяли́ да въ-ночі ви́копали со́ху коло коло́дезя, да й перевернули́ звідъ на у́лицю. Вста́ла я вра́нці по во́ду, до коло́дезя — и тягти́ нічимъ; тутъ и дівча́та сусі́дські и молоди́ці позбіга́лись зъ коро́мислами: соха́ переве́рнута и вко́пана зновъ, якъ и була́. »Оце́, ві́рно«, ка́жуть молоди́ці, »ти, Га́лько, не вгоди́ла чимъ хло́пцямъ.«

— Не до́вге моє́ дівова́ннечко було́!... Я молоде́нькою прихоро́шенька була́! шіснадцять літъ мені було́, якъ до ме́не присва́тавсь немолоди́й уже́ удове́ць, да ще тро́хи и нога́ одна́ коро́чча; я не хотіла йти, а ма́ти ка́же: »а йди, до́ню: він хоро́ший чоловікъ, и съ пе́рвою жінкою та́къ хо́роше живъ, и бага́тий — хазя́йкою бу́дешъ, — він тебе́ жа́луватиме, якъ дити́ну. — Я й згоди́лась. — Отъ мені й нічо́го, по́ки до́ма сиділа, а якъ вінча́тьця прийшло́сь, — мені такъ сти́дно між лю́де йти зъ стари́мъ та зъ криви́мъ. Ста́ли на вінець, мені та́къ сти́дно, що я й світу Бо́жого не ба́чу. — Повінча́въ піпъ да й ка́же: »цілу́йтесь!« — А чоловікъ мій поклони́всь та й ка́же: »неха́й уже́, ба́тюшка, до зав'трёго«; дакъ ба́тюшка ростопірив ру́ки: »ну, якъ хо́чте«, ка́же. Зъ сімъ и зъ це́ркви ви́йшли.

— А спасúбу Богу, пожилá зъ старúмъ, хочъ и не нагуля́лась: не огле́дилась, якъ и ба́бою зробúлась.... Ста́рощей ма́теринихъ догле́дила и ру́ки ій зложúла, — тутъ у на́шій ха́ті и престáвилась, ца́рство ій небе́сне! Благодаре́ние Го́споду, тепе́ръ не нарíка́ючи живу́, — усёго у ме́не вдо́воль, ато́, мо́же, прийшло́сь би уголька́ми на тімъ свíті роспла́чуватьця, що попрогу́лювала бъ на вечорни́цяхъ.... Було́, що́ понапíка́емъ паляни́ць, намíшованикívъ!... А побра́лись — що́ було́ я попонужу́ся, по́ки не пíшли́ дíти! Було́, чоловíкъ карта́е мене́, карта́е, а у ме́не такъ и пре́тця се́рце до дівча́тъ (я-таки́й спів'у́ча змо́лоду була́)! Худо́ба за плечи́ма, леда́що передъ очи́ма, — таки́й вінъ менí тоді зда́вся нечума́зний! — а тепе́ръ вінъ менí якъ оре́лъ!

Въ это время брякнула дверь и вошла дѣвочка, похожая на молоденького гуся, — въ бѣлой юпкѣ и съ краснымъ намороженнымъ носомъ и такими же руками.

— Ось и на́ша школя́рка! — вскрикнула Галька.

Изъ сосѣдней хаты выглянуло не безъ удовольствія четыре головы — старшая дочь и невѣстка, державшая обоихъ дѣтей на рукахъ.

— Здра́стуй, Оле́нко! Отъ пани́ ти́і, що ти хотíла ба́чить, — сказала Галька. — Дава́й пана́мъ чоло́мъ! Ну, що́ жъ ти сёго́дні учи́ла, роскажи́ менí.

»Азъ, бу́ки, віди....«

— Га́рно, га́рно! лю́ба! — Вона́ оце́ и пря́сти не хо́че, — усе́ у́читця, — обратилась къ намъ Галька.

Я обѣщала ученицѣ передать при случаѣ книжку съ картинками; и вотъ — начались благодарности. Между тѣмъ, пора было ѣхать, мы стали собираться въ дорогу.

»Скíлько жъ тобí слíдуе, Га́лько, за сíно и за угоще́ніе?

— Нíчо́го.

»Ні, не мо́жна та́къ, — тре́ба сказа́ть.«

— Нíчо́го менí, нíчо́го, — а синъ, якъ зна́е — за сíно.

Передъ этимъ за нѣсколько минутъ и сынъ пришелъ. Спрашиваю у него, — что́ за сѣно? — Нíчо́го.

»Ти жъ ёго́ коси́въ, по́равъ.«

— Такъ-що́? хиба́ бага́то ззíли ко́ні?

»Ну, до́бре жъ: за сíно я сама́ зна́ю, що́ заплати́ть, бо у жи́да плати́ли; а що́ тобí за кло́пітъ?

— Нíчо́го!... Ну, слу́хайте жъ: оце́ бъ я ста́ла вамъ продава́ть: що́ жъ ви тамъ иску́шали? я подала́ пьятеро я́ець, дво́е иску́шали — шагъ за

вáми.... ха-ха-ха-ха!... сметáни крúшечку.... ха-ха-ха! холодцю́.... отъ и три шагú....

При этомъ поднялся въ хатѣ всеобщій хохотъ; сдѣлалось смѣшно и намъ, — но мы смѣялись отъ удовольствія, видя передъ собой такія честныя натуры, радуясь, что никакая жидовá своимъ дурнымъ примѣромъ не можетъ заразить ихъ жадностью. Мы, однакожъ, настаивали.

— Ну, колú жъ ужé вамъ хóчетця, такъ дáйте на чвéрточку, що я, якъ пíду ii куповáть, то що бъ васъ хибá згадáла.

Началось прощанье.

— Прощáйте! дай, Бóже, знáтьця. Якъ приідете вдрýге, то й овéсъ бýде, — не тó — сíно.

Галька вынесла паляни́цю, поцѣловала и подала намъ на дорогу.

— Прощáйте, пострічáй же, Гóсподи!

А. Нечуй-вітеръ.

Октябрь 1860 г.

БЕСѢДЫ

О ЕСТЕСТВОЗНАНІИ НА РУССКОМЪ ЮГѢ.

I.

Я попалъ съ сѣвера въ южнорусскій край, когда только-что началъ заниматься наукою естествознанія. Живо помню первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня южною природою: на каждомъ шагу я встрѣчалъ предметы, поражавшіе меня своею красотою, возбуждавшіе во мнѣ нетерпѣливое любопытство своею особенностью: новыя растенія, новыя животныя и новыя явленія міра физическаго, — всё это было мнѣ незнакомо, недоступно моему пониманію. Въ первый разъ въ жизни я здѣсь увидѣлъ, что хлѣбъ сѣяли, не удобряя земли! Долго старался я допытаться у себя отвѣта на эту загадку — и не могъ; обратился за объясненіемъ къ народу, но узналъ не много: »зачѣмъ и унавоживать, когда и безъ того *земля, что́ уголь!*« — Я догадался, что этимъ опредѣляется *черноземъ;* но почему для него не нужны удобренія, — чего не достаетъ почвѣ глинистой или песчаной для развитія растенія, — отчего другія полевыя растенія ростутъ на той же почвѣ, на которой не можетъ рости хлѣбъ? Все это было для меня темно, загадочно. Я былъ въ состояніи человѣка, который не обладалъ способностью различать цвѣта, но которому уже помогли освободиться отъ этого недостатка зрѣнія. Въ изумленіи остановился бы онъ передъ новымъ, до-тѣхъ-поръ невѣдомымъ ему, міромъ колеровъ! Сначала они ослѣпили бы его: всё показалось бы ему однимъ пестрымъ узоромъ; только спустя нѣсколько времени, когда его глазъ научился уже различать краски, прозрѣвшій увидалъ бы и деревья, и цвѣты, и животныхъ, однимъ словомъ — природу во всей красѣ единства и разнообразія: въ подобномъ же состояніи былъ и я.... мнѣ открывала глаза наука.

Отчего-же обитатели Южной-Руси выносятъ равнодушно это мучительное состояніе духа — невѣдѣніе?.... Человѣкъ легко свыкается съ окружающими его предметами: что́ онъ видитъ съ первой минуты своей жизни, то для него не диво! У обитателя Юга, съ перваго дня его существованія, передъ глазами чудная природа, но онъ привыкъ къ ней,— и уже равнодушно смотритъ на то́ растеніе, которое заботливо лелѣютъ въ садахъ и теплицахъ на сѣверѣ. — Для того, чтобъ южный житель понялъ всю прелесть своей родины, ему слѣдовало бы прокатиться на Сѣверъ, взглянуть на бѣдныя поля Великороссіи, на луга, покрытые сухою осокою да бѣдными злаками, на болота, заросшія тростникомъ да желтою зеленью болотныхъ растеній; только послѣ такого путешествія онъ созна́етъ свое богатство; и у него подобнымъ-же образомъ пробудятся новые вопросы, и онъ захочетъ ближе познакомитьсн съ природою своего края.

Не смотря на то, что южный край можно назвать сердцемъ Русскаго міра, что это не ново-созданная Амурская колонія, — мы едва его знаемъ, по какому-то странному равнодушію ко всему близкому, отечественному. — На Амуръ снаряжаютъ ученыя экспедиціи, посылаютъ ученыхъ натуралистовъ въ Италію, въ Испанію, даже въ Алжиръ! у насъ же подъ руками неразработанныя богатства, — а мы все стремимся туда, гдѣ тысячи головъ, головъ умныхъ, дѣятельныхъ, искусныхъ, трудятся на томъ самомъ поприщѣ, на которое и насъ тянетъ... И ка́къ мало приносятъ пользы эти далёкія путешествія! чуть не всё дѣло ограничивается нѣсколькими, давно извѣстными предметами, да двумя-тремя письмами, присланными изъ-заграницы въ какой нибудь журналъ... и ка́къ, большею частью, однообразны эти письма! Напротивъ, замѣните эти экспедиціи дѣльными путешествіями на Русскій югъ, и, навѣрное, они скоро принесли бы существенную пользу; матеріаловъ тамъ хватило бы не на одинъ десятокъ жизней; мы наконецъ познакомились бы съ человѣкомъ и природою Юга, съ чудными ихъ богатствами... — а подобныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, открыли бы невѣдомыя стороны жизни, — дали бы бытіе новымъ отраслямъ народнаго богатства....

Что́ же можно сдѣлать теперь, для распространенія естествознанія на Югѣ? Не могутъ ли содѣйствовать изученію края и не-спеціалисты? Въ какое положеніе должно стать при этомъ южно-русское общество? Вотъ вопросы, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью — статью далеко не ученую, написанную не для спеціалистовъ, а просто — для любителей: поэтому мы войдемъ въ подробности, кото-

рыя, для людей близко знакомыхъ съ наукою, были бы лишними. Наша цѣль — чисто-практическая: показать важность естествовѣдѣнія и способы для занятій естественными науками на югѣ.

Что́ нужно для изученія природы? Между многими, даже образованными людьми распространено ложное понятіе, что, при изученіи естественныхъ наукъ, необходимы цѣнные кабинеты, недоступные средствамъ большинства частныхъ лицъ, — мнѣніе ложное — на югѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изучайте природу по ней самой, составляйте сами травники и коллекціи другихъ естественныхъ предметовъ; посвятите этому занятію часы досуга, минуты прогулокъ, — вы и безъ кабинетовъ узнаете многое.

Ка́къ же изучать природу, ка́къ учиться естествознанію — безъ учителя? гдѣ найти учителя — не сухаго педанта, не теоретика, а живого любителя природы? Ка́къ приступить къ такому важному дѣлу безъ помощи? Да очень просто: возьмите любой популярный нѣмецкій или французскій курсъ естественной исторіи (¹) и читайте его среди лѣсовъ и полей. А между тѣмъ, мы, думая не разъ вести съ вами бесѣду о природѣ юга, начнемъ съ легкой подготовки къ естествовѣдѣнію.

Прежде всего вамъ надо познакомиться съ основными началами науки; узнать части растеній, минераловъ и животныхъ. Чтобъ сдѣлать къ этому приступъ, сорвемъ наудачу цвѣтокъ, подымемъ камешокъ, поймаемъ насѣкомое или другое животное, и поглядимъ на него внимательно.

Кстати, мы въ Кіевѣ... Поглядите вонъ тамъ, возлѣ рѣки, на скатѣ живописной горы, раскинулся такой красивой кустъ *красной розы*. Днѣпръ поитъ корни безчисленнаго множества кустовъ этого растенія. Сорвемъ благовонный *цвѣтокъ* этой »шишшины«, изъ котораго позже образуется красный *плодъ*. Какъ бы мы пристально ни стали осматривать цвѣтокъ, — мы не найдемъ въ немъ сходства съ самимъ плодомъ, съ этою ярко-красною круглою ягодою, наполненною сухими зернышками.

Подъ низомъ цвѣтка находится нѣсколько зеленоватыхъ листиковъ, но это не плодъ розы, а ея покровъ, одежда цвѣтка, теплая шубка, охраняющая молодой цвѣтъ отъ суровыхъ непогодъ и вѣтровъ. Этотъ цвѣтъ, подъ защитою своего покрова, былъ не цвѣткомъ, а *почкою;* упалъ на

(¹) Для желающихъ укажемъ: »Leçons élémentaires de Botanique, par Em. Le Maout;« »Trois règnes de la nature«, его же; изъ нѣмецкихъ: »Aus dem Reiche der Naturwissenschaft, v. Bernstein, которыя, какъ мы слышали, скоро появятся въ русскомъ переводѣ.

нее теплый живительный лучь солнца—и вотъ внутри почки закипѣла жизнь, малютка пробудился и выправилъ изъ-подъ зеленой пелены розовые листики—*лепестки* цвѣтка; зеленая оболочка опала и отогнулась назадъ, она не нужна больше: цвѣтокъ достаточно выросъ и окрѣпъ для того, чтобъ существовать уже независимо отъ *чашечки* (зеленой оболочки); это дитя тепла и свѣта (безъ котораго онъ умираетъ) развивается—распускается....

Изъ него-то, изъ этого цвѣтка, *завязется* плодъ, быть можетъ скажетъ вамъ любой поселянинъ, вовсе незнакомый съ наукою; изъ этого блестящаго цвѣтка образуется ягода. Да́, это правда; но то́ ли понимаемъ подъ словомъ *цвѣтокъ* мы въ общежитіи, что́ понимаетъ подъ нимъ наука? Нѣтъ. Пройдетъ два-три дня и цвѣтки, то́, что́ мы называемъ цвѣтками, розовые лепестки (*вѣнчикъ* у ботаниковъ) завянутъ, опадутъ; они были не болѣе какъ украшеніемъ, — брачнымъ нарядомъ цвѣтка.... (Посмотрите, ка́къ онъ роскошенъ у *сараны* (1), покрывающей поля юга!) Такъ изъ чего же образуется плодъ? Лепестки опали, но осталась *чашечка*, къ краямъ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ желтоватыхъ *усиковъ*, волосковъ, съ маленькими желтыми головками на оконечностяхъ, а по серединѣ находится небольшой, какъ бы желтозеленоватый, кружокъ. Вотъ въ этихъ-то частяхъ сосредоточивается семейная жизнь растеній: *волоски* — это орудія образованія *плодотворной пыли*, а желто-зеленоватый кружокъ — это хранилище оплодотворенныхъ сѣмянъ — зачатокъ растенія.

Эти волоски извѣстны въ наукѣ подъ именемъ *пылевыхъ органовъ (тычинокъ)*, потому что въ головкахъ ихъ, представляющихъ пустые мѣшечки, заключается плодоносная пыль; мѣшечки называются *пыльниками*. Пылевой органъ цвѣтка—это мужчина, мужъ; а органъ, заключающій зачатки сѣмянъ — *пестикъ*—женщина. Позже, на пути знакомства съ флорою юга, мы узна́емъ ближе устройство цвѣтковъ, растеній и вообще жизнь тѣлъ природы, а пока ограничимся этими краткими замѣчаньями.

Въ предметахъ, для нагляднаго изученія, недостатка у насъ не будетъ: растенія всевозможныхъ родовъ и семействъ вы встрѣтите на югѣ. Хотите изучать тайнобрачныя водоросли, приготовлять изъ ихъ золы іодъ, ступайте на берега Чернаго моря: та́мъ ихъ довольно! Хотите познакомиться съ дѣвственною природою степей—поѣзжайте въ Украину.—Ко-

(1) Сарана́—Lilium tenuifolium. L.

гда вы уже полюбите естествознаніе, соберите вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ, желающихъ познакомиться ближе съ окружающею ихъ природою, — ступайте по берегу Днѣпра, Дона, или южнымъ берегамъ Чернаго моря, куда вамъ ближе. Попадется вамъ растеніе, камень или насѣкомое, подымите ихъ, покажите вашимъ слушателямъ и разскажите все, что только знаете о немъ; менѣе всего обращайте вниманіе на имя и болѣе—на жизнь и свойства предмета; вернувшись послѣ подобной прогулки домой, прочтите подробное описаніе найденыхъ вами предметовъ, приведите ихъ въ систему и раздайте, если можно, по экземпляру каждаго изъ нихъ вашимъ слушателямъ.

Подобныя прогулки скоро найдутъ послѣдователей и естествознаніе войдетъ въ жизнь, сдѣлается потребностью, займетъ женщинъ, которымъ оно такъ близко. Для полнаго успѣха, нужно также пріобрѣсть запасъ общихъ свѣдѣній по другимъ естественнымъ наукамъ, неразрывно связаннымъ между собою; ботаника, какъ наука, не существовала бы безъ химіи: иначе процессъ прозябанія, питанія растеній остался бы для насъ вѣчно неразгаданною тайною; безъ геологіи трудно объяснить причину физіогномики флоры той или другой мѣстности; безъ зоологіи мы не постигнемъ, отчего зависятъ болѣзни растеній, производимыя уколами насѣкомыхъ. При недостаткѣ общихъ свѣдѣній, многія явленія природы часто кажутся намъ странны и непонятны. Мы, напримѣръ, видимъ, какъ всѣ заботы, всѣ усилія человѣка низвергаются маленькимъ насѣкомымъ, и пока наука не уразумѣетъ природы, человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ нимъ. Разскажу одинъ любопытный случай: въ Полтавской губерніи близъ Прилукъ, въ мѣстечкѣ Сокиринцахъ, принадлежащемъ Г. П. Галагану, въ саду росло нѣсколько дубовъ, особенно-дорогихъ владѣльцу. Въ одно лѣто онъ увидѣлъ, что эти великаны — память его отца, дѣда, а можетъ быть и прадѣда, стояли голые, безъ листьевъ; изумленный, въ раздумьи, наклонился онъ, чтобъ поднять нѣсколько сухихъ листковъ, и что же замѣтилъ? Листья свернулись въ трубочку: — это была работа дубоваго *листоверта*. Напрасны были всѣ усилія хозяина: листовертъ остается до сихъ поръ непобѣдимымъ и безпрепятственно продолжаетъ свою работу! Напрасно обращался хозяинъ къ лѣсоводамъ, напрасно рылся въ ученыхъ сочиненіяхъ — никто не далъ ему положительнаго отвѣта, не указалъ вѣрнаго средства прогнать докучливое насѣкомое и предохранить милые дубы отъ смерти. Кто не знаетъ, какія страшныя опустошенія производитъ на Югѣ саран-

ча — этотъ бичъ земледѣльцевъ, — а все покоряется ей! Полное уничтоженіе этого зла для насъ еще невозможно; но когда, при знакомствѣ съ естествознаніемъ, начнутъ наблюдать не одно явленіе, и не съ минуты его зловреднаго дѣйствія, а, вооруженные наукою, вникнутъ глубже въ его причины, найдутъ его началo, зарожденье зла: тогда-только, быть-можетъ, истребленіе саранчи и листоверта превратится въ дѣло обычное, какъ истребленіе другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Природа юга такъ мало извѣстна, что мы не знаемъ, что́ у насъ есть, что́ еще можетъ быть и чего нѣтъ! Легко можетъ статься, что имѣя на югѣ въ обиліи тотъ или другой предметъ промышленности или торговли, мы получаемъ его изъ-за границы и не подозрѣваемъ, что онъ пропадаетъ у насъ даромъ. Давно-ли возникло у насъ винодѣліе въ Крыму, и поглядите, какъ значительно уже разширилась эта вѣтвь промышленности! »Но что́ за вина въ Крыму!«, возразятъ намъ многіе.— Такъ возьмите же въ расчетъ ихъ дешевизну, — отвѣтимъ мы, и подумайте, не виновато ли само общество въ медленномъ улучшеніи винодѣлія? Дайте большинству бутылку превосходнаго крымскаго вина и бутылку плохаго рейнвейна и, на-вѣрное, будетъ предпочтено послѣднее! Страсть ко всему заграничному безъ разбора уменьшилась, но не искоренилась. При распространеніи естествовѣдѣнія, на ряду съ научными изслѣдованіями, откроются и новые источники народнаго богатства. Въ этомъ отношеніи особенно-важное значеніе должна пріобрѣсти акклиматизація растеній и животныхъ на Югѣ; тамъ, подъ благословеннымъ украинскимъ небомъ и въ раскошномъ Крыму, она можетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ на Сѣверѣ. У насъ есть уже сорта́ своего табаку; кто́ знаетъ — со временемъ не надѣлитъ ли насъ югъ и хлопчатникомъ, или инымъ подобнымъ ему растеніемъ? Особенно большую пользу изученіе юга принесло бы красильному искусству и садоводству. — Дѣльное наблюденіе могло бы ясно указать на выгоду многихъ учрежденій,— чего до сихъ поръ не сознали еще наши землевладѣльцы, по недостатку знаній изъ прикладныхъ естественныхъ наукъ (технологіи и другихъ.) Примѣръ недалеко: у насъ на югѣ пасутся несмѣтныя стада овецъ; иностранцы скупаютъ нашу шерсть, чешутъ, прядутъ и продаютъ намъ ее въ видѣ пряжи; понятно, что плата за провозъ сырой шерсти разлагается ими на пряжу. Устройте фабрику на Днѣпрѣ или другой судоходной рѣкѣ, чешите свою шерсть, продавайте велико-русскимъ и польскимъ фабрикантамъ: — вотъ вамъ и новая отрасль про-

мышленности — шерсточесаніе, почти еще неизвѣстная въ Россіи (1), съ развитіемъ которой югъ сдѣлается центромъ новой торговой дѣятельности и освободится отъ необходимости быть въ этомъ отношеніи данникомъ чужеземцевъ.

Изученіе естествовѣдѣнія представляетъ, на югѣ, — даже при гимназическомъ курсѣ, — гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ потому-что экскурсіи въ началѣ и концѣ курсовъ, могутъ быть учреждены очень легко; флора, естественно, должна занять первое мѣсто (2).

Введеніе естественныхъ наукъ въ составъ предметовъ домашняго и общественнаго образованія, дастъ новое направленіе молодымъ умамъ, обогатитъ ихъ познаніями, которыя привяжутъ ихъ къ родной землѣ тѣмъ, что и на родинѣ есть много любопытнаго и достойнаго дѣла, что не зачѣмъ искать его по чужимъ странамъ. Мало-по-малу, мы, безъ особеннаго труда, прибавимъ два-три камня къ новооснованному зданію; по немногу изъ этихъ камней сложится цѣлая твердыня, и тогда мы съ гордостію скажемъ: »Мы знаемъ нашу родину, ея богатства, средства и силы; теперь мы можемъ смѣло познакомиться и съ другими странами.«

Переходимъ ко второму вопросу, необходимо возникающему изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній, а именно: какимъ образомъ не-спеціалисты могутъ содѣйствовать изученію Русскаго юга?

Естественныя богатства юга болѣе всего заключаются въ роскошной растительности, извѣстной намъ еще очень мало. Ученыя экспедиціи и командировки рѣдки, да и хватитъ ли силъ одного человѣка, одной экспедиціи, для основательнаго изученія всей страны? Для составленія одной флоры юга, — необходимы долгіе труды многихъ людей; поэтому, еслибъ одинъ любитель естествознанія занялся собираніемъ данныхъ въ одномъ округѣ, а другой — въ другомъ, то трудъ пошелъ бы быстро и разносторонно. Матеріалы были бы собраны исподоволь; оставалось бы одно: привести ихъ въ систему, въ порядокъ, что́ и было бы уже дѣломъ спеціалистовъ.

Данныя у южнаго жителя подъ руками, вездѣ, на каждомъ шагу.

---

(1) Сколько намъ извѣстно, единственная образцовая шерстечесальная фабрика, устроенная по лучшей системѣ »Нобля«, (привиллегія на чесалку которой, для Россіи, пріобрѣтена г. Флинтомъ), находится въ С. Петербургѣ, на Обводномъ каналѣ, подлѣ газоваго завода. Она принадлежитъ графу Ламздорфу, г. Тюрпеню и еще двумъ компаніонамъ.

(2) Нельзя при этомъ не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ ключа къ опредѣленію Южной Флоры, подобнаго ключу г. Шнейдера для флоры Петербургской.

Укажемъ главнѣйшія: а) народныя названія и легенды о происхожденіи разныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, b) народно-медицинское употребленіе ихъ, с) составленіе рисунковъ и коллекцій естественныхъ предметовъ, и наконецъ d) наблюденія надъ различными мѣстными явленіями.

Южнорусскія народныя названія растеній отличаются своеобразностію; но вообще народъ не различаетъ видовъ, исключая очень рѣдкихъ случаевъ. Впрочемъ, два разные вида одного рода, въ различныхъ мѣстностяхъ, часто носятъ и различное названіе; и наоборотъ: нерѣдко одно названіе принадлежитъ двумъ видамъ различныхъ родовъ. Только тогда, когда будутъ собраны данныя со всего юга, когда откроется возможность сличить названія, принадлежащія однимъ и тѣмъ же растеніямъ на всемъ протяженіи Украины, только тогда получится возможность составить отчетливую южнорусскую номенклатуру.

Въ глазахъ многихъ это дѣло почти не имѣетъ значенія; но чтобъ увидѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія, стоитъ припомнить, что, по причинѣ незнанія народныхъ названій, мы поставлены въ тяжелую необходимость объясняться латинскими іероглифическими словами. Представимъ себѣ, что какое нибудь растеніе получило приложеніе къ жизни,—что человѣкъ неученый прочтетъ вашу замѣтку о пользѣ какого-нибудь растенія изъ видовъ *Melampyrum:* прочтетъ этотъ іероглифъ и, по неволѣ, оставитъ безъ вниманія; а напишите просто »*Иванъ-да-Марья*«, — и ваше знаніе свойствъ его, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, принесетъ прямую пользу. Вотъ какое значеніе имѣютъ народныя названія, неговоря уже о томъ, что безъ нихъ намъ часто вовсе непонятенъ смыслъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, не говоря о важности ихъ для филологіи.

Во время путешествій и прогулокъ, каждый, при случаѣ, можетъ безъ труда записать народное названіе растенія и, для бóльшей вѣрности, приложить и самое растеніе; кромѣ того, необходимо, при подобныхъ замѣткахъ, упоминать названіе мѣстности и лица́, отъ котораго слышано то́ или другое. Подобныя замѣтки, въ общемъ составѣ, принесутъ огромную пользу наукѣ, когда трудъ многихъ будетъ сведенъ къ одной общей цѣли—изслѣдованію южно-русской природы.

Не менѣе важное значеніе для науки и жизни имѣетъ и народная медицина, которую, наконецъ, начинаетъ цѣнить и медицина ученая. Этого рода изслѣдованія представляютъ гораздо болѣе трудности: знахари вообще неохотно сообщаютъ о таинственной цѣлебности травъ, передавая

свои знанія изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну—какъ семейное достояніе; сверхъ того, пріемы знахарей и знахарокъ соединены съ множествомъ предразсудковъ, такъ-что довольно трудно отдѣлить сущность отъ формы, цѣль которой — отвлечь вниманіе больнаго и окружающихъ его, и тѣмъ сохранить неприкосновенно свою тайну. Такимъ образомъ, при собраніи народно-медицинскихъ свѣдѣній, необходимы: большая наблюдательность, осмотрительность и болѣе-близкое знакомство съ народомъ и наукою.

По вѣрованію народа, травы имѣютъ особенную силу, если ихъ собирать—цѣлебныя—въ день Симона-Зилота; волшебныя (*Чаръ-Зілля*)—въ день и въ ночь на Ивана Купала; и противудѣйствующія вреду, причиняемому *злóю личúною* (вѣдьмами, знахурáми, чортомъ) — въ день *літнёго Микóли* (9 мая). Вѣдьмы и колдуны варятъ волшебные напитки на Лысой горѣ близь Кіева; только для нихъ да для тѣхъ, кто обладаетъ ихъ таинственнытъ знаніемъ, понятенъ говоръ травъ и цвѣтовъ, возвѣщающихъ имъ свои чудесныя свойства. Особенная сила приписывается народомъ: *Рутѣ* (Ruta graveolens), *Шавлíи* (Salvia officinalis, S. pratensis, S. leonaroides), *Терличь-травѣ* (Gentiana Amarella L.), *Любúстку* или *Любúстѣ* (Levisticum officinale Koch.), *Сонъ-травѣ* (Anemone pulsatilla), *Блекотѣ* (Hyosciamus niger L.), *Курячей-слѣпотѣ* (Anagallis arvensis), *Подорожнику (порізнику, пораннику* — Plantago lanceolata L.), *Жирію*, и многимъ другимъ. По народному вѣрованію, *Сонъ-трава* наводитъ сонъ и притомъ сонъ вѣщій; листья *Любистку* рвутъ дѣвушки въ канунъ Ивана Купала (23 іюня), какъ зазвонятъ къ вечернѣ, и вплетаютъ ихъ въ вѣнки. Въ этихъ вѣнкахъ онѣ ходятъ вечеръ, скачутъ черезъ купальный огонь, а на ночь кладутъ ихъ подъ-головы. Когда запоютъ первые пѣтухи, дѣвушки сбираютъ оставшіяся листья съ того самаго куста любистку, съ котораго рвали его для вѣнка и также кладутъ эти листья подъ-головы, чтобъ утромъ судить по нимъ о вѣрности или невѣрности милаго. Народу извѣстна и цѣлебная сила любистка. — Если собрать, въ первый день *молодикá*, при захожденіи солнца, бѣлаго соку *курячей слѣпоты* и, при захожденіи же солнца, дать его кому-либо выпить, то выпившій потеряетъ способность видѣть послѣ захожденія солнца, и можетъ освободиться отъ этого недостатка не иначе, какъ если вспомнитъ объ этомъ ровно чрезъ мѣсяцъ и въ тотъ самый день, когда слѣпота съ нимъ случилась, или—если его неожиданно столкнутъ въ яму. Приводимъ эти повѣрья съ цѣлію—показать, кáкъ много нужно вниманія и догадки, чтобы вѣрно узнать

и толково воспользоваться народнымъ естествознаніемъ. Не слѣдуетъ думать, что въ фантастическихъ представленіяхъ народа не скрывается ничего положительнаго, важнаго для науки: напротивъ. Но на югѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, народъ любитъ облекать поэтическою формой свои наблюденія и преданія; самыя названія у него живописны и живо говорятъ воображенію. (Напримѣръ, траву, обладающую силой укрощать бурю, народъ называетъ *Нечуй-вітеръ!* не правда-ли, какое поэтическое названіе)? Объяснить ихъ, разоблачить поэтическую форму и добраться до сущности—вотъ та задача, которую должно имѣть въ виду.

Относительно рисунковъ, мы должны замѣтить, что, въ этомъ случаѣ, нерѣдко надо жертвовать правилами живописи для точности и ясности: сохранить весь блескъ, всѣ переливы колеровъ растеній и насѣкомыхъ нѣтъ возможности; о нихъ можно дать только приблизительное понятіе. Другое дѣло—форма цвѣтка, признаки рода и вида; они должны быть представлены съ мелочною подробностію, даже въ увеличенномъ видѣ. Этотъ трудъ доступенъ весьма немногимъ, — художнику онъ покажется тяжелымъ. По замѣчанію историка Мишле — это трудъ по преимуществу женскій; въ своемъ сочиненіи »L'Insecte« (насѣкомое) онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, и, между прочимъ, называетъ Сибиллу-де-Меріанъ, оставившую по себѣ память рисунками гвіанскихъ насѣкомыхъ.

Дѣйствительно, женщина на этомъ поприщѣ можетъ быть полезнѣе, чѣмъ за канвою и англійскимъ шитьемъ. Стóитъ только приняться за дѣло, и чудная природа юга разовьетъ и поддержитъ это намѣреніе, предлагая обильный запасъ матеріаловъ, увлекая красотою и разнообразіемъ формъ.

Не менѣе могли бы быть полезны женщины и въ составленіи разныхъ коллекцій, будутъ ли это коллекціи насѣкомыхъ, или травники; это одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія края, — особенно, если травникъ, или иная коллекція, будетъ сопровождаться замѣтками о народныхъ названіяхъ и техническихъ свойствахъ предмета; кромѣ того, при каждомъ растеніи должно быть означено мѣстонахожденіе, родъ почвы и время цвѣтенія. Къ этимъ и подобнымъ свѣдѣніямъ легко присоединить наблюденія надъ явленіями природы, по-чему-либо замѣчательными.

Въ составъ подобныхъ собраній попало бы, безъ сомнѣнія, много предметовъ незнакомыхъ любителю, — легко можетъ быть, что нѣкоторые были бы опредѣлены имъ ошибочно; но это не бѣда. Исправить, соеди-

нить все въ одно цѣлое, въ одинъ общій трудъ, должно быть дѣломъ ученыхъ. Этого, по нашему мнѣнію, можно было бы достигнуть образованіемъ южнаго общества испытателей природы. Тогда всякій, кто способенъ представить свой какой-нибудь трудъ, какое-нибудь наблюденіе, зналъ бы мѣсто и людей, которые оцѣнятъ, сохранятъ и осмыслятъ отдѣльный фактъ сопоставленіемъ его съ другими многоразличными фактами, сообщенными изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ данныя, собранныя сотнями лицъ, не пропали бы безплодно, а сдѣлались достояніемъ ученыхъ, на долю которыхъ пришлась бы другая часть труда — повѣрка ихъ и разработка.

Желаемъ одного, — чтобъ наши замѣтки, наши мысли въ слухъ, нашли отзывъ на югѣ. Быть можетъ, онѣ покажутся многимъ мечтою, — тѣмъ не менѣе это мечта не неисполнимая.

Н. Волокитинъ I.

РУКОВОДСТВО

КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ

(составленное В. Краузе, исправляющимъ должность профессора при Горигорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ. Москва. 1860 г.)

Какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, пчеловодство очень долгое время было занятіемъ однихъ только простолюдиновъ—*пасѣчниковъ*, которые, руководясь опытами своихъ предковъ и своимъ природнымъ умомъ, покойно шли пробитой уже тропинкой, иногда придумывая и сами какое либо улучшеніе, но—большею частію—оставаясь на одной степени знаній. Наконецъ, подобно другимъ предметамъ сельскаго хозяйства, пчеловодство обратило на себя вниманіе людей ученыхъ, которые, имѣя болѣе развитой умъ, больше познаній природы, и вооруженные всѣми пособіями другихъ наукъ, стали заниматься имъ дѣятельно, посвящая иногда всю свою жизнь этому полезному и пріятному занятію. Помогая другъ другу въ этомъ дѣлѣ, они убѣдились, что простолюдины-пасѣчники ведутъ пчеловодство очень неудовлетворительно и невѣжественно, и что знанія ихъ остановились на одной ступени, между тѣмъ, какъ оно можетъ быть подвинуто впередъ гораздо дальше. Дружныя усилія этихъ образованныхъ пчеловодовъ, а особенно тѣхъ, которые, не довольствуясь одними кабинетными умствованіями, практически и долгое время занимались этимъ предметомъ, дѣйствительно поставили пчеловодство на очень высокую степень совершенства.

Вырвавъ его, такъ сказать, изъ рукъ простыхъ пасѣчниковъ и поведя по другой стезѣ, ученые пчеловоды обогатили пчеловодство многими новыми открытіями, создали цѣлую науку пчеловодства, вовсе

неизвѣстную пасѣчникамъ. Но какъ разныя мнѣнія, разныя наблюденія, разныя правила, способы и совѣты этихъ пчеловодовъ породили много разныхъ системъ и способовъ обращенія съ пчелами, противуположныхъ между собою, и до того запутали и затемнили эту науку, что сдѣлали изъ нея неисходный лабиринтъ противорѣчій, сомнѣній и неизвѣстности, гдѣ незнающему трудно отыскать истинный путь: поэтому всѣ желающіе заняться пчеловодствомъ давно уже чувствуютъ крайнюю потребность въ такомъ *руководствѣ*, которое бы, — изобразивъ недостаточность простаго пчеловодства, изобразивъ естественное состояніе и образъ жизни пчелъ, и критически перебравъ всѣ системы и способы, употребляемые и предлагаемые къ употребленію учеными пчеловодами для полученія отъ пчелъ наибо́льшей прибыли, — указало бы на самый вѣрный изъ нихъ, указало бы такъ просто и ясно, что желающій заняться этимъ предметомъ могъ бы хорошо уразумѣть всѣ его непреложныя правила и смѣло уже итти по указанному пути къ избранной цѣли, не блуждая между разными методами, не сбиваясь отъ противуположности разныхъ мнѣній и не сомнѣваясь въ вѣрности каждаго наставленія. Да́! уже давно чувствуется всѣми необходимость руководства въ пчеловодствѣ, — и на ученыхъ пчеловодахъ, взявшихъ это занятіе въ свои руки и, къ сожалѣнію, бывшихъ уже причиною столькихъ жертвъ заблужденія въ пчеловодствѣ, давно уже лежитъ непремѣнная обязанность исполнить это важное и полезное дѣло, т. е. составить *руководство къ пчеловодству*. Къ этому они, правду сказать, постоянно и стремятся... Но достигли ли сколько-нибудь своей цѣли?

Обо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, иностранныхъ сочиненіяхъ о пчеловодствѣ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ только *свѣдѣнія* о пчеловодствѣ (разумѣется, иногда очень полезныя и необходимыя), или же развиваютъ одну какую-либо систему пчеловодства; но ни одно изъ нихъ, часто не смотря на свое заглавіе, не можетъ сдѣлаться настоящимъ руководствомъ къ пчеловодству, особенно у насъ. Изъ русскихъ опытовъ, рукописное сочиненіе покойнаго Прокоповича и его уроки ученикамъ своимъ, можно сказать, были первымъ руководствомъ въ этомъ предметѣ и положили прочное и вѣрное основаніе науки пчеловодства; но это сочиненіе не было напечатано. Послѣ него, ученикъ его и послѣдователь, Конотопскій купецъ Пономаревъ, издалъ *руководство къ практическому пчеловодству*, гдѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ изложилъ практическую сторону пчеловодства: это руководство, въ настоящее время,

есть наилучшее изъ всѣхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ объ этомъ предметѣ. Но этому сочиненію недостаетъ теоріи: въ немъ изложены одни факты, безъ сомнѣнія—вѣрные, но факты эти, во-первыхъ, не освѣщены идеями, которыя бы ясно показали ихъ непреложную разумность; а во-вторыхъ—они изложены безъ логической послѣдовательности, такъ, что сочиненіе г. Пономарева, хотя и можетъ быть превосходнымъ руководствомъ къ пчеловодству, но только для человѣка, уже довольно свѣдущаго въ этомъ предметѣ, уже предварительно къ тому приготовленнаго.

Но вотъ недавно вышло разбираемое мною сочиненіе профессора Краузе: *Руководство къ теорическому и практическому пчеловодству*, — заглавіе, означающее, что сочиненіе это обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и должно занять мѣсто наставника. Посмотримъ, на-сколько это сочиненіе соотвѣтствуетъ своему заглавію и, вообще, современнымъ требованіямъ этой науки.

Г. Краузе раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части: *теоретическую*, заключающую въ себѣ естественную исторію пчелъ, вещества и матеріалы, собираемые пчелами, произведенія пчелъ и внутреннее устройство ихъ жилищъ, и *практическую*, въ которой собственно уже излагаются способы обращенія съ пчелами, ихъ разведеніе и полученіе отъ нихъ дохода. Такое раздѣленіе, гдѣ къ теоріи не примѣнена практика, и гдѣ изъ практики исключена теорія, по мнѣнію моему, ошибочно—не только въ наукѣ пчеловодства, но и вообще во всякой наукѣ. Мнѣ кажется, что теорія должна всегда проникать и въ самую практику, съ начала до конца, и не подчиняться ей, а въ ней господствовать: она должна повсюду развить свои основныя положенія, и развить ихъ логически, выводя одну идею изъ другой, и уже около идей группировать факты, принимая вѣрные и отвергая ложные, —критически разобрать и оцѣнить всѣ практическіе способы, придумываемые для доведенія какого-либо искуства до желанной цѣли, указавъ каждому дѣйствію, каждому правилу, разумную причину,—однимъ словомъ, теорія должна *осмыслить* каждое практическое дѣйствіе, каждое правило, наставленіе, и проч. Такъ должно быть, по нашему мнѣнію, изложено вообще всякое руководство, слѣдовательно и руководство къ разведенію пчелъ. Но если въ сочиненіи подобнаго рода изложено, хотя и подробно, всё то́, что́ дѣлаютъ съ пчелами для полученія отъ нихъ дохода, но изложено безъ всякой послѣдовательности,—если въ немъ только сказано, что одни дѣлаютъ это та́къ, а другіе иначе, иные объ этомъ думаютъ та́къ, а другіе—во́тъ-какъ;

но основательно не доказано, почему именно должно дѣлать одно и избѣгать другого, не представлено основныхъ идей пчеловодства, его незыблемыхъ правилъ, критически не разобраны разныя его методы и не указаны лучшія изъ нихъ, т. е. не показана разумность каждаго дѣйствія, сообразность его съ основною идей — съ цѣлью дѣйствія, однимъ словомъ, если изъ практическихъ наставленій исключены теоретическія основанія: —такое сочиненіе, хотя бы и заключало въ себѣ дѣйствительно-полезныя и вѣрныя наставленія, не можетъ, однакожъ, быть руководствомъ для незнающаго, потому что незнающій не пойметъ ни вѣрности правилъ, ни ихъ пользы, не составитъ себѣ ни какой ясной о чемъ-либо идеи, т. е. просто не научится дѣлу, и, слѣдовательно, будетъ блуждать во тьмѣ сомнѣній, нерѣшительности, и на каждомъ шагу дѣлать разорительныя для себя ошибки. Таково и разбираемое сочиненіе.

Г. Краузе, составивъ себѣ понятіе, будто подъ именемъ теоретическаго пчеловодства слѣдуетъ разумѣть только описаніе естественнаго состоянія пчелъ, исключилъ изъ практическаго отдѣла своего сочиненія всякую теорію: онъ не изложилъ систематически основныхъ правилъ пчеловодства, не подвергъ критическому разбору обыкновеннаго, простаго, и искуственнаго пчеловодства, не разобралъ различныхъ господствующихъ въ немъ системъ, и не факты групировалъ около идей, а къ фактамъ кое-гдѣ присоединялъ идеи, которыя не будучи одна съ другою связаны никакою общею, главною идеей сочиненія, часто одна другой противурѣчатъ. Въ изложеніи частей предмета онъ, разумѣется, придерживался кое-какого порядка, неизвѣстно однакожъ на чемъ основаннаго, но порядокъ, хотя бы онъ и былъ хорошъ, самъ по себѣ не есть теорія, а безъ теоріи не можетъ быть и хорошаго порядка.

Чтобы мнѣніе мое не показалось голословнымъ, войду въ нѣкоторыя частности. Въ пчеловодствѣ есть много различныхъ системъ, одна другой противуположныхъ, много разныхъ способовъ обращенія съ пчелами, одинъ отъ другого отличныхъ, различныхъ ульевъ для жилища пчелъ, болѣе или менѣе сообразныхъ съ принятою системой, и проч. Каждый согласится, что составляющему руководство къ пчеловодству нельзя же оставаться ко всему этому равнодушнымъ и быть одинаковаго мнѣнія о каждой системѣ. Мнѣ кажется, напротивъ, что надобно прежде всего составить себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ одной какой-либо системы и руководить къ тому другихъ, а безъ такого убѣжденія не можетъ быть и руководства. Нельзя же говорить только: одинъ дѣлаетъ это *такъ*, а другой—*вотъ-какъ*. Въ такомъ случаѣ, слушающій или уча-

щійся, безъ сомнѣнія, спроситъ: да какъ же лучше? и не хорошо, назвавшись его учителемъ, отвѣчать: ужъ это не мое дѣло, это вы сами, испытавши, узнаете. — Въ такомъ случаѣ, ужъ если не знаешь, что лучше и что хуже,—не слѣдуетъ и дѣлаться учителемъ, а поэтому-то каждый руководитель, тамъ гдѣ есть нѣсколько противуположныхъ мнѣній, прежде всего долженъ имѣть собственное свое, какое-либо, убѣжденіе. Посмотримъ, имѣетъ ли такое убѣжденіе въ чемъ-либо составитель разбираемой книги.

Изъ разныхъ предметовъ пчеловодства, возьмемъ, напримѣръ, сохраненіе пчелъ во время зимы. По этому обстоятельству составилось два убѣжденія. Одни утверждаютъ, что гораздо лучше сохранять пчелы зимою на открытомъ воздухѣ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что лучше сберегать ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ — въ омшаникахъ; и не думайте, что эти убѣжденія основываются преимущественно на условіяхъ климата, — нѣтъ, совсѣмъ на другихъ причинахъ. За первое убѣжденіе крѣпко стоятъ всѣ иностранные пчеловоды; за второе, съ Прокоповичемъ во главѣ, вся Украина. Казалось бы, эти убѣжденія не важны; но вѣдь отъ того или другого убѣжденія зависитъ въ сильной степени и самая метода пчеловодста, а въ особенности одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ — выборъ улья для своей пасики, такъ-что тѣ, которые признаютъ лучшимъ держать пчелы на открытомъ воздухѣ, должны употреблять извѣстнаго рода ульи, между тѣмъ, какъ тѣ, кто захочетъ прятать пчелы на зиму въ омшаники, должны ввести у себя уже совсѣмъ другого рода ульи. Какого жъ убѣжденія въ этомъ случаѣ г. Краузе? — Этого онъ и самъ нигдѣ не говоритъ, этого нигдѣ не видно изъ его сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ (стр. 309), говоря о зимовкѣ пчелъ *въ омшаникахъ*, онъ пишетъ: »сдѣланныя, въ 1849 (на 160 »дней) и въ 1852 (на 178 дней) годахъ, опыты, въ пасикѣ Горигорѣц»каго Института, оказались довольно удовлетворительны. Пчелы, за »исключеніемъ одного семейства, которое погибло, оказались совершен»но здоровыми и заносъ, хотя мѣстами былъ покрытъ легкою плѣсенью, »былъ въ надлежащемъ порядкѣ, а также замѣтно было начало выведе»нія молодаго расплода, хотя холодъ въ генварѣ 1852 г. доходилъ »до 28°R., при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и продолжался нѣсколько »дней. Выбранные для этого опыта сильныя семейства употребили сред»нимъ числомъ въ первомъ году (въ теченіи 160 дней) каждый около »10 фун., во второмъ году (въ теченіи 178 дней) только 11 фунт. меду »на зимнее продовольствіе; между тѣмъ какъ *въ ульяхъ, сохраняе-*

»*мыхъ въ паспкѣ на открытомъ воздухѣ*,' и въ подвалѣ, *пчелы съѣ-*»*ли вдвое, нѣкоторые даже втрое, больше меду.*« —Казалось бы, что послѣ такихъ опытовъ не трудно было убѣдиться въ превосходствѣ сохраненія пчелъ зимою въ омшашкахъ (о чемъ пишетъ (стр. 301) и самъ Краузе, совѣтуя для сего устроивать омшаникъ по системѣ Прокоповича), а составивъ себѣ такое убѣжденіе, принявъ его за одну изъ основныхъ идей теоріи пчеловодства, слѣдовало уже, описывая разные роды ульевъ, давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе сообразны съ такою зимовкою пчелъ. Но г. Краузе, напротивъ, въ сочиненіи своемъ только *упоминаетъ объ омшаничныхъ ульяхъ*, и *очень подробно описываетъ теплые и многосемейные ульи* Дзирзона и другихъ нѣмецкихъ пчеловодовъ (назначенные, собственно, для зимованія въ нихъ пчелъ на открытомъ воздухѣ),—отдаетъ имъ преимущество предъ всѣми другими, иностранными даже, ульями, не говоря уже о русскихъ, и такимъ образомъ неожиданно обнаруживаетъ, что онъ придерживается того убѣжденія, что гораздо выгоднѣе сохранять пчелъ зимою на открытомъ воздухѣ!—Что́ жъ это значитъ?.. То́, что г. Краузе не имѣетъ въ этомъ предметѣ никакого собственнаго убѣжденія.

Для доказательства такого отсутствія убѣжденій у г. Краузе, я взялъ только одинъ предметъ пчеловодства, но тоже самое видно и относительно всѣхъ другихъ; можно даже сказать, что г. Краузе хотя и знаетъ, что въ пчеловодствѣ есть разныя мнѣнія, убѣжденія, системы и что, вслѣдствіе разногласія между ними, ведутся споры и ставятъ изучающаго пчеловодство въ большóе затрудненіе, но не сознаетъ, что рѣшеніе этихъ споровъ не должно быть чуждо ни одному ученому пчеловоду, а въ особенности — составляющему руководство для другихъ. Мнѣ кажетея, что, относительно многихъ предметовъ пчеловодства, оттого до сихъ поръ и существуютъ разныя убѣжденія, что никто еще не постарался основательно разобрать ихъ; но если бъ кто-нибудь изъ образованныхъ практическихъ пчеловодовъ взялся за это важное дѣло и далъ бы этимъ различнымъ убѣжденіямъ, такъ сказать, очную ставку, то истина тотчасъ бы обнаружилась и разность убѣжденій исчезла. Послѣ этого спрашивается: можетъ ли сочиненіе, съ такимъ важнымъ недостаткомъ, быть руководствомъ для человѣка, не имѣющаго никакого понятія о пчеловодствѣ, но желающаго его изучить и имъ заняться? — По моему вышеизложенному взгляду на этотъ предметъ, я думаю, что сочиненіе г. Краузе такимъ руководствомъ быть не можетъ, и что по недостатку убѣжденій, слѣдовательно—и по отсутствію вся-

кого единства, всякой теоріи въ сочиненіи, оно не только не въ состояніи указать, желающему изучить, прямого и лучшаго пути въ этомъ занятіи; но, напротивъ, собьетъ его съ толку, запутаетъ и — пожалуй — заставитъ, послѣ разорительныхъ неудачъ, вовсе бросить занятіе пчеловодствомъ.

Для бо́льшаго доказательства, что у г. Краузе нѣтъ теоріи, нѣтъ путеводной идеи въ изложеніи какого-либо предмета пчеловодства, возьму еще одинъ отдѣлъ изъ его сочиненія. Г. Краузе хотѣлъ изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ тѣ занятія, какія предстоятъ пчеловоду круглый годъ въ его пасикѣ,—мысль прекрасная и столь необходимая въ наукѣ пчеловодства, какъ безъ сомнѣнія г. Краузе и не подозрѣваетъ. Какъ же онъ изложилъ эти занятія, какую положилъ въ основаніе идею, которая бы ясно показывала необходимость каждаго занятія и его своевременность? Для этого г. Краузе, думая только о порядкѣ, а не объ теоріи, принялъ раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, и руководясь нѣмецкими сочиненіями Бейера и Кюнера, составилъ *календарь* занятіямъ пчеловода, гдѣ указалъ—что́ слѣдуетъ ему дѣлать въ своей пасѣкѣ каждый мѣсяцъ!!. Но вѣдь мѣсяцы не бываютъ одинаковы во всѣхъ мѣстностяхъ, и пчелы дѣйствуютъ не по календарю. Въ одномъ мѣстѣ они еще лежатъ въ омшаникѣ, а въ другомъ уже летаютъ по воздуху; въ иномъ мѣстѣ онѣ уже роятся, а въ другомъ еще о томъ и не думаютъ, что́ бываетъ часто въ одномъ и томъ же климатѣ и даже не на далекомъ пространствѣ. Напримѣръ, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) пасики, находящіяся въ лѣсной мѣстности, начинаютъ роиться съ половины мая и оканчиваютъ роеніе къ іюлю, а въ степной, не далѣе двадцати верстъ отъ первой, въ іюлѣ еще только начинается роеніе. Какимъ же образомъ можно слѣдовать занятіямъ, помѣсячно указываемымъ г. Краузе, когда состояніе пасики не дозволяетъ иногда того занятія, которое предписывается дѣлать въ томъ мѣсяцѣ? Поэтому, для теоретическаго изложенія занятій въ пасикѣ, слѣдовало бы принять въ основаніе не мѣсяцы года, а что-нибудь болѣе основательное, что́ именно указывало бы на потребность такого, а не другого, занятія, и притомъ вообще во всякой мѣстности; для чего, по мнѣнію моему, было бы самое лучшее избрать основаніемъ внутреннее состояніе пасики и, сообразно ему, указывать уже и на занятія въ ней пчеловода. Лѣтнее состояніе пасики имѣетъ слѣдующіе пять періодовъ: 1-й отъ выставки пчелъ изъ омшаника до видимаго появленія червы въ ульяхъ; 2-й отъ появленія червы до роенія;

3-й роеніе пчелъ; 4-й изобильное собираніе пчелами меда,—такъ называемый *взятокъ*, и 5-й полученіе отъ пасики прибыли и приготовленіе пасики къ зимованію. Въ каждый изъ этихъ періодовъ пчелиное семейство находится въ совершенно иномъ состояніи, отличномъ отъ другаго періода; въ каждый періодъ пчеловодъ имѣетъ особое стремленіе, иную цѣль и слѣдовательно, каждый періодъ требуетъ особыхъ, свойственныхъ только ему, занятій. А поэтому и изложеніе занятій въ пасикѣ по этимъ періодамъ внутренняго ея состоянія было бы, во-первыхъ, самымъ натуральнымъ и логическимъ, а во-вторыхъ, такое изложеніе, основанное на природѣ вещей и необходимости, какъ на основной и вѣрной идеѣ, врѣзалось бы скоро, ясно и неизгладимо въ умѣ изучающаго пчеловодство, потому что онъ вдругъ понялъ бы смыслъ и значеніе всякаго занятія, и войдя въ свою пасѣку, взглянувъ на ея внутреннее состояніе, онъ тотчасъ бы зналъ, что́ ему слѣдуетъ въ ней дѣлать, не справляясь уже какой именно мѣсяцъ на дворѣ: іюнь ли или іюль?

Вотъ мой общій взглядъ на сочиненіе о пчеловодствѣ профессора Краузе. Разбирать въ подробности каждую главу было бы большою работою—это значило бы написать цѣлое сочиненіе о пчеловодствѣ. Скажу только, что кромѣ общаго недостатка теоретическаго изложенія фактовъ, и самые факты не всегда вѣрны. Много помѣщено такихъ правилъ и наставленій, которыя или отвергнуты уже пчеловодами, или же, по своей ничтожности, не были и принимаемы ими; много невѣрныхъ наблюденій, ошибочныхъ сужденій, а если и встрѣчаются вѣрныя и полезныя замѣчанія и свѣдѣнія, то всѣ они такъ перемѣшаны съ безполезными и ложными, что только люди свѣдущіе и опытные могутъ замѣтить и отличить ихъ; часто самое вѣрное наблюденіе оставляется г. Краузе безъ всякаго примѣненія, а на ложномъ—основываются правила и наставленія, что́, безъ сомнѣнія, поведетъ изучающаго пчеловодство по этому руководству къ самимъ жалкимъ результатамъ, если не къ совершенному уничтоженію его пасики. Но что́ всего досаднѣе, такъ это—пристрастіе г. Краузе къ иностранному пчеловодству и предпочтеніе его нашему. И не удивительно! Слѣдя за всѣми иностранными сочиненіями о пчеловодствѣ, даже за самыми маловажными газетными статьями, г. Краузе не только не знаетъ многихъ нашихъ о семъ предметѣ газетныхъ статей, но даже цѣлаго, самаго лучшаго и до сихъ поръ единственнаго у насъ сочиненія о *практическомъ* пчеловодствѣ — купца Пономарева, чего уже, по мнѣнію моему, никакъ нельзя извинить *русскому* профессору пчеловодства. А при та-

комъ недостаточномъ знаніи литературы нашего пчеловодства, не говоря уже — о самомъ пчеловодствѣ, г. Краузе составилъ все сочиненіе свое большею частію по иностраннымъ сочиненіямъ и, очень естественно, увлекся иностраннымъ пчеловодствомъ и находитъ въ немъ все достойнымъ нашего подражанія. Такъ, напримѣръ (стр. 246), г. Краузе говоритъ, что способъ дѣланія искуственныхъ роевъ въ особенности усовершенствовалъ Дзирзонъ и на немъ основалъ особую систему пчеловодства, которая въ послѣдніе годы почти повсемѣстно распространилась: между тѣмъ какъ Пономаревъ уже давно превосходнымъ образомъ изложилъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи и, можно сказать, первый далъ всѣмъ пчеловодамъ правильное понятіе объ искусственныхъ рояхъ. Только изрѣдка упоминая о нѣкоторыхъ изъ нашихъ, признанныхъ уже превосходными, ульяхъ, г. Краузе находитъ улей Дзирзона совершеннѣйшимъ. Не говоря уже о томъ, что улей этотъ вовсе не годится для употребленія въ тѣхъ пасикахъ, гдѣ пчелы зимуютъ въ омшаникѣ, онъ, по моему мнѣнію, гораздо хуже другихъ и для тѣхъ пасикъ, гдѣ пчелы оставляются зимой на открытомъ воздухѣ. Не стану разбирать подробно его недостатковъ, но уже одно расположеніе въ немъ сотовъ, (не ребромъ къ открытой сторонѣ улья, а плашмя, такъ что они не вынимаются вверхъ улья, а въ бокъ, въ эту открытую его сторону, отъ чего при разсматриваніи гнѣзда видѣнъ одинъ только сотъ, а ежели нужно посмотрѣть далѣе, то нужно обрѣзывать и вынимать каждый сотъ особо), — это одно устройство сотовъ уже такая нелѣпость, отъ которой наши пасичники пришли бы въ ужасъ!..

Повторяя, что обнаруженіе всей ошибочности наставленій и невѣрности фактовъ, находящихся въ сочиненіи г. Краузе, повело бы слишкомъ далеко, заключу мой обзоръ замѣчаніемъ, что профессоръ Краузе изучалъ пчеловодство только по книгамъ, и то большею частію иностраннымъ, а практикою занимался очень мало; поэтому, не имѣя въ пчеловодствѣ яснаго и основательнаго знанія, составилъ объ немъ самое сбивчивое и запутанное сочиненіе, которое, повторяю, заключаетъ въ себѣ однакожъ очень много вѣрныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Въ немъ изложена, подробнѣе, нежели гдѣ либо, исторія пчеловодства, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ открытіями и трудами многихъ иностранныхъ пчеловодовъ, которые безъ того могли бы остаться намъ и неизвѣстными. По всему этому, книга г. Краузе, просто какъ сочиненіе о пчеловодствѣ, есть очень полезная книга, въ особенности для его литтературы, за которую можно поблагодарить трудолюбиваго профессора, при бѣдности у насъ

сколько-нибудь дѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но, какъ *руководство* къ пчеловодству, да еще *теоретическое* и *практическое* — оно никуда не годится, и въ этомъ отношеніи не только не полезно, а даже вредно. Оно не только не можетъ научить дѣльному, правильному пчеловодству, не только не можетъ указать истиннаго пути въ этомъ трудномъ и запутанномъ разными системами знаніи, но, напротивъ, заведетъ неопытнаго въ такую нѣмецкую даль, гдѣ онъ непремѣнно погибнетъ, то есть, броситъ пчеловодство съ проклятіемъ, если только случайно кто-либо изъ земляковъ не выведетъ его въ родную сторону....

.....кій.

ОТЧЕТЪ

О МОЛОТЬБѢ МОЛОТИЛЬНОЮ МАШИНОЮ, СЪ ЛОКОМОБИЛЕМЪ, ЗАВОДА РАНСОМА И СИМСА.

Въ-виду предстоящаго измѣненія въ условіяхъ обязательнаго труда, замѣтно распространяется у насъ введеніе земледѣльческихъ машинъ. Въ короткое время появились, въ Полтавской губерніи, разныя машины, выписанныя изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе молотильни съ локомобилемъ.

Въ нынѣшнемъ году я нанялъ такую машину у помѣщицы Полтавскаго уѣзда, Е. И. Абаза, для управляемаго мною имѣнія, въ селѣ Рибцахъ того же уѣзда. Полагая, что сообщеніе добросовѣстныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о результатахъ въ дѣлѣ, для насъ еще новомъ, можетъ принести пользу, представляю самый подробный отчетъ о дѣйствіи у меня паровой молотильни. Изъ этихъ свѣдѣній и цифръ и сравненія ихъ съ результатами, полученными другими владѣльцами или нанимателями машинъ, каждый хозяинъ легко можетъ, по своему взгляду и расчету, опредѣлить степень выгодности молотьбы паровою молотильнею.

I) Порядокъ молотьбы.

Намѣреваясь нанять машину, я заблаговременно приказалъ сложить наибольшую часть хлѣба на самихъ поляхъ, въ скирдахъ, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой и въ одинъ рядъ, дабы съ большею удобностью и успѣшностью передвигать машину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ сложенъ въ пяти мѣстахъ.

Машина начала дѣйствовать 31-го августа, кончила 24 сентября. За исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и ненастныхъ дней, а также времени, потребнаго для перевозки машины съ одного мѣста на другое, она была въ дѣйствіи всего 18 дней.

Въ 1-мъ, 2 и 3 мѣстѣ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, въ теченіи 12 дней, сбито:

ржи	»	»	616 копъ
озимой пшеницы	»	»	698 —
яровой пшеницы	»	»	270 —
голаго ячменя	»	»	36 —
			1,620:

въ день по 135 копъ.

Въ 4-мъ мѣстѣ, въ 2 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	180 копъ
ржи	»	»	85 —
			265:

въ день по $132^{1}/_{2}$ копы (1).

Въ 5-мъ мѣстѣ, въ 4 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	131 копъ
ячменя	»	»	359 —
овса	»	»	311 —
			801:

въ день по $200^{1}/_{4}$ к.

Итого, въ общей сложности 18 дней — 2,686 к.

въ день по $149^{13}/_{60}$ к. (2)

2) *Процессъ молотьбы и количество рабочихъ.*

При машинѣ находился постоянно машинистъ и два работника г-жи Абаза: *одинъ работникъ* имѣлъ исключительною обязанностію управлять топкою и наблюдать за чистотою машины, *другой* занимался безпрерывно подливкою масла въ разныя части машины, при ея дѣйствіи.

---

(1) Въ эти два дня машина дѣйствовала слабѣе, вслѣдствіе обнаружившейся порчи, которая потребовала потомъ цѣлаго дня для исправленія.

(2) Не могу представить отчетливаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно и какого хлѣба вымолачивала машина; ибо хотя скирды были сложены счетомъ копенъ, но большею частію выходило такъ, что въ одинъ день кончалась одна скирда и начиналась другая; считать же снопы при подачѣ на машину, невозможно, по быстротѣ работы. Но и изъ представленныхъ цифръ обнаруживается ясно, что вымолачивается въ день болѣе ячменя и овса, чѣмъ прочаго хлѣба.

Ежедневно, не менѣе 26 мущинъ и 8 женщинъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	мущ.	женщ.
на скирдѣ, для подачи сноповъ	4	»
на платформѣ, для бросанія сноповъ подъ молотильный барабанъ	4	»
для переноски мѣшковъ съ вымолоченнымъ зерномъ .	2	»
для приборки *половы* (мякины) и *сбоинъ*. . . .	2	»
для отвоза зерна въ опредѣленныя къ тому помѣщенія	2	»
водовозъ	1	»
для уборки соломы	11	7
кухарка.	»	1
	26	8

Но число рабочихъ, по мѣрѣ возможности, иногда прибавлялось для большей успѣшности въ уборкѣ соломы, такъ-что въ общей сложности было въ работѣ мущинъ 500, женщинъ 158,—что составляетъ въ день мущинъ $27^{7}/_{9}$, женщинъ $8^{7}/_{9}$.

3) *Издержки.*

Здѣсь я долженъ предпослать одно замѣчаніе: по моему, слѣдуетъ раздѣлить эти издержки на необходимыя и такія, которыя составляютъ послѣдствія молотьбы и необходимость которыхъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго хозяина.

Машина Рансома и Симса, бывшая у меня въ дѣйствіи, имѣетъ 6 силъ; она только провѣваетъ хлѣбъ, но не сортируетъ и не очищаетъ. Провѣвка хлѣба гораздо уловлетворительнѣе вѣянья лопатами, ибо въ зернѣ не остается не только кусочковъ земли, какъ это бываетъ при вѣяньи въ клуняхъ и на гумнахъ, но и ни малѣйшей пыли. Но по причинѣ быстроты и силы дѣйствія машины, попадаютъ въ вывѣянное зерно кусочки соломы, колоски (сбоины), такъ-что, для окончательнаго приведенія зерна въ должный видъ, необходимо пропустить его на ручную сортировку, которая весьма легко—двумя рабочими—очищаетъ въ день отъ 45 до 50 четвертей въ такомъ видѣ, какого только можетъ требовать самый внимательный хозяинъ.

Такимъ образомъ, издержки, которыя я называю необходимыми, были слѣдующія:

а) на процессъ молотьбы:

Подводъ съ рабочими для перевозки машины отъ г-жи Абаза (по 3 пары воловъ подъ паровикъ и машину и 1 для инструментовъ, наковальни и проч.) на два дни: 14; по 50 к.	7 р. — к.
Работниковъ наемныхъ по 25 к. до 1-го сентября и по 20 съ 1-го сентября: 200	43 » 15 »
Артельщику при наемныхъ солдатахъ	3 » 5 »
Барщины: при молотьбѣ мущинъ по той же цѣнѣ, какъ и наемные: 300	61 » 45 »
Женщинъ по 12 к.: 158.	18 » 96 »
Дроворубовъ по 20 к.: 20	4 » — »
Подводъ для возки воды и перевозки зерна съ поля по 50 к.: 79	39 » 50 »
Подводъ для перевозки машинъ съ одного поля на другое по 50 к.: 7	3 » 50 »
Дровъ 10 кубич. сажень по 12 руб.	120 » — »
Масла подсолнечнаго 2 п. 36 ф.	18 » 32 »
Оливы 1 п. 39 ф.	20 » $70^1/_2$ »
Свѣчнаго сала 28 ф.	3 » 33 »
Провизіи работникамъ (1) и машинисту на . . .	77 » 74 »
Итого	420 р. $70^1/_2$ к.
Приходится на копну. .	— » $15^5/_8$ »

б) для очистки зерна:

Барщины: мущинъ — 54	10 » 80 »
женщинъ — 10	1 » 20 »
На сумму. .	12 р. — к.
Приходится на копну. .	— » $^6/_{13}$ »

Сверхъ того, заплачено за наемъ машины по 10 к. отъ копны; такимъ образомъ, общая стоимость обмолота копны, съ провѣвкой и очисткой зерна, составляетъ. . — » $26^1/_{11}$ »

(1) Такъ-какъ работа производилась въ полѣ, вдалекѣ отъ жилья, то я нашелъ необходимымъ продовольствовать и барщинныхъ работниковъ, и сверхъ того, во вниманіе къ непривычной работѣ, требующей особой быстроты и проворства, всѣмъ мущинамъ я давалъ за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ водки.

Издержки послѣ обмолота машиною заключаются въ провѣвкѣ половы и переборкѣ сбоинъ, такъ-какъ въ томъ и другомъ остается довольно зерна. Это происходитъ 1) оттого, что сильное дѣйствіе вѣялки отбрасываетъ легкія зерна, какъ это бываетъ и при обыкновенной вѣялкѣ лопатою на вѣтрѣ; 2) при бросаніи сноповъ со скирды на машину высыпается весьма много зерна, особенно когда хлѣбъ бываетъ такъ сухъ, какъ онъ былъ въ нынѣшнемъ году. Все выпадающее отъ этихъ двухъ причинъ зерно по необходимости должно быть заметаемо вмѣстѣ съ половою.

На провѣйку половы, переборку сбоинъ и очистку зерна употреблено:

Наемныхъ мущинъ 49; по 20 к.	9	р.	80 к.
Продовольствіе наемныхъ	2	»	70 »
Барщины: мущинъ 145; по 20 к.	29	»	— »
женщинъ 25; по 12 к.	3	»	— »
Подводъ для перевозки съ поля полученнаго зерна: 9.	4	»	50 »
Итого	49	р.	— к.
Приходится на копну.	1	»	$1\frac{11}{3}$ »
Всего, съ предыдущимъ расходомъ, обошлась обмолотка копны, съ полною очисткою въ.	—		$27\frac{25}{26}$ »

4) Степень удовлетворительности обмолота.

Я нашелъ, что молотильня Рансома и Симса вымолачиваетъ совершенно удовлетворительно; причемъ я вполнѣ убѣдился въ томъ, что удовлетворительность обмолота зависитъ, вопервыхъ, отъ чистоты хлѣба, а во-вторыхъ—отъ правильной подачи сноповъ на барабанъ. Чѣмъ хлѣбъ чище, т. е. чѣмъ менѣе въ немъ сорныхъ травъ (пашистая солома) и чѣмъ правильнѣе колосьями внизъ подаются снопы подъ барабанъ — тѣмъ менѣе зерна въ половѣ и тѣмъ менѣе отбивается невымолоченыхъ колосьевъ. Изъ этого я заключаю, что ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что для выигрыша времени можно молотить хлѣбъ по мѣрѣ его уборки, безъ связыванія въ снопы. Если, съ одной стороны, дѣйствительно выиграется время, нужное для вязанія сноповъ и перевозки ихъ къ скирдѣ, то съ другой, потеряется гораздо болѣе времени, какъ при самой молотьбѣ, отъ меньшаго количества (1) смолоченнаго въ день хлѣба, такъ и при уборкѣ послѣ молотьбы.

(1) Меньшее количество произойдетъ неминуемо оттого, что никогда работникъ не захватитъ сразу такое количество стеблей, какое составляетъ связаный мѣрный снопъ, мгновено развязаный и цѣликомъ поданный подъ барабанъ.

Степень удовлетворительности молотьбы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сортъ хлѣба.	Число сбитыхъ копенъ	Слѣдовало получить по пробѣ	Получено		Итого	Получено сверхъ того очистки на сортировкѣ
			Съ машины	Послѣ провѣйки половы		
		четв.	четв.	четв.	четв.	четв.
Ржи	701	370	335½	33	368½	—
Пшеницы озимой красной. .	219	109½	94	15	109	1
Пшеницы озимой гирки . .	479	262	225	13½	238½	10
Пшеницы яровой красной. .	131	52⅛	52¼	7½	59⅞	—
Пшеницы яровой красной другого сорту	450	161	162⅞	19½	182⅝	12⅜
Ячменя	359	179½	140½	54½	195	—
Ячменя голаго.	36	20⅛	12	8	20	—
Овса	311	185⅜	154	18	172	—(¹)

Цифры четвертой графы могутъ объяснить сказанное мною выше объ издержкахъ, предоставляемыхъ личному усмотрѣнію каждаго хозяина; т. е. слѣдуетъ или не слѣдуетъ тратить время и издержки на вѣянье половы. Мнѣ кажется, что сравненіе цѣнности полученнаго изъ провѣяной половы зерна съ стоимостію этой работы, говоритъ въ пользу оной. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что когда хлѣбъ остается долгое время немолоченымъ, то утрачивается немало зерна отъ за-

(¹) 1) Очистка могла быть приведена въ настоящую извѣстность въ нѣкоторыхъ сортахъ пшеницы, въ которой былъ куколь, и съ которымъ отошла и часть мелкаго зерна; въ прочихъ же сортахъ хлѣба, очистка состояла изъ мелкихъ колосьевъ и нѣкоторыхъ сорныхъ сѣмянъ; приводить въ извѣстность этотъ соръ не стоило труда. — 2) Разница полученаго количества зерна, въ сравненіи съ пробами, можетъ быть отнесена къ неточности самихъ пробъ; — совершенно допускаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваю: много ли у насъ хозяйствъ, гдѣ количество зерна, полученнаго по обмолотѣ, соотвѣтствуетъ вполнѣ расчету по пробамъ? — 3) Голый ячмень, по мнѣнію моему, недоступенъ для молотьбы паровою машиною. Онъ чрезвычайно твердъ для молотьбы; быстрота и сила барабана отбиваетъ колосья, весьма крохкія, и они выбрасываются вмѣстѣ съ половою (мякиною); пропорція зерна, вывѣяннаго изъ половы, показываетъ справедливость этого замѣчанія. — 4) Всѣ издержки молотьбы составляютъ, на четверть полученнаго хлѣба, 56⅛ коп.

мокшихъ верхнихъ сноповъ скирды, и столь у насъ частаго мышеѣду, а во-вторыхъ, чрезъ оставленіе зерна въ половѣ увеличивается достоинство сей послѣдней, какъ корма весьма у насъ употребительнаго для рогатаго скота, свиней и лошадей. Но я думаю, что все же выгоднѣе получить, за незначительныя издержки, отдѣльно зерно и отдѣльно полову, и потомъ если угодно, давать зерно въ кормъ съ расчетомъ, а не какъ попало, съ половою. При томъ изъ представленной таблицы видно, что ячменя, который чаще всего употребляется въ кормъ рогатому скоту и свиньямъ, остается слишкомъ много въ половѣ; это происходитъ отъ крохкости его колосьевъ, легко отбиваемыхъ барабаномъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и цифръ, всякій хозяинъ, который ихъ прочтетъ, можетъ сдѣлать свой расчетъ о выгодности или невыгодности молотьбы паровою молотильнею и сравнить, на основаніи существующихъ въ извѣстной мѣстности цѣнъ рабочимъ, съ молотьбою ручною, или съ конноприводными молотильнями. Я считаю только въ этомъ случаѣ необходимымъ добавить, для правильности расчетовъ каждаго, слѣдующій выводъ: Если въ расчетахъ моихъ съ мелочною подробностію показаны всѣ издержки на молотьбу, то справедливость требуетъ оцѣнить и тѣ сбереженія, которыя доставляетъ молотьба паровой машиной. Сбереженія эти заключаются: во 1-хъ, въ значительномъ уменьшеніи подводъ для перевозки хлѣба въ гумна, какъ бы они ни были отъ полей близки; во 2-хъ, въ избѣжаніи издержекъ на сушку зерна, ибо, бывъ мѳлочено въ сухое время, оно можетъ сохраняться продолжительное время безъ сушки; въ 3-хъ, въ сохраненіи всего того количества зерна, которое теряется въ скирдахъ отъ непогоды, снѣжныхъ наметовъ и мышеѣду.

И такъ, предоставляя каждому дѣлать свое заключеніе о выгодности или невыгодности молотьбы паровыми машинами, я, съ своей точки зрѣнія и по своимъ убѣжденіямъ, признаю за такою молотьбою несравнимыя ни съ какимъ другимъ способомъ выгоды. — Выгоды эти я не ограничиваю вышеприведенными тремя пунктами; въ моихъ понятіяхъ онѣ заключаются наиболѣе въ своевременномъ и въ наилучшемъ приготовленіи продуктовъ, въ возможности дѣлать заблаговременно вѣрныя, не на однихъ пробахъ основанные расчеты и бюджеты на цѣлый годъ, въ приготовленіи, за-время, въ сухомъ, свѣжемъ видѣ разныхъ сортовъ соломы, что́ такъ важно для правильнаго корма рогатаго скота и овецъ, и наконецъ—что́ всего важнѣе: въ сбереженіи времени. Мы не привыкли еще, при существующихъ нашихъ хозяйскихъ порядкахъ, давать настоящую цѣну драгоцѣннѣйшему изъ капиталовъ: времени, ка-

питалу, котораго никакими другими замѣнить не возможно. А между тѣмъ представленныя мною цифры, не показываютъ ли убѣдительнѣйшимъ образомъ, какое сбереженіе времени доставляетъ молотьба паровою машиною. Сколько дней пришлось бы молотить и вѣять смолоченый и вывѣяный мною хлѣбъ въ 18 дней, если бы количествомъ рабочихъ, употребленныхъ при первой молотильнѣ, нужно было обмолотить хлѣбъ цѣпами или даже на обыкновенныхъ молотильняхъ; или—какое потребовалось бы огромное количество рабочихъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ обмолотить и прибрать 2686 копенъ въ 18 дней!

Заключу мой отчетъ выраженіемъ другихъ желаній:

Первое, чтобы хозяева, испытавшіе, въ гораздо бо́льшемъ нежели я размѣрѣ, молотьбу паровыми машинами, сообщили также свои отчеты. Весьма интересно и поучительно было бы имѣть возможность сдѣлать сравненія и заимствовать тѣ приспособленія, которыя, при болѣе продолжительномъ употребленіи машинъ, могли быть указаны опытомъ, для уменьшенія издержекъ и ускоренія самой работы. Конечно, употреблялись разные сорты топлива: каменный уголь, навозный кирпичь, стебли подсолнечниковъ; весьма любопытно было бы имѣть сравненіе количества разныхъ сортовъ топлива, потребнаго для дѣйствія машины въ данное время. Не менѣе интересно и сравненіе дѣйствія разныхъ машинъ, ибо въ Полтавской губерніи есть и машины Клейтона, и машины Французскія и Бельгійскія.

Второе, чтобы явились предпріимчивые люди съ капиталомъ, которые бы завели у себя нѣсколько машинъ для найма желающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на спросъ не было бы недостатка, и я полагаю, что такое предпріятіе доставило бы немалыя выгоды владѣтелю машинъ. — Но объ этомъ второмъ моемъ желаніи я намѣренъ поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ; теперь же только прибавлю, что г-жа Абаза, имѣя двѣ машины, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, безпрестанно къ ней поступающимъ; что въ числѣ нанимателей было, въ нынѣшнемъ году, нѣсколько козаковъ, имѣющихъ разнаго рода хлѣба отъ 100 до 200 копенъ и что за наемъ машины охотно платили по 15 коп. отъ копны.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губ.

1 декабря 1860.
Полтава.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ II.

Послáвъ я, добрóдію, до васъ пéрвий свій листъ, та й схаменýвся: щó жъ, якъ ви за городи́ устýпитеся, що й безъ нихъ на свíті не мóжна, — щó тоді я вамъ одвітувáтиму? Справ̀ді, якъби́ городи́ не захистúли сілъ и хуторівъ, то я́къ би хуторі й сéла стоя́ли? Спасúбі імъ за се, що воні́ селя́намъ и хуторя́намъ зáхистъ давáли, якъ ищé всю́ди булó пýсто й ди́ко. Шкóда тільки, що дýже дóрого зъ насъ за сю послýгу брáли; бо, одбиваючи одъ насъ ворогівъ нашихъ, не съ кóго, якъ изъ насъ же, воні́ орýжний людъ набірáли, не съ кóго, якъ изъ насъ же, ёгó харчувáли, не на кóго, якъ на насъ же, постóемъ ёгó напускáли.

Розберíть лишъ, добрóдію, почáтокъ городівъ у дáвню давнину́ німéцьку й славя́нську. Щó воно́ такé булó? Хто въ нихъ засівъ и якé лúхо ми одъ нихъ терпíли! Лýчче бъ воно́ й не сни́лось намъ — такé въ насъ кóілось, отъ хоть би́ й за Варя́гівъ. Не дéсять, не двáдцять рóківъ городи́ насъ руйнувáли и, мовъ те полóхане стáдо, съ куткá въ кутóкъ по Вкраíні ганя́ли. Тілько що ми, селя́не та хуторя́не, нічóго не запúсували, тимъ воно́ й пішлó все те въ-непáмъять, якóго ми лúха, якóі нарýги одъ городя́нъ дознавáли; а воні́-то, бачъ, куди́ якъ пúшно на папéрі слебізувáли, що ось бо сякúй та такúй князь изъ дружúною и вóі своíми на чужі зéмлі хождáше, городи́ й сéла воювáше, ось бо мýри коштóвні созидáше, ліпотóю облекáше и хвалý Бóго-

ві воздава́ше. Ато́ ще уста́вами своіми за́чнуть на папе́рі велича́тися та су́дніми гра́мотами та номокано́нами, що безъ нихъ не зуміли бъ ні розміжува́тися, ні розсуди́тися, ні зійти́ся, ні розійти́ся, та що́! и зовсімъ би ду́рнями безъ городя́нъ зоста́лися. У города́хъ и купе́цтво, у города́хъ и реме́ство, у города́хъ и нау́ка собі зъ да́вніхъ даве́нъ сідало ма́ють. А яка́ всёму́ тому́ ціна́ нало́жена, те вже неха́й оди́нъ Госпо́дь раху́е.

Якъ вамъ, добро́дію, здае́тця: чи одна́ково въ ма́чухи, якъ и въ ма́тери? Оце́ жъ насъ, селя́нъ та хуторянъ, ви́кохавъ назва́ний ба́тько — го́родъ, въ тяжкій нево́лі, та ще й дя́ки одъ насъ вимага́е: мовля́въ, безъ ме́не ди́кимъ би звіря́кою селя́не скита́лись; ато́ ба́чте, якъ га́рно Бо́гу іхъ моли́тися понау́чувавъ, и яки́й гарний поря́докъ су́дній повво́дивъ, и яку́ лю́бу освіту наро́дню скрізь роспросте́ръ!... О, бо'да́й тебе́, стари́й ка́верзнику! Все вже ти собі зага́рбавъ; не ду́май же и въ ми́сляхъ собі того́ не поклада́й, що во віки ві́чні ми въ те́бе підъ опе́кою зостава́тимемось. Ти, старига́не, свое́ діло зроби́въ до конця́, и самъ почина́ешъ свого́ анахрони́зму догляда́тися, тілько, що го́лосно призна́тись передъ исто́риею соро́мисся. Онъ уже́ въ Брю́сселі, въ Ба́зелі, въ Москві та й по дру́гихъ ста́росвітськихъ тверди́няхъ, де були́ вали́ и рови́ оборо́нниі, тамъ сади́ понаса́жувані. Де со́тні й ти́сячі люде́й па́дали, тамъ весе́ла тепе́ръ дітво́ра бігае. Хиба́ жъ се не озна́ка, що стари́й дідъго́родъ свій вікъ звікува́въ? Нічого більшъ ёму́ роби́ти.

А що прогре́сомъ, городя́не, велича́етесь, то ми тому́ прогре́су ціну́ зна́емо. Ти́сячу ро́ківъ ви въ насъ торги́ заво́дите, а на чо́му вони́ вертя́тця? Куди́ якъ дале́ко лю́дськость ви своіми торга́ми дви́гнули!... Ти́сячу ро́ківъ суди́ ви въ насъ на Вкраі́ні су́дите, а въ ко́го більше пра́вди: чи въ пе́рвого Варя́га, що на полю́ддя зъ го́рода ви́йшовъ, чи въ послідне́го ва́шого спра́вника, що на слідствие ви́іхавъ?... Ти́сячу ро́ківъ проповідуете ви у своіхъ му́рахъ кошто́внихъ любо́въ и миръ, — чи більше жъ у васъ любо́ви й ми́ру, аніжъ було́ у тихъ про́стихъ Славя́нъ, що сла́вили въ гая́хъ и на жита́хъ недовідо́мого імъ ласка́вого и ще́дрого Бо́га?...

Ми не гово́римо, що до́бримъ лю́дямъ гріхъ вели́кою грома́дою збіра́тися, на вели́кі ярмарки́ зъізжа́тися, вели́кі буди́нки будува́ти и вся́ку меха́ніку гурто́мъ виду́мувати, форте́ці по узграни́ччяхъ стро́іти, фло́ти споружа́ти, акаде́миі заво́дити, кни́ги, папе́ри

у до́брихъ схо́ванкахъ про да́льші ро́ди хова́ти. Ми тілько про́тивъ тихъ городівъ листи́ пи́шемо, кото́рі, якъ отъ и въ насъ на Вкраі́ні, не зна́ть по-я́кому поста́ли, та й до добра́ нічо́го не подово́дили, а тілько лю́дямъ ро́зумъ звяза́ли и по своїй уподо́бі жи́ти заборони́ли. Го́лосно ми на свою́ бра́ттю хуторя́нъ покли́куемо: »Эй, хуторя́не, пано́ве бра́ття! лю́де свіжі, незатума́нені, и одъ пра́ведного Бо́га не одве́дені! не ки́дайтесь ви на ту ома́ну городя́нську, кото́ра вже ти́сячу ро́ківъ ко́зи въ зо́лоті вамъ пока́зуе. Побу́дьте ще хочъ изъ со́тню ро́ківъ таки́мъ лю́домъ, яки́мъ сохрани́въ ва́съ Госпо́дь до сёго дня свято́го. Підожді́те кра́щого ладу́, небожа́та. Мо́же, ви й сами́ городи́ собі побудуе́те и нові звича́і въ нихъ позаво́дите, тільки не такі, якъ тепе́ръ скрізь по города́хъ, мовъ та зіно́вать степова́, коренятця. А сі вже городи́ нехай собі стоя́ть и, безъ ва́шого гріха́, своє́ ді́ло ро́блять, и до свого́ конця́ дохо́дять.« Отъ на́ша за́повідь и вся на́ша нау́ка.

Бага́то лю́дей письме́нныхъ зъ не́і кепкува́тите, и прогре́сомъ, и тимъ, и симъ намъ доріка́тиме, та дарма́. Мо́же, ви, земляки́ мої лю́бі, того́ й не почу́ете, бо ти́і прогреси́сти пона́шому не втнуть: вони́ собі яку́сь неподо́бну мо́ву въ города́хъ повиси́жували, та й ла́млють пі́дъ не́і лю́дьский ро́зумъ зъ мало́го ма́льства. Коли́ жъ дочу́етесь, що сі добро́дії обскурантизмомъ ла́ютця, що ніби-то, по моїй нау́ці, въ обскурантизмі чоловічкові спасіння, то й тутъ ви імъ віри не дійма́йте. *Одну́* кни́жку я вамъ пора́явъ, — пра́вда, що одну́; такъ у тій же кни́зці ввесь дре́вній миръ умісти́вся. Неха́й вони́ се розбери́ть по суббо́тамъ, та й на те вва́жять, що та кни́жка дала́ ві́ка́мъ грядущимъ вели́кий завітъ святої во́лі, кото́рого ще ні одна́ городя́нська грома́да не ви́повнила.

Ви́повнимо жъ хочъ ми ёго́, селя́не та хуторя́не! Тамъ и нагоро́да пока́зана тому́, хто зрозуміе́ и́стину, — найкра́ща, найбільша нагоро́да на землі: бі́льшоі ніхто́ не пожада́е и не ви́думае. Такъ яки́й же се обскурантизмъ, коли́ я ра́жу вамъ нау́ку, за кото́ру вели́кий Учи́тель проли́въ свою́ кровъ непоро́чную, та й намъ заповідавъ жизнь свою́ за сло́во и́стини оддава́ти? Зрозумійте тілько, що́ таке́ и́стина. Городи́ вамъ іі не ви́являть, бо вже до двохъ ти́сячъ ро́ківъ бере́тця, якъ вони́ іі затума́нюють. Величаю́тця своїми архитекту́рами, та живо́писями, та теа́трами, та музи́ками и поэзиею, а того́ й не збагну́ть, що все те иску́ство ве-

ли́ке слу́жить найбільшъ людській гордині́ та роско́ші, и що вже не наро́дъ пра́вить худо́жниками, а блиску́ча ку́па люде́й легкоду́хихъ, кото́рі зна́ють тілько восто́рги ніги нікче́мнёі и не розуміють восто́ргівъ вели́кої пра́ці, крів'а́вого по́ту за людське́ бла́го. Не зави́дуемо ми ні городя́нськимъ дива́мъ вели́кимъ, ні городя́нському комфо́рту; бо що́ намъ по то́му всёму́, коли́ въ города́хъ тілько со́та до́ля Бо́жого лю́ду живе́ въ доста́ткахъ и всіми ти́ми дива́ми кори́стуетця, а ти́сячі голівъ людськи́хъ, якъ ри́ба объ лідъ побива́ютця, и ро́зумъ іхъ, якъ та дити́на въ чужо́і ма́тери, чу́чверіе, и про́тивъ про́стого, свіжого ро́зуму сільского чи хуторя́нського не вісто́іть. Ми ще й такъ ска́жемо, що неха́й би ва́ши худо́жества вели́кі й не процвіта́ли; неха́й би не було́ ні Парѳено́ну, ні Петро́вої це́ркви; неха́й би вся земля́ село́мъ стояла, то що́жъ за біда́ така́? аби́ лю́дямъ не ва́жко було́ на світі жи́ти. Не про що́ й два́ти годи́лось би, — такъ намъ здае́тця. А про нау́ку пра́вди всеми́рнёі, кото́рою городи́ пишня́тця, ми ска́жемо, що вона́ й безъ городівъ би обійшла́ся. Хиба́ жъ не ра́ди городя́нськихъ ва́шихъ поря́дківъ замо́вкли въ ва́шихъ Ри́махъ и Византіяхъ Сокра́ти й Плато́ни? Коли́ вони́ ва́ши діти, такъ на́ що жъ ви своіхъ дітей ду́шите? А вели́кого Учи́теля всеми́рнёго за́ що за́мучено? Ви лю́де письме́нні й друко́вані, то нічого вамъ ши́роко ре́чи про те розво́дити. Ви до́бре зна́ете, яки́мъ нікче́мнимъ мо́тлохомъ закида́ли ва́ши прапра́щури святу́ нау́ку и́стини, кото́ру вели́кі ду́хомъ лю́де передава́ли одинъ друго́му, и якъ ви одучи́ли о́ко-людське́ одъ того́ світу, кото́рий ишо́въ въ исто́рії всеми́рній попере́дъ наро́дівъ, хова́ючись одъ недолю́дківъ—то́ въ ми́ѳи, то́ въ прите́чи, то́ въ весе́лі игрища́, то́ въ пону́рі ночни́і та́йни, то́ въ вікові́чні перга́менн, — такъ одучи́ли, що якъ одки́даешъ той мо́тлохъ и пока́жешъ пра́ведне сло́во такъ, якъ воно́ ви́йшло съ пра́веднихъ устъ, сами́ ви диву́етесь, я́къ-то воно́ въ таку́ дале́ку старовину́ такъ я́сно та сміливо змишлено, такъ дале́ко засягнуто! Эге́, то́-то бо!... Чомъ же ви не згодите́сь на мою́ ду́мку, що безъ городівъ и іхъ поря́дківъ ти́і вели́кі дива́, кото́ими ви величаетесь, яви́ли бъ у собі ще більшу си́лу ду́ху людського? Ну, та дарма́; остава́йтесь собі при своій городя́нській фило́софії, а намъ дозво́льте нову́ селя́нську фило́софію проповідати, взя́вши ії прямісінько съ то́і кни́жки, кото́ру со́тнями ро́кивъ

вели́кі городи́ затума́нюють, та й до́сі не затума́нили. Робіть ви своє́ ді́ло, пано́ве, а ми своє́ роби́тимемъ; а тамъ уже́ коли́сь, у вікáхъ грядýщихъ, лю́де поба́чять, кому́ зъ насъ за нау́ку й пра́цю дя́кувати.

Отсе́ жъ ми вклоня́емось вамъ низе́нько за все те добро́, кото́рого ми одъ васъ дозна́ли; забіра́емо до се́бе въ про́сті хáти вели́кі ми́слі, кото́рі ви въ своіхъ му́рахъ зъ да́вніхъ вікі́въ перехова́ли. Чи въ висо́кихъ спі́вахъ ті ми́слі спасе́нні, пра́ведно лю́дські, до насъ одъ люде́й дре́вніхъ подохо́дили, чи про́зою малёвни́чою намъ іхъ переказано; чи въ филосо́фській наготі іхъ ми́рові я́влено, — ми все те собі до-ку́пи зобга́ли и въ хатáхъ своіхъ, на нау́ку моло́дшимъ, перехо́вуемо. А ва́шу пиху́ та ро́скішъ та невпокійну мо́ду покида́емо въ городáхъ и на-віки того́ добра́ зрікáемось. По́ки васъ бу́де поганя́ти ся тройчáта хáлепа, не ждіте насъ до гу́рту. И архитекту́рні дива́ собі будýйте, и малюва́ннямъ обставля́йтесь, и о́перами втіша́йтеся, и просві́ща́йтесь городя́нською квітчáстою поэзіею, и нау́ки нові до стари́хъ виду́муйте, и гро́ші зъ всёго світу у свої ска́рби горніте, и въ ла́сощахъ купа́йтеся, — нічо́го того́ вамъ не боро́нимо, аби́ ви намъ не боронúли свою́ нау́ку поміжъ се́бе ши́рити и до поги́белі свій свіжий людъ не допуска́ти. Якъ же наста́не таке́ вре́мя, що съ хатъ, а не съ пала́тъ, за́чнуть вели́кі су́дді худо́жества, нау́ки та й само́ї пра́вди мирської вихо́дити, — оттоді ми до гуртово́ї робо́ти ки́немось и, мо́же, въ оди́нъ вікъ бі́льше ді́ла вели́кою грома́дою вро́бимо, аніжъ ви въ де́сять вікі́въ мало́ю уроби́ли.

Воно́-то не яка́ бі́да́ и ва́шу слове́сность перечи́тувати, и до васъ у городи́ навідуватись, тільки не тре́ба вамъ по́вної віри дава́ти, а свого́ хуторського́ смаку́ й ро́зуму тре́ба придер́жуватись. У насъ по хуторáхъ бага́то е люде́й, кото́рі бува́ли всю́ди по світáхъ, и про Шекспи́ра, такъ якъ про рідного дя́дька, зъ ва́ми розмовля́тимуть, а про-те́ беззако́нної ро́скоши й пихи́ въ хуторі свої не пуска́ють и люде́й неписьме́ннихъ до не́і не ва́блять. Тимъ-то й я оце́, взя́вшись до писа́ння листі́въ на всю Украі́ну, ра́ю земляка́мъ своі́мъ кохáнимъ одъ тії́ хáлепи остерега́тися. Коли́ до вподо́би кому́ чужозе́мня кни́жка, чита́й ії́ и знай, я́къ що́ на світі дієтця. Коли́ чоловікъ чужозе́мній въ хáті тра́питця, розмовля́й зъ нимъ и про вся́чину роспи́туй. Коли́ й само́му лу́-

читця заіхати въ далéкі сторони, — обомá ушúма слýхай и очúма дивúсь, щó воно́ й я́къ тамъ дiетця; а ледащúці мóди въ хуторú не привóзь, вóлю свою́ шануй и въ городя́нську нужду́ черезъ рóскішъ не вскáкуй. Хочъ же бъ и всі ви поробúлись письмéнними и, якъ тамъ кáжуть, просвіщéними; хочъ би книжкú німéцькі такъ якъ спрáжні Нiмці почúтували, а про-тé своéі мóви рiдноі и свогó рiдного звичáю вірнимъ сéрцемъ держітеся. Тоді зъ васъ бýдуть лю́де якъ слідъ, — тоді зъ васъ бýде громáда шанóвна, и вже на такý громáду нiхтó своéі лáпи не налóжить.

Хуторянúнъ.

ЗНАЙДЕНИЙ НА ДОРОЗІ ЛИСТЪ.

Изъ г. Острога. 1847, Лютого 28.

Якъ проідешъ за Ки́івъ версто́въ сто, и почне́шъ икъ Воли́ні зближа́тися, за́разъ постереже́шъ, що пішла́ передъ тобо́ю одмінна одъ на́шоі сторона́. Погля́нь по города́хъ, по місте́чкахъ,— усю́ди вда́рить тебе́ слідъ Русько-По́льськоі старосвіщини, и озна́ки ново́го порядкува́ння. Горби́ одъ да́вніхъ та́борівъ и городови́хъ валівъ, руіни па́нськихъ за́мківъ, зпустоша́лиі костёли, занеха́яні и обколу́пані непого́дою буди́нки-камяни́ці, — по всёму тому́ розу́мно подоро́жнёму, що тутъ коли́сь горожа́нность приняла́сь була́ міжъ лю́домъ тве́рдо, та ма́буть стоя́ла не на всіхъ чотирёхъ, що не вде́ржалась....

Підъіздячи до Радомисля, вся́ке, въ ко́го есть о́чі, щобъ ба́чити, спита́етця: »Що́ то чорніе величе́нне міжъ буди́нками? Чи то зоста́нокъ яко́і тверди́ні, чи руіна яко́го буди́нка безъ кри́ши?« Ні, то не зоста́нокъ, а тілько поча́токъ катели́цькоі кате́дри. Иншому здало́сь би, що въ сімъ краю́ неда́вно жили́ великолю́де: все, що тілько вони́ будува́ли, — будува́ли ши́роко й величе́нно; ажъ зра́зу повіявъ сме́ртний вітеръ, и люде́й тихъ не ста́ло; зоста́лись тілько до-півъ зро́блені діла́ іхъ рукъ. То й не руіна; руіною зовемо́ те, що ма́ло коли́сь свій по́вний кшталтъ, а се серде́шне будова́ннє не дійшло́ й до свого́ зро́сту; и хочъ рунду́чниі стовпи́ стирчя́ть спра́вді такъ, якъ на руінахъ и пожарища́хъ, тілько жъ ко́жному бье въ вічи, що вони́ нови́і, не ве́тхиі; не розсипа́ютця вони́ мо́вчки посередъ кучугу́ръ пра́ху й тлі-

ну, а, піднімáючись рівно вгóру, ти бъ сказáвъ — вопиютъ: »Дáйте жъ намъ такъ жúти, якъ обіцяли!«

Ми однáкъ не булú въ Радомúслі, а тільки проіхали пóузъ. Дрýгий гóродъ за Радомúслемъ, на нáшій дорóзі, Житóміръ. Мáло въ ёму типовóго Волúнського, бо новé порядкувáння вúявилось усюди такъ гóлосно (берý сéе словцé для óка и рóзуму, а не для ýха), що зъ-підъ ёго та мизéрна, трóхи не мéртва, старосвіщина тиль-тиль пробиваéтця.

Черезъ Новогрáдъ-Волúнський переізджáли ми нічнóю добóю, то й не вдалóсь намъ подивúтись на висóкиі крýчі, на руіну, трóхи не до зостáнку вже розібрану, старосвіцькоі твердúні, и на малёвничі берегú Слýчи, тиі слáвноі Слýчи, що казáли колúсь козакú: »Знай, Ляше, по Случъ нáше!« Літомъ берегú ii, на ліву рýку одъ міста, зкрáшені зелéними дібрóвами. Не навтішáесся, дúвлячись, якъ тúі дібрóви синіють, синіють и ховáютця дáлі зовсімъ у тумáні.

Товáришка моя́ въ дорóзі, якъ душá схúлна до малярства и поэзиі, кохáетця въ руінахъ: такъ у Кóрці жъ надивúлась на нихъ довóлі. Тамъ на горі, якъ самъ ти, пáне-брáте, знáешъ, надъ глибóкимъ, кругойдýчимъ яромъ стоіть у руінахъ колúсь-то пúшний зáмокъ князівъ Чорторúйськихъ. Перéдня бáшта висóка, окнáста, безвéрха, геть перехóдить у вишинý усю замковý кýпу, и рáзомъ съ кóменами, щó стирчáть по-надъ руіною, додаé ій тúпу понýро-торжéственого. Княжáта Чорторúйські йшли одъ коліна дрéвніхъ Рýськихъ князівъ; та якъ та пáнська несúтость збúла іхъ зъ глýзду, що пристáли до Ляхівъ якъ у вірі, такъ и въ погáрді чóрного лю́ду, то й воні́ не втеклú одъ козáцькихъ рукъ рáзомъ изъ йншими панáми. Хмельнúцького козакú достáли мечéмъ сей зáмокъ та й пустúли по ёмý пожáръ, що лéдві нагі стіни зостáлися. Ми ходúли по двóру и по руінахъ, мізкýючи собі, якъ-то колúсь отъ у сій пýстці булó пóвно весéлого лю́ду, и одъ широ́кихъ воріть підъ бáштою ажъ до оціхъ малёванихъ покóівъ, що дúвлятця розлýпаними височéнними вікнами зъ горú на садú, на корéцькиі будóви и розлóгі поля́, пóвно булó крúку, гóміну и сміху! а тепéръ усé мовчúть, нáче тутъ зрóду й не жилú лю́де, нáче ся руіна такъ руіною булá й змурóвана. Німá, нерухóма смерть такъ воцарúлася на сіхъ погрúзенихъ кругóмъ стінахъ, у сіхъ завáленихъ тліномъ и камінюками покóяхъ, що дивýесся,

я́къ ще́ змігъ порости́ тутъ оце́й ди́кий нечума́зний бузъ. Да й бузъ, чо́рний, коструба́тий, зда́вся тутъ тілько на сідало сме́рті. Сівши на ёго́ криви́хъ гиля́кахъ, якъ та сова́-пусти́нниця, пону́ра смерть німи́мъ язико́мъ своімъ роска́зуе, якъ ма́рне ги́не панське влада́ння....

За Корце́мъ стоіть намъ по доро́зі го́родъ Остро́гъ, ще́ бага́тший руінами одъ Корця́. Ми ёго́ за́здріли ра́нкомъ крізъ прозо́рний тума́нъ. Со́нце обдава́ло ёго́ красновáтимъ світомъ; увéсь вінъ громади́вся передъ на́ми спе́ршу мовъ одна́ гора́; на горі якъ стовби́—мріли тяжки́і старосві́цькні до-півъ розва́лені ба́шти. Оддалеки́ вінъ издава́вся го́родомъ велелі́пнимъ. Одна́къ ома́на ця почала́ розсіва́тись, якъ ста́ли ми до ёго наближа́тися, и да́лі, да́лі, ось и зовсімъ вінъ передъ на́ми змизернівъ. Найбільшъ попсува́ла ёго́ пога́на жидова́ своіми недобудо́ваними, не оха́йливими, бридки́ми хати́нами. Суму́емо ми, та й не зна́емъ, що це все було́ буцімъ тількн на те́, щобъ нагото́вити намъ ще́ кра́щу мину́ту. Зра́зу, зъ-за мизе́рнихъ, безти́нних хороми́нъ, зъ-за криви́хъ дірявихъ воріть, зъ-за убо́гої грома́ди, що зібра́лась ура́нці на торгу́ зъ воза́ми та зъ мішка́ми, ви́ступивъ намъ назу́стрічъ старосві́цький Езуіцький косте́лъ, висо́кий, по фаса́ду малёваний, пи́шний, хочъ изпустоша́лий. Крізъ тума́нъ вінъ зда́вся намъ несказа́нно велелі́пнимъ, ажъ о́чі бравъ въ се́бе своє́ю ве́тхою краcóю. А ще на пере́днёму пла́ні стоя́ть камяни́і, старі, підгри́зені зни́зу, стовпи́ одъ коли́шніхсь-то воріть; дакъ увéсь фаса́дъ церко́вний зъ-за тихъ, чи то сказа́ть—надъ тими́ до-півъ-зруйно́ваними нечума́зними стовба́ми, пішо́въ у го́ру корни́зъ за корни́зомъ, пиля́стра за пиля́строю, стрілка за стрілкою—ле́гко да гінко, мовъ зъ землі тополёва дібро́ва. Тутъ мині до́бре почу́лося, скільки-то въ Бо́га краси́ и въ руінува́нню, хочъ и пе́рше, де не поба́чу було́ дуплина́стиі вікна, те́мниі, глибо́киі две́рі, а по стінахъ щілини, якъ бри́жі по старо́му ви́ду, то й зда́стця міні, що та руі́на щось на́че промовля́ до ме́не, на́че ше́пче мині беззу́бими уста́ми яку́сь да́вню, чуде́нную по́вість....

Одъ косте́ла и одъ здорове́нних муро́ванихъ Езуіцькихъ школъ, тожъ запустоша́лихъ, доро́га йде на го́ру поузъ старосві́цькую ба́шту, що́ стоіть собі на о́дшибі поміжъ сяки́мъ-таки́мъ будува́ннямъ, якъ ве́тхий дня́ми дідъ, що рове́сники ёго́ давно́ въ землі вже, а вінъ оста́вся, и ні ёму́ ні до ко́го, ні и́ншимъ до ёго нема́е жо́дного

діла. Недóвго бáвлячись на стáнціі, зáразъ пішлú ми оглядáти цéркву кнáзя Остróзького, сáму мизéрну, абó сáму багáтшу (помалáрськи) руїну, якý я колú на своéму вікý бáчивъ. Літá, дощі та вітрú на вдивовúжу вміють кришúти мурováння. Чоловікъ зрóду не потрáпивъ би такъ розкришúти. Всякий це знáе, хто пробувавъ робúти по садáхъ фалшúвиі руіни. Дивúвся я й не надивúвся на висóкиі, изсічені зъ дúкого кáменю, стрілчáті вікна зъ розéтами вгорі, — а цéгла внизý й по бокáхъ вже обсипáетця, щілини вже камянý роботу підъідáють, на двéрі, унизý вильготою розъідені, розширені, — на церкóвниі бáшти, úнде одколóті навпілъ, úнде зовсімъ цілі, тілько звéрху надкрúшені, — на ýзькиі, висóкиі шмáти мýру, ніби на тé зостáвлені, щобъ знавъ, хто дúвитця, які булú тамъ вікна, а одъ вікнá зостáнетця тобі хибá корнúзъ избóку. Усі бáшти, що зостáлись одъ зáмку кнáзя Остróзького, муровані штúбомъ Венéцькимъ и гáрні навдивовúжу. Однý перероблено на зéмський судъ, да й та виглядáе ще якось повáжно и малёвно, — а найбілшъ, якъ спогляднешъ на нéі знúзу, зъ-підъ горú. Щó то старосвіщина! А дé жъ, спитáвся бъ мóже хто, дé жъ міжъ симú мýрами друкáрня, у котóрій надрукóвана булá пéрша на Русі книга: Остróзька Бúблия? дé будúнки самóго кнáзя Костянтúна Остróзького? Шкодá питáти! Острóжани німí, якъ и ці мýри: нічóго въ нихъ не допитáесся, нічóго не тямлять, усяке гýторить и побиваетця тілько про влáсне сёгоденне діло. Прáвда, для кóго тамъ булú бъ дорогі цíі руіни? Панú рýські и самі внучáта Остróзького кнáзя перевернýлись на Полякíвъ, прóстому люду не до тóго, а тúі, що тепéречки зовýтця стародáвнімъ нáшимъ прізвищемъ, — не то-щобъ свято держáти пáмять Остróзькоі старосвіщини, та рáді бъ изъ Кúівськоі Лáври вúкинуть мраморяну домовúну Костянтúна Остróзького: бо вже й такъ замáзали на стінахъ дрéвніхъ гетмáнівъ, титарівъ лáврськихъ, и гробнúцю Остróзького кнáзя закрúли одъ тóго люду, котóрому вінъ такъ жадáвъ просвітúти незрячні óчі.

Походúвши по горі, подивúвшись на руіни, на далéкиі луги, що стéлютця внизý зъ гаями, сéлами и блискýчими річкáми, спустúлись ми до тóго костéла и до тихъ Езуіцькихъ школъ, що бáчили въіжджáючи. Тутъ хочъ руйновáння звéрху й крáсне для малярського óка, а въ серединí запустошáлость спрашнá й протúвна; бо то не часъ, а люде починúли. Зáразъ, якъ увійдешъ у костéльниі двéри, удáрить усякого походний пóгрібъ, чи склепъ,

по яки́хъ звича́йне кателйки кладу́ть ме́ртвихъ. Не те́ вда́рить тебе́, що вже давно́ нема́е въ ёму́ ні дверей, ни камяни́хъ схі́дцівъ, а те́, що калю́жная вода́ пропу́щена зъ міста у косте́льниі две́рі, а зъ дверей у скле́пъ. Неха́й же тепе́ръ хто хо́че собі помізку́е, що́ ро́битця тамъ у тому́ скле́пі, де стоя́ть тру́ни кателйцького па́нства и попівства! Ти, мій шано́вний па́не-бра́те, бувъ тамъ у со́рокъ-четве́ртому ро́ку, проізжа́чи черезъ Остро́гъ; ти писа́въ тоді до ме́не, якъ повиворо́чували мертвцівъ изъ домови́нъ, йшихъ порозрива́ли на́ двое и на́ трое, а котрі нові́ші домови́ни, позабира́ли на то́пливо у ті житла́,що тутъ же споря́жені у коли́шніхсь шко́льнихъ му́рахъ.... Тепе́ръ тамъ ста́лося зъ ме́ртвими кателйками ще гірша нару́га. Глуми́лись вони́ коли́сь надъ на́шою вірою, *возмни́вши тимъ слу́жбу принóсити Бóгу*; поглуми́лась же тепе́ръ и надъ іхъ сме́ртними зоста́нками и надъ іхъ знустоша́лимъ косте́ломъ несмисле́нна чернь.... У косте́лі пу́сто,—тілько ви́дно, де були́ прести́ли (звича́йне, якъ у кателйківъ, усе́ по стінахъ, по стінахъ). Надъ престо́лами зоста́лось тамъ-сямъ и малюва́ння и білогли́няне изваяние святи́хъ кателйцькихъ, тілько всі до о́дного пообби́вані и поглу́млені... Утіха ди́кого лю́ду!—Зало́ми пообва́лювались, тілько зо́ два, чи зо́ три я́кось де́ржятця, боючи́сь уся́ку мину́ту, щобъ не впа́сти. Надъ престо́лами—якъ де ви́соко, то зберегли́сь ще́ підписи на си́ніхъ и черво́нихъ щитка́хъ. Фа́рба на іхъ зовсімъ ще́ нова́! Не зна́ю, чомъ мене́ вда́рили такъ гірко ти́і підписи, той еди́ний забу́токъ давнёі косте́лноі по́мпи. Мині здало́сь, що крізь сіі си́ні й черво́ні віко́нця (щитки́ зъ підписами зъ пе́ршого по́гляду здаю́тця віко́нцями по стінахъ) хтось несме́ртний и запе́клий и невблаго́мий ди́витця пи́льно, ве́село и сміетця гірко, якъ во́рогъ, що я́къ-то сі косте́льниі й шко́лниі му́ри становили́сь таки́мъ вели́кимъ ко́штомъ, зъ тако́ю по́мпою, вла́стю й вірою, що стоя́тимуть вішне, а тепе́ръ такъ мизе́рне, такъ жа́лібно, такъ мо́вчки розва́люютця, — не промо́влять, не пробо́вкуть за се́бе й сло́ва, тліють забве́нне и руйну́ютця. И щобъ ти знавъ, яка́ поселилася тутъ *ме́рзость запустíння на мíсці свя́ті*, тре́ба ще доба́вити, що на́ нічъ сюди́ жиди́ заганя́ють това́ръ свій; скоти́на ту́литця, якъ ви́дно, поузъ стіни, де позоставали́сь ни́жші зало́ми, и хто бъто не вознегодува́въ розу́мний и богобоя́зний, ба́чучи, якъ пору́гані підно́жия престо́лівъ, ті са́мні підно́жия, де кла́дено неутомле́нні покло́ни и па́лено моли́твені кади́ла!

Зъ костéла йдуть перехóди, перехóди скрізь по всёму мурóванню, що-тó колúсь булá шкóла и чернéчі кéлиі. Пішлú ми по тихъ перехóдахъ. Сýмно, дúко всюди: скáзано, пýстка! Инколи чýти якúйсь далéкий гласъ, мовъ хто кого́ клúче, або́ вітеръ занóсить здалекý костéльниі кателúцькиі псáльми. Иншúй подýмавъ би, що той жалібний гласъ чýти изъ костéльного склéпу, подýмавъ би, мóже, що отті нещаслúвиі мертвці кателúцькиі, захлúпуючись калю́жною водóю, вопію́ть изъ домовúнъ: чи не прúйде хочá хто-нéбудь на защúту святúні церкóвноі и святúні гробовóі тогосвітнёі. Тілько жъ недóвго бъ вінъ бувъ у такій богобоя́зній оманí. Идемó, ажъ гля́немъ: у прáву рýку пішóвъ дóвгий, потя́гнутий дúмомъ, перехóдъ. Дымъ вихóдивъ изъ москáльськоі пекáрні, шо тутъ десь булá збóку. А крізъ дымъ, на кінці́ перехóду, покáзуютця одúнъ за одни́мъ, муштрýючись, москалі! Тамъ на кінці́ есть велúка світлúця, що колúсь булá езуіцькою трáпезою, а тепéръ здалáсь на мýштру москаля́мъ. Оддалекú вонú, крізъ дымъ, ворóчались изъ своіми засписóванними оружúнами, и іхъ-то муштéрський гáласъ здавáвся намъ крізъ окнáстні до-півъ порýйнóвані перехóди жалібнимъ глáсомъ изъ тóго світу. Скóро натрáпили ми на нихъ, зáразъ однáла намъ охóта швéндять по німóму цáрству мéртвихъ....

Прощáй до Варшáви! Щó побáчу, або́ почýю — напишý про всячину.

П. Необáчний.

СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Передавая вѣсти съ праваго берега Днѣпра, я надѣюсь принести этимъ пользу изучающимъ общественное и этнографическое положеніе Южнаго края.

Польское вліяніе на народъ *правобо́чної Украіни*, — и особенная участь, постигшая Украину лѣвой стороны Днѣпра, разъединили, тамъ и здѣсь, сословія, и отдѣлили *образованныхъ* отъ *простыхъ*. Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и заговорили для него понятно, но всѣ они, почти всѣ, родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до-сихъ-поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути. Правда, нѣкоторые изъ право-бережныхъ уроженцевъ-писателей поняли силу мѣстныхъ народныхъ стихій, но ихъ поэтическія произведенія скорѣе были передѣланной на польскій ладъ сказкой или пѣсней, чѣмъ самобытнымъ, животворнымъ словомъ. Такъ *Богданъ Залѣскій* любуется Украиной, какъ областью красивыхъ дівчатъ, русалокъ и молодцоватыхъ, нѣжно преданныхъ Польшѣ, *козаковъ*, умѣвшихъ переплывать Днѣпровскіе пороги и пугать Цареградъ; *Михаилу Чайковскому*, хотя и удавалось, въ повѣстяхъ, изображать живыми красками ту или другую черту *козацтва*, но онъ видѣлъ въ немъ только поэтическую его сторону. Тѣ изъ нихъ, которые занимались Украиной съ научной стороны, высказывались въ томъ же смыслѣ. Всѣ они писали по-польски. *Тимко́ Паду́ра*, въ своихъ »*Украин-*

кахъ«, будто бы писанныхъ на южно-русскомъ языкѣ, представилъ пародію и языка и народа, о которомъ заговорилъ; тоже можно сказать и о *Спиридонѣ Осташевскомъ*, авторѣ *Пів-кóпи казóкъ*, переложенныхъ въ украинскіе стихи. Нельзя еще не вспомнить извѣстныхъ *балагýловъ* или *бараіóловъ* (bares-geld), которые также пародировали украинскую народность въ своей повседневной жизни, съ своими лакеями-*козачкáми*, съ своими бандуристами, поющими циническія пѣсни,—съ рюмкой и нагайкой въ рукахъ, съ четвернями лошадей, отличающихся красотою или странною мастью, съ гульбѣй на Бердичевскихъ ярмаркахъ. и всякими *паничéвськими* выдумками, которымъ они старались какъ-будто придать мѣстный характеръ.

Общество смотрѣло на всѣ поименованныя явленія, какъ на эксцентрическія выходки. Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массой, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачею—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія.

За тó большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей, какъ новости. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, — возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ....

Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь этихъ лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно, прежде всего, желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія ис-

тины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть — вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ; вполнѣ убѣждены, что »правда выяснится«, и пристыженные противники — раньше или позже — уступятъ предъ священными ея правами. Можно быть увѣрену, что не опасныя, по мнѣнію помѣщиковъ, современныя идеи, а единственно ихніе (если будутъ дурны) поступки могутъ посѣять взаимныя неудовольствія между сословіями. Въ нашемъ краю они имѣютъ о себѣ самое хорошее мнѣніе.

Къ числу причинъ, растравляющихъ и такъ незавидную матеріальную долю нашего простаго народа, слѣдуетъ отнести огромные проценты, которые они должны платить при всякомъ займѣ. Этотъ заемъ дѣлается обыкновенно или у Еврея, или у помѣщика. Евреи, безъ зазрѣнія совѣсти, берутъ *тінітит 10% ежемѣсячно;* но эти проценты часто возрастаютъ до гораздо большихъ.—Помѣщикъ—требуетъ отработка. Въ этомъ послѣдемъ случаѣ представляется иного рода невыгода. У насъ трудъ чернорабочихъ цѣнится очень дешево, да притомъ отработокъ требуется въ лѣтнее время, именно тогда, когда земледѣльческій трудъ получаетъ наибольшую важность, но никакъ не соразмѣрную награду.—Есть, впрочемъ, отрадные факты въ этомъ отношеніи. Къ числу ихъ относится банкъ для крестьянъ въ селѣ Олешинѣ Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда. Тамошній приходской священникъ г. Морачевичъ вложилъ въ него своихъ собственныхъ 100 р. ср. съ тѣмъ, что онѣ будутъ возвращены тогда, когда другіе 100 р. ср. наростутъ изъ процентовъ, которые обращаются въ собственость банка. Банкъ состоитъ въ завѣдываніи шести выборныхъ. Всякій крестьянинъ имѣетъ право получать деньги въ заемъ изъ банка; въ случаѣ неисправности онъ отвѣчаетъ своимъ хозяйствомъ, если онъ хозяинъ, а за бобыля ручаются двое хозяевъ. По прежнему правилу, весь капиталъ слѣдовало возвращать съ процентомъ (1%) въ мѣсяцъ; теперь это правило замѣнено другимъ, болѣе практичнымъ: капиталъ вмѣстѣ съ процентомъ уплачивается такъ, что за одинъ руб. ср. вносится еженедѣльно 2 коп. ср. (при чемъ уплачивается и часть капитала), слѣдовательно, по прошествіи 52 недѣль, заемщикъ вноситъ 104 к. ср. капитала и процента, — что равнялось бы только 4%, если бы вносимыя въ разное время деньги, посредствомъ оборота, не доставляли еще новой прибыли банку. Это нововведеніе полезно не для одного банка, но и для заемщика, такъ какъ крестьянину трудно было всякій разъ имѣть на-готовѣ потребную для уплаты сумму, и онъ часто принужденъ былъ дѣлать съ этою цѣлью новые займы у Евреевъ, за значительные проценты. Банкъ этотъ устроенъ

съ Свѣтлаго праздника 1860 г. Вносы дѣлаются до сихъ поръ съ примѣрною аккуратностію. Здѣсь нужно замѣтить, что жители Олешина занимаются разнаго рода промысломъ по близости къ мѣстечку.

На подобныхъ же основаніяхъ существуетъ другой банкъ въ с. Цыбулевѣ, Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи. Вкладчикомъ этого банка былъ г. Карлъ Бржезовскій, тамошній помѣщикъ. Онъ вложилъ 300 р. ср. Способъ уплаты въ банкъ займовъ тотъ же, что́ и въ Олешинѣ. Банкъ существуетъ около трехъ лѣтъ.

Подобные отрадные факты доказываютъ, что у насъ есть люди (какъ бы они рѣдко ни встрѣчались), дѣйствительно интересующіеся участью крестьянскаго населенія, — и что это населеніе способно уважать *громадское* добро.

Но говоря о разныхъ отдѣльныхъ экономическихъ явленіяхъ въ Южномъ краѣ, я думаю—неизлишнее будетъ представить здѣсь и нѣкоторыя общія экономическія понятія нашего простаго народа: на нихъ, кажется, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онѣ не безъ значенія для будущности, потому что лежатъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Человѣкъ въ развитіи своемъ начинаетъ обыкновенно съ фактовъ и представленій ограниченныхъ, и далѣе постепенно развиваетъ ихъ. Какъ ни тѣсенъ кругъ его первоначальныхъ понятій, но они имѣютъ чрезвычайную важность, какъ точки отправленія для дальнѣйшаго развитія.

Исходная точка общественной жизни нашего крестьянина — семья. Оставимъ въ сторонѣ нравственно-физіологическій элементъ ея, и посмотримъ на семью съ экономической стороны. Какъ силенъ экономическій элементъ въ семейной жизни народа—не трудно убѣдиться послѣ двухъ—трехъ разговоровъ съ крестьяниномъ о его повседневной жизни. Опредѣляя достоинство каждаго изъ членовъ семьи, говоря о намѣреніи кого либо изъ нихъ вступить въ бракъ, радуясь дѣтьми — онъ всегда чуть ли не на первомъ планѣ ставитъ хозяйственное ихъ значеніе. Итакъ, семья въ этомъ смыслѣ, есть самая тѣсная ассоціація нѣсколькихъ лицъ различнаго пола; экономическій принципъ ея слѣдующій: »отъ всякаго члена — трудъ соразмѣрный его способностямъ,—всякому соотвѣтственно его потребностямъ, принимая въ соображеніе общее достояніе и общія потребности.« Обыкновенно, во всякой хатѣ, за образами, лежитъ калитка, въ которую приноситъ всякій членъ этого общества свой заработанный грошъ. Всѣ полевые и прочіе продукты составляютъ подобнымъ же образомъ общее достояніе. Утаеніе заработка предъ прочими членами семьи

считается самымъ нехорошимъ дѣломъ: этотъ принципъ глубоко укорененъ въ общенародномъ сознаніи.

Что́ касается до *надѣла каждаго сообразно съ его потребностями, и по соображенію общаго достоянія и общихъ потребностей*,—то этотъ принципъ также глубоко укорененъ въ общественномъ сознаніи. Часто вся маленькая ассоціація жертвуетъ многимипо вседневными потребностями въ пользу одного своего члена — и это дѣлается безъ всякаго неудовольствія со стороны остальныхъ: сильное чувство общественной солидарности устраняетъ всѣ прочія чувства, могущія зародиться въ подобномъ случаѣ. Подобные случаи бываютъ, напримѣръ: при отдачѣ кого нибудь »*въ науку*.« —Семья лишается хозяйственной помощи одного изъ членовъ, но сознавая пользу этой »науки«,—она охотно дѣлаетъ и другія пожертвованія въ пользу этого члена. Подобные факты довольно рѣдки, но при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, они часто будутъ повторяться. Менѣе рѣзкіе факты подобнаго значенія представляются ежедневно въ отношеніи къ малолѣтнимъ, нездоровымъ, нуждающимся въ большемъ пожертвованіи, вслѣдствіе какой нибудь временной причины. —Крестьянинъ не можетъ понять, ка́къ можно иначе устроить эти отношенія. Для него, напр., никакъ не понятна опредѣленная плата, назначаемая часто людьми высшаго сословія ихъ дѣтямъ: онъ считаетъ это чѣмъ-то постыднымъ и непонятнымъ. Я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться неоднократно. Предложеніе, чтобъ всякій хранилъ свой заработокъ отдѣльно (предполагая даже всѣхъ членовъ семейства уже взрослыми) — кажется крестьянину самымъ гибельнымъ принципомъ въ экономическомъ отношеніи. Его сужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ компетентность практическаго взгляда. Принципъ экономическаго значенія семьи считается у нашихъ крестьянъ самымъ полезнымъ въ отношеніи къ благосостоянію: причину богатства извѣстной группы людей они обыкновенно объясняютъ словами: »*не ди́во: то́ наро́дъ семьяни́стий*.« Одинъ крестьянинъ, на мой вопросъ, какое средство считаетъ онъ самымъ вѣрнымъ для улучшенія общаго благосостоянія, отвѣчалъ: «*коли́-бъ на́ша семья́ и зъ то́'ю и зъ то́'ю* (указывая на нѣсколько хатъ) *жила́ на́че одна́ семья́, щобъ у-гурті роби́ть, до ку́пи всі гро́ші и ввесь заробі́токъ склада́ть, за оди́нъ сті́лъ сіда́ти: — то тоді́ бъ пе́вне, що розжили́ся бъ*.«

Вотъ общественный идеалъ, по понятіямъ нашего крестьянина (1)!

(1) Онъ высказывается во многихъ народныхъ пословицахъ, напр.»Якъ жить у ку́пі, то не боли́ть у пу́пі,« »гу́ртъ и въ Бо́га кра́де,« »грома́да — вели́кий чоловікъ.«

онъ имѣетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, много положительнаго, чего многіе не хотятъ понять, приписывая простому народу только отрицательное воззрѣніе. Конечно, въ народныхъ понятіяхъ есть и послѣднее; — въ экономическомъ отношеніи оно высказывается въ нѣкоторомъ особенномъ взглядѣ нашихъ крестьянъ на собственность.

По ихъ понятіямъ, лѣсъ, овощи, рыбы, птицы и всякій лѣсной звѣрь — составляютъ общее достояніе. Онъ разсуждаетъ, что *никто не заработывалъ на эти вещи* и что онѣ даны природой для всѣхъ безъ исключенья. Преодолѣніе трудностей для присвоенія себѣ доли изъ этого общаго достоянія — считается своего рода молодечествомъ, но никакъ не постыднымъ дѣломъ. Разсказы о подвигахъ подобнаго рода дѣлаются неразъ публично.

Иногда допускается воровство и другихъ вещей: хлѣбъ можно, по народнымъ понятіямъ, красть, но никакъ не больше, какъ сколько необходимо нужно, потому что хлѣбъ горько зароботывается и только принципъ: »*не дать душі пропасти — треба вкрасти*» — оправдываетъ виновнаго въ подобныхъ случаяхъ (1).

Отдача найденныхъ вещей потерявшему ихъ считается честнымъ дѣломъ, но и требованіе выкупа, т. е. извѣстной части стоимости найденной вещи — не считается постыднымъ. Выкупъ этотъ обыкновенно состоитъ въ извѣстномъ количествѣ водки, которую вмѣстѣ и потерявшій и нашедшій пропиваютъ, взаимно благодаря другъ-друга за оказанную услугу.

Наконецъ, еще одна характеристическая черта въ этомъ отношеніи — это всеобщая симпатія къ личности Кармелюка вездѣ, гдѣ о немъ сохранилось преданіе, — при чемъ девизомъ его ставятъ слова, заимствованныя изъ пѣсни, ему приписываемой:

»Зъ багатого хочъ я візьму —
Убогому даю:
Розділивши такъ ті гроші,
Гріха я не маю.«

Представляя всѣ эти факты, я старался только указать на нихъ; самъ же не рѣшаюсь дѣлать по нимъ никакихъ заключеній.

Максимъ Чорный.

---

(1) Вопросъ о народномъ взглядѣ на собственность требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ, у нашего же народа существуетъ пословица: »Хто чужé берé, того Богъ побьé«, — »на чужій трудъ — ласий не будь«, и другія. — *Ред.*

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ

ПО 10-Й НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Статистическое изслѣдованіе *А. Тройницкаго*. Изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета. Спб. 1861.

Заглавіе книги г. Тройницкаго достаточно объясняетъ ея занимательность въ настоящее время. Мы остановимся съ бо́льшимъ вниманіемъ преимущественно на тѣхъ данныхъ, которыя относятся до южнорусскаго края.

Изслѣдованіе г. Тройницкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ *краткое обозрѣніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи;* второй—*числовыя вѣдомости и общую таблицу разныхъ разрядовъ крѣпостнаго населенія*, къ которымъ приложена *статистическая карта* съ наглядным обозначеніемъ процента крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи; въ третьемъ соединены и разсмотрѣны главнѣйшіе *выводы, извлеченные изъ числовыхъ вѣдомостей*, и представлены *соображенія* о взаимномъ отношеніи разрядовъ крѣпостныхъ людей и о числовомъ отношеніи крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, и проч.

Первое прикрѣпленіе *къ землѣ* г. Тройницкій относитъ къ временамъ Татарскаго владычества, когда, для обезпеченія исправнаго взноса податей, учреждена была народная перепись (въ 1257 г.), и городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія; послѣднее, окончательное и безусловное, закрѣпленіе *лицу*

совершилось въ царствованіе Екатерины II, когда дворянамъ было предоставлено право собственности не только на землю, но и на крестьянъ.

Въ настоящее время, согласно перечневымъ вѣдомостямъ казенныхъ палатъ о народонаселеніи южно-русскаго края, сельскіе обыватели крѣпостнаго или несвободнаго состоянія раздѣляются на слѣдующіе три главные раздѣла: помѣщичьихъ, — принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, и приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

Помѣщичьи крестьяне могутъ быть раздѣлены на состоящихъ на крѣпостномъ правѣ: 1) общемъ и 2) условномъ. Первые состоятъ изъ *крестьянъ*, собственно такъ-называемыхъ, и *дворовыхъ людей*, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ, при денежномъ обезпеченіи, или даже безъ такого обезпеченія,—и имѣются во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Украинскимъ народомъ, кромѣ земли Черноморскаго войска, гдѣ по указу 1850 г. сентября 18, крѣпостные, съ 16 іюня 1858 г., обращены въ козаковъ.—Вторые въ губерніяхъ юго-западныхъ, состоятъ, по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, тоже на общемъ крѣпостномъ правѣ (условія касаются собственно помѣщика, по отношенію къ правительству), съ тѣми только ограниченіями, которыя вообще введены по инвентарнымъ правиламъ въ западныхъ губерніяхъ. Они раздѣляются на *владѣльческіе ординацкіе*, *поіезуитскіе*, *ленные* и подлежащіе обращенію въ казну.—*Владѣльческіе ординацкіе* крестьяне поселены въ Подольской и Волынской губерніяхъ, въ имѣніяхъ бывшаго огромнаго маіората *Острожской ординаціи*, учрежденнаго въ началѣ XVII вѣка княземъ Янушемъ Острожскимъ и, въ-послѣдствіи времени, раздробившагося и перешедшаго во владѣніе многихъ лицъ. Бо́льшая часть особыхъ условій, съ которыми сопряжено было, по волѣ основателя, владѣніе этимъ маіоратомъ, упразднилась; но условіе, по которому Острожская ординація должна была выставлять 600 вооруженныхъ воиновъ, для огражденія тогдашнихъ границъ государства противъ враговъ христіанства, и донынѣ сохранилось, только въ измѣненномъ видѣ: съ имѣній, входящихъ въ составъ ординаціи, взимается извѣстный денежный сборъ.—*Поіезуитскіе*, находящіеся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, поселены въ имѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ іезуитскому ордену и, по уничтоженіи ордена, проданныхъ Польскимъ правительствомъ древнимъ Польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, сумма которой оставлена вѣчно на имѣніяхъ.—*Ленные* крестьяне, состоящіе, какъ и поіезуитскіе, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, водворены въ имѣніяхъ, розданныхъ нѣкогда польскими коро-

лями разнымъ лицамъ, за воинскія заслуги, до пресѣченія мужской, а нѣкоторыя и женской, линіи. Такія имѣнія не раздробляются по наслѣдству, не закладываются и не продаются изъ одной фамиліи въ другую. Къ крестьянамъ, состоящимъ на условномъ правѣ, должны быть отнесены и *обязанные* крестьяне. Они находятся въ Кіевской и Подольской губ.

Учрежденія и сословія, владѣющія крѣпостными людьми на помѣщичьемъ правѣ, суть слѣдующія: 1) *Благотворительныя* и *воспитательныя* учрежденія (въ томъ числѣ и Харьковскій университетъ владѣетъ 191 душею мужескаго пола); 2) *Города юго-западнаго края* (въ томъ числѣ Каменецъ-Подольскъ владѣетъ городскимъ селеніемъ *Кормиличъ*): ихъ крестьянами управляютъ думы, магистраты и ратуши; 3) *Церкви и монастыри* бывшаго Базиліанскаго ордена грекоуніатскаго исповѣданія, въ юго-западномъ краѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и крестьянъ, приписанныхъ къ *раскольничьему Куриневскому монастырю* (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.) и къ Мусульманской Рѣжевской мечети (въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губ.): первые управляются инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, на помѣщичьемъ правѣ; 4) Вѣдомство коменданта С. Петербургской крѣпости; 5) казенные горные промыслы, заводы и фабрики, военное, морское и придворное вѣдомства, банкъ и такъ далѣе, владѣющіе многочисленными разрядами крестьянъ, существующихъ подъ общимъ названіемъ *приписныхъ*. Крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ мѣстахъ, заселенныхъ Украинскимъ народомъ, нѣтъ.

Второй и третій отдѣлы труда г. Тройницкаго содержатъ въ себѣ, какъ сказано выше, числовыя вѣдомости и основанные на нихъ выводы.

Постараемся извлечь отсюда нѣкоторыя соображенія. Изъ 23,069,631 крѣпостныхъ обоего пола, находящихся въ Россійской Имперіи, надолю 7-ми губерній южнорусскаго края приходится 5,061,263 душъ (Полтавской — 681,672 душъ обоего пола, Черниговской — 553,622 душъ, Кіевской — 1,121,062, Подольской — 1,041,051, Волынской — 864,161, Харьковской — 471,165 и Екатеринославской — 328,530), или 2,470,628 душъ мужескаго пола и 2,590,635 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ — $104^{85}/_{100}$ женщинъ. Общее число жителей въ этихъ губерніяхъ — мужчинъ: 5,543,961, женщинъ 5,593,395, или на 100 мужчинъ — $100^{89}/_{100}$ женщинъ. Слѣдовательно, перевѣсъ женскаго крѣпостнаго населенія надъ мужскимъ $3^{96}/_{100}$ процентами выше, нежели въ населеніи общемъ, т. е., оказывается тоже почти, что́ и вообще замѣчается въ крѣпостномъ населеніи Россіи, съ тою только разницею,

что въ остальныхъ ея губерніяхъ—вообще больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, какъ въ крѣпостномъ, такъ и въ не крѣпостномъ сословіяхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ — 5,059,993 обоего пола души, а остальныя 1,270 душъ принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ.

Г. Тройницкій, указавъ числовыя отношенія крѣпостныхъ по по́ламъ и по разрядамъ,—разсматриваетъ уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ ближайшее къ намъ время и приходитъ къ такому заключенію, что крѣпостной составъ Имперіи *остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ* (со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи), между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе Имперіи *увеличилось на девять милліоновъ душъ;* застой и даже уменьшеніе крѣпостныхъ замѣчается по преимуществу *въ мужскомъ полѣ*. Такое замѣчательное явленіе авторъ изслѣдованія приписываетъ, главнымъ образомъ, отбыванію рекрутской повинности натурою и вообще перечисленію крѣпостныхъ въ другія сословія; но перечисленіе, по мнѣнію г. Тройницкаго, не единственная причина этой убыли. »Нѣтъ сомнѣнія«, говоритъ онъ, »что и условія естественнаго приращенія въ той части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ состояніи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, и *необходимо* и *своевременно*.«

Число дворовыхъ людей въ упомянутыхъ 7-ми губерніяхъ—296,040 душъ, — мужчинъ 146,211, женщинъ 154, 829 (въ Харьковской 44,202 мужч., 47,045 женщ.; Полтавской—40,787 мужч., 45,064 женщ.; Екатеринославской—28,498 мужч., 27,797 женщ.; Черниговской—25,689 мужч., 27,933 женщ.; Кіевской—3,560 мужч., 3,743женщ.; Подольской—3,280 мужч., 3,026женщ. и Волынской—195мужч., 221 женщ.); число же помѣщичьихъ крестьянъ, *на общемъ крѣпостномъ правѣ состоящихъ*,—4,483,148душъ(2,188,123м., 2,295,025 ж.); слѣдовательно, дворовые люди составляютъ около 15-й доли поселенныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстности, заселенные украинскимъ народомъ, въ этомъ отношеніи, находятся въ болѣе выгод-

ныхъ условіяхъ, чѣмъ вообще по Имперіи; вообще по Имперіи дворовые люди составляютъ около 14-й доли поселенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ изъ семи губерній замѣчается значительное, въ послѣднее время, увеличеніе дворовыхъ въ сравненіи съ поселенными крестьянами. Въ губерніи Харьковской, по 10-й ревизіи, показано дворовыхъ муж. пола болѣе противъ ревизіи 9-й—на 30,814 душъ, въ Полтавской—на 28,044 д., Екатеринославской—на 20,736 д., Черниговской—на 19,549 д. Подольской—на 355 д., (въ Волынской и Кіевской менѣе противъ 9-й ревизіи, въ первой — на 111 д. и во второй — на 556 д.)

Но обратимся къ самому изслѣдованію: »самое значительное перечисленіе крестьянъ въ дворовые«, говоритъ авторъ, »произошло въ Харьковской губерніи; за тѣмъ слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, губерніи: Полтавская, Курская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Костромская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Минская. Трудно объяснить себѣ поводъ къ этому перечисленію въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, которыя всѣ принадлежатъ къ числу земледѣльческихъ и въ которыхъ общаго можно указать развѣ только то, что въ бо́льшей части изъ нихъ Малороссійское племя или преобладаетъ, или, въ значительной степени, смѣшано съ Великороссійскимъ. Но этотъ племенной признакъ едва ли могъ имѣть вліяніе на указываемое явленіе; вѣроятнѣе предположить, что, какъ въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ это перечисленіе произошло въ меньшихъ размѣрахъ, поводомъ къ тому были распространившіеся, при производствѣ послѣдней переписи, слухи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены Правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникнули подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе«. Вѣроятно, ближайшія наблюденія надъ дѣйствительностію подтвердятъ выводъ автора.

Любопытенъ также выводъ г. Тройницкаго о числѣ *безпомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ*.« Число тѣхъ и другихъ уменьшилось (въ теченіе 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи) почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія, съ 1841 г, безпомѣстнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ, а такъ какъ они, съ то-

го же времени, не могли и продавать своихъ крестьянъ, безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значичельная часть изъ числа 50, 000 душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющаго разность между двумя ревизіями, были отпущены владѣльцами на волю.« Выводъ этотъ любопытенъ для насъ сколько потому, что, несмотря на столь значительное уменьшеніе безпомѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, самыя крупныя цыфры, по крайней мѣрѣ владѣльцевъ, остаются за Южнорусскимъ краемъ (въ Полтавской губерніи—269, въ Харьковской — 248, Черниговской — 207, между тѣмъ какъ ни одна губернія въ цѣлой имперіи не достигаетъ и до 200).

Г. Тройницкій раздѣляетъ губерніи, по крѣпостному проценту, на 4 группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ болѣе 50% или болѣе половины губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается, понижаясь отъ 50 до 25% т. е. отъ половины до четвертой части всего населенія; 3-я, съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25 до 10%, или отъ четвертой до десятой части, и наконецъ — 4-я, съ числомъ крѣпостныхъ менѣе 10% т. е. менѣе десятой части губернскаго населенія.

Семь южно-русскихъ губерній принадлежатъ, къ сожалѣнію, къ двумъ первымъ группамъ; —Подольская, Кіевская и Волынская особенно богаты крѣпостными: въ первой — $59^{54}/_{100}$, во второй — $57^{66}/_{100}$ и въ третьей—$56^{54}/_{100}$ процента. Губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Харьковская имѣютъ крѣпостныхъ, первая —$37^{61}/_{100}$, вторая—$37^{47}/_{100}$, третья—$31^{51}/_{100}$ и четвертая—$29^{77}/_{100}$ процента. Въ Подольской и Кіевской губерніяхъ крѣпостное насесеніе *выше милліона*, въ Волынской — *около милліона* душъ обоего пола. »Сельское населеніе этихъ трехъ губерній, принадлежащихъ къ хлѣбороднѣйшимъ въ Россія, обращено въ крѣпостное еще подъ Польскимъ владычествомъ, когда богатые и сильные Польскіе магнаты, подчинивъ своей власти значительную часть тамошнихъ многочисленныхъ сельскихъ обывателей, устроили обширныя и богатыя помѣстья, въ видѣ ленныхъ владѣній, такъ что въ этомъ краѣ крестьянское право установилось болѣе въ формѣ завоевательнаго подчиненія сельскихъ обывателей, нежели укрѣпленія ихъ къ землѣ.«

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской сельское населеніе освободилось отъ пановъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ Поляками; но Екатерина II, въ 1783 г., ввела здѣсь крѣпостное состояніе, которому впрочемъ не могло подпасть такое число крестьянъ, какъ въ

югозападныхъ губерніяхъ потому, что многіе изъ нихъ принадлежали къ сословію козацкому. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ крестьянское сословіе долго было подвижнымъ: въ первой, принадлежавшей къ великорусской Украинѣ, — вслѣдствіе пограничныхъ волненій и татарскихъ набѣговъ, а въ Екатеринославской — вслѣдствіе новаго поселенія и разселенія крестьянъ: поэтому и крѣпостное состояніе учредилось здѣсь позже и не могло обнять большаго числа крестьянъ.

Вообще изслѣдованіе г. Тройницкаго наводитъ на многія, весьма любопытныя соображенія, и представляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для самопознанія. Спѣшимъ принести автору нашу признательность за трудъ, требовавшій большаго вниманія и любви къ дѣлу.

М. Номисъ.

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ

ПРОФЕССОРА КОСТОМАРОВА

ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНЫ, ПО СМЕРТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Исторія Украины въ былое время состояла большею частію изъ похвальныхъ словъ нашимъ гетманамъ и героямъ козацкой старины. Вдругъ, среди славословій, ни для кого неожиданно, раздался голосъ поэта:

— —
Я рида́ю, якъ згада́ю
Діла́ незабу́ті
Пре́дківъ на́шихъ...тяжкі діла́!
Якъ-би́ іхъ забу́ти,
Я бъ одда́въ би весе́лого
Віку полови́ну...
Оттака́-то на́ша сла́ва,
Сла́ва Украіни!
— —

Поразили эти слова и самихъ дѣятелей родного бытописанія. Мы призадумались послѣ нихъ глубоко надъ нашимъ прошедшимъ, и съ того времени, замѣтно для всѣхъ, начался переворотъ въ понятіяхъ объ украинской старинѣ. Само собою разумѣется, что умы, представлявшіе собою родную націю въ высшихъ ея особенностяхъ, были ужъ подготовлены къ этому перевороту; поэтъ возгласилъ только свое благовѣствованіе передъ началомъ великаго національнаго подвига — отреченья отъ наслѣдственныхъ заблужденій. Но тутъ наступила извѣстная эпоха и надолго остановила выраженіе украинской мысли. Только въ недавнее время она воскресла въ чистотѣ своихъ стремленій, и съ этого собственно времени дѣятельность нашихъ писателей получила полную свою законность. Почетнѣйшее мѣсто между ними принадлежитъ нашему историку, Н. И. Костомарову. Неутомимымъ изученіемъ источниковъ онъ придалъ

исторіи Украины все достоинство истины въ глазахъ всѣхъ вообще просвѣщенныхъ русскихъ людей и заставилъ умолкнуть — съ одной стороны славословія героямъ украинской старины, съ другой — отрицаніе въ насъ элементовъ, составляющихъ гражданское общество. Въ особенности сдѣлалъ онъ глубокое впечатлѣніе на публику своими пятью чтеніями о временахъ Выговскаго, въ пользу студентовъ С. Петербургскаго университета.

Отличительное достоинство этихъ чтеній состоитъ въ новости фактовъ, представленныхъ историкомъ, и въ искусствѣ, съ какимъ онъ характеризовалъ дѣйствующія лица поступками и словами ихъ. До сихъ поръ никто не пользовался съ такимъ умѣньемъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ, который послужилъ основаніемъ его чтеніямъ. Добавивъ къ полученнымъ отсюда даннымъ извлеченія изъ источниковъ печатныхъ, г. Костомаровъ поразилъ полнотою изложенія *Выговщины* даже и тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые были спеціально знакомы съ предметомъ. Описанныя имъ козацкія рады, переговоры гетмана съ царскими послами и Варшавскій сеймъ, на которомъ Поляки и наши паны думали окончательно рѣшить судьбу Украины, похожи на главы историческаго романа, созданнаго воображеніемъ; но ни одного слова не прибавилъ отъ себя историкъ въ шумныя рѣчи тогдашнихъ представителей Украины, Москвы и Польши, ни одной черты — въ картины представленныхъ имъ нравовъ. Онъ даже скрылъ отъ публики свое сочувствіе къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ. Онъ предоставилъ каждому изъ своихъ слушателей выводить изъ слышаннаго собственныя умозаключенія, сообразно съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь прошедшую и настоящую. Вслушиваясь въ чтенія почтеннаго нашего историка, мы только въ слѣдующихъ его словахъ замѣтили непосредственное отношеніе его къ дѣятельности духа человѣческаго, выражающейся въ исторіи (слова достойныя того, чтобъ утвердить ихъ въ памяти на вѣки): »Въ XVII вѣкѣ еще не понимали, что для поколѣній будущихъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій.«

Такъ какъ обстоятельный отчетъ о публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова представленъ уже однимъ изъ сотрудниковъ *Основы* въ 6 № *Вѣка*, то мы не станемъ здѣсь о нихъ распространяться, — тѣмъ болѣе, что въ *Основѣ* появятся въ непродолжительномъ времени и самыя чтенія.

П. Казюка.

РѢЧЬ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА

О ЗАСЛУГАХЪ К. С. АКСАКОВА ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

произнесенная въ залѣ С.Петербургскаго Университета, 16 февраля 1861.

Спѣшимъ занести въ свою лѣтопись краткое извѣстіе объ этой замѣчательной рѣчи. Независимо отъ разнообразнаго содержанія, она имѣетъ значеніе общественнаго дѣла: это было благородное и безпристрастное заявленіе признательности за труды человѣку, необычайно-чистому и искреннему, и въ тоже время даровитому, независимому и неутомимому въ преслѣдованіи своихъ идей, которыя хотя, въ частностяхъ, нерѣдко были не вѣрны, отзывались иногда пристрастіемъ и исключительностью, но въ основаніи были животворны, благородны и весьма полезны для уразумѣнія Русскаго народа и его исторіи. Рѣчь г. Костомарова была единственною общественной наградой, какой только могъ пожелать К. С. Аксаковъ: другихъ онъ не получалъ ни при жизни, ни по смерти.

Рано оставившая свѣтъ, поэтическая личность извѣстнаго Славянофила,—пламеннаго народнаго друга и слуги,—представляется явленіемъ отраднымъ и увлекательнымъ посреди поколѣнія, не отличающагося твердостью своихъ убѣжденій. К. С. Аксаковъ не могъ не внушить искренняго сочувствія дѣятелю, не принадлежащему къ Славянофильской Московской школѣ, но также посвятившему свою жизнь на служеніе Русскому народу: живой поборникъ Славянскаго единенія и самопознанія, но безъ идеализированія прошлаго и безъ пристрастія къ племени, Н. И. Костомаровъ понялъ и оцѣнилъ по достоинству и безъ предубѣжденія дѣйствительныя заслуги покойнаго.

Н. И. Костомаровъ началъ свою рѣчь выраженіемъ скорби о понесенной русскою литературою новой утратѣ, которая напомнила ему другія драгоцѣнныя могилы. »Право на народную память«, сказалъ онъ, »К.

С. Аксаковъ заслужилъ проведеніемъ спорнаго, до-того, народнаго воззрѣнія въ наукѣ Русской исторіи, посредствомъ извѣстныхъ критическихъ статей его, исполненныхъ свѣтлыхъ взглядовъ и свѣжихъ мыслей.« —За тѣмъ, г. Костомаровъ послѣдовательно и ясно изложилъ энергическіе протесты покойнаго противъ поклонниковъ Петровской реформы,—противъ теоріи родового быта въ старинной русской жизни,—противъ страннаго смѣшенія, въ Русской исторіи, государственнаго начала съ народнымъ. Отдѣливъ на сторону противниковъ К. С. Аксакова принадлежащія имъ доли истины,—объяснивъ значеніе идеи Славянофиловъ о народности,—показавъ существующее и до настоящаго времени раздвоеніе въ Русскомъ обществѣ,—дополнивъ положенія К. С. Аксакова наглядным развитіемъ ихъ передъ слушателями и указаніемъ на новыя пріобрѣтенія, добытыя наукою, главнымъ образомъ, на недоставшее, для полноты и ясности воззрѣній К. С. Аксакова, федеративное начало въ отношеніяхъ Русскихъ Земель, — профессоръ утверждаетъ за нимъ слѣдующія положительныя заслуги:

1) Опроверженіе идеи о патріархально-деспотическихъ элементахъ родоваго быта въ древне-русской жизни;

2) Уясненіе до очевидности общинно-вѣчеваго въ ней начала;

3) Глубоко-психологическое разъясненіе Іоанна Грознаго, какъ личности, артистическія свойства которой были несостоятельны для полезной общественной дѣятельности, и

4) Уясненіе двойственности началъ — государственнаго и народнаго, въ нашей исторіи.

Крайности и невѣрности въ изслѣдованіяхъ К. С. Аксакова и школы, г. Костомаровъ приписываетъ ихъ идеализму, которому онъ противопоставляетъ дѣйствительную историческую истину, свободную отъ увлеченій настоящаго, чуждую боязни за будущее и безпристрастную къ прошедшему, признавая только такую истину единственною цѣлью, достойною историка. Живое содержаніе рѣчи г. Костомарова сильно тронуло слушателей; торжественное вниманіе болѣе тысячи человѣкъ, во все продолженіе двухъ-часоваго чтенія, воодушевляло профессора; восторженныя рукоплесканія проводили его по окончаніи чтенія.

Не многіе честные русскіе дѣятели удостоивались такого воздаянія по смерти, какимъ былъ почтенъ К. С. Аксаковъ.

А. М.

ОТВѢТЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Въ 4 № »Современной Лѣтописи« мы прочли слѣдующую замѣтку: »Языкъ, употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи, гораз»до ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то́ малороссійское на»рѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ »совершенно легко можетъ читать все, что́ пишется на южно-русскомъ »нарѣчіи, равно, какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно »и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной »Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литера»турнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, ко»торые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.«

Оставляя въ сторонѣ *передразниванье* (по всей вѣроятности — опечатку), такъ какъ дѣло идетъ объ украинскихъ литераторахъ, которые до сихъ поръ извѣстны были не рабскимъ подражаніемъ чему бы то ни было, — не повтореніемъ, не передразниваньемъ, — а добросовѣстнымъ изученіемъ и вѣрнымъ возсозданіемъ народной жизни (да уваженьемъ къ личности народа, человѣка—литератора и не-литератора), мы обращаемся прямо къ существенному вопросу объ оттѣнкахъ и тонахъ народнаго говора. Чей же говоръ важнѣе народнаго? къ какому говору больше сто́итъ прислушиваться? Оттѣнки и тоны нашего народнаго говора разнообразны, какъ жизнь и природа, логичны какъ народный, несдавленный, умъ, и музыкальны, какъ украинская пѣсня. Прислушиваться къ нимъ— не порокъ, а долгъ и толкъ. Не совѣтовалъ ли самъ Пушкинъ—величайшій художникъ сло́ва — прислушиваться къ народному говору, учиться языку у просвирней и на рынкѣ? »Современная Лѣтопись« , должно быть, не ясно — не вполнѣ — высказалась: по ея мнѣнію, дурно то́, что укра-

инскіе писатели прислушиваются къ *своему* (вѣроятно, *это* слово пропущено въ »Современной Лѣтописи?«) народному говору, а не слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, примѣру Галичанъ, которые пріурочиваютъ свой письменный языкъ къ литературному великорусскому.

Возстановивъ, кажется, безошибочно, основной смыслъ приведеннаго мѣста, спѣшимъ заявить, что мы иначе объ этомъ думаемъ.

Легкость, съ какою Галицкіе образованные Русины читаютъ великорусскія книги, объясняется не какимъ-либо особымъ литературнымъ направленіемъ Галицкихъ писателей, а сродствомъ южно-русской рѣчи съ великорусской, и навыкомъ. Въ Великорусской литературѣ столько хорошаго, что было бы странно не интересоватьсся ею — Славянамъ, особенно русскимъ. Подавленному двойнымъ гнётомъ—онѣмечиванья и ополячиванья— русскому сердцу Галичанина особенно трудно защититься отъ вѣющаго на него—отраднымъ родствомъ и лучшимъ будущимъ—духа нравственной литературной Россіи. Для борьбы съ насильственными притязаніями, галицкій Русинъ — воспитанникъ польскихъ или нѣмецкихъ школъ — схватился за первое, уже готовое, оружіе, не имѣя времени ни изучать наличное богатство своего народнаго языка, ни разработывать его литературно. Но это явленіе — не законъ; тѣмъ болѣе не законъ для украинскихъ писателей, настоящихъ и будущихъ. Одинъ языкъ не можетъ замѣнить другаго, какъ бы, по-видимому, онъ ни былъ близокъ. Въ языкахъ, образующихся органически, нѣтъ ни случайныхъ соотвѣтствій, ни напрасныхъ различій: всякая произвольная замѣна одного другимъ, въ видахъ единообразія и удобства, уродуетъ языкъ и лишаетъ его органической самобытности, логической гармоніи частей и даже удобопонятности. Въ этомъ отношеніи украинскій литературный языкъ, выросшій непосредственно изъ языка живаго, народнаго, слѣдовательно—болѣе самостоятельный, нежели Галицко-русскій, — въ то же время и болѣе доступенъ пониманію соплеменниковъ. Кто изъ Славянъ внимательно вчитался въ нѣсколько страницъ украинской книги, для того легко и пріятно дальнѣйшее ея чтеніе, а этого нельзя сказать о книгахъ Галицко-русскихъ. Но если бы и дѣйствительно велико-русскому читателю достушнѣе былъ червоно-русскій текстъ, чѣмъ украинскій: развѣ Русскій народъ въ Галиціи, не смотря на 4-хъ вѣковое вліяніе чуждыхъ стихій, сохранившій народный языкъ Южной Руси, сохранившій пѣсни, повѣрья, преданья и пословицы, общія съ украинскими,—не имѣетъ права на то, чтобъ для него писали понятнымъ литературнымъ языкомъ? Развѣ *наши* удобства, а не облегченіе путей образованія *народу*, должны быть главною

цѣлью людей, сознавшихъ пользу и современную потребность разработки роднаго слова? Искусственное направленіе литературнаго языка, съ несвойственными ему стихіями, несомнѣнно отдалило бы благотворное сближеніе образованной части общества съ народомъ и замедлило бы распространеніе просвѣщенія.

Нѣтъ! ни съ какой стороны не приходится »украинскимъ литераторамъ« брать примѣръ съ галицкихъ. Постоянная мечта русскихъ Галичанъ — союзъ съ остальною Русью — для Украинцевъ не существуетъ. Пока мы достигали соединенія, провѣряли его послѣдствія, сживались и т. д., наши литературные интересы тянулись въ одну сторону; теперь же, когда соединеніе совершилось, — и для насъ настало время правильнаго литературнаго развитія. Крайняя централизація въ языкѣ была бы губительною помѣхою общему благосостоянію и образованію; единоображеніе производитъ у насъ уродство или юродство....

Искуственность и безжизненность галицко-русской литературы суть естественныя послѣдствія неестественнаго ея положенія и отдаленія ея отъ языка народнаго.

»Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника«, при разрѣшеніи возбужденнаго новыми явленіями вопроса, предпочла однообразную форму жизненной сущности и не дала себѣ труда взглянуть на дѣло внимательнѣе, глубже, — исторически. Что художественнаго оставили по себѣ и къ чему прочному привели ломка и ковка южно-русской рѣчи въ чуждыя формы Польскаго силлабизма? Ничего, кромѣ жалкихъ виршей, лишенныхъ поэзіи, которыхъ человѣкъ со вкусомъ просто не въ силахъ читать, а народъ, къ счастью, совсѣмъ не знаетъ и никогда не узнаетъ. По какому же соображенію, на основаніи какихъ данныхъ вы ожидаете лучшихъ послѣдствій отъ того, еслибы украинскіе литераторы стали подражать Галицкимъ и намѣренно пренебрегли природными отличіями южно-русскаго языка, со всѣмъ разнообразіемъ его формъ, со всѣми оттѣнками его тона и говора?

Будучи убѣждены, что всякое стѣсненіе, а тѣмъ болѣе — систематическое, расчитанное, хотя бы съ наилучшею цѣлью, вредитъ полнѣйшему разкрытію жизненныхъ силъ человѣка и народа, мы смотрѣли бы не только спокойно, но съ удовольствіемъ, еслибъ каждое нарѣчіе проявило себя литературно, лишь бы только проявленія эти были достойны. Но вопреки столь положительно-выраженному мнѣнію автора »Современной Лѣтописи«, — въ нашей литературѣ, напротивъ, рѣшительно преобладаетъ переяславско-чигиринское нарѣчіе, — шевченков-

ское, — хотя нельзя не допустить, что, со временемъ, могутъ явиться талантливые писатели, которые захотятъ писать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи и заставятъ читать себя.

Всѣ новосоздающіяся литературы представляли, при своемъ началѣ, сочиненія на разныхъ нарѣчіяхъ; съ теченіемъ времени, одно изъ нихъ достигало полнѣйшаго развитія, какъ со стороны формы, такъ и содержанія, и мало-по-малу дѣлалось господствующимъ. Вездѣ отъ разнообразія приходили къ единству: за что́ же авторъ Лѣтописи, (оказавшійся болѣе предвѣщателемъ будущаго, чѣмъ знатокомъ настоящаго положенія нашего письменнаго языка) такъ рѣзко упрекаетъ украинскихъ литераторовъ?

Быть можетъ, ему не нравится и самое существованіе — скромное существованіе — украинской литературы? Это дѣло другое... На этотъ разъ мы противъ вкуса спорить не будемъ....

Какъ бы ни было, но украинская литература утвердила уже свое существованіе; южно-русскій языкъ и изустная южно-русская словесность, изъ которой развилась, не взирая на самыя неблагопріятныя обстоятельства, словесность письменная, — съ незапамятныхъ временъ ведутъ свое начало; письменная словесность, по своему содержанію, представляетъ вѣрные задатки дальнѣйшаго развитія, составляетъ несомнѣнный и законный фактъ нашей общественной жизни. Жизненность украинской литературы лучше всего доказывается простотой и естественностью ея возникновенія: люди, живѣе другихъ почувствовавшіе потребность народнаго самопознанія, изучили свой народъ, и убѣдясь, что *»лу́чче своє́ ла́тане, аніжъ чужє́ ха́пане«* — стали писать по-украински. Намъ, съ авторомъ »Современной Лѣтописи«, теперь остается просто принять это отрадное явленіе пробудившагося самосознанія и искренно, съ уваженіемъ къ народу и его дѣятелямъ, поддерживать чистое дѣло во имя просвѣщенія, любви и правды, не мудрствуя лукаво, не увлекаясь заносчивыми мечтами — но и не стѣсняя себя никакими преждевременными системами. *»Не вважа́й на врожа́й: сій жи́то — хлібъ бу́де.«*

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ (1)

Я получилъ 1 нумеръ *Основы*. Прочитавъ свою статью о Женской Гимназіи, я былъ пораженъ и изумленъ безцеремонными пріемами, съ какими подверглась она многочисленнымъ, произвольнымъ измѣненіямъ; одни фразы сокращены, другія совершенно передѣланы, въ нѣкоторыхъ извращенъ смыслъ; цѣлые періоды выпущены или замѣнены другими, даже отдѣльныя слова поверглись перемѣнѣ, точь въ точь какъ учитель поправляетъ заданное имъ сочиненіе ученика.

Редакція *Основы* имѣла безусловное право, принять или не принять статью, но принявъ ее, не думаю, чтобы, не нарушая приличія, она могла, безъ моего согласія, исправлять мой слогъ, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, и какъ бы, наоборотъ, ни было краснорѣчиво перо непрошеннаго учителя. Въ этомъ случаѣ говоритъ не авторское самолюбіе, но чувство собственнаго достоинства, оскорбленное предположеніемъ во мнѣ редакціей »Основы« снисходительной готовности пользоваться чужимъ умомъ.

Въ слѣдствіе этого, я послалъ мою статью »о Женской Гимназіи« въ другой журналъ, и *во многіе* протестъ противъ неумѣстныхъ учительскихъ пріемовъ редакціи *Основы*, о чемъ и имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить.

Полтавскій житель.

14 февраля 1861.
Полтава.

---

(1) Помѣщая на страницахъ »Основы« письмо Полтавскаго жителя къ редактору и отвѣтъ на это письмо, мы руководимся желаніемъ — сдѣлать совершенно ясными отношенія редакціи къ сотрудникамъ и, вслучаѣ взаимныхъ недоразумѣній, доставлять возможность — высказаться обѣимъ сторонамъ предъ лицомъ общественнаго суда, на справедливость котораго каждый долженъ полагаться больше, чѣмъ на личное свое безпристрастіе въ собственномъ дѣлѣ. — *Ред.*

ОТВѢТЪ Г. ПОЛТАВСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Въ первомъ объявленіи объ изданіи »Основы« я просилъ лицъ, желающихъ помѣщать свои статьи въ южно-русскомъ вѣстникѣ, сообщать мнѣ ясно свои условія, — обѣщая, со стороны редакціи, — »точное выполненіе взаимно-предложенныхъ и принятыхъ условій.« Условія эти могли касаться времени, платы и, наконецъ, ограниченія или неограниченія права редакціи — дѣлать въ статьѣ какія-либо измѣненія, часто необходимыя и неизбѣжныя, для того, чтобъ статья могла быть напечатана.

Въ любезномъ письмѣ вашемъ, при которомъ доставлена была статья *о Полтавской Женской Гимназіи*, Вы не обязывали меня *никакими условіями*, хотя вспомнили о вознагражденіи, отъ котораго также отказались. Изъ этого я понялъ (да и кто, на моемъ мѣстѣ, могъ бы понять иначе?) что вы предоставляете мнѣ полное право воспользоваться Вашимъ трудомъ для журнала такъ, какъ я признаю за лучшее, — разумѣется — не извращая вашихъ мыслей и фактовъ, Вами сообщенныхъ. Я видѣлъ, что статья Ваша написана (въ особенности — переписана) наскоро, и поэтому считалъ свое обязанностью представить ее нѣсколько въ лучшемъ, по моему мнѣнію, видѣ, сокративъ нѣкоторыя фразы, растягивавшія Ваше любопытное повѣствованіе. Признаюсь, я думалъ, что Вы, Милостивый Государь, поймете мое вниманіе къ вашему труду, совершенно иначе, чѣмъ вы поняли; я думалъ, что и въ вашихъ глазахъ исключенныя мною частности не могутъ имѣть значенія, — я такъ думалъ и — совѣсть моя была спокойна.

Но увы! Ваше письмо, отъ 14 февраля, дало мнѣ почувствовать всю мою неопытность, и незнаніе человѣческаго сердца. Я не съумѣлъ поставить себя на ваше мѣсто и посмотрѣть на вашу статью (вполнѣ мною оцѣненную) съ вашей точки зрѣнія, и жестоко за это наказанъ: вы чрезвычайно мной недовольны, — дотого недовольны, что не ограничиваетесь

однимъ строгимъ письмомъ ко мнѣ, но грозите даже послать протесты во *многіе* журналы и такимъ образомъ вызываете меня на печатный отвѣтъ.

Если бъ я могъ предугадать, что увеличу вашъ трудъ на нѣсколько строкъ вышеприведеннаго письма, то изъ-за этого одного не рѣшился бы прикоснуться ни къ единому слову въ вашей статьѣ. Судите же какъ я долженъ сожалѣть обо всемъ этомъ!

Не могу, впрочемъ, не порадоваться, что для меня настанетъ открытый судъ: статья Ваша напечатается, по Вашимъ словамъ, въ другомъ журналѣ; тогда легко будетъ кому угодно сравнить подлинникъ съ тѣмъ, что́ помѣщено въ »Основѣ« и произнести свое мнѣніе: въ какой степени справедлива ваша претензія; слѣдовало ли редакціи, по принятому обычаю, выпустить изъ вашей статьи то́ именно, что́ выпущено, и дѣйствительно ли я позволилъ себѣ *извратить смыслъ нѣкоторыхъ вашихъ фразъ*.

Повторяя искреннее мое сожалѣніе о случившейся непріятности, душевно благодарю васъ, М. Г.,за краткое ваше сотрудничество, которое (могу васъ увѣрить) я не перестаю цѣнить и до настоящей минуты.

Редакторъ В. Бѣлозерскій.

М. А. Б—п-К—му, въ Полтавѣ. Статья ваша о *машинной молотьбѣ* была уже набрана въ то время, когда получено ваше письмо. Редакція сожалѣетъ, что поставлена въ невозможность исполнить ваше желаніе.

Отвѣты редакціи на другія, полученныя ею, письма, будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ »Основы«, гдѣ также напечатаются и тѣ статьи и *вѣсти*, которыя, не смотря на все желаніе редакціи, не могли войти въ настоящую книжку.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

Печатается общедоступная исторія Украины на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша. Она будетъ выходить выпусками, — каждый выпускъ съ самостоятельнымъ заглавіемъ. Въ непродолжительномъ времени появится первый выпускъ, подъ заглавіемъ *Хмельнйщина*, содержащій въ себѣ (въ видѣ введенія) краткую повѣсть о началѣ Руси, о развитіи въ Украинѣ гражданственности и козачества, а потомъ болѣе подробную повѣсть о десятилѣтней войнѣ Хмельницкаго и о внутреннемъ состояніи Украины въ этомъ періодѣ. Потомъ выйдетъ *Виговщина*, потомъ — *Бруховѣщина*, и т. д.

II.

Прочитавъ въ 9 № *Кіевскаго Телеграфа* письмо г. Шейковскаго о приготовляемомъ имъ для печати Южнорусскомъ Словарѣ, содержащемъ въ себѣ 35,000 словъ, я пріостановился съ печатаніемъ Словаря, о которомъ было объявленно въ 1-й книжкѣ *Основы*. Можетъ быть, Словарь г. Шейковскаго сдѣлаетъ мой трудъ излишнимъ; если же этого не случится, то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ важнымъ для меня вспоможеніемъ при окончательной обработкѣ моего Словаря. Во всякомъ случаѣ, отъ души радуюсь предпріятію г. Шейковскаго и дружески привѣтствую его на новомъ для насъ обоихъ поприщѣ.

П. Кулишъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Вышелъ и продается первый выпускъ »Портретовъ Украинскихъ Писателей«, литографированныхъ въ Парижѣ извѣстнымъ художникомъ Мульероном, въ большомъ форматѣ. Въ этомъ первомъ выпускѣ три портрета: Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка. Цѣна за выпускъ — 2 р. 25 коп., съ пересылкой 3 рубля; каждый портретъ отдѣльно — 75 коп., съ пересылкою 1 р. 25 к. Иногородные адресуются къ издателю: Даніилу Семеновичу Каменецкому, въ С. Петербургѣ на Обуховскомъ проспектѣ, въ домѣ Котоминыхъ.

II.

Въ редакціи получено *десять* рублей изъ *Уфы*, въ пользу Полтавской Женской Гимназіи. По желанію жертвователя, объ имени его умалчивается. Деньги, вмѣстѣ съ симъ, отсылаются по назначенію.— Снова приглашаемъ къ благородному пожертвованію (см. 1-ю книжку »Основы«).

ПОПРАВКИ.

Въ 1-й и 2-й книжкахъ »Основы« слѣдуетъ исправить два мѣста: на стр. 135, строка 3-я снизу, въ 1-й книжкѣ: вмѣсто *Польсской*, должно быть — *Псковской* и на стр. 132, строка 14-я сверху, во 2-й книжкѣ, пропущенъ переводъ латинской выписки изъ польскаго историка Коховскаго: »*На этомъ сеймѣ да образуется и утвердится вѣчный миръ, связь и крѣпкій союзъ единства съ государемъ и Московскимъ народомъ, происходящимъ съ нами изъ единаго источника крови Славянской, по религіи, языку и по нравамъ мало отличающимся отъ насъ, на посрамленіе завистникамъ общеславянскаго имени.*«

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО 2-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Письмо къ редактору (*).

Въ приложенномъ вами, къ 1–й книжкѣ «Основы», *Объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ*, нѣкоторыя слова объяснены невѣрно.

Въ *Объясненіи* вашего сотрудника, напримѣръ, читаемъ: »Потороча — разбитная; встрепанная«, тогда какъ это, во–первыхъ, не прилагательное, а существительное имя, во–вторыхъ — *потороча* значитъ привидѣніе, пугало. Великороссіянинъ, руководясь напечатаннымъ у васъ переводомъ слова *потороча*, не пойметъ смысла слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни:

(*) Отвѣтъ.

Хотя мы не можемъ безусловно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, но, признавая вполнѣ–заслуженный авторитетъ П. А. Кулиша въ знаніи южнорусскаго языка, считаемъ своимъ прямымъ долгомъ—выразить ему искреннюю благодарность за указаніе неизбѣжныхъ во всякомъ словарѣ недосмотровъ.

Программа Основы не обѣщала прилагать «Объясненія неудобопонятныхъ словъ»; мысль объ этомъ явилась при самомъ выходѣ 1–й книжки, и поспѣшность работы, естественно влекла за собой ошибки и неполноту; но эти недостатки—надѣемся — мало–по–малу исчезнутъ. При 1000 слишкомъ словахъ, объясненныхъ въ 1–й книжкѣ, замѣчено такъ немного ошибокъ, что нельзя не поблагодарить составителя «Объясненія» за этотъ полезный трудъ, облегчающій весьма многимъ чтеніе статей на южнорусскомъ языкѣ. Слѣдуетъ помнить, что объясненіе значенія словъ ограничено тѣмъ объемомъ, въ какомъ они употреблены въ сочиненіяхъ, помѣщаемыхъ въ «Основѣ»; поэтому нѣкоторыя изъ 15 замѣчаній П. А. Кулиша должны относиться къ авторамъ, а не къ «Объясненію».

Сни́лась мені, моя́ ма́ти,
Поторо́ча у–почі.
Въ поторо́чи чо́рні о́чи
И мушке́тъ на плечі (1).

Слово замути́тьця переведено синонимомъ »взволноваться.« Какъ же великороссіянинъ пойметъ слѣдующее мѣсто въ народной пѣснѣ:

Чи се та́я вдова́ живе́,
Що на ріжку́ ха́та?
Хоро́шую дочку́ ма́е,
Сама́ не бага́та.
Хо́дить коза́къ по у́лиці,
Нічимъ замути́тьця.
Ой одчини́, стара́ ма́ти,
Дай води́ напи́тьця.

Очевидно для каждаго, что замути́тьця значитъ—найти предлогъ, чтобы остановиться за–чѣмъ–нибудь, чтобы поговорить, чтобы остаться, и т. п. (2)

Вклепа́тись переведено, въ *Объясненіи,* не совсѣмъ объяснительнымъ способомъ, а именно: »наладить на одно, броситься на что–нибудь.« Прошу читателя понять послѣ этого слѣдующій народный разсказъ:

»Разъ ходи́въ изъ ба́тькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дя́дько. Отъ и пита́ются (Запоро́зці): »Що́ се, Дми́тре, съ тобо́ю?«— »Та се, ка́же, мій шу́ринъ, мо́ еі жінки братъ.«—»Якъ ёго́ зову́ть?« — »Хома́.« — »Не вклепа́лись же, ка́же, й ви, що ёму́ таке́ имя́ дали́: вінъ на Хому́ й похо́дивъ, дия́волівъ синъ!«

---

(1) Значеніе слова поторо́ча не объясняется одною приведенною вами пѣсней. Сколько намъ ни удавалось слышать объясненій, ни одно не опредѣляло значенія этого слова съ точностію, хотя, правда, всѣ опредѣленія болѣе или менѣе близки къ вашему; напр. чучело, чудище, идіотъ, идиотка. Составителю «Объясненія» случилось слышать—если онъ не ошибся—слово поторо́ча въ видѣ прилагательнаго, и потому онъ перевелъ его — разбитная; растрёпанная (встрёпанная—напечатано по ошибкѣ). Онъ продолжаетъ думать, что поторо́ча есть женскій родъ отъ слова: поторо́чий.

(2) Это слово вошло въ «Объясненіе» изъ «Трёхъ Долъ», гдѣ оно находится въ слѣдующемъ выраженіи: «Инші вишу́кують того́ кохання та́къ, аби замути́тьця». Переводъ, слѣдовательно, вѣренъ—какъ этому мѣсту, такъ и первоначальному значенію слова.

Въ Академическомъ Словарѣ находится вполнѣ удовлетворительное истолкованіе слова, именно вотъ какое. »1) Ошибкою принимать неизвѣстное лицо за извѣстное. *Вклепаться въ чужаго человѣка.* 2) Признать чужую вещь за свою. *Незнакомецъ вклепался въ мою шляпу.*« (3)

Габа́, по мнѣнію составителя Объясненія, значитъ »парча.« Еслибъ мы этому повѣрили, то не поняли бы стиховъ Шевченка:

А на́ймичці на очіпокъ
Парчи́ золото́і
И черво́ну до́бру ху́стку
Зъ білою габо́ю (*).

Непонятны также будутъ и стихи извѣстной народной думы:

Ой изъ го́рода изъ Трапезо́нта виступа́ла гале́ра,
Трёма́ цвіта́ми процвіта́на–малёва́на:
Ой пе́рвимъ цвітомъ процвіта́на —
Злотоси́німи кіндяка́ми побива́на,
А дру́гимъ цвітомъ процвіта́на —
Гарма́тами арештова́на,
Тре́тімъ цвітомъ процвіта́на —
Туре́цькою білою габо́ю покрове́на.

И далѣе:

Тогді: злотоси́ні кіндяки́—на козаки́,
Златогла́ви—на отама́ни,
Туре́цькую білую габу́ — на козаки́ на біляки....

---

(3) Вы признаете недостаточнымъ объясненіе этого слова (*наладить на одно, наброситься на что*) и представляете, вмѣсто того, изъ словаря Русской Академіи другое значеніе такого же великорусскаго слова (вклепаться). Словарь Академіи весьма полезенъ для соображеній, но его объясненія ни какъ не могутъ служить замѣной для сходныхъ словъ нашего языка. Доказательство на лицо: какъ приложить вашъ переводъ южнорусской вклепа́тись — къ слѣдующему мѣсту виршей Климентія — о богомазахъ:

. . . . Жа́дный на ико́нахъ іхъ не́машъ озло́би
И маля́рской тежъ якой-ко́лвекъ подо́би . . .
Але отню́дь вклепа̀тись въ тое рукоді́лля
И вели́кое тежъ за нихъ на світі безді́лля.

Здѣсь слово — вклепа̀тись — значитъ втянуться, ухватиться, ввязаться, что̀ вовсе не такъ далеко отъ объясненія: *наладить на одно.*

(*) *Кобза́рь*, стр. 121.

Въ Академическомъ Словарѣ слово габа́ объяснено согласно со стихами Шевченка и народными думами, а именно: «Габа́ то́ же что́ аба́. Въ Русскихъ областяхъ, сопредѣльныхъ Турціи: 1) толстое бѣлое сукно; 2) родъ плаща или епанчи, сшитой изъ абы.» (4)

Дідуга́нъ у составителя Объясненія значитъ «глубокій старикъ,» тогда какъ въ устахъ народа это слово означаетъ—здоровенный старикъ и употребляется для выраженія нѣкотораго неуваженія, все равно какъ и старига́нъ. (5)

Кости́рь у него переведено »токарь«, тогда какъ это значитъ игрокъ въ кости. Объясненіе этого слова онъ могъ бы найти на 230 стр. *Основы*, гдѣ Климентій описываетъ въ стихахъ судьбу костырей. Тамъ же, на стр. 225, онъ описываетъ занятія токаря, какъ будто въ доказательство, что ни въ какомъ случаѣ токарь костыремъ не называется. Въ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*, изданныхъ Н. М. Бѣлозерскимъ, на стр. 152, проповѣдникъ XVII вѣка, упрекая козаковъ въ развратѣ и вычисляя распутныхъ людей, говоритъ: «окрутные пьяницы, костырове, картницы... и всякіе беззаконницы.» По объясненію Академическаго Словаря, костырь тоже—игрокъ въ кости, зернщикъ. (6)

Крини́ця переведено у составителя Объясненія «колодезь безъ сру́ба», тогда какъ это значитъ природный водоемъ съ родникомъ.

---

(4) Габа̀ — толстое бѣлое сукно. Такое значеніе придаетъ этому слову и М. А. Максимовичъ, но отнюдь не Шевченко, въ приведенныхъ вами стихахъ; по крайней-мѣрѣ мнѣ совершенно не ясно, какъ можно соединить съ червоною хусткою толстое бѣлое сукно. — У М. Вовчка, фраза, въ которой встрѣчается слово — габа, — одинакова съ Шевченковою: «ху́стка съ золоти́ми квітами, съ золото̀ю габо̀ю.» Это показываетъ, что, по словарямъ, габа̀—имѣетъ одно значеніе, а въ живомъ народномъ языкѣ—изъ котораго, вѣроятно, позаимствовано оно нашими поэтами — другое. Что̀ именно вѣрнѣе—это можно узнать только изъ сравненія нѣсколькихъ примѣровъ употребленія слова въ народѣ.

(5) Едва ли дідуга̀нъ употребляется въ неуважительномъ смыслѣ.—Это слово дѣйствительно означаетъ и здороваго, сильнаго старика, но не исключаетъ понятія о *глубокой* старости, такъ, въ извѣстной шуточной пѣснѣ, говорится:

А ти, стари́й дідуга(нъ),
Изогну́вся якъ дуга̀,

(6) Переводъ слова Кости́рь, напечатанный въ «Объясненіи», есть совершенно случайная, незамѣченная, описка: слово Кости́рь—удобопонятно и общеизвѣстно.

Уничтожьте въ колодезѣ срубъ — народъ не будетъ называть его криницею. Оправьте криницу въ срубъ—народъ не станетъ называть ее колодеземъ. (7)

Шу́рхнуть у него »зашелестѣть.» По этому, выраженіе шурхну́въ пі́дъ лі́дъ слѣдуетъ переводить »зашелестѣлъ подъ ледъ;» шурхну́въ у снігъ — »зашелестѣлъ въ снѣгъ.« Въ Наро́дніхъ Оповіданняхъ Марка Вовчка (стр. 72) выраженіе: такъ и шурхну́въ у я́му, по Объясненію вашего сотрудника, слѣдуетъ переводить: »такъ и зашелестѣлъ въ яму.« (8)

Навіда́ти у него значитъ »навѣстить.« Мы такого слова не знаемъ. Великорусскому *навѣстить* соотвѣтствуетъ у насъ одві́дати.

Вона́ въ ме́не не обі́дала,
Тільки мене́ та одві́дала.

А навідати (съ удареніемъ на *і*, а не на *а*) значитъ у насъ не навѣстить, а открыть, узнать:

Навідала куба́лечко
Де у́тка несе́тця:
Перечу́ла черезъ лю́де —
Леда́що сміе́тця. (9)

По́стать у него »видъ, фигура;« но это переводъ польскаго сло-

---

(7) Крини́ця. Дѣйствительно, криниці бываютъ и со срубомъ, но сдѣланный вами переводъ криниці также не точенъ. (Сравни: Москале́ва Крини́ця). *Природный водоемъ съ родникомъ* соотвѣтствуетъ нашимъ словамъ: крини́чина и [крини́човина.

(8) Шу́рхнуть — въ «Объясненіи» зашелестѣть. Обвиняя составителя, вы сами не перево́дите этого слова,—вѣроятно потому, что переводить звукоподражательныя слова—вообще весьма трудно. Но еслибъ вы и рѣшились перевести слово шурхнуть, то едвали бы не сошлись съ составителемъ «Объясненія». Итакъ, онъ остается при своемъ.

(9) Навідати — навѣстить.

«Та я хочу ще Чайчиху навідати», (Три Долі, стр. 46). «Мы такого слова не знаемъ», говорите вы. Да развѣ можетъ быть человѣкъ, знающій всѣ слова? Другое значеніе слова — навідати, — указанное вами въ пѣснѣ, есть собственное его значеніе, которому соотвѣтствуетъ синонимъ—пазна́ть. Это ничуть не мѣшаетъ слову—навідати — имѣть еще переносный смыслъ (навѣстить). Сомнѣваться въ этомъ такъ же трудно, какъ въ томъ, что дя́дькомъ можетъ называться и москаль, вовсе не состоящій въ родствѣ съ своимъ небо́жемъ.

ва postaç. Въ украинскомъ языкѣ по́стать означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами. Если мы подъ словомъ по́стать будемъ разумѣть видъ, фигуру, то для насъ непонятны будутъ слѣдующіе стихи народной пѣсни:

Пійдемъ, ма́мо, въ по́ле
Зеле́ного жи́та жа́ти,
Да за́ймемъ широ́кую по́стать —
Ні съ кимъ розмовля́ти.

Такъ же и эти:

Жа́ла жи́то *пі́дъ по́статтю* —
Ко́лосъ похили́вся...

И эти:

Ой два сини́ о́ре,
Чоти́рі моло́тять,
А двана́дцять до́чокъ
За по́стать захо́дять. (10)

Постоли́ у составителя «Объясненія» «кожаныя(е) лапти.» Отчего жъ и не изъ лыкъ также? По Объясненію, авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ слѣдующемъ стихѣ:

А ще, пра́вда, на козако́ві постоли́ вязо́ві. (11)

---

(10) По̀стать—по «Объясненію»—видъ, фигура. Вы говорите, «въ Украинскомъ языкѣ по́стать означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами». Это значеніе записано и въ примѣчаніи къ одной изъ пѣсень, вошедшихъ въ сборникъ Метлинскаго. Но оно имѣетъ еще и другое значеніе, въ какомъ и употреблено въ «Трёхъ Доляхъ». Что, напр., значитъ: «пі дъ по̀статтю?»

(11) Прямое значеніе постолò въ есть именно кожаные лапти. Лапти изъ лыкъ называются личака̀ми. Одно легко можетъ употребляться вмѣсто другого; но это нисколько не мѣшаетъ показывать различіе постолòвъ отъ личаковъ въ Словарѣ—когда и народъ ихъ ясно отличаетъ, напримѣръ — въ слѣдующей шуточной пѣснѣ:

У містéчку Берестéчку дéсять куръ,
А десята чубàтая, ще й каплу́нъ.
А постíлъ личака̀ да й попережàе:
Ой коли ти постíлъ, то изъ-за̀ду постій,
Ой коли́ ти лича̀къ, то попéреду—го́пъ-цакъ!

Въ приведенномъ вами примѣрѣ мы видимъ только подтвержденіе различія: «А ще, пра̀вда, на козако́ві постоли́ вязо́ві»: «По Объясненію, говорите вы, «авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ этомъ стихѣ». Мнѣ кажется ошибаетесь вы, а не «Объясненіе». Этотъ стихъ, какъ и другіе, рядомъ съ

Сповито́чокъ у него »пеленки.« Судя по этому, онъ могъ бы сказать нянькѣ-Украинкѣ: ви́пери сповито́чокъ. У насъ это слово употребляется только въ косвенномъ падежѣ и означаетъ не вещь, а состояніе, періодъ дѣтства: дити́на въ сповитку́, или въ сповито́чку. А вотъ и въ пѣснѣ это слово:

Де ти, си́нку, хо́дишъ,
Що́ ти, си́нку, ро́бишъ?
Жалку́ютця молоди́ці,
Що ти шко́ду ро́бишъ.
— И бу́ду ходи́ти, и бу́ду роби́ти:
Було́ мене́, моя́ ма́ти,
Въ сімъ годъ ожени́ти.
— Ой коли́ бъ я зна́ла
Таку́ одвіто́чку,
То бъ я тебе́ ожени́ла
Ищé въ сповиточку.

»Пелёнки« же у насъ — пелюшки́, а не сповито́чокъ; а то, чѣмъ сповиваютъ, у насъ—спови́вачъ. ([12])

Точи́тись составитель Объясненія переводитъ словами: «едва тянуться.» Поэтому, фразу: Кули́ ти, опія́ко, то́чисся? великороссіянинъ долженъ переводить словами: «куда ты, пьяница, едва тянешься?» Въ разсказѣ Квітки о солдатскомъ портретѣ мудрено, съ этимъ Объясненіемъ, понять слѣдующее мѣсто: «вінъ и поста́вивъ той патре́тъ на само́му я́рмарку и попідпира́въ.... щобъ яки́й пъя́ний, якъ пото́читця, або́ свиня́, звича́йно хо́дячи по база́рю, якъ прийде чу́хатись до ёго, то щобъ не звали́ли.» Озадачитъ оно читателя также и въ этомъ мѣстѣ Повісте́й Квітки: «Тимо́ха, якъ ні пъяни́й бувъ, а росчу́хавъ, що вінъ передъ вели́кимъ лице́мъ, ставъ бодри́тись, виправля́тись, мовъ и спра́жній салда́тъ, та якъ

нимъ стоящіе въ думѣ, пародируютъ бѣдный, жалкій, парядъ козака, и постолами названы здѣсь—иронически—личаки́.

([12]) Сповитòчокъ — переведено въ «Объясненіи» пеленки, — по вашему мнѣнію—неправильно. И въ этомъ случаѣ, вы едва-ли правы. Сповитòкъ—дѣйствительно—пеленки; въ отличіе отъ пелюшòкъ, сповитокъ значитъ пеленки въ сповивкѣ, т. е. когда ими повито дитя.—Вы утверждаете, что въ-сповитку употребляется лишь въ переносномъ значеніи,—

вйтягнетця, гóлову захúлить, голова́ ёму́ закру́титця, то вінъ такъ и тóчитця.» (Т. II, стр. 257). ([13])

Чу́чверіти у него «изживáться, пропадать, сбиваться въ комки.» Поэтому фразу: дити́на въ нерíдноі мáтері чу́чверіе, слѣдуетъ переводить: «ребенокъ у чужой матери изживается», или: «ребенокъ у чужой матери пропадаетъ», или же, наконецъ: «ребенокъ у чужой матери сбивается въ комки.» Между тѣмъ прямой синонимъ нашему слову чу́чверіти—великорусское корявѣть, когда это слово относится къ человѣку. ([14])

Шаповáлъ у него «шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).» На 222 стр. *Основы* находится полное опредѣленіе шаповала и того, что̀ онъ производитъ. Главное занятіе шаповáла состоитъ въ перебиваньѣ шерсти посредствомъ сотрясенья тетивы; по этому и переводить это слово слѣдуетъ синонимомъ шерстобой. Шаповалы до сихъ поръ еще въ Украинѣ, какъ во времена Климентія, ремесленники странствующіе. Когда шаповалъ приходитъ къ сельскому хозяину, то вовсе не для того, чтобы свалять ему шапку, одѣяло, или полсть, а именно для того, чтобы перебить снятую съ овецъ шерсть, которая, безъ его обработки, не годна ни къ какому употребленію. Войлочные же шапки и проч. онъ дѣлаетъ у себя дома, въ досужее время. Шапки, выдѣлываемыя шаповалами, составляютъ такую незначительную часть ихъ ремесла, что Климентій, исчисливъ все, что́ они выдѣлываютъ, о шапкахъ даже и не упоминаетъ; напротивъ, на битьѣ шерсти основываетъ главный заработокъ шаповала.

смыслѣ періода дѣтства. Но развѣ въ этомъ переносномъ значеніи не говорится, и по великорусски, о пеленкахъ? И сповитокъ и пелёнки могутъ имѣть переносное значеніе — не періода дѣтства вообще, — а младенчества — перваго, нѣжнаго періода дѣтства.

([13]) Точи́тись. «Въ Объясненіи, слово точи́тись переведено—едва тянуться» и вы находите это невѣрнымъ. Дѣйствительно, въ приведенномъ вами отрывкѣ изъ Основьяненка, — точи́тись слѣдовало бы перевести—идти не твердо, пошатываясь; но въ «Трёхъ Доляхъ» точи́тись говорится о времени; какъ же лучше перевести по вашему?

([14]) Чу́чверіти—«У составителя, — (говорите вы)» изживаться, пропадать, сбиваться въ комки. «У него и у всѣхъ,—смотря по тому, къ какому предмету относится. Конечно, нельзя сказать, что у дурной матери ребенокъ сбивается въ комки; но пропадаетъ, и изживается — можно. Говоря это, я нисколько невозражаю противъ вашего перевода словомъ корявѣть, какъ болѣе короткаго и близкаго къ слову чу́чверіти.

А пришéдъ до людéй стáнетъ робóти питать.
Якъ знáйдетъ дóбрую робóту въ дóбромъ мiстi,
Ажъ зáразъ зарóбить золотúхъ сто або двiстi.

Есть даже пѣсенка, показывающая, въ чемъ собственно состоитъ ремесло шаповала. Она начинается стихомъ:

Бру(и)нь, бру(и)нь, шаповáлъ! ([15])

Объясненiе вашего неизвѣстнаго сотрудника занимаетъ всего 12 страницъ, и смотрите, сколько грубыхъ ошибокъ! ([16])

Позвольте надѣяться, что замѣчанiя мои примутся вами не иначе, какъ въ смыслѣ охраненiя нашего языка отъ произвольныхъ толкованiй и искаженiй.

П. Кулишъ.

21-го января 1861.
С.-Петербургъ.

Центральна наукова
БІБЛІОТЕКА ХНУ
Інв. № 16159

([15]) Объясненiе слова Шаповàлъ — не ошибка: шерстобитъ есть также и производитель шерстяныхъ шапокъ, какъ и другихъ подобныхъ работъ. У Климентiя, о шаповалахъ сказано:

«Шаповалъ всякие всiмъ вигоди творитъ,
Кгдижъ розние потреби людемъ завше робитъ;
Якъ-то: мужикамъ плететъ р у к а в и ц и,
И л я м ц и вивалюетъ, що носятъ молодици,
И еще и о п а н ч у можетъ издобити,
И к е ц у найбольшихъ можетъ устроити;
А если часомъ зхочетъ и зпочити трохи,
То тогда безпрестанно все вяжетъ п а н ч о х и.
А впьятъ я к ъ п о ч н е т ъ вовну п е р е б и в а т и,
Т о з н а т ь - т о, у ж е х о ч е т ъ з ъ л у к о м ъ м а н д р о в а т и:

Этотъ отрывокъ показываетъ, что шеротобитье вовсе не главное занятiе шаповала.

([16]) На этихъ 12 страницахъ мелкаго шрифта, въ два столбца, больше 1000 словъ. Если изъ 15 признанныхъ вами ошибокъ исключить сомнительныя и независѣвшiя отъ составителя, то *грубыхъ* ошибокъ окажется, напротивъ очень мало. *Ред.*

Абй-то — лишь бы, что-нибудь или какъ-нибудь.
Ажъ — ажно, даже.
Але́ — но.
Ані — ни.
Арештова́ти — уставить въ рядъ.

Багно́ — болото.
Бажа́ти—сильно желать, хотѣть.
Базікати—болтать, толковать.
Ба́лка — большой естественный оврагъ.
Банькй — (въ переносномъ смыслѣ) глаза.
Бари́ло—боченокъ.
Басува́ти—гордо выступать.
Батігъ—род.—ога́—кнутъ, плеть.
Ба́тьківъ,—ова,—ове—отцовскій.
Ба́тько—отецъ.
Ба́чити—видѣть.
Бачъ—вишь ты.
Ба́шта—башня; бастіонъ.
Бенкетува́ти—пировать.
Бенкетъ—пиръ.
Безглу́здий—безтолковый, безмозглый.
Безголо́вья—бѣдствіе, несчастіе.
Безпе́шно—безопасно.
Билйця—быль.
Биття́—драка.
Бичува́тися—припрягать другія пары воловъ въ томъ случаѣ, когда одна не двинетъ воза.
Бідола́шний—горемыка.
Бідува́ти—бѣдствовать.
Білогли́няний—гипсовый.
Білшъ—болѣ.
Біля́—подлѣ, возлѣ.
Біля́къ—бѣлой масти; одѣтый въ бѣлое.
Бісівъ,—сова,—ве—чортовъ, бѣсовскій.
Блаки́тний—голубой.
Блиску́чий—блестящій.
Блища́ти—блестѣть.
Блука́ти—бродить безъ цѣли, безъ сознанія.
Бо—потому-что.
Бо́вдуръ — (брань. слово) болванъ; верхъ дымовой трубы.
Бовть! — выражается звукъ сильно всплеснутой воды.
Боляче́—больно.
Боля́чка—вередъ.
Бо́ндарь—бочаръ.
Бо́язно—страшно.
Бра!—(зват. падежъ сокращ.) братъ.
Бридки́й—отвратительный.
Бридня́—вздоръ, пустяки.
Брика́ти—лягать.
Бриль—круглая шляпа съ полями (соломенная и поярковая).
Брівки—(ум.) брови.
Брівоньки—(ум.) брови.
Брунь—выражаетъ звукъ бренчащей струны.
Бря!—см. бра.
Бря́знути — брякнуть, зазвенѣть; упасть съ шумомъ.
Бува́лець—бывалый человѣкъ.
Бува́льщина—быль.
Бу́день — будній, непраздничный день.
Буді́ва—сооруженіе, постройка.
Будува́ти—сооружать, строить.
Бугай—невыкладенный быкъ; птица выпь.
Бу́льбашка—водяной пузырь.
Буру́лька—сосулька и т. п. Моско́вська бурулька—шишъ.
Буханéць—родъ пшеничныхъ или гречневыхъ ковригъ, булочекъ.
Бу́цімъ—точно, словно.

Ва́бити—привлекать, манить.
Ва́да—вредъ.
Важки́й—тяжелый.
Варе́ники—родъ вареныхъ пирожковъ.
Вбива́тися по кому—сильно горевать о комъ-нибудь.
Вби́тись—убиться.
Вбо́гий—бѣдный, убогій.
Вгавъ—остановка.
Вгамова́тися — утишиться, успокоиться.
Вдержа́ти—удержать; выдержать.
Вдіяти—сдѣлать, произвесть.
Вдовиче́нко—вдовій сынъ.
Вдовівна—вдовья дочь.
Великолюде—исполины.
Величе́нно—великолѣпно.
Вели́къ-день—свѣтлый праздникъ Воскресенія.
Величе́зний—(увелич. форма отъ вели́кий) огромный, большущій.
Верболо́зъ — родъ кустистой ивы, средней между вербой и лозой.
Верзти́ся—грезиться.
Верну́тися — воротиться, возвратиться.
Верховòдити—заправлять, предводительствовать.

Ве́штатися—шляться, ша аться.
Вече́ря—ужинъ.
Вечорни́ці—родъ вечернихъ посидѣлокъ.
Вже—уже, ужъ.
Вздовжъ—вдоль.
Вибри́кувати—прыгать (какъ рогатый скотъ).
Ви́дрочитись—перебѣситься, какъ скотъ лѣтомъ, когда его кусаютъ насѣкомыя.
Ви́бачити—извинить.
Виверта́ти—выворачивать.
Виглида́ти—выглядывать, высматривать, ожидать чьего-либо прихода.
Ви́голитись—выбриться.
Вигрива́ти—выигрывать, играть.
Ви́дко—свѣтло; видно, замѣтно, виднѣется.
Ви́здихати—всѣмъ издохнуть.
Ви́кохати—взлелеять, воспитать.
Ви́кресати вогню́—вырубить огня.
Викрута́сомъ—вертясь.
Ви́лаяти—выбранить.
Ви́лупити банькы́ — вытаращить глаза.
Ви́ненъ—виновный.
Ви́нница—винокурня, винный заводъ.
Випина́тися—вытягиваться, тянуться кому на-что или куда, ломаться.
Ви́пасти—выкормить.
Ви́ховати—позапрятать.
Ви́рнути—вынырнуть.
Виробля́ти—выдѣлывать.
Ви́рятувати—спасти.
Височе́нний—(увелич.) очень высокій.
Ви́тягти—вынуть, извлечь.
Ви́хилити—выпить (шуточн.)
Вихиля́сомъ—извиваясь, выгибаясь (въ танцахъ, походкѣ).
Ви́ходити—исходить.
Ви́хопитись—выхватиться.
Вищя́ти—визжать.
Ви́явити—обнаружить.
Ві́шне—вѣчно.
Віддя́ти—отдать; возвратить.
Відре́рце—(уменш.) ведро́.
Відроби́ти—отработать.
Відсі́ль—отсюда, отселѣ.
Відті́ль, ля́—оттуда, оттолѣ.
Віжечки́—(уменьш.) возжи.
Ві́йтъ—войтъ.
Вікъ—вѣкъ; вся жизнь.
Ві́льха—ольха.
Вінъ, вона́, воно́—онъ, она, оно.
Віршома́зъ—стихоплетъ.
Віта—вѣтвь.
Віхоть—вѣникъ, употребляемый при мытьѣ половъ.
Вічъ-на-вічъ—глазъ на глазъ.
Віщо—см. За віщо.
Вкла́стися—уложиться.
Вме́рти—умереть.
Вміти—умѣть.
Вла́сний—свой собственный.
Вобга́ти—вмѣстить, вдвинуть.
Вовкула́ка—волкъ-оборотень.
Вовту́зитись—возиться около чего, съ чѣмъ-нибудь.
Воло́сся—волосы.
Ворка́—ворчанье.
Ворко́тя—ворчунъ.
Воро́жка—ворожея.
Впа́ртий—упрямый, упорный.
Вподо́ба—вкусъ, по душѣ.
Вро́да—красота.
Всю́ди—вездѣ, повсюду.
Втере́бити—втащить.
Втерти—утереть; смолоть.
Втікъ—убѣжалъ, ушелъ.
Втявъ (прош. отъ втя́ти) — выполнилъ, сдѣлалъ.
Втішний — доставляющій удовольствіе, забаву, развлеченіе.
Втнуть—хватить, отрѣзать; понять.
Втоми́ти—произвесть усталость.
Втра́пити—потрафить.
Ву́хо—ухо.
Вчи́ти,—ся—учить,—ся.
Въ-двохъ—вдвоемъ.
Въ-ночі—ночью.
Въ-осени́—осенью.
Вьязи—мѣсто сочлененія шеи съ головою.

Gergotáти—гоготать; болтать.
Гре́чий—хорошій.
Гу́лий—(о рогатомъ скотѣ) безрогій.
Га́вкати—лаять.
Гавъ!—выражается лай собаки.
Га́дка—дума, забота.
Гайворонна́ (собир.)—грачи.
Гакъ—крючокъ.
Галя́нці—узкіе штаны.
Га́ласъ—сильный крикъ (многихъ голосовъ).
Га́лічъ—(собират.) множество галокъ.
Гамане́ць—небольшой кожаный кошелекъ.
Ганя́ти—гонять, быстро бѣгать.
Гапли́къ—крючокъ для застегиванія платья.
Гаразденько—хорошенько.
Гара́пникъ—арапникъ.
Гарма́та—пушка.
Гарми́деръ—безпорядокъ, суматоха.
Гарне́нько—хорошенько.
Га́рний—хорошій.
Гарча́ти—ворчать (о собакѣ).

Гаса́ти—шибко бѣгать.
Га́сло—сигналъ, знакъ, символъ, лозунгъ.
Га́спедськiй—дьявольскій.
Гачо́къ—крючечекъ.
Гвалтъ—крикъ, тревога.
Гвіздо́къ—гвоздь.
Ге́монськиій—демонскій.
Генъ—вонъ тамъ.
Ге́пнути—шлепнуть, ся.
Геть—прочь! въ-отдаленіи.
Геть-ге́ть—далеко.
Ги́лка, или
Гілка—вѣтвь; дубинка.
Ги́ря—плѣшивая голова.
Ги́рявий—плѣшивый, безволосый.
Гілля́—(собир.) вѣтви.
Гладки́й—толстый, жирный.
Глазе́тъ—родъ матеріи.
Гли́боко—глубоко.
Гли́бшенько — нѣсколько глубже, поглубже.
Глуздъ—толкъ, смыслъ.
Глузува́ти—издѣваться.
Глумъ—издѣвка, глумленіе, посмѣяніе.
Гля́нути—взглянуть.
Гомоні́ти—говорить, бесѣдовать.
Горожа́нность — гражданственность.
Годи́на—часъ, небольшой промежутокъ времени; время; погода.
Годовичо́къ—одполѣтокъ.
Годува́ти—кормить, питать.
Годя́щий—годный.
Голи́ти—брить.
Голо́бля—оглобля.
Гопцюва́ти—плясать гопака.
Гори́цвітъ—(раст.) адонисъ (Adonis vernalis).
Господа́рь—хозяинъ.
Готува́тися—готовиться.
Гопа́къ — танецъ въ присядку съ прыжками.
Грабува́ти—грабить.
Гра́ти—играть.
Гривня́ка—(увелич.) мѣдная монета въ 10 копѣекъ; 10 копѣекъ.
Гринджо́ла—особаго устройства сани для перевозки тяжестей.
Грошеня́та—деньжонки.
Гро́шики—денежки.
Гро́ші—деньги.
Гру́ба—родъ голландской печки.
Гру́знути—вязнуть въ тинѣ и т. п.
Гукну́ти—закричать.
Гульвіса—повѣса.
Гу́лькнути—быстро и нечаянно поиться.
Гулькъ!—глядь, шасть.
Гуртови́й—сдѣланный общими силами.
Гурто́мъ—общими сила́ми; заурядъ.
Гуртъ—большое стадо рогатаго скота.
Густи́й—частый.
Густі́ше—чаще.
Гущиня́—чаща; гуща.

Давнина́—давность, давнее произшествіе.
Дазь-бі—Богъ-дастъ; нѣтъ.
Дальшъ—далѣ.
Дарма́!—нужды нѣтъ.
Дба́ти—стараться; пріобрѣтать.
Двічі—дважды.
Де́йко!—ну-ко...
Де́-коли—кой-когда, иногда.
Де́-який—нѣкоторый.
Де́рга — родъ женскаго нижняго платья изъ самой грубой матеріи.
Джерело́—родникъ.
Дзо́га—юла́.
Дзвіни́ця—колокольня.
Дзві́нка—масть бубны (въ картахъ).
Дзе́ркало—зеркало.
Дзи́га—юла, волчекъ.
Дима́рь—дымовая труба.
Дівонька—(ум. ласк.) дѣвушка.
Дівча́тка—дѣвочки.
Дівчи́нонька—(ум. ласк.) дѣвушка.
Діду́сь—(ум. ласк.) старичекъ, дѣдушка.
Діжа́—квашня́.
Дійшло́—дошло.
Дітвора́—(собират.) дѣти.
Діяти—дѣлать, творить.
До-ладу́—какъ слѣдуетъ.
До-півъ—полу, въ половину.
До—къ.
До́бре—хорошо.
До́бренько—хорошо!
Доводи́тьця—случаться; дойти до чего.
Доглядати—присматривать, беречь.
До́глядъ—надзоръ, попеченіе.
До-гу́рту—въ общество, въ компанію.
Дода́ти—прибавить.
Допекти́—допечь, сильно насолить, надоѣсть.
Допрова́дити — донести, донести, дотащить, доставить къ извѣстному мѣсту.
До́сі—до сего времени, доселѣ.
До́світокъ — время передъ разсвѣтомъ, и посидѣлки, въ это время, зимою.
Доте́па—умѣнье; дока.
До-спаги́ — до пресыщенія; до послѣдней возможности.

До-хріна—очень много (шуточн.).
Дошкуля́ти — донимать (объ ударахъ).
До-шми́ги — въ ладъ, дѣльно.
Дрига́ти—болтать ногами.
Дриг! —выражается быстрое движеніе ногою.
Дріпло —дрянь, оборвышъ.
Дрібне́нький—мелкій.
Дружко́—шаферъ (на свадьбѣ).
Друзя́ка—(увел.) другъ, дружище.
Дрюка́рня—типографія.
Дрючи́на—дубина.
Дрючо́къ—дубина, шестъ, большая палка.
Ду́ба да́ти—умереть, околѣть.
Ду́же—сильно, очень.
Ду́ля—родъ продолговатыхъ грушъ; шишъ, кукишъ.
Ду́мка—мысль, памѣреніе.
Дурне́нький—глупенькій.
Дурни́ця—глупость, пустяки.
Ду́шно—жарко.
Дя́ка—благодарность.
Дя́кувати—благодарить.
Дя́къ—дьячекъ.

Жалкува́тися—жаловаться, сѣтовать.
Жа́ловати—жалѣть.
Жартува́ти—шутить (играть словами).
Жаха́тися—пугаться.
Живі́тъ—брюхо (у человѣка) жизнь.
Животи́—множ. отъ живі́тъ брюхо;—имущество.
Живу́ща вода́—живительная, оживляющая вода.
Жидю́га—увелич. отъ жидъ.
Жижки́—мускулы ноги подъ колѣнами сзади, подколѣнки.
Житло́—жилище.
Жи́то—рожь.
Жінка—женщина; жена.
Жнива́—жатва.
Жупани́на—(ум. отъ жупанъ-родъ кафтана) кафтанишко.

Забороня́ти — запретить, недопустить.
Забря́зкати—зазвенѣть.
Забутокъ—забытый остатокъ.
Завбільшки—величиной.
Завздо́вжки—длиною.
За віщо?—за что?
Завзя́тий—бѣдовый; упорный; горячій.
Заволочи́ти—пройти бороною.
Зага́вкати—залаять.
Зага́рбати—забрать, захватить.
За́годя—заблаговременно.
Загуби́ти—потерять; погубить.
Загука́ти—закричать; вскрикнуть.
Задри́гати—заболтать ногами.
За́здріти—завидѣть.
Зазирну́ти—посмотрѣть, взглянуть (внутрь).
Займа́ти—затрогивать; захватывать.
Заквили́ти—завыть, заголосить (о животныхъ).
Закля́кнути—окоченѣть.
Закоха́ний—влюбленный.
Закриви́тися — загнуться; заворотиться.
Закрути́ти—завертѣть.
Закрути́тись—закружиться, завертѣться.
Закуня́ти—задремать.
Залиця́ння—заискиванье у женщины любви, благосклонности.
Залізний—желѣзный.
Залоскота́ти—защекотать.
Замика́ти—запирать.
Замордува́ти—замучить.
Занеха́яти—оставить безъ присмотру, пренебречь.
Зануди́ти—затошнить; затосковать.
Запали́тись—загорѣться.
Запа́ска—родъ передника.
Запискоті́ти—запищать.
Запіка́нка—водка, заправленная и настоянная въ горячемъ мѣстѣ.
Запровто́рити—забросить, запрятать.
Запропасти́ти—погубить.
Запха́ти—запихнуть.
Заробі́ти—заработать; заслужить.
Засвербі́ти—(безличн.) зачесаться.
Засі́къ—закромъ.
Засмути́тись—затосковать.
Заспоко́їти—успокоить.
За́тишокъ—мѣсто, защищенное отъ вѣтру и непогоды.
Зато́ка—заливъ.
Заторохті́ти—застучать.
Затупоті́ти—затопать.
Затурча́ти—затрещать языкомъ.
Захили́ти—загнуть.
Захи́ріти—захворать.
Захисти́ти—защитить.
За́хистъ—защита.
Захита́тись—зашататься.
Заховатися—спрятаться; скрыться.
Захріпъ—захрапѣлъ.
Зациплло—отняло языкъ.
Зача́ти—начать.
Зашко́дити—повредить.
Збігтися—сбѣжаться.
Збіра́тися—собираться.
Збреха́ти—солгать.
Збудува́ти—соорудить, построить.
Зваковать—сдѣлать промахъ.

Звели́ти—приказать.
Звича́й—обычай.
Звича́йне-но—обыкновенно; обычно; прилично.
Звича́йний—вѣжливый.
Звича́йность—вѣжливость.
Звідти—оттуда.
Звідтіль—оттуда.
Звідціль—отсюда.
Звідъ—оцѣпъ у колодца.
Звінча́ти—обвѣнчать.
Звіря́—звѣренокъ, звѣрекъ.
Звіря́ка—увелич. отъ звіръ—звѣрь.
Зворуши́тись—зашевелиться.
Згада́ти—вспомнить.
Згаі́ти—замедлить, промедлить.
Згоди́тись — пригодиться, согласиться.
Згоріти—сгорѣть.
Здава́тися—казаться; ссылаться на кого; полагаться.
Зда́лека—издали; изъ дальней стороны.
Здивува́ти—удивиться.
Зди́хатись — отдохнуть, вздохнуть свободнѣе.
Здихну́ти—вздохнуть.
Здріма́ти—уснуть немножко.
Здуріти—сойти съ ума.
Зеленцемъ—въ незрѣломъ видѣ.
Ззісти—съѣсть.
Зиркъ—глядь!
Зирну́ти—быстро взглянуть.
Зібга́ти—скомкать, слѣпить.
Зійти́—сойти; взойти.
Зійти́ся—сойтись.
Зіно́вать — сильно укореняющееся степное растеніе.
Зіронька—звѣздочка.
Злама́ти—сломить.
Злато-ла́въ—названіе шелковой матеріи.
Злиде́нно—мизерно.
Злиднѣ—крайняя бѣдность, нищета.
Злодія́ка—(увел. отъ злодій) воръ.
Зляка́тись—испугаться.
Зме́рзнути—озябнуть, замерзнуть.
Змизерніти — сдѣлаться хилымъ, ничтожнымъ.
Змурова́ти — выстроить каменное зданіе.
Знависніти—выйти изъ себя, взбѣситься.
Зоста́нокъ—остатокъ.
Знайти́—найти, отыскать.
Знатта́—знаніе, увѣренность.
Зни́кнути—быстро удалиться, исчезнуть.
Зновъ—снова.
Знуща́тися—ругаться, издѣваться.
Зобга́ти—смѣшать, скомкать, сжать.
Зоста́ти,—ся—остаться.
Зотліти — истлѣть; сгорѣть безъ пламени.
Зпустошалый—опустѣлый, запущенный, опустошенный.
Зрадли́вый,зра́дний,—измѣнчи́вий, перемѣнчивый.
Зрівня́ти—выровнять, сравнять.
Зріка́тися—отрекаться.
Зрі́съ—взросъ.
Зро́ду—отъ ро́ду, родясь.
Зрозуміти—уразумѣт .
Зруйнова́ти — разорить до основанія.
Зу́здріти—нечаянно завидѣть.
Зупини́ти—остановить.
Зупини́тися—остановиться.
Зухъ—молодецъ, пройдоха, ухарь.
Зцу́пити—стащить.
Зъ-за—изъ-за.
Зъісти—см. ззісти.
Зъ-пече́въя—нечаянно, неожиданно.
Зъ-пантели́ку збитьця — съ толку сбиться.

И́грашка—игрушка;—и—шутки.
Иззісти—съѣсть.
Изляка́тися—испугаться.
Изме́рзти—озябнуть.
Изнева́жити—низко поставить кого-нибудь, ни во что повернуть.
Икъ—къ.
Име́ння—имя.
Инди́къ—индюкъ.
И́нший—иной, другой.

Івъ (отъ істи)—ѣлъ.
Іде—ѣдетъ.
Ії (вин. и род. отъ вона)—ее, ея.

Каба́ка — нюхательный табакъ.
Ка́верзникъ—кляузникъ.
Кавча́ти — выть, маукать.
Кагапе́ць — плошка, жирникъ.
Кажу́,—же — говорю,—ритъ.
Каза́ти — говорить что нибудь, сказывать.
Ка́зка — сказка.
Ка́зна—куди́ — чортъ знаетъ куда!
Калантирь — карантинъ.
Калю́жний—болотный.
Каля́ти — пачкать.
Камінюка—(увелич.) камень.
Камяни́ця—каменное зданіе.
Капли́ця — часовня.
Карата́ти—оканчивать.
Карлю́чка — крючекъ.
Кармази́новий—изъ краснаго сукна.
Кармази́нъ — красное сукно; мужская верхняя одежда изъ этого сукна.

Карта́ти—ворчать, донимать бранью.
Ката́дра—кафедральная церковь, соборъ.
Като́ваний—битый палачемъ.
Катру́ся—(умен.) Катерина.
Ка́чка—утка.
Каю́къ—челнокъ.
Ква́рта—мѣра жидкостей: 10-я часть ведра; штофъ.
Ква́питись—стремиться желаніемъ, повадиться.
Квіточка—цвѣточекъ.
Квітча́стий—цвѣтной, цвѣтистый.
Кгре́чий—см. гре́чий.
Кепкува́ти—осмѣивать, какъ дурака.
Ки́гті—когти.
Ки́нути—бросить.
Кисли́ця—кислое яблоко.
Кише́ня—карманъ.
Кіло́къ—колышекъ.
Кільце́—колечко.
Кімна́та—комната за перегородкой въ хатѣ.
Кіндяки́—названіе матеріи.
Кінець—(нарѣч.) на кончикѣ, скраю.
Кістка—кость.
Кладови́ще—кладбище.
Клезну́ти—ударить по рожѣ, провесть чѣмъ нибудь по извѣстному предмету.
Клекота́ти—клокотать.
Кли́кнути—позвать.
Клини́на—кленовое дерево.
Кло́пітъ—забота, хлопоты.
Кля́мка—щеколда.
Кля́снути—хлопнуть.
Кля́тий—(бран. слово) проклятый.
Ковінька—клюка́.
Коли́шній—когда-то бывшій.
Коло́мазь—смола для смазки колёсъ.
Коло́шкати—разстроивать кого-нибудь, производить сумятицу, тревогу.
Компонува́ти—сочинять.
Кортіти—хотѣться.
Котю́сь—(ум. отъ кітъ) котъ.
Конто́вний—цѣнный, дорогой.
Крадькома́—воровски, изъ подтишка́.
Край—(нарѣчіе) возлѣ.
Кра́марь—торговецъ краснымъ товаромъ.
Крамъ—товаръ мелочной, красный.
Крепа́къ—крѣпостной (человѣкъ).
Кривий—хромой.
Кришити—крошить.
Крізъ—сквозь.
Крілъ—кроликъ.
Кругля́ти—пить круговую.
Крути́тися—вертѣться.
Круть—(междом. слова крути́ти)—вертѣть;—верть.
Кру́ча—крутизна, отвѣсный оврагъ, берегъ.
Крюкъ—воронъ.
Ко́бза—музыкальный инструментъ.
Коби́ла—возвышеніе на эшафотѣ, гдѣ тѣлесно наказываютъ.
Кова́льський—кузнечный.
Коза́цтво—(собират.) козаки.
Ко́іти—въ дурномъ смыслѣ—дѣлать, производить.
Колись—когда-то.
Коліно—поколѣніе, происхожденіе.
Коло—возлѣ, у, при.
Ко́мінъ—непосредственный пріемникъ дыму, по выходѣ его изъ печи, послѣ чего онъ уходитъ въ дымовую трубу; труба.
Комо́ра—амбаръ, кладовая, лавка.
Ко́пи—снопы, сложенные въ копны по 30 штукъ.
Корячо́къ—ковшикъ.
Кострубатий—неприглаженный.
Ко́тиссся—катишься.
Коханнячко—(умен.) любовь.
Коха́ти—любить.
Кошеня́—котенокъ.
Коштува́ти—см. куштува́ти.
Кубе́лечко—гнѣздышко.
Кукурікати—говорится о крикѣ пѣтуховъ,
Ку́лші—мѣсто сочленія, лопатки ногъ.
Ку́ля—пуля.
Куме́дно—курьезно, смѣшно.
Ку́пка—бугорокъ, кучка; группа.
Купова́ти—покупать.
Ку́чигу́ра—насыпь, куча.
Ку́рча́—цыпленокъ.
Ку́рячий—куриный.
Ку́хва—особаго рода бочка.
Ку́холь—большая кружка.
Кшталтъ—образъ, видъ, манеръ.
Кушіръ—мелкія водоросли.
Куштува́ти—пробовать, отвѣдывать.
Кущъ—кустъ, (мн.—щі)—кустарникъ.
Курника́ти—мурлыкать.

Ла́ва—лавка. доска приставленная къ стѣнѣ.
Ла́зня—баня.
Ланцюгъ—цѣпь.
Ла́сенький—лакомый.
Ласий—лакомый, вкусный; лакомка.
Ла́сощі—лакомства.
Ла́стівка—ласточка.
Ля́яти—бранить.
Леда́чий—негодный, дурной, лѣнивый.

Ледащи́ця—негодникъ, ица.
Леда́що—негодяй, лѣнтяй и т. п.
Липъ—линь (рыба).
Ли́тка—икра (ноги).
Ли́хо—бѣда, бѣдствіе, зло и т. п.
Лицар'ський—рыцарскій.
Лише́нь—ка; напр. а ну лишень—нуко!
Ли́шечко—бѣда!
Ли́шка — нечетное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать четъ или нечетъ.
Лі́дъ—ледъ; посади́ти на лі́дъ—(погов.) поставить въ затруднительное положеніе, разорить.
Лома́ка—дубина.
Лопатки́—гороховые незрѣлые бобы, стручки.
Лопу́хъ—растеніе лапушникъ.
Лоша́—жеребенокъ.
Луна́—эхо, отголосокъ.
Лупи́ти—драть, обдирать; бить.
Луци́піръ—наистаршій чортъ.
Лу́читися—случиться.
Лушпи́на—скорлупа.
Люди́на—человѣкъ въ смыслѣ единичности, безразлично - мужескаго и женскаго пола.
Лю́лечка—уменьшит. отъ
Лю́лька—курительная трубка.
Лякъ—испугъ, страхъ; изъ ляку—со страху.
Ля́пасъ—пощечина, оплеуха.
Ля́снути—хлопнуть, щелкнуть.
Ляща́ти—хлопать.

Маглёвать—рисовать, расписывать.
Макітра—большой горшокъ, расширенный къ верху.
Макогі́нъ, род.-го́ну—тяжелый деревянный пестъ, для растиранія зерна.
Малёвний—живописный.
Малёви́чий—живописный.
Малёва́ння—живопись.
Мандрува́ти—бродить, брести безъ цѣли.
Ма́рне или Ма́рно—напрасно, попусту.
Ма́сниця—маслянница.
Ма́ти—имѣть.
Маха́ти—махать; быстро бѣжать.
Мачи́нка—маковое зернышко.
Машталіръ—кучеръ.
Ме́кнути—заблеять (о козахъ).
Ме́рзти—замерзать; зябнуть.
Ми́лиця—деревяшка.
Ми́мрити—бормотать.
Ми́ршавий—плюгавый.
Митѐць—дока, мастеръ.
Мишеня́тко—мышеночекъ.
Міжи́—между.
Мізкува́ти — размышлять, разсуждать.
Мій—мой.
Мірка—мѣра, посуда для сыпучихъ тѣлъ.
Міцни́й—сильный, крѣпкій.
Млинъ—мельница.
Мнясце́—(ум. отъ мня́со)—мясо.
Мо́вчки—молча.
Мо́же—можетъ быть.
Молоди́ця—молодая замужняя женщина.
Морга́ти — мигать бровями.
Моргну́ти—мигнуть.
Моргу́ха—мигунья.
Морськи́й—хлѣсткій.
Москале́ва ж.; ср. — ве, москалівъ—солдатовъ,—тскій, ая, ое.
Мости́на—половица.
Мо́тлохъ—разный мелкій хламъ.
Мурми́ло—(бранное слово) скверная рожа.
Муръ—каменная стѣна.
Му́сити—долженствовать.
Мушке́тъ—мускетонъ (родъ ружья).

Набаґрати—навалять; намазать.
На-ба́кирь—на бекрень.
Набубня́віти — набухнуть (о зернахъ), пухнуть.
Навдивови́жу—на удивленіе.
На-взаводи—во весь карьеръ.
Навідуватися — навѣщать; бывать у кого.
Навіже́нний—бѣшаный, сумазбродный.
Навмання́—наобумъ, необдуманно.
Навпі́лъ—пополамъ
Навпросте́ць—прямикомъ.
Нагарбати—много загресть руками.
Нагоро́да—награда.
На́дити—приманивать; пріучать.
Наздогна́ти—догнать, настигнуть.
На-зу́стрічъ—на встрѣчу.
На о́тшибі — отдѣльно отъ другихъ зданій, въ сторонѣ.
На́йми — наемъ; служба по найму.
На́ймичка—наемница—работница.
Найпе́рше—прежде всего.
Нала́яти—набранить.
Налига́ти—поймать и набросить на рога́ веревку; связать веревкою.
Налічи́ти—насчитать.
Намі́ря́тися—замахнуться; принять готовность, намѣреніе.
Намішованикъ — булка особымъ образомъ испеченная.
Намовля́ти—наговаривать.
Напірити—натащить (объ одеждѣ) на себя слишкомъ много.
На́пускъ—напасть.

Нарізувати — нарѣзывать (о музыкѣ).

Нару́га — издѣвка, посмѣяніе, позоръ и насиліе.

Насторо́шити—навострить (уши).

Настільничокъ—скатеретка.

Насу́нутись—надвинуться.

Натру́шувати—патрясти.

Нахили́тися—склониться, нагнуться.

На-що?—для чего?

Наяло́зити—жирно намазать.

Небіжчикъ—бѣдняжка.

Небіжъ, зв.—бо́же!—племянникъ.

Небо́га — племянница; бѣдняжка; въ несоб.смыслѣ—всякая младшая передъ старшимъ—небо́га.

Небожа́та—(мн.) ласкательный эпитетъ высшихъ къ низшимъ, смѣшанный съ снисхожденіемъ и отчасти съ сожалѣніемъ.

Небора́къ—бѣдняжка.

Невели́чкий—небольшой.

Невсипу́ща—неутомимая, неусыпная, безсонница.

Неділя—воскресный день; недѣля.

Недобача́ти — проглядывать, недосмотрѣть.

Не́до́битокъ — недобитый, незамученный окончательно.

Недо́людокъ—нестоющій имени человѣка.

Недото́ркуватись—недотрогиваться.

Незго́да—несогласіе; несчастіе.

Не́ня—мать.

Непе́вний—необыкновенный; ненадѣянный.

Неподо́бний—странный.

Нерухо́мий—неподвижный, неумолимый.

Несамови́тий—изступленный; выведенный изъ себя; внѣ себя.

Неслухня́ний—непослушный.

Нечумàзный—некрасивый, невидный.

Ни́зка—связка.

Ни́ка́ти—шататься безъ дѣла или гдѣ не слѣдуетъ; приглядываться бродя.

Ни́шпорити—шарить.

Ни́щечкомъ—потихоньку, тайно.

Ні—нѣтъ (фр. non); ни.

Ні́вечити — портить, переводить, уничтожать и уничижать, жестоко поступать.

Ніженька—ножка.

Ні́кчемний—ничтожный, ни къ чему негодный.

Німо́та—(собират.) нѣмцы.

Ні однісінького,-коі—рѣшительно ни одного, ой.

Ніхто́—никто.

Ні́чичи́ркъ—ни гугу.

Ні́ччу—ночью.

Ніякъ—никакъ.

Новісінькій—новешенькій.

Нудьга́—тоска.

Ну́мо—станемъ.

Оби́два, ж. оби́дві—оба, обѣ.

Обізва́тись—откликнуться.

Обкрути́ти—обвертѣть; обвѣнчать.

Обо́ра—загонъ для скота.

Обри́днути—надоѣсть.

Обску́бти—обдергать, оборвать.

Огирь—жеребецъ.

Одві́тувати—отвѣчать, давать отвѣтъ.

Одбреха́тися—отдѣлаться ложью.

Одві́рокъ—притолка у двери.

Одві́точка—отвѣтъ.

Оддихати — перевести дыханіе, отдохнуть.

Оддя́кувати или—

Оддя́чити—отблагодарить.

Одірва́ти—оторвать.

Одмі́нокъ—перемѣна, отмѣна.

Одпочива́ти—отдыхать.

Одпочи́ти—успокоиться, отдохнуть.

Одури́ти—обмануть.

Одцура́тися—отречься, отказаться.

Одчини́ти—отворить.

Одшибъ—см. на одшибі.

Одягти́ся—одѣться.

Озна́ка—признакъ, зна́къ.

Окнàстий—имѣющій большія окна (о зданіяхъ).

Окова́та—высшаго достоинства водка.

Окріпъ—кипятокъ.

Округи́—вокругъ, кругомъ.

Оксами́товий — атласный саетовый здается отласный, а оксалитовый бархатный и плисовый.

Окульба́чити—осѣдлать.

Олія—постное масло.

Онъ—вонъ, вотъ-тамъ.

Опанува́ти—овладѣть.

Опереза́ти—тяжело ударить поперегъ верхней части корпуса.

Опини́тись—очутиться.

Опікъ—ожегъ.

Опічокъ—выдающееся мѣсто у печи для каганця́ (см.).

Оповіда́ння—небольшой разсказъ.

Оповіда́ти—разсказывать.

Оповісти́ти—разсказать.

Орда́нь—крещенское освященіе во-

ды; самое мѣсто совершеніе этого обычая.

Оружний—вооруженный.

Освіта—просвѣщеніе

Оселе́дець—селедка; чубъ, оставленный среди выбритой головы.

Ості́нягъ—ситникъ (растеніе).

Осістися — устояться; поселиться на жительство.

Оскѣма—оскомина.

Осли́нъ, род. о́ну — продолговатая скамейка.

Оста́ннiй—остальной, послѣдній.

Ота́ра—большое стадо овецъ.

Ото́—вотъ то.

Оттаки́й, ка́, ке́—такой.

Отта́къ—такъ, вотъ какъ.

Отто́й, отта́, а́я, отте́—тотъ.

Отту́тъ—здѣсь, теперь.

Отъ—вотъ.

Охайливый — опрятный, чистоплотный.

Охлянъ—безъ сѣдла (верхомъ на лошади).

Оце́—это; вотъ; теперь.

Падлю́ка — (бран. слово:) увелич. отъ падло-падаль.

Пазурі — когти.

Пала̀ти — пылать.

Палічча — (собират.) множество палокъ.

Палюга́ — увелич. палка.

Паляни́ця — булка, хлѣбъ испеченный изъ пшеничной муки.

Пано́тець — почетный титулъ старыхъ и достойныхъ уваженія людей: священника и т. п.

Па́нство — (собир.) всѣ бары.

Па́нський — господскій.

Па́нькати, ся — ухаживать за кѣмъ.

Па́пщина — барщина.

Папе́рникъ—бумажный фабрикантъ.

Па́плюга — бранное слово къ женщинѣ.

Па́ра — паръ.

Па́рубокъ — парень.

Парубо́цький — юношескій; молодецкій.

Паску́дити — гадить.

Паслінъ—Solanum nigrum, со съѣдобными черными ягодами.

Патёка — см. потёка.

Па́тли, лі — длинные волосы.

Пахти́ть — слегка пахнетъ.

Пацюкъ — крыса.

Пащикува̀ти — болтать, сплетничать, ссориться.

Пелена́ — подолъ рубашки.

Пе́лька — огромная пасть, горло (въ бранномъ смыслѣ).

Пере́ (отъ пра́ти) — моетъ (о бѣльѣ).

Перебе́ндювати. — капризничать, прихотничать.

Перебігти — перебѣжать; пробѣжать.

Пере́вертень — ренегатъ, измѣнившій своей народности.

Переднюва́ти — пробыть, провести день.

Переки́нутися — опрокинуться, перевернуться; преобразиться,

Перековерса́ти — перерыть, перековеркать.

Перекотипо́ле — такъ наз. вѣтвистые кустики растеній (напр. дикой спаржи), носимые вѣтромъ по полямъ.

Перелігъ, род. ло́гу — почва, лежавшая нѣсколько лѣтъ не паханою.

Переля́къ — испугъ.

Перепе́рти — перетащить, передвинуть; перекричать.

Переполо́хъ — испугъ.

Пере́тічка — протокъ лѣтомъ засыхающій,

Перехопи́тися — быстро перѣхать, перебѣжать.

Перечу́ти — услышать отъ...

Пери́стий—разношерстный, пестрый.

Пе́ртися — тащиться.

Пе́рший — первый; прежній.

Першъ — прежде.

Пе́ський — псовскій, происходящій отъ пса, или принадлежащій, свойственный псу.

Пече́не — жаркое.

Пи́ка — рожа.

Пилипо́нъ — Филипонъ; великороссіянинъ.

Пилне́нько — очень пристально.

Пи́рхнути—производить звукъ губами во снѣ; неудержать смѣха.

Пису́лька — записка, цидула.

Півбо́гъ—полубогъ.

Півень — пѣтухъ.

Підвечі́ркувати—ѣсть послѣ полдника за нѣсколько времени передъ ужиномъ.

Підійма́тися—подниматься вверхъ.

Підгле́жувати — подсматривать.

Підкра́стися — тайно подойти, подобраться.

Підпанокъ — полубаринъ.

Підпа́лювати — поджигать.

Підпереза́ти — опоясать.

Підска́кувати — подпрыгивать (въ добромъ здоровьѣ).

Підтюпцемъ — мелкой рысцой.

Підъ — подъ.

Підцькува́ти — притравить, наускать.

Пізно — поздо.
Пінявий—пѣнистый; запѣнившійся.
Пірна́ти — см. порина́ти.
Пірну́ти — пырнуть.
Піръя — перья.
Після́ — послѣ.
Пі́ти — пойти.
Пішки — пѣшкомъ.
Плигъ!—выражается тяжелый прыжокъ.
Плі́дъ — плодъ, произведеніе.
Пліточка—плотичка, плотва (рыба).
Пля́ма — пятно.
Пля́шка — фляга, стеклянная большая посуда.
Побала́кати — поговорить, побесѣдовать.
Побива́на—обитая.
По́битомъ — способомъ.
Пова́гомъ — не спѣша.
Поважа́ти — почитать кого.
Повеселішати — повеселѣть.
Пога̀нець—мерзавецъ.
Пога́ний — дурной.
Пога̀рда—пренебреженіе.
По́глядъ — взглядъ.
Поглида́ти — посматривать.
Пого́жа вода̀ — чистая, здоровая вода (съ особеннымъ миѳологич. значеніемъ).
Погомоніти — по говорить, побесѣдовать.
Пого́ничъ — управляющій лошадьми, возница.
Погре́бати — пренебречь.
По́давно — довольно давно; очень давно.
Подиви́тись — посмотрѣть.
Подрату́ва́ти — подразнить.
Пожари́ще — мѣсто, оставшееся послѣ пожара.
Пожада̀ти — сильно пожелать.
Позаклада́ло — заложило уши.
По-знаку́ — въ примѣту, извѣстно прежде.
Познімàти — снять одно за другимъ.
Позроста́тись — сростись вмѣстѣ.
Поісти — съѣсть.
Покарбува́ти — изрѣзать (нарѣзами).
Покарта́ти — выругать, выбранить.
По́ки — пока.
Покісъ — ряды только что скошенные.
По́куть — мѣсто въ переднемъ углу подъ образами.
Пола́ятись — перебраниться.
Поле́гшати — сдѣлаться легче.
Полінува́тися — полѣниться.
Пола́ва — мякина.
Пола́нка — небольшая прорубь, ополонь.
Пола́ханий — пугливый.
Помандрува́ти — побрести, поплестись.
Поманесеньку — помаленьку, потихоньку.
Поме́рлий — умершій.
Помѝни — воспоминаніе, память.
Помирковàтися — поразмыслить.
Помі́скувàти—подумать, поразсудить.
Помоло́дшати — помолодѣть.
Попасàти — кормить рабочихъ животныхъ, больш. частію подножнымъ кормомъ.
Поплаве́ць — поплавокъ.
Пополюва́ти—поохотиться (за звѣрями).
Попідпере́зувати—подпоясать (о многихъ).
Попіли́ще—пепелище.
Попричіплювати—прицѣпить, привязать.
Попсува́ти—попортить.
Попхàтись—потащиться потихоньку.
Попхну́ти—толкнуть.
Пора̀дити — посовѣтовать; опредѣлить.
Порина́ти, пурина́ти—нырять.
Порося́тко—поросеночекъ.
По́ставень—ковшъ.
Посісти—всѣмъ сѣсть.
Поску́бтись—потаскать за волосы другъ друга.
Послу́га—услуга.
По-сороміцькій — непристойно, срамно.
Постріва́й—погоди.
Потайни́й—тайный.
Потёка—ручей (въ несобств. смыслѣ).
По́трухъ—внутренности, потроха.
Потуши́ти—погасить.
Поцу́пити—потащить.
Поузъ—мимо.
Почастова́тися—попотчиваться.
Почáтися—начаться.
Почàтокъ—начало.
Почервоніти—покраснѣть, побагровѣть.
Почи́нокъ—начало; мѣра пряжи.
Почіпля́ти—поцѣпить.
Почта́рьский—почтовый.
Почу́хати—почесать.
Пошанувàти—почтить.
Пошàрпати—изорвать.
Поши́тися въкого—преобразиться въ кого.
Пошмага́ти—постегать.

П'ошука́ти—поискать.
Похи́листий — наклонившійся, наклонный (о предметахъ).
Похню́пий—понурый.
Правува́тися—управляться.
Пра́ти—мыть бѣлье.
Працюва́ти — усиленно трудиться, дѣлать тяжелую работу.
Пра́ця—трудъ, работа.
Предиве́нний—очень странный.
При (отъ пе́рти) тащи; жми.
Привести́—привесть; родить (дѣтёныша).
Пригорта́тися — прижиматься къ кому.
Придба́ти—пріобрѣсть.
Примовля́ти—приговаривать.
Присіпатись — крѣпко пристать, придраться къ кому.
Притама́нний—чистый; присущій.
Притули́ти—прижать; прикоснуть.
Притьмо́мъ—непремѣнно.
Прихили́тись—приклониться.
Причвала́ти—прибрести.
Пришеле́поватий—съ придурью.
Пробо́вкнути—проговорить словце.
Прого́ничъ — желѣзный болтъ, съ помощію котораго запирается окно ставней.
Продівува́ти — пробыть, прожить въ дѣвкахъ.
Прозо́рний—прозрачный. Есть въ I томѣ прозо́рпий— болѣе правильная и чистая форма.
Промі́жъ—между.
Простоволо́сий — съ непокрытою головой (о женщинахъ).
Простроми́ти—проткну́ть, просверлить, сдѣлать остріемъ узкое отверстіе.
Простува́ти—итти прямикомъ.
Простягти́—протянуть, расправить.
Простягти́ся—растянуться.
Проти́вний—стоящій напротивъ.
Прохворости́ти—посѣчь хворостиной.
Прудки́й—прыткій, быстрый, проворный.
Процвіта́на—разцвѣченная.
Прямі́сінько—прямёхонько.
Псяю́ха—бранное слово (песья кровь).
Пуза́нъ—брюхачъ.
Пусте́льникъ — отшельникъ, пустынникъ.
Пусти́пя—пустяки.
Пу́стка—нежилая изба.
Пустова́ти—о зданіяхъ—стоять пустымъ; о людяхъ—шалить, дурачиться.

Раде́нький—радехонекъ.
Рази—земледѣльч. орудіе.
Ратова́ти—см. рятува́ти.
Рахува́ти—разсуждать, взвѣшивать.
Ра́чки—на карачкахъ, ползкомъ.
Ребе́рце—ребрышко.
Реготя́ти, ся—хохотать.
Реміне́ць—ремешекъ.
Риба́лочка—ум. рыбакъ.
Рівча́къ—канава.
Рідний—родной.
Рі́дъ—родъ, поколѣніе; родственники.
Рі́зка—розга.
Рікъ—годъ.
Рісъ—росъ (прош. отъ рости́)
Річъ—слово; дѣло, вещь.
Робити—дѣлать; работать.
Ро́бомъ—способомъ, образомъ.
Роди́мець—параличъ.
Розбиша́ка—разбойникъ; буянъ.
Роздяга́тись—раздѣваться.
Роззя́ва—разиня.
Роззя́вити—разинуть.
Роспа́тланий — съ растрепанными волосами.
Ро́скішъ—обиліе, достатокъ; роскошь.
Роско́ши—обиліе, достатокъ.
Роспита́ти—распросить.
Росхрістаний — съ разстегнутымъ воротникомъ или пазухою.
Ротиня́—ротикъ.
Рубля́ка—увелич. рубль.
Ру́лка—кранъ; горлышко.
Ру́мсати см. рю́мсати.
Рунду́чний—крилечный.
Ру́шити—двинуться, тронуться въ дорогу.
Рушни́къ—утиральникъ, полотенце съ обрядовымъ значеньемъ при свадьбахъ и проч.
Рю́мсати—рюмить, плакать.
Рябко́—кличка собаки, но рябой или разноцвѣтной шерсти.
Рядно́—дерюга.
Ряснёнько — плодовито (о растеніяхъ).
Рятува́ти—спасать.

Садо́чокъ—садикъ.
Са́жалка—прудъ.
Самі́сінький—совершенно одинъ.
Самъ—одинъ, одинокій.
Сварити́ся—ссориться, грозить.
Свербіти—чесаться.
Свиня́чий—свиной, свинскій.
Сви́тка—верхнее платье, родъ сермяги.
Свіну́ти—разсвѣпуть, появиться разсвѣту.
Світа́ти—разсвѣтать.
Світи́лка—обрядовое лицо на свадьбѣ, держащее въ рукѣ мечъ и свѣчу.

Серде́га—сердечный, бѣдняга.
Середъ—среди.
Сивіти—сѣдѣть; быть, являться сивымъ (о предметахъ).
Си́катися—бросаться, привязываться.
Си́кнутися—броситься, накинуться.
Сідало—насѣстъ.
Сіда́ти—садиться.
Сіль—соль.
Сі́лькось—нужды нѣтъ!
Сіпнути—быстро дернуть.
Сіпъ!—выражается моментъ быстраго дернутія.
Сіро́ма—бѣднякъ (названіе отъ сѣраго платья).
Сіроманці—эпитетъ волковъ—сѣрые.
Скаже́ний—бѣшеный.
Скази́тися—взбѣситься.
Скалічити—изувѣчить.
Ска́рбъ—сокровище, кладъ; мѣсто ихъ храненія.
Ска́ржитись—жаловаться.
Скаучáти—визжать (о собакахъ).
Ски́рта—скирда, стогъ.
Скікъ—выражается моментъ скачка.
Скля́нка—стеклышко.
Скомпонува́ти—сочинить, составить.
Скопи́лити нісъ, гу́бу—загнуть, поднять носъ и пр.
Скоти́на (собирательно)—рогатый скотъ.
Скреготáти—скрежетать, щекотать (о птицахъ).
Скрепи́ця—колодка, ножныя деревянныя кандалы.
Скли́кáти—созвать.
Скрізь—вездѣ.
Скрути́ти го́лову—свернуть голову.
Скубну́ти—дернуть, рвануть.
Скупердя́га—скряжище.
Слабки́й—слабый.
Слебізува́ти,—по складамъ, медленно выговаривать все по порядку.
Слівце́—словцо.
Слу́хати—слушать.
Слухня́ний—послушный.
Сма́лець—оттопленный жиръ.
Смачне́нько—вкусно.
Смачни́й—вкусный.
Сма́чно—вкусно.
Смикну́ти—быстро дернуть.
Смикъ!—выражается моментъ быстраго дерганья.
Снідати—завтракать.
Соки́ра—топоръ.
Соло́дчий, ча, че—слаже.
Со́нечко—солнышко.
Сопілка—свирѣль.
Соро́митись—конфузиться.
Со́ромъ—срамъ, поношеніе.
Соро́чечка—рубашечка.
Соро́чка—рубашка.
Сосни́на—сосновое дерево.
Спашъ—порча пашни на стеблѣ скотомъ.
Спини́тися—остановиться.
Співа́ти—пѣть.
Співи—пѣсни.
Спізни́тися—опоздать.
Спода́рь—(сокр.) господа́рь—господинъ.
Сподіва́ти,-ся—ждать, надѣяться.
Сподіятися—совершиться.
Спогля́нути—взглянуть.
Спокуша́ти—искушать.
Спочива́ти—покоиться; отдыхать.
Спочи́нокъ—отдыхъ.
Спочи́ти—успокоиться; отдохнуть.
Спра́ва—дѣло, веденіе дѣла, устройство.
Спра́вжки—серьёзно, взаправду.
Спра́вити—сдѣлать, устроить.
Спра́жній—дѣйствительный, серьёзный.
Спромогти́ся—собраться съ силами, со средствами, получить возможность.
Ставо́чокъ—ум. отъ ставъ—прудъ
Ста́ня—конюшня, стойло.
Ста́рець—нищій.
Старига́нъ—старикъ.
Старовина́—древность, старина́.
Сте́жка—тропинка.
Сте́ля—потолокъ.
Стёнжка—ленточка, которою застегивается спереди воротникъ мужской рубашки.
Стирча́ти—торчать.
Стіжо́къ,—небольшой стогъ или скирда (хлѣба въ снопахъ, сѣна и пр.)
Стра́тити—уничтожить, погубить, извести.
Стовкти́—столочь.
Стона́дцять—неопредѣленное большое число (въ брани).
Стрибъ—выражается моментъ скачка.
Стріти—встрѣтить.
Стріха—навѣсъ соломенной крыши.
Стрючо́къ—бобъ (въ ботанич. смыслѣ); стручковый перецъ.
Стули́тись—свернуться, сжаться.
Су́нутися—медленно двигаться плотно по поверхности.
Супліка—письменная просьба.
Сутозолоти́й—массивно шитый или тканый золотомъ.
Су́чий—сукинъ.
Схи́лний—склонный.

Схо́ванка—тайникъ; мѣсто, гдѣ прячется что нибудь.
Сховáти—спрятать; погребсти.
Схóплюватися—схватываться, быстро подыматься.
Сцілю́щий—цѣлительный.
Счісувати—расчесывать.
Съ (передъ *п, т,* и др. буквами) изъ.

Та—да, и.
Таджéжъ—да вѣдь же.
Тара́ня, нь—родъ рыбы.
Татарва́—(собират.) татаре.
Тварю́ка—(увелич.) тварь, животное.
Тверéзий—трезвый.
Те—(ср. род.) то.
Тежъ—тожь, также.
Теля́—теленокъ.
Теревéні (гнýти и т. п.)—разный вздоръ, раздобары.
Терні́вка—наливка на ягодахъ терна.
Тёхъ!—корень глагола тёхнуть.
Течíй—потокъ, ручей.
Тúждень—недѣля.
Тиль-тиль—чуть-чуть.
Типя́тися—слоняться.
Тíльки—только; какъ скоро.
Тúтарь—староста церковный.
Товáръ—рогатый скотъ.
Товкти́—толочь; бить.
Товкти́ся—толочься и т. п.
Тоді—тогда.
Токотíти — токать, мѣрно и тихо стучать.
Толока́—мірская помощь въ сельской работѣ.
То́рба — небольшой мѣшокъ, сума́, котомка.
Торби́нка—сумка, мѣшочекъ.
Тороплéний—ошеломленный.
Тра́питця—случится.
Трéйчі—трижды.
Трісь—выражается моментъ треска, удара.
Тройчáтий—тройной.
Тропа́къ—родъ танца.
Трóхи—чуть, едва.
Трóшки—немножко, чуть.
Труна́—гробъ.
Трусúтися—трястись, трепетать.
Трусъ—трясеніе, шумъ.
Тря́сця—лихорадка.
Трухля́вий—трухлый.
Тýга—тоска.
Тужъ-тужъ — вотъ, вотъ; скоро, скоро.
Тули́тися—жаться, прижиматься.
Тýтечки—здѣсь.
Тхíръ—вонючій хорёкъ.
Тю!—междом. а ту! и т. п.
Тюхтíй—тяжелый на подъемъ.
Тя́мити—понимать, смекать.
Тямкú, въ тямкú—въ памятку.

У, увъ—въ.
Удава́ть—прикидываться, представлять изъ себя.
Удовíвна см. вдовíвна.
Удовольни́ти—удовлетворить, удовольствовать.
Ужива́ти—употреблять, пользоваться.
Уíдливий—неотвязно-злой.
Уíхати—въѣхать.
Уки́нути—вбросить.
Укла́стися—уложиться, улечься.
Уклони́тися—поклониться.
Умина́ти—ѣсть.
Умкну́ти—быстро уйти.
Умóва—уговоръ, условіе.
Умовля́тися—сговариваться, условливаться.
Умудрува́тися—умудриться.
У-пе́рше—въ первый разъ.
Упи́рь—колдунъ.
Уподóба—вкусъ, одобреніе.
У-подóвжъ—вдоль, въ длину.
Упóратися — покончить со всѣми дѣлами.
Уразúти—тронуть больное мѣсто.
У-ра́нці—поутру.
Уробúти—сработать; обдѣлать, затаскать.
Урóда см. врóда.
Усé—все.
Ускубну́ти — легонько дернуть (за волосы и т. п.).
Уста́ти—встать.
Устерегти́ся—уберечься.
Уся́кий—всякій; каждый.
Утіка́ти—убѣгать, уходить.
Ухна́ликъ—гвоздикъ для подковъ.
Ухопúти—схватить.
Ушанова́ння—почтеніе, уваженіе.
Фа́рба—краски.
Финдю́рка—потаскушка.

Ха́лепа—напасть.
Хапу́нъ—тотъ, кто хватаетъ: чортъ.
Хапъ—хвать.
Характéрникъ—колдунъ-атаманъ.
Харпа́къ—въ презр. смыслѣ бѣднякъ.
Харчува́ти—кормить-запасами.
Хати́на — (уменьшит. отъ хата)—украинская избушка.
Хведькó—Ѳеодоръ.
Хвúськати—хлестать (бить).
Хвýкга—мятель.
Хіба́—развѣ,
Хибéта—способность.

Хі́вря—Февронья.
Хи́жа—клѣть; избушка.
Хи́ріти—хворать.
Хи́рний—хворый, слабый.
Хі́дня́—хожденье.
Хіпъ—хвать!
Хлі́бъ—хлѣбъ; пашня; вообще пропитаніе, средства къ жизни.
Хло́пець—мальчикъ.
Хлюпоста́тися—играть въ водѣ.
Хлюпъ—выражается плесканье воды.
Хлю́ща—нѣчто мокрое, изъ чего течетъ вода.
Хова́тися—прятаться, скрываться.
Ходи́—иди, приди.
Ходімъ, мо—пойдемъ!
Холоде́ць—окрошка.
Хорти́ця—гончая сука.
Хортъ—борзая собака.
Хочъ—хотя, хоть.
Худо́ба—рабочій скотъ; движимое имущество.
Ху́ра—большой возъ, нагруженный товарами.
Ху́тіръ—поселокъ; мыза.
Хропги́—храпѣть.

Цапи́ний—козлиный.
Цапъ—козелъ.
Цвяхо́ваний—оббитый гвоздями.
Це—это.
Це́гла—кирпичъ.
Цибу́ля—лукъ (растеніе).
Цимба́ли—названіе музыкальн. инструмента.
Ціліснький—цѣлёхонькій.
Цмо́кнути—чмокнуть.
Цокоту́ха—говорунья.
Цу́керъ—сахаръ.
Цу́пити—тащить.
Цура́тися—чуждаться, удаляться, отрекаться.
Цу-цу́!—кличутъ собакъ.
Ця́мрина—верхняя часть сруба у колодца.

Ча́рочка—рюмочка.
Ча́сомъ—порой, иногда.
Частува́ти—подчивать питьемъ.
Чве́ртка—мѣра водки, 1/4 кварты или штофа.
Чверть—четверть.
Че́рга—очередь.
Че́рево—брюхо.
Черепо́чокъ—осколокъ горшка.
Че́ресъ—кожаный поясъ, въ которомъ прятались деньги.
Чепурни́й—опрятный;хорошо одѣвающійся, изящный.
Черни́ця—монахиня.
Чи-бакъ—или то бишь.
Чимъ-дужъ—что есть мочи.
Чиря́къ—чирей.
Читъ — четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).
Чіпа́ти—трогать.
Чкурну́ти—удрать, уйти, побѣжать.
Чма́ра—въ родѣ шишимора.
Чо́бітъ—сапогъ.
Чо́венъ—челнъ.
Чого́?—что? зачѣмъ? почему.
Чоло́мкнути—отдать почтеніе.
Чомъ?—почему?
Чорня́вий—брюнетъ, смуглый.
Чортеня́—чертенокъ.
Чортя́ка—увелич. чортъ.
Чоти́рі—четыре.
Чуде́нний—удивительный.
Чу́лий—чувствительный, нѣжный.
Чупринди́рь—хохлачъ.
Чутно́—слышно.
Чу́хати—чесать (тѣло, но не волосы).
Чухра́ти—рвать; бѣжать; колотить, бить.

Шаблю́ка—увелич. сабли.
Шагъ—грошъ.
Шажо́къ—грошикъ.
Шапо́ба—почтеніе.
Шапо́вний—достопочтенный.
Шанува́тися—вести себя хорошо; беречься всего худого.
Шатро́—шатеръ, палатка.
Швиде́нько—скоренько.
Швидки́й—проворный.
Швидчій—скорѣй.
Швенда́ти—бродить, слоняться.
Шеле́сть—выражаетъ моментъ шумящаго звука; шасть.
Шевський—сапожничій; кожевничій.
Шепета́ти—громко шептать.
Шепши́на—шиповникъ(Rosa canina).
Ши́бка—оконное стекло.
Шинкаре́нко—сынъ цѣловальника.
Шиши́рхнути—произвесть шорохъ.
Ши́я—шея.
Шість—шесть.
Шкандиба́ти—хромать.
Шкапа—шкафъ.
Шка́пка—кляча.
Шкова́рити—жарить что нибудь такое, что производитъ на огнѣ шумъ.
Шкварча́ти — издавать шумъ и трескъ на огнѣ.
Шкля́нка—см. склянка.
Шко́да—сущ. вредъ, убытокъ; нарѣч. напрасно; даромъ; жаль.
Школя́рка—шлольница.
Школя́рство—школьничество; (собир.) школьники.

Шку́ра—кожа.
Шлёнка — овцы особой породы; шерсть этой породы.
Шматъ —большой кусокъ.
Шморгну́ти—дернуть; ударить.
Шпаргàлля—собират. всякія неписанныя бумаги
Шпáрко—быстро, проворно.
Шпи́чка—спица, острее.
Шпурля́ти—бросать на далекомъ разстояніи.
Штибъ—(въ архитект.) орденъ.
Штовха́ти—толкать.
Шубо́встнути—упасть съ шумомъ въ воду.
Шубо́всь!—выражается сильное паденіе въ воду.
Шумува́ти—пѣниться.
Шу́пити—понимать кое-что.

Ще—еще.
Щілина—щель.
Щіти́на—щетина, свиная шерсть.
Що—что.
Що-го́ду—ежегодно.
Щобъ—чтобы.
Щубо́всь см. **шубо́всь**—

Юшіти—(глаголъ средній) выступать, въ большомъ количествѣ, появляться (о крови, жидкостяхъ).

Яки́йсь—какой-то.
Яко́сь—какъ-то.
Якъ—какъ.
Ялóзитися—пачкаться.
Ярепу́довий — бранное шуточное слово.
Яръ—большой лѣсной оврагъ, долина.

Не лишнимъ считаемъ указать, для незнакомыхъ близко съ южно-русскимъ языкомъ, на отличіе въ произношеніи нѣкоторыхъ южнорусскихъ звуковъ:

и произносится нѣсколько мягче, нежели *ы*.

і я и *ю* произносятся мягче, нежели у великоруссовъ.

э произносится какъ *ѣ*.

е произносится какъ *э*; въ началѣ словъ, и послѣ гласныхъ, произносится какъ *ѣ*.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета, отпечатанное въ типографіи К. Вульфа, подъ заглавіемъ:

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ,

по 10-й народной переписи,

статистическое изслѣдованіе А. Тройницкаго,

въ большую осьмушку VIII и 92 стран., съ таблицами и хромолитографированною статистическою картою.

Цѣна: въ С.-Петербургѣ—**1 р. с.**; съ пересылкою въ другіе города **—1 р. 25 к. с.**

Продается, въ С.-Петербургѣ, у коммиссіонера Министерства Внутреннихъ дѣлъ, книгопродавца С. П. Лоскутова, и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Г-да иногородные, желающіе пріобрѣсть это изданіе благоволятъ адресовать требованія свои въ книжные магазины С. П. Лоскутова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышелъ 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Вызинскаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «Опытовъ» (Essays) и «Исторіи Англіи» будетъ идти параллельно и до апрѣля 1861 г. выйдетъ *три тома*.

Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . 4 р. 40 к.

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . . . 5 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К°.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К°, на Васильевскомъ Ост, въ 8 линіи, № 25.

16159